

**ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА**

Тропой лекаря

2017

Каково это — быть магом жизни. Казалось бы, замечательно! Лечить людей, помогать им, тебя в ответ все уважают, радуются, ценят, любят... Не все так радостно. Лечить других ты можешь, а себя защитить — нет, так что лучше прятаться, чтобы не провести всю жизнь в клетке, в качестве личного лекаря знатной особы. Но разве ты сможешь не лечить людей? Вета столько раз давала себе зарок — не высовываться. Но маг жизни — это призвание.

Гончарова Галина Дмитриевна
Тропой лекаря

— Вета, куда ты пойдешь!

— Вета, ну что ты будешь делать? Ты же ничего не умеешь!

— Вета, у тебя же свадьба уже вот-вот!

— Вета, у тебя и дара-то почти нет. Ну куда ты полезешь?

— АAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAA!!!

Просыпаюсь с криком и понимаю, что это сон, это только сон, а меня разбудил стук в дверь. Слава Светлomu!

Стук в дверь прекращается — и неизвестный начинает выламывать мне окно. Лупит так, что аж стекло трясется, пыль из шторок вылетает... постирать бы! Эх, некогда!

— госпожа Ветана! Госпожа Ветана, помогите!!!

Как была, в одной ночной рубашке соскакиваю с кровати и распахиваю окно.

— Сломаешь — век чинить будешь! Сейчас открою!

Бородатая морда исчезает в темноте, чтобы через две секунды рухнуть на мой порог.

— госпожа Ветана, радость-то какая! Дома вы!

Дома я, дома.

Бородатое нечто смотрит коровьими глазами, а поскольку темно, на улице где-то полночь, часа три ночи (точно знаю, легла в двенадцать, мазь уваривала до последних колоколов), то именитого купца по кличке Жмых и Жмот (да-да, встречаются равно и та, и другая) я опознаю не сразу. И то сказать — его сейчас и мать бы родная не узнала. Посомневалась бы так точно. А я тем более, я-то с ним не общаюсь, так видела пару раз по большим праздникам...

Мужчина весь встрепан, словно его об стену били, рубаха несвежая и распахнута так, что видно волосатенькое брюшко, куртка криво запахнута и кое-как застегнута на одну пуговицу, сапоги вообще неясно откуда...

— Госпожа Ветана, помирает!

Я привычно скрываюсь за ширмой и принимаюсь натягивать платье прямо на сорочку.

— Кто помирает?

— Так жена моя! Милочка моя, родить никак не может, почитай уж третьи сутки пошли...

Твою мать!!!

Выскакиваю из-за ширмы, не застегнув платье. Впрочем, купец в таком состоянии, что ему сейчас хоть обнаженную натуру покажи — не заметит. Хватаю плащ, хватаю "тревожную сумку", в которой у меня все инструменты и самые необходимые лекарства, всовываю ноги в сапожки, не тратя времени на носки — и срываюсь с места.

За оградой моего домика ждет неоседланная лошадь. Где же живет этот герой?

— Фаянсовая улица, госпожа Ветана!

Тьфу, пропасть! Фаянсовая улица — это чуть ли не через полгорода отсюда.

— Садитесь на лошадь, — команду я.

Мужчина послушно влезает на скотинку. Сейчас его начинает чуть покачивать, видимо,

отходяняк наступает. После всплеска сил — упадок, это всегда так, но мне плевать, лишь бы не свалился по дороге! Сейчас меня другая больная ждет.

Купец протягивает мне руку, я цепляюсь за нее и повыше подобрыв подол (простите меня, правила приличия) оказываюсь на конской спине. Одной рукой обхватываю за пояс купца, второй цепляю сумку. Ну, понеслась нелегкая!

Лошадь мчится по темным переулкам. Чтобы отвлечься от неприятных ощущений в попе (кто ездил охлюпкой, меня поймет) принимаюсь расспрашивать купца.

— роды в срок начались?

— Да, госпожа!

— ребенок один?

— Лекари говорят, что один.

— Почему сейчас за мной поехали?

Я себя, конечно, уважаю и ценю, но в Алетаре обо мне мало кто знает. Ну, девчонка, ну, лекарка... да много таких! А Жмых купчина не из бедных, мог бы и на придворного мага разориться?

Не мог бы.

Придворный маг в принципе к незнатным не ходит. А если ходит, то такие щены ломит за свои хождения, что лучше б убивал сразу. Но....

Жену Жмых, видимо, любил. Потому что мага пригласили.

И слышали вердикт.

Либо жена, либо ребенок. И времени на решение — сутки, потом ни одного будет не спасти. Жмых заметался, понимая, что есть вещи, от которых не откупишься. Никакого золота не хватит, чтобы выкупить у Темного любимого человека, никакие бриллианты не отведут косу смерти.

Тут-то ему про меня и сказали. Мол, живет такая, там-то и тут-то, помогает, кому может. Попробовать-то всяко не отвалится?

Когда тонешь, так и за гадюку схватишься, госпожа лекарка.

Я представила себя в роли гадюки, за хвост которой ухватился тонущий в болоте Жмых и поняла, что дело идет к разрыву. Но долго предаваться кошмарным видениям мне не дали.

Хорошая все-таки лошадь, быстро доскакали, и слуги помогли мне спешиться.

Я потеряла зад, крепче ухватила сумку, отмахнувшись от слуги, который предлагал понести ее в руках и вопросительно посмотрела вокруг.

Ну, куда идти?

Идти было недалеко. На второй этаж, где уже не кричала от боли, а только тихо постанывала при очередных спазмах хозяйка дома.

Молодая, наверное, симпатичная, со светлыми волосами... больше сейчас ничего было не разглядеть. Лицо осунулось и посерело, щеки ввалились, глаза запали и покрылись красноватой сеточкой. Невидящий взгляд был устремлен в потолок.

Ту грань, которая отделяет человека от животного она уже перешла. Сейчас это было уже просто тело.

Страдающее, мучающееся. И ребенку тоже было плохо.

Но он еще был жив, это я точно знала.

Беру ее за тонкую кисть, вслушиваюсь в пульс, считаю токи крови...

Да, придворный маг был прав. Очень скоро выбор станет безвозвратным. Либо мать — либо дитя. Но что же он ничего не сделал?!

— Деточка, помоги!

— Тётя Сельма?

— Да, деточка! Помоги, а? Я-то знаю, ты можешь...

Я оглядываюсь. До этой минуты я никого не замечала, кроме роженицы, а оказывается, в комнате еще полно народа.

Две пожилых женщины, по виду — повитухи, с сокрушенным видом стоящие у кровати, мужчина ученого вида, явно лекарь, тетя Сельма, две служанки из тех, что постарше и поопытнее...

Нет, весь этот балаган мне не нужен.

— Помогите, госпожа!

Жмых тоже добрался до комнаты и теперь стоит, смотрит на меня умоляющими глазами.

Лекарь надменно кривит губы.

— Еще одна знахарка?! Да что они могут, эти неумехи?! Вы что, не понимаете, что надо...

Что ему надо — я не дослушиваю. Выпрямляюсь во весь невысокий рост. Даже голос начинает звучать как у бабушки Тойри.

— Всем замолчать. Ты, — палец утыкается в служанку. — Живо сюда таз с горячей водой, мне руки помыть надо. Вы двое — вон. — Повитухи покорно выходят за двери. Отлично понимают, что дело плохо пахнет, а случись что, кто крайним-то окажется? Лекарь с грамотой? Ой, вряд ли. Они и будут...

Разное бывало.

И били повитух, и из города выгоняли, и много чего еще...

Служанка уже умчалась. Я смотрю на лекаря.

— Что вы предлагаете? Звать мага? Когда?

— Утром он обещал прийти. А пока можно оставить женщину в покое...

— А ничего, что она мучается? — нежно уточняю я.

— До утра она доживет. Я ей дал...

Оттягиваю веко, смотрю белок глаза.

— Экстракт болотника?! Это же вредно для ребенка!

— Ребенка уже не спасти, — фыркает это.... светило.

Мое терпение лопается.

— Вон отсюда.

— Что!? Да ты, женщина...

Я разворачиваюсь к купцу.

— Все вон. Сельма, останься, поможешь!

— Да какое право.... - начинает было лекарь, но я перебиваю его.

— Право человека, который сейчас будет пытаться хоть что-то сделать, а не стоять в углу с умным видом. Не получится — так хоть убивайте! Но сейчас не мешайте мне работать!

Жмых усилием воли собирает и выводит лекаря из комнаты. Я вздыхаю, быстро и уверенно отмываю руки от грязи в принесенном тазике, гляжу на Сельму.

— Тетя, поможете?

— Да, Веточка. Делать-то что?

Достаю из сумки лекарства, раскладываю рядом. Красные, желтые, синие пакетики —

не роскошь, необходимость. Мало ли кто тебе будет лекарства подавать, так не попутают.

Острый нож в чистой тряпице, склянка с крепким вином, последним я тут же протираю руки, специальная мазь...

— Дверь закрыть. Никого сюда не пускать. Подашь, что попрошу.

Засов с лязгом опускается в гнездо. Сельма подходит, смотрит на меня. С надеждой смотрит.

— Спаси ее, дочка. Она мне что родная...

Я молча киваю. Сельма знает, я и так сделаю, что смогу. И принимаюсь привычными движениями разминать пальцы.

Ощути себя.

Ощути свою силу, слейся с миром, зачерпни полной горстью. Сила вокруг тебя, надо просто уметь ее передать тому, кто нуждается. Наш мир велик, он не оставит своих детей без помощи, просто мы разучились ее просить.

Раскрой свою душу миру. Ты это можешь.

Вдох, еще вдох.

Теперь я спокойна. Под полуприкрытыми веками вырисовывается комната. Вещи я почти не вижу. Вижу пятно рядом с кроватью — Сельма. Оно окрашено в тревожные красные тона, оранжевые, желтые, грязно-зеленые. Надо сказать потом тетушке, печень у нее пошаливать начнет. Пусть настойки пропьет.

Но это потом, потом.

Мое внимание притягивает пятно на кровати.

Сейчас эта женщина — смесь багрово-красного и черного. Оранжевые всполохи боли, черные пятна там, где скопились сгустки крови, и среди них — одно голубое пятнышко.

Ребенок пока еще жив, но его пятнышко все больше затеняется розовым.

Ему тоже плохо.

Настойка болотника, которую дал этот идиот, не приглушила боль. Она просто увела сознание женщины в иной мир, лишила возможности бороться, сделала слабой...

Касаюсь руками пятна, провожу пальцами.

— Желтую баночку.

В руку мне толкается привычный холод фарфора. Я открываю крышку, зачерпываю мазь, щедро размазываю ее по рукам.

Я знаю, в чем дело.

Ребенку еще рано выходить в мир, но что-то заставило женщину начать роды раньше времени.

Что?

Это мне потом тетя Сельма скажет. Важно то, что тело женщины уже избавилось от воды, а вот ребенка выпустить пока не может. Странно, что никто этого не понимает...

А сонная настойка вообще лишила его желания двигаться и действовать.

Наношу уверенными движениями мазь, с каждым разом пробираясь все дальше и дальше. Если этого не сделать, ребенок просто разорвет мать.

Женщина под моими руками стонет, но в себя не приходит. Ну и ладно, переживем.

— Вдень нитку в иголку, возможно, придется шить, — командую я. — Нитки в желтом пакетике, осторожнее.

Я не смотрю, выполняет ли Сельма мои приказания. Вместо этого я сосредотачиваюсь на женщине.

И — на крохотном голубом пятнышке.

Ну-ка иди ко мне, малыш.

Я знаю, там тебе хорошо, а сюда тебе вовсе даже не хочется. Ты не собираешься выползать в наш мир, где так холодно, страшно и непривычно. Но я зову — и ты подчинишься.

А еще.... вот так.

Золотистые искорки силы бегут по моим пальцам, скапливаются на голубом пятнышке, скользят внутрь женщины, и я ощущаю, как шевелится ребенок. Как медленно-медленно, нехотя, он начинает свой путь ко мне. К моим рукам.

Наружу.

Женщина под моими руками вскрикивает. Даже сквозь дурман — ей больно. Конечно, милая, а ты как хотела? Это не просто так, это привести новую жизнь в мир. Эхх, если б меня позвали раньше...

Тогда бы и так мучиться не пришлось. Но здесь и сейчас я знаю, что иного выхода нет.

Можно уйти и бросить роженицу. Пожать плечами и сказать, что я ничего не смогла сделать. Можно.

Но я обещала бабушке...

Пятно за моей спиной вспыхивает оранжевым. Сельма волнуется.

Я не отвлекаюсь, я продолжаю звать и чуть надавливать на живот роженицы. Ровно с той силой, с которой нужно, чтобы ребенок двинулся на выход, а я ничего не повредила. Знаю я, как в таких случаях и ребра ломают...

Роженица стонет, не приходя в себя.

Ребенок принимается пробиваться наружу — и тут женщину настигает самая страшная боль.

Она вся вспыхивает красно-черным. Выгибается на кровати, тонко, жалобно кричит...

Сейчас я не обращаю внимание на ее мучения. Мазь смягчила что могла, охладила, немного обезболила, это все, что можно сейчас сделать.

И — звать.

Еще немного, еще чуть-чуть...

Резко надавливаю на опустевший уже живот.

Крик разрывает уши, мешая сосредоточиться.

Искры срываются с моих пальцев одной яркой вспышкой — и этого не хватает роженице для последнего усилия.

— УААААААААА!!!

На руки мне выпадает комочек, выпачканный кровью, слизью, моей мазью...

Как можно скорее передаю его Сельме, выхватываю у нее из рук нитку с иглой.

Все-таки без порывов не обошлось. Кровь льет по пальцам, горячая, красная... по счастью, искры все еще со мной, так что я просто вижу, где надо шить.

Ни одна вышивальщица не работает так быстро и точно, как лекарка, стремящаяся спасти больного. Сосуд пережимается, стежки быстрые и точные... да, а ведь никогда мне эта наука не давалась....

Минута, другая... я понимаю, что скоро меня выкинет из этого состояния, как котенка за шкурку, и спешу, что есть рук.

И — успеваю.

Затягиваю последние узлы, перевязываю пуповину, вглядываюсь в мать и ребенка.

Ребенок здоров, хотя настойка сказала на нем не лучшим образом. На пару дней ему бы кормилицу.

Мать... с той хуже. Упадок сил, разрывы, кровотечения... но лекарь должен справиться. Кормить получше, не трогать несколько дней, да, и ребенка не давать. Пока эта настойка из нее не выйдет...

Почти без сил падаю на кровать.

— Вета, Веточка...

Тетя Сельма.

— Все в порядке. Можно водички?

— Д-да... пускать их?

— Кого?

Только сейчас замечаю, что дверь содрогается под натиском чьих-то могучих плеч.

— Э...

Ответить тетя не успевает. Засов выдерживает, а вот щеколда — нет. Вылетает, прозвонев по полу.

В комнату вваливается несколько человек — и замирают. Я даже знаю, что они сейчас увидели.

Тетя с ребенком на руках. Жена Жмыха на кровати — краше в гроб кладут. И я — тоже на кровати. Сил никаких не осталось. Кто бы знал, сколько у меня это забирает?!

— Милочка!!! — Жмых рвется к жене, хватает тонкую руку, сжимает, что есть сил. — Да как же... да на кого ж...

Что есть оставшихся сил, бью его кулаком по плечу. Лишь бы внимание обратил.

Оборачивается ко мне. Лицо серое, глаза безумные.

— Разбудите — убью. Ей теперь пару дней отсыпаться, а потом кормить получше. Ребенка пока не давать, найдите кормилицу.

Кажется, из моего монолога он понимает только одно слова.

— отсыпаться?! Живая!?

Глаза не закатываю, голова трещит так, что это усилие будет стоить мне сознания.

— Живая. И ребенок жив. Мальчик, да Сельма?

— Да, Веточка. Мальчик. Здоровенький...

В следующий миг меня сгребают в медвежьи объятия. Жмых возрадовался.

— Господа лекарка! Да я...

Что — он, я так и не успеваю понять. Сознание все-таки гаснет, когда тело лишают последних крох воздуха.

Когда я прихожу в себя, на небе занимается рассвет.

Мое окно?

Нет, не мое. Обвожу все вокруг взглядом из-под ресниц. Незнакомая комната, но уютная и красивая. Рядом со мной сидит тетя Сельма, дремлет.

Воспоминания налетают ураганом.

Роды, сила, ребенок, сломанная дверь...

— Живы? — выдыхаю я.

Тетушка Сельма дергается, едва не падая на пол, потом трясет головой и пытается кинуться ко мне. Я едва успеваю вытянуть руку.

— Не надо! Устала!

Руку хватают в клещи и принимаются покрывать поцелуями.

— Доченька! Веточка! Спасибо тебе!!! Живы, и Милочка моя, и сынок ее... ЖИВЫ!!!

Вот ради таких минут и живешь. Когда понимаешь, что все правильно и не зря. Я расслабляюсь.

— Слава Светлому!

— Ты прямо там сознания лишилась, лекарь тебя осмотрел, сказал, что устала ты сильно, тебе бы отоспаться...

— Дома отосплюсь.

Откидываю одеяло и обнаруживаю, что лежу, как была. В платье, только что без сапог.

— Тетя Сельма, помогите?

— Да куда ж ты! Спозаранку-то?!! Хоть до завтрака останься!

При слове "завтрак" желудок издает такое урчание, что я вспоминаю об извержении вулкана. А дома-томышь повесилась, хлеба — и того нет.

Тетя Сельма понимающе улыбается.

— Сейчас, девочка, сейчас. На кухне уже воду греют, я сейчас у них спрошу чего...

Тетя уходит, а я несколько минут лежу в мягкой кровати с роскошным кружевным бельем. Да, было и у меня не хуже.

И белое кружево, и большая комната, и роскошные платья...

Все.

Не думать, не вспоминать, выкинуть все из головы раз и навсегда! И... пару минут полежать в этой кровати.

Вместо тети Сельмы в комнату заходит тот лекарь.

— Доброе утро, госпожа Ветана. Как вы себя чувствуете?

— Все в порядке, — честно отвечаю я.

— Мы испугались вашему обмороку.

Он присаживается на кровать, берет меня за руку, считая пульс. Ну, смотри-смотри, все равно ты ничего не обнаружишь!

— Я в порядке. Я просто встала рано, потом весь день крутилась, вечером мазь варила, заснула за полночь, а потом такое... ну и получился обморок, — заверяю я с самым невинным видом.

Лекарь кивает.

— Что вы сделали с роженицей?

— Ребенок неправильно лежал, я его просто повернула. Видите?

Протягиваю вперед руку. Кость у меня тонкая, да и вообще я мелкая и щуплая. Рядом с ладонью лекаря мои пальцы кажутся еще меньше и тоньше. Лекарь смотрит недоверчиво.

— Но повитухи...

— Я уже видела такой случай. Бывает...

— Ну-у...

— А вы еще опоили ее настойкой, ребенок и двигаться перестал.

Лекарь злобно засопел.

— что-то вы все равно сделали...

— помогла человеку, — согласилась я.

Ответом мне был недобрый взгляд. Ну и пусть его, перебедаем. Все равно тетушка Сельма будет молчать, а больше никто ничего не докажет.

Вот и она, легка на помине. С бо-ольшим подносом, на котором находился кувшин с молоком, свежий хлеб, жареная гусиная нога...

И куда только мои манеры делись? Я вцепилась зубами в еду, начисто забыв про вилки-ложки, еще и пальцы, кажется, облизывала.

— Госпожа Ветана!

Жмых влетел в комнату ураганом, но на колени перед кроватью падать не стал, и то дело.

— госпожа Ветана, если б не вы...

— Да это любой бы лекарь сделал, коли б захотел, — не моргнув глазом подставила я сопящего лекаря. Судя по недоброму взгляду Жмыха, ничего приятного, вроде оплаты, тому не светило.

— Маг заходил, сказал, что жить будут, и мать, и ребенок.

— Вот и ладненько. Доставите меня до дома?

— А то как же, госпожа Ветана. И карету сейчас прикажу заложить, и покушать вам с собой прикажу собрать, и... я для вас что угодно! Вы ко мне в лавку заходите, а?

Я вежливо покивала. Вот уж чем я пользоваться не собиралась, так это человеческой благодарностью. Очень ненадежная валюта.

Но до дома меня доставили честь по чести. А в кошелечке, который я обнаружила в здоровущей сумке с едой оказалось аж пять золотых.

Живем! Этого мне на полгода арендной платы за домик хватит! Хотя деньги пришлось прятать в лиф платья, потому как...

— госпожа Ветана! Госпожа Ветана, вы дома?

— Дома я, дома...

— Госпожа Ветана, у нас Маська ногу сломала!

— Маська — это кто? — строго поинтересовалась я, отлавливая сорванца за шкурку. С ними так, не уточнишь, так и жабу на лечение принесут, а то и кого похуже.

— так сестренка моя. В погреб полезла, а там мышь, вот она напугалась и оскользнулась. Лежит теперь, причитает...

Я вздохнула и закинула на плечо неизменную сумку.

— Пойдем. Показывай, где там твоя сестра.

Да, доля лекаря именно такова. Покоя тебе не будет ни днем, ни ночью, ни утром, ни вечером. Его вообще не будет.

Работа это часто тяжелая, неблагодарная, больные народ тяжелый, но есть моменты, которые все окупают. Хотя это и не тот случай.

Ты этой Маське, в миру Массилии (и чем родители думали, обзывая так чадушко?) ногу вытягиваешь, вправляешь кость на место, строго-настрого предупреждаешь, чтобы лежала месяц, а в ответ слышишь: "Я не могу, у меня жениха уведут!".

Ага, а кривоногой остаться ты на всю жизнь можешь? И вообще, что это за жених такой, которого увести можно?

Если он баран, так и пес с ним, ты-то не овца!

Еще и родители кивают, как же, а кто за малыми приглядит, по хозяйству управится, обед сготовит? Но напугать я их напугала качественно, в красках описала будущее кривоногой дурынды, может, чего и дойдет. И все равно домой я возвращалась не в лучшем настроении, а в голову лезли мысли, которым я настрого запретила приходить.

А мыслям было все равно.

Как-то там родители? Как брат? Сестра? Замуж-то вышла, поди?

Эх, тяжело жить на свете. Ладно, сейчас займусь делом, да сонную настойку приготовлю. Хоть и ругалась я на того лекаря, а все ж вещь полезная. И мазь на гусином жире у меня считай, закончилась, всю вчера извела. Надо работать, надо.

Ох ты, легко на помине.

— Госпожа Ветана?

Лекарь стоял у калитки и внимательно смотрел на меня. Захотелось даже плечами передернуть, хотя ничего противного в нем вроде бы не было. Высокий, светловолосый, глаза голубые, ясные, улыбка тоже вполне приличная, но губы слишком толстые и красные, мне такие не нравятся. И одет хорошо, неброско, но вот бывают же такие люди! И слова тебе еще сказать не успели, а ты уже твердо знаешь, что вы не подружитесь!

— Чего угодно, господин хороший?

— госпожа Ветана, а давно вы в городе?

Разговор мгновенно перестал мне нравиться.

— К чему вам?

— Вы же не из Алетара, верно? Возможно, Риолон? Или Теварр?

Я перевела дух. Ну да, внешность у меня нетипичная, особенно для этих мест. Я невысокая, черноволосая, с серыми глазами и смуглой кожей. Более того, в моих родных местах я тоже выгляжу странно, у нас там, в основном, блондины с голубыми глазами.

— Простите, а почему вас это интересует?

— Вы сделали то, что я не смог. Разумеется...

— Вам хотелось бы научиться? Но у вас так все равно не получится, у вас руки крупнее...

Лекарь вздохнул.

— Наверняка...

— Извините. Я устала и хочу отдохнуть.

— На чашечку чая не пригласите, госпожа Ветана?

— я незнакомцев не приглашаю, — отрезала я.

— Так я представляюсь. Дэйв Крамар...

— Извините, господин Крамар. Всего хорошего.

Я невежливо шагнула в дом и захлопнула дверь перед его носом. Привалилась спиной к двери.

Идиотка.

Ведь сколько раз зарекалась, сколько раз! И все равно не удержалась.

Дура. Безмозглая дура.

А так все хорошо начиналось...

Мысли сами собой скользнули в тот день, пятнадцать лет тому назад.

— Ветка! Веточка, слезай!

Вот еще. Я слезать и не собиралась. На дереве хорошо, удобно, а внизу меня опять заставят умыться и идти учить скучный этикет.

— Ветка! Немедленно вниз!

Няня смотрела грозно. Я замотала головой.

— Сейчас попрошу Тима, чтобы он тебя снял!

Я скорчила рожицу. Вот еще! Не слезу — не слезу — не слезу! Ни за что!

— Ти-им! Тим!

Тим показался из-за угла. Внук моей няни, он был взят помогать конюху, ну и иногда мы играли вместе. Когда никто не видел.

— Тим, сними эту негодницу с дерева!

Взгляд голубых глаз Тима остановился на мне.

— Вета, слезай!

Вот еще! Я только замотала головой.

— Вета, пожалуйста!

Бесполезно.

Тим вздохнул — и полез вверх по дереву. Не учел он того, что я в полтора раза мельче, и вешу меньше, и по деревьям лазаю, как белка. А у него под ногой ветка треснула...

Метнулась испуганная птица, хрупнула ветка — и мальчишка полетел вниз. И замер неподвижно.

Няня взвыла, падая рядом с ним на колени.

Как я слезла вниз, я и по сей день не помню. Помню только, как стояла на коленях перед неподвижным телом и отчетливо видела, что это удар, вот у него, над затылком наливается чернота, но я же могу! Я могу ее прогнать, просто надо погладить и попросить...

И я гладила, и просила, а няня стояла рядом на коленях, смотрела, как с моих пальцев льется золотистый свет, как становится все более спокойным лицо ее внука — и понимала, что все только начинается.

С Тимом-то все было в порядке, а вот со мной — нет.

Существует несколько стихий, которыми владеют люди. Воздух, земля, вода, огонь, жизнь, смерть, разум. Первые четыре встречаются чаще всего, но и проявляются слабо. Подумаешь там, кто-то свечки зажигает, кто-то град вызвать может... сильно это ни на что не влияет. Стихии — они капризные.

А вот жизнь, смерть и разум...

Разум встречается реже всего. И слава Светлому. Верьте, это страшные люди, которые способны действовать на чужое сознание. Впрочем — если доживают. Нет, специально никто их не убивает, но я читала, что это — как постоянно жить посреди рыночной площади, где все орут, шумят, бегают, ругаются — и все это тебе в уши...

Рано или поздно эти люди просто сходят с ума. Так всегда бывает. Да и мало их. Один — два на десять тысяч человек.

Смерть.

Некроманты встречаются еще реже. Повелителей мертвых с сильным даром единицы. Кстати, правитель Раденора, говорят, сильный некромант, это их семейный дар, но... слухи. И только слухи.

Король таких намеков не одобряет, нечего его родословную языком трепать, так-то.

С некромантами связываться боятся. Ты его обидишь, а он тебя так проклянет...

А я — я отношусь к последней категории. Маги жизни.

Самая незащищенная разновидность мага. Лечить других я могу, а вот защитить себя — нет. Даже если человек, который лежит передо мной, будет желать моей смерти...

Даже если после исцеления к моей шее приставят нож.

Даже если...

Случаи были разные, очень разные, но все сводились к одному. Разрушать, убивать, причинять вред такие как я не умеют. Вообще. Нашей силе это не свойственно.

А теперь представьте, что может сделать человек, если рядом находится источник здоровья? Бесконечный источник. И можно им пользоваться в любой момент, и... защититься-то я не могу!

Никак.

Няня понимала это лучше меня. И понимала, как нам повезло, что никто не увидел моей инициации. Перепугалась я за Тима, вот сила и выплеснулась, самопроизвольно.

Это было первое везение.

Второе же...

Вторым везением была моя бабушка со стороны матери. Бабушка Тойри была умна и мгновенно поняла, что надо хранить тайну от всех, включая мать и отца. Вообще от всех. Только с ней няня и поделилась, и бабушка тут же взяла меня в оборот. Отчетливо понимая, что дар ничего не стоит без огранки, как и золотой самородок — поди еще, распознай его, она позаботилась о моем обучении у местной травницы. Объявила, что мне быть женой знатного человека, а потому я должна уметь лечить себя, своего мужа, детей...

Родители подумали, и признали это верным. В итоге и я, и сестра обучались у травницы. Я изучала мази, настойки, ходила с ней к крестьянам, училась всему, вплоть до того, что принимала роды...

Сестре, кстати, это не давалось. Слишком грязно, кроваво, и воняет. Вот!

А мне не давалось вышивание шелком и золотом. Зато раны я зашивала лучше своей учительницы, и заживали они намного быстрее. Я-то силу вкладывала...

Я тогда еще не умела ничего толком, училась просто, а крестьяне подметили. Меня начали называть маленькой волшебницей, маленькой госпожой, лечебной девочкой... и как же мне это нравилось!

И опять мне демонски повезло.

Бабушка Тойри наблюдала за этим, не вмешиваясь. Она-то знала, что будет дальше, еще

как знала. И готовилась.

А потому...

Однажды в ворота замка влетела карета, запряженная шестеркой, и из нее вылезла женщина, при виде которой даже вороны замерли на дереве, не смея каркнуть. Монахиня, да не из простых, а из высокопоставленных. Об этом говорила и дорогая ткань рясы, и надменное выражение лица, и драгоценности на сарделькообразных пальцах, и даже тон, которым она потребовала проводить ее пред родительские очи и показать меня.

Хорошо, что я была в замке. Я перепугалась так, что опрометью бросилась к бабушке. Тогда-то и состоялся разговор, который определил мою судьбу на годы вперед.

Осторожность, осторожность и еще раз осторожность.

Это мне тогда бабушка и сказала. Мол, думай.

Такие, как ты, нужны всем. Твои услуги бесценны, но вот кто будет на них зарабатывать?

Храм?

Они смогут получить с тебя все возможное, поверь мне. Смогут заставить тебя, лаской ли, таской ли, и ты станешь работать на них, как покорная служанка. Лечить, кого они прикажут, подпитывать жизненной силой...

И ни семьи, ни детей у тебя не будет. Кто ж захочет терять дойную коровку? В крайнем случае, подсунут тебе кого-то из своих, а ты будешь жить во лжи. И детей рожать во лжи, и судьба у них будет такая же, как у племенных кроликов. Проявится талант — использовать будем.

Нет?

Поищем подходящих жен-мужей и попробуем получить талант. Так-то.

Родители?

Эти будут рады. Но используют твой дар ради усиления своего влияния при дворе. И продадут тебя тому, кто даст наибольшую цену. Любить-то они тебя любят, но земли, титулы, деньги тоже любят. И здоровье они не утратят, просто договорятся тобой пользоваться.

Муж?

Да то же, что и родители. Хочешь быть племенной кобылкой, которую выпускают изредка на скачки? Прогуливают — и опять в конюшню?

Хочешь?

Я не хотела. А потому безропотно согласилась на все. И проглотить небольшую бляшку, которую дала мне бабушка, и врать, и умалчивать, и...

На что бы я тогда не пошла, чтобы выжить!

Храмовница осматривала меня и так, и этак, но никаких признаков силы не нашла. Я терпела, стиснув зубы, хлопала глазами и уверяла, что все врут. Просто крестьянам лестно.

Раны быстрее заживают?

Да все может быть! А я тут при чем?

Мне поверили.

Храмовница уехала, а я уже потом узнала, что бляшка эта была сильным амулетом, который скрывает ауру. Прячет силу, не показывает ее...

Применять-то ее можно, но отблеска силы в моих глазах никто не увидит, вот что главное. Бабушка объяснила мне, что такие делали раньше для некромантов, что она чудом раздобыла один амулет, и что потерять его будет излишней роскошью.

Я и не потеряла.

Амулет вышел сам, за несколько дней, и с тех пор я с ним не расставалась. Жить хотелось. И — не в клетке.

Худо ли, бедно, я дожила до семнадцати лет, и дожила незамеченной. Силу я применяла, но по мелочам, так, подлечить кого-то из родных, дать отвар, сделать массаж, размять плечи и заодно убить старую боль, помассировать виски и уничтожить зарождающуюся болезнь...

Никто этого не замечал, тем более, что на легкие болячки, вроде простуды, я не охотилась, родные болели, как и раньше... бабушка отличалась завидным здоровьем, но это обычное явление.

Это — бывает.

Я научилась разбираться в травах и собирать их, сама составляла мази и зелья, прекрасно зашивала раны, принимала роды и складывала сломанные кости. Мне было несложно и интересно.

Бабушка подарила мне на совершеннолетие набор лекаря — инструменты, с которыми я не расстаюсь и, даст Светлый, не расстанусь. Хорошие, из закаленной миелленской стали. Уж что они туда добавляют — не знаю, но ржавчины они не боятся.

Себя без лечения людей я не мыслила, но в остальном собиралась прожить жизнь, как и подобает.

Муж, дети, своя семья, а лечить я буду втихорца, как и раньше. Не говоря никому.

Не будет ведь муж мне это запрещать? Это и ему прямая выгода?

Я надеялась на это, но...

Беда пришла, откуда и не ждали. Беда — она всегда приходит неожиданно.

— госпожа Ветана! Госпожа Ветана!!!!

Вопль вырвал меня из размышлений, оторвал от размешивания мази. Хорошо хоть рука не дрогнула, пересыпала бы чистотела — и начинай сначала, очень уж травка капризная. Но и хорошая тоже.

Мазь с чистотелом у меня хорошо девчонки берут, как сладкого обкушаются, да как мордочку им обсыплет, так и бегут. Помоги, Веточка, миленькая...

А что я?

Мазь-то я дать могу, а вот запретить лопать что попало — нет. Вылечились, налопались — и начинай сначала! Вот и приходится ее варить в диких количествах.

В дом влетел мальчишка лет семи. По виду — типичное портовое отребье. Есть там такие мальки, их так и называют. Мальки, селявки, иногда одиночки, иногда стайки... Живут где-нибудь в порту, там же и работку находят, пристраиваются к какой-нибудь артели на побегушки, их за это кормят, а то и парой медяков оделяют. А как мальки подрастут, так в эту же артель и уходят. Рыбаки, там, грузчики, плотники — да мало ли в порту работы? Чай, с голоду не помрут.

Вот и этот, хоть и был взъерошенным, грязным и даже... зареванным? Да, определенно, это была не просто грязь, на щеках явственно виднелись две дорожки от слез, но глаза блестели, а судя по резвости движений, мальчишка не голодал. Одежка хоть и не слишком

чистая, но и не особо рваная, да и на ногах сапожки, хоть и с дырками, хоть и потертые, хоть и в обмотках, но все не босиком.

— Госпожа Ветана! Меня за вами дядька Тимир послал!

— Что случилось? — устало спросила я, протягивая руку за кувшином и заливая огонь в маленькой жаровне, которую использовала для изготовления мазей и настоев.

— Они эта... тюки грузили, а потом ящики поехали...

Из сбивчивой речи мальчишки, обильно пересыпанной крепкими моряцкими словечками, я поняла, что артель грузчиков, рядом с которой и терся малек, грузила тюки и ящики на корабль 'Розовый лебедь'. И один ящик оказался слишком тяжелым. Грузчики не рассчитали усилий, отпустили ящик, тот поехал по сходням и крепко приложил одного грузчика и одного плотника, не успевших вовремя увернуться. У одного нога, а второй совсем плох, ей-ей, очень плох...

Мальку и сказали бежать ко мне.

Почему?

Так дядька Тимир же! У которого я ребенка вылечила! Он и сказал, что лучше госпожи Ветаны не найти, и берет она недорого, а лечит хорошо.

Слушала я уже на бегу, крепко закрывая мазь крышкой, накидывая плащ и влезая в сапожки. Мальчишка стоял рядом, держа мою сумку.

Ужее собираясь выходить, я крепко цапнула его за ухо.

— А ну положи на место. Случись что с тобой — опять сюда прибежишь, в мои руки и попадешь. Последнее дело воровать у тех, кто тебе пригодится.

На место вернулись мои перчатки. Старые, тряпичные и вообще им цена — медяк, но тут дело в принципе. Вот еще не хватало — у себя воровать позволять.

Малек засопел.

— Бить будете?

— Нужен ты мне больно, — с чувством ответила я, запирая входную дверь. — Тимиру скажу, пусть сам с тобой разбирается.

Этого с лихвой хватило, чтобы всю дорогу до порта мальчишка угрюмо молчал, а когда оставалось уже пара минут, попросил.

— Вы... эта... не рассказывайте дядьке Тимиру. Пожалуйста. Он меня выгонит...

— И правильно сделает. Я вот промолчу, а ты еще у кого чего скрысятишь, — не поддалась я. — Мне перчаток не жалко, только ты потом и у нищего корку хлеба отнимешь.

— Я ничего ценного не беру. Честно. Просто чтобы руки не забыли, мало ли что...

— И почему я тебе не верю?

— Госпожа Ветана!

Тимир был все таким же огромным. Мигом выхватил у меня сумку, стиснул в объятиях и потащил за собой.

— Хорошо, что вы пришли.

- Неуж в порту своего лекаря нет?

Лекарь был, что верно, то верно. Но этот достойный человек вчера немного переусердствовал с одним из лекарств, которое называлось винная вытяжка и был с утра недееспособен. А лечить-то требовалось сейчас. Его уж и в воду башкой окунали, и трясли по-всякому — не помогает. Мычит только пакостно, что та корова, а лечить его точно допускать нельзя. Он сейчас и здорового угробит!

Так что я слушала жалобы Тимира, пока шла к месту катастрофы и мысленно ругалась. Ну да, пока за лекарем, пока убедились, что он никакущий, пока за мной... застану ли я кого в живых? Смогу ли вытащить?

М-да...

Все было плохо. Очень плохо, и я это видела.

Двое пострадавших лежали на грязном причале, а вокруг толпился народ, не зная, что делать. Оценить ситуацию было делом минуты.

Двое мужчин. Оба — от тридцати до сорока лет, оба здоровые... были. Сейчас у одного, считай, ноги не было, вместо нее были ошметки и лохмотья, из которых торчали осколки кости. Рана заканчивалась чуть выше колена. Надо ампутировать.

Второй лежал неподвижно, но чутье просто орало, что тут тоже легко не обойдется.

Начинать осмотр будем с того, который лежит неподвижно. Тот, кто без ноги, весь на виду, у него других повреждений нет. Надо резать, шить... не на грязном же причале это делать?

А вот тот, который лежит тихо-тихо... там что угодно может быть. От переломов до внутреннего кровотечения.

Надо сначала определить, что с ним, а то пока я буду у первого ампутацией заниматься, второй тихо-тихо, да и помрет.

Подхожу к нему, опускаюсь на колени прямо на сырые доски причала — не время жалеть платье. Касаюсь рук, ног, привычными движениями прощупываю мышцы — и незаметно для всех вслушиваюсь в отклик. Это как дергать за струны — порванная не отзовется.

А порванные тут есть, еще как есть.

И — плохо.

Ключица вдребезги. Но это мы и сложим, и прибинтуем.... справимся. А вот вторая травма...

Темного крабом!

У мужчины перелом позвоночника. И это — не лечится. В лучшем случае — жить останется, а вот ходить уже не будет. В худшем...

И того не будет.

И что делать?

А что я сейчас могу сделать? Я — могу срastить повреждение, но не здесь и не сейчас.

Кровотечения? Что-то срочное и серьезное — есть?

Нет, нету... Фуууу....

Ладно. Тогда...

— Тимир, их надо обоих перенести ко мне. Там займусь. Грязно здесь, да и света уже скоро не будет.

Мужчина кивает.

— Сейчас...

— на доски их положите, да осторожнее. Не на носилки, на доски, на жестком нести надо.

Тимир внимательно слушает, потом рывкает на грузчиков — и на причале принимается крутиться хоровод из людей. Ровно через пять минут оба пострадавших осторожно перегружены на доски и мыдвигаемся по направлению к моему дому.

Я иду вслед за носилками и расспрашиваю Тимира. Сама поглядываю на того, кто без

ноги. То, что он еще жив — чудо. Тут надо срочно ампутировать остаток ноги и шить. Он бы кровью уже истек, но чья-то умная голова перехватила ему ногу выше травмы поясом и так закрутила жгутом, что кожа вокруг уже синее. Даже скорее в черный цвет.

Плохой знак.

— Давно случилось?

— С полчаса как... ну, чуток больше. За вами сразу послали, госпожа Ветана, — басит Тимир.

Сначала за лекарем, потом уже за мной... А время в таких ситуациях величина переменная. Кажется, вот-вот беда случилась, а солнце почему-то к закату клонит.

Вот и мой дом. Повинуясь моим приказам, мужчин сгружают в нужные места, того, кто на ампутацию — на большой, специально заказанный стол. Я выдохнула, и посмотрела на Тимира.

— Подать мне сможете, что скажу?

— Не лекарь я, — мужчина чешет в затылке, вызывая желание по нему треснуть. Вот что с людьми случается? Вроде и неглупые и всем хороши, а вот как до травм доходит, до крови, так куда чего деваается? Остальные тоже отползают на приличное расстояние, чтобы никого не припахали помогать. Я прищуриваюсь — и мужчины вообще пятятся раком, находя полами дверь из дома. Эх вы... герои.

Не трусость, нет. Это как-то иначе называется. Но сейчас оно особенно некстати.

— Я могу подавать, — прорезался малек. Ишь ты, не остался в порту, сюда прибежал. Я пристально поглядела на мальчишку. Ладно. Если справится — промолчу про воровство.

— Тебя как зовут?

— Шими, госпожа Ветана.

— Шими, ты понимаешь, что если упадешь в обморок, это может стать смертельно опасным для раненого?

Я говорила, а сама прощупывала края раны, втихую пользуясь своим даром.

Да, вот тут плохо, кость придется пилить, хорошо, что у меня специальная пила есть, вот здесь и здесь шить...

Хорошо, что он пока без сознания, а то может просто сердце не выдержать.

Оглядываю второго, прощупываю своим даром и его.

Нет, с ним я не ошиблась. Есть переломы, но он пока еще может подождать. Привычно раскладываю пакетики и инструменты. Вдеваю нитки в иголки, тут лучше все приготовить самой и заранее.

— Если почувствуешь, что станет плохо — кричи, — приказываю я мальку.

Шими кивает. Лицо бледное, губы сжаты... понимает, что он сейчас будет делать? Что увидит? А, выбора все равно нет.

Смотрю на Тимира.

— Его кто-то должен держать. На всякий случай, чтобы не дернулся.

Я могу отправить человека в беспамятство, но для этого нужно хотя бы пару секунд. А если я в это время буду шить? Если он дернется, когда я буду резать?

Все возможно, этого и следует избежать.

Всего пара секунд могут означать жизнь или смерть.

Тимир кивает еще двоим носильщикам — и они решительно придавливают руки и верхнюю часть тела несчастного к столу.

Я расставляю поудобнее лампы, чтобы свет падал на рану. Мальчишка ощутимо

бледнеет, но никуда не уходит. Молодец. И блевать не собирается.

Ну, держись, Вета. Ты обязана справиться.

И, напутствовав себя подобным образом, решительно принимаюсь за дело.

Протираю руки винными выморозками, протираю ими же стол и поле вокруг раны. Надо осмотреть рану, очистить ее от грязи, осколков кости, ткани, чтобы не началось нагноение, переставить жгут...

Перевязать сосуды, удалить нервы...

Так много всего надо сделать! Тяжело...

Пилить кость — трудно. Я не настолько сильная, чтобы сделать это несколькими движениями, поэтому — минут пять. Кость мерзко скрипит под пилой, люди морщатся, как будто ни разу не разделявали корову или хрюшку. Принцип-то один и тот же, просто иногда удобнее пилить по суставу. Так с тушами и делают, кстати.

Но мне хочется сохранить здорового человека, сколько можно. С ногой, отнятой чуть выше колена, он привяжет протез и сможет ходить, с ногой, отнятой по бедро — это намного сложнее.

Руки работают невероятно медленно, сейчас мне так кажется. Отпилить кость, скальпелем пройти по лохмотьям плоти, подхватить, зашить, ослабить жгут — опасно, очень опасно, кровопотеря и так велика, еще немного и у тела не останется сил на борьбу, прижать найденные сосуды, перехватывая их на живую, и снова шить и шить.

Слава Светлому, человек пока еще без сознания. Отдельная, самая страшная боля проходит сквозь его беспмятство, он дергается, но держат его крепко.

Мальчишка послушно подает иголки и лекарства.

Я прижимаю пальцем сосуд, который начал кровоточить — и шью, шью, шью...

Наконец все готово.

Смотреть на получившееся кровавое месиво не слишком приятно, но это намного лучше, чем то, что было. Крупные сосуды перехвачены, кость спилена, культя выглядит, на мой взгляд, очень неплохо. Но теперь ее надо оставить на открытом воздухе. Посмотрим, как пойдет заживление раны, а там и ушивать края будем. Но это дело не одного дня, и даже не одной декады. Месяц, а то и больше.

Перевести дух?

Некогда.

И я подхожу ко второму пострадавшему. Опускаюсь рядом с досками, на которых он лежит и принимаюсь осматривать его и ощупывать.

Сразу фиксирую руку, чтобы сложить перелом ключицы, делаю тугую повязку на ребра, чтобы не сместились. Не дай Светлый, осколки зашевелиятся, проникнут в легкие. Тогда могу и не спасти.

Пальцы двигаются ровно и уверенно. Закончив, поворачиваюсь к Тимиру.

— Тимир, самое сложное я сделала, теперь им покой нужен. Их надо бы у меня оставить на пару дней, потом уж родные присмотрят, а пару дней точно я должна. Мало ли что начнется...

Мужчина заботливо помогает мне подняться.

— Родным сообщим, госпожа Ветана. Может, надо чего?

— Пусть смену одежды для них прихватят, — решаю я. — Не в крови ж им лежать, не в грязи...

— Сделаем, — Тимир подхватывает меня под руку — и почти перегружает на стул. —

Водички, госпожа Ветана?

— Да, пожалуйста.

Мужчина наливает мне воды из ведра, подает кружку, в которую я вцепляюсь обеими руками, и рассказывает, кого приложило ящиками, а я все отчетливее понимаю, что выхода у меня нет.

Один — Нот Ренар, замечательный плотник. Это тот, который без ноги. Женат, трое детей, содержать семью будет некому. Но если плотник, то уж ногу-то деревянную себе всяко выстругает, а работает он руками. Справится, если захочет.

Второй — Мэт Шаронер. И там все еще хуже. Грузчик, жена, дети, старые родители, просто очень хороший парень. Шими стоит у двери и тоже переживает. Тимир замечает малька — и тихо, по секрету, мне на ухо:

— Мэт его к себе забрать хотел... не успел просто.

Темного крабом!

Кажется, выбора у меня нет.

Да, я прекрасно знаю, что всем не поможешь! Что всех не пережалеешь! Что своя шкура ближе к телу и дороже хозяину.

Знаю.

Только вот это — отговорки, чтобы не помогать. А реальность совсем иная.

Можешь — так помоги, чтобы боли на земле стало хоть на чуточку поменьше.

Домик у меня небольшой, всего на три комнаты. В одной — моя спальня. Во второй — приемная. Третья служит для приготовления зелий и хранения всех запасов. Есть еще и кухонька, и крохотный коридорчик, но так-то развернуться здесь негде. Я бы мужиков сюда не притащила, но выбора нет.

Тимир все организует очень быстро. В маленькой комнате разбирают и составляют в угол стол и стулья, на пол кладутся тюфяки (даже не представляю, откуда он их взял), рядом, на табуреты ставятся кувшины с водой, в угол задвигается здоровущее кресло (мало ли, с кем-то сидеть придется), больные укладываются — и Тимир собирается откланяться.

А вот Шими явно хочет остаться.

— Госпожа Ветана, можно? Пожалуйста...

Жалобное выражение на мордяхе тронуло бы даже камень, но я намного хуже. И свидетели мне ни к чему.

— Нет.

— Госпожа Ветана. Дядя Мэт... ну я... это... вы...

По грязным щекам бегут две капельки слез. Темного крабом, довести портового малька до такого?! Тимир смотрит на меня.

— Госпожа Ветана, может...

Вздыхаю и даю слабинку.

— Ладно. Остаться на ночь не надо, ночью я сама с ними посижу. А вот с утра приходи. Мне хоть пару часов подремать надо будет...

— Я и ночью могу! — подсказывает Шими, понимая, что получил свое.

Качаю головой.

— Нет. В час ночной собаки рядом с ними лучше быть мне, а не тебе. Она зубастая...

И я знала, о чем говорю. Есть такое поверье, что с трех до четырех утра — самое темное

время ночи. Вот в это время и умирает большинство людей.

За ними приходит смерть в образе большой черной собаки со светящимися белыми глазами, выгрызает душу из тела и уносит. А вот людей эта тварь боится, иногда ее можно отпугнуть, сидя рядом.

И... что-то в этом поверье было.

Мальчишка смотрит большими глазами, потом кивает.

— А... вы ее видели?

Треплю его по затылку, все-таки помощник, и не самый худший, но ничего не отвечаю. В глазах мальчишки любопытство мешается со страхом — и вверх берет благоразумие. Больше он ничего не спрашивает.

Тимир обхватывает его за плечи и выводит за дверь.

Все.

Я одна, не считая раненых. Можно полежать хотя бы пять минут. Мои пять минут....

Ложусь прямо на пол в спальне. От деревянных досок идет успокаивающее тепло, перед глазами коричневые прожилки на желтоватом фоне — я могу расслабиться.

Я дома.

Сейчас я пять минут полежу, а потом надо будет подняться, что-нибудь съесть и выпить. Мне предстоит бессонная и сложная ночь.

А еще хорошо, что ни один лекарь этих двоих не осматривал. Иначе я бы точно не взялась за работу.

Людей мне жалко, но свобода дороже.

Ни плотник, ни грузчик так и не приходят в себя до темноты. Зато прибегают их жены. — Госпожа Ветана!

Первой на моем пороге оказывается жена Мэта. Молоденькая, очень симпатичная, этакая пухленькая блондиночка с ямочками на щеках и веснушками на красивом носике.

Удерживаю ее, чтобы не бросилась мужу на грудь.

— Не надо. Ему может быть хуже.

К месту перелома я прибинтовала тоненькие дощечки, чтобы лишний раз не дернулся.

— Что с ним?! — женщина ломает руки. — Я что-то могу...?

— Завтра приходите с утра, приглядите за мужем, а послезавтра и домой его заберете, если все будет хорошо. Что пить я дам, переломы подживут, хоть и не сразу, но Светлый даст — через месяц на ноги встанет.

Женщина кидается мне на шею.

— Ох, госпожа Ветана!

Сейчас она не видит, что я старше ее года на два. Не видит моей бедной одежды и синих кругов под глазами.

Я — та, которая сказала радостную новость. Та, которая говорит, что с ее любимым и родным человеком все будет в порядке. Этого достаточно.

— А что с ним?

— Переломы. Если внутренних кровотечений нет, то все срастется.

— А если есть....? — в голубых глазах ужас.

Я подавляю желание погладить ее по голове успокаивающим жестом, вместо этого просто беру за руку.

— Верьте, все будет хорошо. Я его затем и оставила, чтобы понаблюдать. Завтра точно скажу, что и как.

— А ночью...

— Сегодня мне помощники не нужны, а завтра — милости прошу.

— Так может...

— Сегодня я вас не оставлю, — строго обрываю я ее. — Я знаю, что у господина Шаронера родители старые. А если кому из них плохо будет? Кто помощь позовет — дети?

Довод действует, и женщина успокоенно кивает.

Закрепляю эффект заверениями и выпроваживаю ее подальше. Чтобы через полчаса так же заняться второй. Госпожа Ренар чем-то похожа на госпожу Шаронер. Не внешне, нет. Одна — блондинка, вторая — худенькая шатенка, а вот лица у них совершенно одинаковые. Они у всех одинаковые.

У всех, чьи родные болеют.

Говорят, злоба, зависть, ненависть искажают черты лица. Это верно.

Но тревога, боль и надежда тоже с этим неплохо справляются. Женщин — две, а выражение лиц совершенно одинаковое. И нотки в голосе тоже. И мои заверения, кстати говоря.

Выпихиваю и вторую, пью горячий травяной отвар с медом, съедаю полбанки варенья (стараниями благодарных пациентов вкусоности у меня не переводятся) — и жду ночи.

Говорят, что стихийникам легче всего в контакте с их стихией. Огневикам возле пламени, водникам у моря, некромантам легче ночью, а мне — должно быть днем, но это неправда. Легче всего обращаться к своей магии тогда, когда никто не мешает.

Например, вскоре после полуночи.

Расслабься, почувствуй, как течет сквозь тебя сила, ощути свое сродство с этим миром.

Мир велик, мир любит нас и охотно поделится с тобой своими искрами. Тебе с лихвой хватит, чтобы эти двое выздоровели.

Я знаю, я могла бы сделать так, чтобы назавтра они оба бегали, но это... не совсем хорошо. Когда лечишь быстро, не всегда получается идеально, да и время нужно, чтобы кости и связки окрепли, и подозрения на себя навлекать нельзя.

Так что я никуда не тороплюсь, по капле впитывая силу из окружающего мира.

Еще одна побочная сторона магии жизни — я буду проводить силу через себя. Если лечить быстро, надо будет черпать и отдавать полной горстью. Как бы не выгореть при таких условиях.

Не хочу. Страшно.

Что я еще-то умею, кроме как лечить?

Пальцы медленно начинают светиться. Шторы задернуты, ставни закрыты, никто ничего не увидит.

И уж тем более не увидит, как я склоняюсь над Мэтом Шаронером.

Руки ложатся мужчине на шею, словно я хочу придушить его. Не хочу, вовсе нет. Просто лучше всего класть пальцы на пораженное место.

Где тут что?

Есть!

Переломлен шейный позвонок там, где спина переходит в шею. Сломана ключица,

несколько ребер, чудом ни одно из них не проникло в легкое, кровотечений нет.

Осколки?

Повезло, переломы чистые. Были бы осколки, было бы намного хуже.

Вся моя сила устремляется в позвонок.

Вот так, медленно, осторожно...

Тут важно не только исправить костную ткань, но и срастить спинной мозг, восстановить его, как было, дать ему возможность работать. Это самая сложная и тонкая работа. И сил она у меня выпивает столько, что я едва стою на ногах.

Но на остатке упрямства проверяю второго больного.

Несколько искр срывается с моих пальцев, впитывается в пораженную ногу.

Нет, тут все неплохо. Ткани, конечно, пережали, но жгут я сняла вовремя. Чутье подсказывает, что все заживет вовремя и гангрены не будет. А это уже замечательно.

А еще чутье подсказывает, что снаружи кто-то есть.

Прислушиваюсь — и понимаю, для взрослого этот кто-то маловат.

Шими?

Ну и пусть. Не впущу, найдет, поганец, где переночевать. Ни к чему ему видеть меня в таком состоянии, вовсе даже ни к чему! У мальчишек языки длинные...

И не надо мне говорить, что я жестокая. Между прочим, рядом со мной соседский дом, а у них есть замечательная мохноногая лошадка Белка. Рыженькая такая...

Забраться в сарай всяко можно, а там копна сена и тепло. Сама бы повалялась, да не пустят. Там переночует, если в порт бежать страшно. Вот!

С тем я и ползу на кухню, заедать усталость. Хлеб, мед, взвар... на лечение своей силой я каждый раз столько трачу, что лучше б на мне крабы океан пахали!

Не так уж у меня ее много, не такой потрясающий талант, но это и к лучшему, наверное. Лечи себе помаленьку, то там помогай, то здесь... А будь я сильнее — сила прорвалась бы наружу намного раньше. И меня бы заметили, а это плохо.

И сейчас-то не слишком хорошо, но сейчас я не делаю ничего страшного.

Помочь женщине разродиться?

У меня тонкие руки.

Эти двое?

Так их никто до меня не осматривал, как скажу, так и поверят.

Осторожность превыше всего! Вот!

Жаль, что раньше я этого не понимала.

Беда подкралась ко мне неожиданно в мои семнадцать. Отец проигрался в карты барону Артау.

Дело совершенно житейское, но сумма оказалась для нас... она была подъемной, но тогда родителям пришлось бы отказаться от выезда, от новых нарядов, от дома в городе и поселиться на несколько лет в поместье. Отцу с матерью этого не хотелось.

Вот детей растить в поместье можно, а самим там жить?

Ни балов, ни изысканного общества, ни сплетен, ни...

Подозреваю, что они бы возненавидели друг друга, если бы между ними не было всего вышеперечисленного. Не всем людям хватает общества друг друга, особенно если это был изначально брак по договору. Отец заметался, просил помощи там, тут, ему отказывали, и

тогда барон предложил взять взамен проигрыша — меня.

Не в любовницы, нет. Все было вполне прилично, меня собирались сделать женой. А что, барон же, не абы кто из подворотни, и я не наследница, и берут меня без приданого, еще и денег за меня добавляют, и красавицей меня не назвать.

А что барон старше меня лет на двадцать и больше всего напоминает жабу своей плешью, обвислыми щеками и выпученными зеленоватыми глазками — это мелочи. Поплачет, да и смирится.

Не первая такая невеста, не последняя...

Единственная, кто пытался образумить моих родителей — это бабуля Тойри. Она разговаривала с сыном, с моей матерью, но все было бесполезно. Родители закусил удила.

Я бы, может, и смирилась, отлично понимая, что главное в человеке не внешность, но...

Из-за родителей произошло то, что я никогда им не прощу.

Никогда.

Поняв, что выбора у нас нет, и что меня, скорее всего свяжут с этим Жабом, как мы прозвали барона, бабушка решила попросить денег взаймы у старой подруги. К ней-то она и ехала, когда понесли кони.

Карета перевернулась...

До сих пор не знаю, что там произошло.

Знаю только, что бабушка и кучер умерли. Кучер, вроде бы, попал под копыта коней и прожил еще несколько часов со смятой грудной клеткой, а бабушка практически в один миг, когда карета вылетела с обрыва и ударилась о землю с такой силой, что там остались одни осколки и ошметки.

Не знаю.

Если бы я тогда поехала с ней?!

Но я была в поместье, а бабушка поехала из города...

Никогда себе этого не прощу. Если бы я не стала упираться, если бы сразу согласилась выйти замуж за барона, она была бы жива. Не стала бы выручать любимую внучку...

Если бы.

Ненавижу эти два слова.

Я ревела целыми днями. Ревела, и когда приехал барон. И к нему вышла такая, что краше только в гроб положить, могильных червей ничем не напугаешь.

Барон подцепил меня за подбородок, повернул к свету.

— Отвратительно.

Голос у него тоже был высокий, квакающий.

— Извольте, любезная невеста, привести себя в порядок. У нас свадьба через пятнадцать дней.

— У меня траур, — вырвалась я из его цепких пальцев.

— У нас свадьба. И ваш отец полностью с этим согласен.

Насчет отца я и не сомневалась. Просто коробило его отношение. Это ведь его мать! А, что такое мать рядом с балами, приемами и нарядами. И парой скаковых лошадей, которые продаются за громадную цену знакомым заводчиком. Но зато у них замечательная гнедая масть, и можно заказать наряд под лошадей и найти грума в масть коням, это так... модно!

Пальцы сами собой сжались в кулаки, но спорить я не стала.

Тогда не стала.

Присела в реверансе. На меня словно покрывало накинули, которое отгораживало от

мира, давало возможность побыть наедине с бабушкой и своей болью.

— Господин барон, полагаю, мои родители распорядятся о приготовлениях к празднику. А мне позвольте все же оплакать близкого человека в оставшееся мне время.

Барон одобрительно осмотрел меня — и позволил. А что, в главном я ведь не возражала?

И по-прежнему продолжала лечить людей. Пока я еще дома...

Барон остался гостить у нас, а через шесть дней ко мне пришла няня.

— Веточка, помощь нужна. Очень.

Я послушно собрала сумку и последовала за ней. Почему-то няня вела меня через черный ход, оглядываясь по сторонам и словно бы опасаясь кого. Но тогда я об этом не думала.

Оцепенение спало в тот миг, когда я увидела девушку. Знала я ее, я тут всех знала. Мира, дочка нашего садовника, обожала помогать отцу в его работе. У нее все зацветало, иногда я думала, что у нее тоже есть слабенький дар магии, только земли.

Не было.

Иначе у нас бы землетрясение случилось, когда с ней такое делали.

Няня только вздыхала, мол, не след девице на такое смотреть, но и роды я видела, и без помощи Миру не оставишь...

Девушку жестоко изнасиловали. Даже с учетом того, что девственницей Мира не была, разрывов избежать не удалось. Избили. Исхлестали чем-то вроде плетки. И тушили об нее свечи. Или угли — я так и не поняла. Но ожогов на ней было многовато для случайности.

А самое жуткое, что Мира была чем-то похожа на меня. Тоже невысокая, темноволосая, худенькая...

— Кто ее?

Мира спала, а я смотрела на няню. И та молча глядела на меня такими глазами...

Кажется, я знала ответ на свой вопрос.

— Барон?

— Да.

У меня пальцы в кулаки сжались.

— За что?

— Просто у него такие наклонности. Мира объяснила. Он получает удовольствие... вот так.

— Она знала? А почему согласилась?

— Он ей три золотых пообещал, — няня коснулась волос девушки. — Не обманул.

Три золотых.

По деревенским меркам — неплохое состояние, полугодовой заработок крестьянина. Приданое для девушки.

Крестьянки в этом отношении свободнее, чем дворянки, а Мира девушка не самая стеснительная, видимо, так и рассудила, мол, не сотрется за один-то раз. А на такое не рассчитывала. Не понимала, на что идет.

Внутри смерзался холодный комок.

— Он и со мной так будет? Да?

— Ты ж дворянка, девочка...

Почему-то няня меня не убедила. Наверное потому, что сама себе не верила. Я прищурилась.

— Мира — первая?

— У нас — да, — няня отлично поняла меня.

— Сколько времени и денег нужно, чтобы все разузнать точно?

А ведь барон мог думать, что я ничего и не узнаю. Откуда? Благородные девицы не общаются с садовницами, это точно. Он ведь не знал, что я тут в округе всех лечу, никак не мог... Вот и поразвлекся, как привык, в ожидании свадьбы. Невеста-то попалась неуступчивая, он и нашел замену.

Гнида!

— Да, почитай, ничего и не нужно. Владения-то баронские в паре дней пути, доехать, да вернуться. Тим и съездит.

Я кивнула.

— Пусть едет.

И заболела. Детская хворь, ветрянка, только вот у взрослых она проходит куда как тяжелее. Закапать беладонну в глаза, прополоскать горло настойкой одной травы, чтобы голос охрип, протереть кожу другой, чтобы пошла жуткая аллергия и раздражение, а жар...

Я же маг жизни, и такие мелочи со своим телом проделывать могла с детства. Хоть гореть, хоть леденеть, по выбору.

Мне поверили и свадьбу отложили еще на пять дней. Невеста ведь должна хотя бы к гостям выйти, а она даже на ногах не стоит!

Барон был весьма недоволен, мне запретили заниматься лечением людей, мол, пусть хоть все передохнут... еще не хватало, чтобы я заразу домой принесла! Я согласилась и стала ждать Тима.

Он, и верно, не задержался. Вернулся через восемь дней, когда до свадьбы оставались уже считанные деньки, и принес известия, от которых я похолодела.

Барон действительно был холост. Но не холостяк, как я подумала вначале, услышав, что у него ни жены, ни детей.

Вдовец.

Три раза вдовел, между прочим. И дети у него могли бы быть. Но у двух жен было по выкидышу, третья пыталась бежать... темная там история, Тим точно ничего не узнал, но подозрения были такие, что беременные женщины барона особо возбуждали. А меры он не знал, вот и... переходил границу. Две жены не выдержали любви и ласки. Третья пыталась бежать, но ее или догнали, или что-то еще.

И вот с этим человеком мой отец сел играть.

Мразсссс!

Что самое печальное, меня бы все равно отдали барону. Даже если бы я все рассказала родителям, они бы пожали плечами и сказали, что это все сплетни. Грязные и глупые слухи, вот!

Я понимала, что добром меня не отпустят. Оставался вопрос — как освободиться? Денег в долг, чтобы откупиться от барона, мне никто не даст, да и порочный это путь. Сейчас займу, а потом отец опять проиграется? И опять занимать?

Да я сама дешевле стою, даже если в рабство продамся.

Пойти в Храм и признаться в своем таланте?

Тут барону ничего не обломится, это верно, будет прыгать по команде Храма и квакать красиво, только вот у меня-то будет та кабала, которой мы с бабушкой стремились избежать. И не сбежишь оттуда, и не договоришься.

Приключенческие романы, в которых предприимчивая девица проворачивает какой-нибудь финт ушами — и отделяется от ненавистного жениха путем его компрометации, я вообще не рассматривала. Это не театр, это жизнь. Да и не учитывалась в романах такая приземленная вещь, как долги. В крайнем случае, автор всегда мог подложить героям скромный клад, чтобы три-четыре поколения без нужды прожили. Мне на душу-автора рассчитывать не приходилось. И к тому же, я все равно сейчас в воле родителей. До двадцати пяти лет — определенно. А они за это время и любой клад пристроят, и меня определяют.

Выйти замуж за другого?

А не за кого. Не увлекалась я парнями, увлекалась лекарским делом. Тут не до гулянок, да и не любительница я всего этого. Сестра, вот, у меня обожала на балах покрутиться, наряды мамины померить... что-то с ней сейчас?

Надеюсь, она счастлива.

В общем, тогда я рассудила здраво, что есть только один выход.

Два.

Парадный и черный. Можно бы и в окно вылезти, но это тоже для романов хорошо. А у нас замок был неправильный. Ни плюща, ни карниза, ни даже выступающих в рельефном узоре камней — как из окна полезешь, так и навернешься, ни один лекарь не соберет.

Так что я выздоровела. И срочно озаботилась нарядом для свадьбы — и для брачной ночи, а то как же! Родители порадовались, и я поехала на одну ночь в городской дом. Барон решил сопровождать невесту, но тут уж уперлись все.

Неприлично!

Потерпите до свадьбы, дорогой, какой вы нетерпеливый, нельзя так. Чай, не крестьянская девка!

Барон внял, но охрану приставил. Надеюсь, сильно их не наказали, потому что утром в город въехала карета с одетой в шелка и тонкий бархат девушкой, а после обеда из других ворот вышла с караваном самая обычная неприметная девчонка-лекарка, в толстом сером плаще, в башмаках на деревянной подметке, подбитой гвоздями, в толстых носках и коричневом платье, какое носили многие из простого сословия. Волосы заплетены в косу, сумка с лекарскими принадлежностями прижата к сердцу, вторая, со сменой одежды, бельем и теплыми сапогами, небрежно заброшена в телегу.

В подол платья крепко зашиты несколько моих драгоценностей, доставшихся от бабушки. Ну и то, что мне родители дарили.

Не обеднеют.

Няня долго рыдала, пыталась меня отговаривать, умоляла одуматься, поговорить с родителями, придумать что-нибудь другое, бежать к бабушкиным друзьям, но мы обе понимали, что выбора особенно не было.

Либо я сбегая, либо выхожу замуж и становлюсь четвертой мертвой супругой барона Артау. А не хотелось...

После того, что он сделал с Мирой, меня наоборот, остро тянуло остаться с ним наедине на часок. Но не для любви.

Я знаю, что маги жизни не могут убивать и калечить, что это чревато потерей дара, но... так хочется!

Видит Светлый, иногда так хочется!

Мой след растворился на просторах королевства Раденор. До совершеннолетия я не

подам о себе никаких известий.

Еще несколько лет мне надо продержаться в тишине и спокойствии. Еще несколько лет. Больные глубоко и спокойно дышали.

Я проверила пульс одному, второму, жилка под пальцами билась уверенно и ровно. Выживут оба.

И калекой ни один не останется.

Без ноги — да, но безногий и калека, это суть люди разные. Я-то знала, были те, кто получали увечья, а жить продолжали, как и раньше. Делали дело, любили своих родных и близких, считали, что им еще повезло — они живы. Надеюсь, и этот плотник окажется таким же.

Кошмар начался прямо с утра. На рассвете я обнаружила под дверью продрогшего и промерзшего мальчишку. Зубами он так стучал, что я сквозь сон слышала.

Малек безмозглый!

И все же...

Любит он этого Шаронера, любит. Видно же. Ведь мог бы пойти, да проспять где, ан нет! Судя по промерзлости, сидел всю ночь у моего дома, вокруг ходил, в окна заглянуть пытался — кстати, заведомо бесполезное дело. Первой моей покупкой стали плотные и тяжелые шторы, через которые никто и ничего не увидит, хоть ты голой пляши.

Пришлось открыть дверь и втащить мальчишку внутрь.

Пакость малолетняя! Это ж надо себя так довести! Если б еще часа два просидел, мне бы его пришлось своим даром лечить, и кто знает, что бы он понял!

Я ругалась, растирая его винными выморозками, ругалась, заливая в мальчишку настойки, ругалась, заворачивая его в теплые шерстяные одеяла и укладывая третьим к болящим товарищам. Да так душевно, что портовый малек слушал меня, как песню.

Сопляк тупой!

Пара подзатыльников ему тоже перепала — для профилактики глупости. Авось, чего в голове прибавится!

А ведь я и двух часов этой ночью не проспалаа-а-а-ууу. Придремать, что ли, в кресле?

Так я и сделала, подумав, что если кто-то явится на рассвете и разбудит меня, убивать буду мучительно. И плевать на дар — это уже выше человеческих сил.

Слава Сияющему, хоть жены пострадавших оказались умнее мальчишки. Мне удалось проспять малым не до восьми утра. Приходил молочник, оставил кувшинчик с молоком у калитки, не разбудив меня — у нас так бывало. Мы давно договорились, что если я сплю, он просто оставляет молоко, а деньги я ему отдам назавтра.

Хоть и небогатый тут квартал, а и я не голытьба. Лекарь — это верное дело в руках.

Ох, бабушка, какое ж тебе спасибо, что ты меня учиться наставляла. До сих пор твой голос помню.

Все, все можно потерять. Был у тебя титул — и нету, был дом — и уйти пришлось, были деньги, власть, положение в обществе — все, все в один миг развеялось туманом. А вот то, что у тебя в голове, да в руках — то всегда с тобой останется. Всегда кусок хлеба принесет, с голоду не помрешь.

Я когда-то еще улыбалась на эти бабушкины рассуждения... дурой была. Верно говорят, придет беда — узнаешь цену. И себе, и своей жизни, и своему опыту. Жестоко, но верно.

В восемь утра проснулся Мэт Шаронер.

— Где я!? Что со мной!?

А глаза ясные, а выражение лица вполне бодрое, скоро бегать будет. Оно и неудивительно, я в него столько силы влила, что самой до сих пор тошно. Но надо поторопиться, пока он встать не попытался или головой подергать. Я хоть его и уложила на специальную деревянную лежанку, а все одно — ни к чему сейчас дергаться.

— Лежите смирно, господин Шаронер. Вам пока вредно резко двигаться.

Мужчина послушно скосил на меня глаза и замер, не шевеля ни рукой, ни ногой.

— А вы кто?

— Я Ветана, лекарка. Меня вчера позвали в порт, вас ящиком оглушило.

Мэт напрягся, явно вспоминая.

— Да, я не успел увернуться, меня в плечо ударило, и, кажется, по шее... Что со мной?

— Ключица сломана, а так — повезло. Вы что помните?

Мэт сдвигает брови.

— Не помню. Ударило, сильно, помню, голова откинулась... все...

Тогда, видимо, он перелом шеи и заполучил. Хорошо, что не помнит.

— И все?

— Д-да...

— Меня вас лечить позвали, я сюда перенести приказала, решила ночь сама приглядеть, мало ли...

— А почему вы...?

— Потому что ваш портовый лекарь нализался до потери памяти.

Мэт опустил веки. Кивать лежа не получалось.

— Понимаю. Спасибо, госпожа Ветана.

— Работа у меня такая, — проворчала я. — Как вы себя чувствуете?

— Не знаю. Голова болит.

Я коснулась шеи мужчины, посчитала пульс.

— Ничего страшного. Посмотрите на меня, теперь на свет, теперь опять на меня...

Зрачок послушно расширяется, сужается, опять расширяется. Проверила на всякий случай оба зрачка. Отлично, сотрясения мозга нет. То ли и не было, то ли я ненароком вылечила, все возможно.

— Голова кружится?

— Н-нет...

— Шея болит?

— Немного...

— Подвигайте руками, только несильно. Так, теперь ногами... Отлично!

Мэт послушно выполнял все мои просьбы, а я с удовольствием наблюдала, как он двигается. А только подумать, что этот здоровый молодой мужчина мог на всю жизнь остаться парализованной колодой. А мог бы, обычный-то лекарь ничего бы сделать не смог, даже если и распознал бы болячку. Эх, вот ради таких минут и живешь на свете.

— Сегодня вам бы еще не двигаться, а завтра домой пойдете.

— Отлично! А я один...?

— Еще Нот Ренар. Но ему повезло куда как меньше.

— Что случилось?

— Ноги лишился, — я пожала плечами.

Мэт аж дернулся.

— А я...

— Вам повезло. Но если будете дергаться, я за последствия не ручаюсь.

Мужчина послушно застыл.

— Скоро ваша жена прийти обещалась. И Шими — знаете такого?

— Шими? Мальчишка? Малек?

— Он самый. Глаза остороженько скосите, вон в ту сторону.

Мэт так и сделал и увидел кокон из одеял. При достаточном напряжении фантазии в нем можно было опознать Шими. Вихор точно его торчал.

— Что с ним, госпожа Ветана?

А сколько тревоги в голосе, а? Кажется, у мальчишки таки будет дом и семья. И заботливый отец.

Бывает и такое. Прикипаешь к ребенку, и вовсе он уже даже не чужой, а почти твой собственный. Разве родство по крови имеет значение там, где есть родство по духу?

— Все будет в порядке, — ворчливо отозвалась я. — Проснется и опять бегать буудет. Но я бы на вашем месте его выдрала.

— За что?

Мелкий паршивец уже не спал. Я посмотрела на него с угрозой.

— За то, чтобы не подслушивал — раз. Чтобы не шлялся по ночам — два. И тем более не шлялся под чужими окнами — три. Переживал он, видите ли. А спокойно пойти, выспаться и прийти с утра никак не мог. Боялся, видимо, что я вас за ночь убью и съем.

Шими густо покраснел. Мэт скосил глаза, определяя, где лежит мальчишка, потом протянул руку и притянул к себе сверток.

— И стоило бояться, малыш? Госпожа Ветана хорошая...

— И руки у нее замечательные. От них прямо теплом тянет, — Шими уткнулся под мышку грузчику, только нос торчал. Ах ты, поганец!

— Посмотрим, чем от моих рук тянуть будет, когда я тебя за уши оттащу, — пригрозила я.

— Вы только грозитесь. А так вы добрая...

Конечно, из-под такой защиты мальчишка мог и дерзить. Я погрозила ему пальцем.

— Выздоровеешь — разберемся.

Ответом мне стала нарочито наивная улыбка. Пришлось вздохнуть — и вернуться к своим делам. Лекарь почему-то всегда занят. То в огороде с травами, то в лаборатории, готовя лекарства, то с больными, которых надо, кстати, обтереть, подставить судно, повернуть, перетряхнуть постель...

А домашние дела тоже никто не отменял. Убрать, постирать, сварить... И есть хочется.

Ничего, сейчас простокваши с хлебом и сыром глотну — и достаточно. И молочка поставлю сквашиваться. С моей работой желудок посадить легче легкого, то приготовить не успеешь, то съесть некогда, целый день на ногах, в бегах... А простокваша для желудка самое милое дело.

Кстати, явилась и жена Мэта. И глядя, как она вьется вокруг мужа, как с теплотой поглядывает на Шими, я подумала, что мальчишку они рано или поздно возьмут к себе. И ему будет неплохо в этой семье. Просто шаг сложный. Своих двое, этот — третий, да и все ж живой человек, не щенок или кошка...

Накаркала.

У калитки скучковались четверо детей лет по семь-восемь. Стоят, смотрят, глазенки заплаканные... три мальчика и девочка, один из мальчиков держит какой-то сверток.

— Госпожа Ветана, помогите пожалуйста!

И как тут откажешь?

— Что случилось?

— Господа Ветана, у нас Муся помирает. Она под карету попала...

— А отец сказал, чтобы мы ее на свалку отнесли, пусть там подышает...

И слезы градом.

— Что за Муся?

— Вот...

Старший из мальчишек протянул мне грязную тряпку, в которой лежала кошка. Пока еще живая.

Некогда это было симпатичное трехцветное животное, еще молоденькое и явно игривое. Бело-черно-рыжая шерсть, затуманенные болью зеленые глаза, пушистые лапки... сейчас на мордочке и белом галстучке запеклась кровь, дышала она с трудом и жива была еще чудом.

И как тут откажешь?

Когда пять пар глаз смотрят на тебя с одинаковой надеждой? Ты ведь большая, сильная, ну помоги же нам! Пожалуйста! Ты же взрослая! Неужели и ты нас разочаруешь?

М-да, если бы их отец знал, какую боль он причиняет детям, предлагая выкинуть кошку на помойку... А, ничего он все равно не поймет. До краба тупых животных, которые выросли, а людьми так и не стали!

— Мы вам заплатим, — всхлипывает девочка. — Вот!

На грязной ладонке три медяка. Целое состояние для малышни. Судя по одежде, они не из богатой семьи. Я мягко складываю пальчики малышки в кулачок.

— Не надо денег. Пойдемте в сад, посмотрю вашу Муську.

Да, снимать этот дом достаточно дорого, но тут есть несколько комнат и есть маленький садик на заднем дворе. Несколько деревьев и три грядки, на которых я могу сама выращивать и лекарственные травы, и зелень к столу. Так что он себя окупает. Да и высокий забор не дает соседям пристально вглядываться в происходящее.

Дети доверчиво потянулись за мной.

Я шла впереди и прошупывала кошку своим даром. М-да...

Помирает животинка. У нее внутреннее кровотечение, ребра сломаны и пробили легкое, что сюда донесли — уже чудо.

И что делать?

Отказать детям?

Пусть умирает, подумаешь — кошка! Новую заведут! И вообще, всех не пережалеешь! И спасти какую-то тварь... Не человек ведь! Сколько их по улицам бегают? На всех ни времени, ни сил не хватит...

По пальцам, которые зарылись в длинный мех животного, побежали крохотные искорки.

— Ребята, вам можно доверить важную миссию?

Пока я еще это контролирую. А спустя пару минут процесс уже будет не остановить.

Четыре пары глазенок смотрят с таким доверием, что я понимаю — придется лечить. Уговаривай себя, не уговаривай, а надо.

— Вы сейчас пойдете на кухню. Там стоит кувшин с молоком. Вот чтобы каждый выпил

по стакану. И съел по ломтю хлеба с вареньем. Оно в буфете. Достанете. А потом я сама к вам приду с Муськой. Не нужно мне мешать ее лечить, ладно?

Сияющий!

И такой надеждой светятся глазенки! Да будь оно все проклято! Разве можно в такой ситуации отказать? Убить в детях веру в хорошее?

Я сажусь в уголке садика, который не просматривается из соседских дворов. Хозяин посадил на заднем дворе четыре яблони почти рядом. Теперь они выросли, сплелись кронами, и образовали нечто вроде природной беседки, в которую поместились крохотный столик и два стула. Там меня почти не видно, если не вглядываться. Ну, будем надеяться на лучшее.

И я отпускаю свою силу на свободу.

Она льется легко и спокойно. Находит повреждения в тельце кошки, а животинка замирает у меня на коленях, чувствуя, как прекращается боль, как расправляются смятые жестоким ударом ребра, как очищаются легкие... потом она начинает кашлять кровью, сплевывая ее на полотенце. Ну да, надо же куда-то...

Лишь бы насквозь не протекло, платье стирать неохота.

Я привыкла лечить людей, на них расход куда как побольше, поэтому с кошкой справляюсь за пару минут. Животинка отхаркивается кровью, потом изворачивается у меня на коленях и трется мордочкой об руку. Меня вообще все животные любят, такое свойство дара.

Чувствуют волшебство.

Я погладила ее по пушистой головенке, добавляя немного жизненных сил. Ох, малышка, да ты скоро с котятами будешь? Ну вот еще чуточка, чтобы на малышах ничего не сказалось.

Кошка перевернулась на спинку и принялась мурчать, подставляя мне беззащитное белое брюшко.

Погладь, а? И почесать можешь...

Дети, животные...

И те, и другие беззащитны перед злой силой. И те, и другие равно доверчивы к старшим.

И на пушистый мех капает слезинка. Ну хоть секунду-то слабости я могу себе позволить? Я так давно не могу никому довериться, никому и никогда я не подставляю доверчиво открытый животик, потому что знаю, удар неизбежен... Я не верю людям.

И не смогу верить.

Никогда.

На кухне царит тишина.

Мелочь вытащила варенье, измазалась смородиной, у девочки под носом молочные усы, но они не шумят и не галдят, а смотрят на дверь. И меня с Муськой на руках встречают вопросительными взглядами.

Муську я выпускаю на стул. Недовольная кошка тут же спрыгивает на пол и принимается умываться. Ну да, злобная лекарка зачем-то вымыла ее в прохладной воде. Вычищай теперь шубку! Укладывай, расчесывай, вылизывай... ох уж эти люди! Даже самые лучшие из них не лишены недостатков! Так что передняя часть кисы напоминает мокрую выдру.

Но дети видят другое.

Кошка здорова.

Девочка протянула руку, робко погладила подругу, с которой уже распрощалась, а в следующий миг кухню наполнил такой счастливый визг, что я отшатнулась назад.

Не успела.

Малявки буквально вешаются мне на шею, обнимая и целуя.

— Госпожа Ветана!

— Спасибо!

— Спасибо-спасибо-спасибо!!!

Честное слово, так и тянет под стол спрятаться. Не люблю я детей. Не умею. И обращаться с ними тоже не умею. Так что потихоньку стряхиваю их с себя.

— Значит так. Забрали Муську и отправились домой.

— А что с ней было, госпожа Ветана?

Шими стоит в дверях. Да что ж ты такая зараза любознательная?

— Лапки ей выбило, справлять пришлось, — проворчала я. — Так что вы поосторожнее с ней пару-тройку дней. И котята у нее скоро будут.

Ну кто меня за язык тянул!?

Какие же дети все-таки.... визжащие!

С трудом удастся выпихнуть малышню за дверь. Медяки они таки попытались мне оставить, но после угрозы оборвать уши, присмирели. Впрочем, одно обещание я с них взяла. Не топить котят, а раздать их по знакомым. Это и будет оплатой.

Плотник пока еще не пришел в себя. Ничего удивительного, сколько сил я в него влила — страшно даже подумать. Зато пришла его жена.

Обе женщины переговорили, подумали — и взяли меня в оборот. Мол, они хотят сами ухаживать за своими мужьями.

Я только плечами пожала.

Хотите — оставайтесь. Одна — до вечера, вторая до утра, ваше право. Мэта я завтра отпущу домой со строгим наказом не перенапрягаться еще дней десять и через пять дней прийти ко мне на осмотр.

Вот с Ренаром все немного сложнее. Он пока еще без сознания, и это к лучшему. Моя сила лечит, это верно. У него не будет воспаления, нагноения, не будет прочих проблем, но как он воспримет свою травму? Пусть уж его жена будет рядом, когда он придет в себя. Так лучше.

Женщины тут же соглашаются и жена Мэта принимается хлопотать вокруг больных. Я показала ей, как переворачивать мужчин, и она принялась перетряхивать белье. Лучше мы обойдемся без пролежней.

Я же вытащила на задний двор таз с бельем и честно постаралась заняться стиркой.

Наивная...

Явился Тимир. Да не один явился, а в сопровождении какого-то незнакомого мне мужчины. А, вот оно что!

Портовый лекарь!

Лекари — народ сложный. И в гильдию они не объединяются по очень простой причине. Договориться не могут. Каждый сидит на своих знаниях, что та собака на сене, далеко не все любят брать учеников, а уж деревенских травниц и повивальных бабок они

презирают всем скопом. К тому же лекарей не слишком любит Храм.

Это в Раденоре Храм сидит тихо и не подает голоса, да и не так тут много храмовников. Проредили их качественно и размножиться не дают. А вот в других странах, в том числе и в моем родном...

Так, не думать об этом!

Суть в том, что лекарь — работа очень рисковая. Так вот не вылечишь кого надо, или наоборот — вылечишь, кого не надо, и можешь оказаться на костре. Очень даже запросто. Или наоборот — под нежной опекой и заботой Храма. А это никому не нравится. Лекари отлично поняли, что если они объединятся в гильдии, Храм их под себя подомнет мгновенно. А кому охота подчиняться?

Лекарям ведь разное делать приходится. И трупы резать бывало, и могилы оскверняли — да много чего еще было. А Храм не одобрит, нет.

Поэтому сошлись на одном и том же.

Есть лекарь.

Есть у него вывеска — золотой треугольник (у моего дома висит медный, подарок одного из вылеченных), вот к ней и идут люди.

А дальше...

Кто-то из знати просто нанимает себе лекаря, и таковые живут в замках. Кто-то идет на службу, вот как этот портовый. А кто-то селится среди людей, как я, и ждет, когда придут больные. Но рискуют все три категории, только все по-разному.

Портовый лекарь сейчас тоже рисковал, хотя и не понимал этого. Но терпение у меня было небеспрдельно.

Войдя в мой дом, этот нахал и не подумал поприветствовать хозяйку. Да даже ноги вытереть не соизволил, а просто рывкнул на Шими.

— Где больные?!

Мальчишка от неожиданности посторонился, и лекарь прошел в комнату, оставляя за собой ошметки портовой грязи, щедро смешанной с рыбьей чешуей, смолой и древесными опилками. Что за наглость!?

Махнул рукой на жену Мэта и опустился рядом с ним на колени.

— Так, молодой человек! Что у вас болит!?

Я возмущенно поглядела на Тимира. Мужчина ответил мне виноватым взглядом, мол, все понимаю, уж простите, но...

— Да ничего...

— А почему тогда вы тут, вместо того, чтобы прийти ко мне?

— Госпожа Ветана сказала...

— Ах, госпожа Ветана...

Лекарь обернулся и впился в меня нехорошим взглядом. Я тоже прищурилась в ответ, зная, что эта гримаса меня не красит.

Мужчина был уже немолод, лет шестидесяти. Седые волосы начали редеть, нос украсился красноватыми прожилками — признак любви к вину, второй подбородок удачно дополнял бульдожьи щеки. Фигура была похожа на грушу. Бывают такие мужчины, полнеют в области живота. Плечи узкие, живот громадный, а ножки опять тоненькие, вот с ним так и получилось...

Молчание затягивалось. Лекарь сверлил меня взглядом, надеясь, что я скажу что-нибудь неудачное, и он размажет меня по полу, а я насмешливо разглядывала его, как учила меня

мама — и помалкивала.

Взгляды — это тоже искусство. Смотреть надо прохладно, отстранено и безглаголиво, чтобы человек понимал, он — неподходящий элемент в твоей картине мира. Ты не привыкла смотреть на подобное ничтожество. Можно еще улыбаться краешками губ. А если сосредоточишь взгляд на человеке — смотри ему в переносицу. Или в точку на лбу, посередине, чуть повыше бровей. Но не глаза в глаза. Это взгляд равных, а ты — выше него.

Я ведь тогда фыркала, а вот пригодилось!

Не знаю, кто из нас выиграл бы в поединке взглядов — первым молчание нарушил Тимир.

— Госпожа Ветана, господин Логан просил передать.

— Господин Логан?

— Э... портовый начальник.

Я кивнула. Как-то не интересовалась я портовым начальством, отлично понимая, что никто меня туда не пустит. Порт слишком хлебное место, чтобы такие, как этот лекарь поделились с никому не известной девчонкой.

Кошелек мягко лег в мою ладонь. Я кивнула и сунула его в карман, даже не заглядывая внутрь. Вот еще не хватало...

А лекарь аж взвился.

— Вы считаете себя вправе брать эти деньги?

— Да, вполне, — подтвердила я, мягко улыбаясь.

— И за что же? — ехидства в голосе мужчины было хоть ложкой ешь.

— За оказанную людям помощь. У господина Ренара серьезная травма, пришлось ему ампутировать ногу. Господи Шаронер мог остаться калекой на всю жизнь. У него перелом ключицы, сложный, к тому же у него было смещение шейных позвонков, и не окажись я рядом...

— Нечего вам там было делать!

— Тот, кому надо было делать, в этот миг валялся пьяной свиньей, — парировала я, забывая об осторожности. Это я живу тем, что больные заплатят! А этот гад сидит на жалованье с двумя такими же бездельниками, и даже не может оставаться трезвым в день своего дежурства!

Лекарь вспыхнул.

— Ты, девчонка, еще судить меня будешь?! Да я людей лечил, когда тебя еще на свете не было! Ты, сопля зеленая...

— Не смейте ее ругать!

Шими оказался храбрее всех мужчин. А может, дело даже не в этом. Просто и Мэту, и Тимиру было не с руки ссориться с лекарем, мало ли как жизнь сложится. Такой может и из порта выжить. А что мальку терять?

Лекарь хватанул ртом воздух, не ожидая отпора, а Шими продолжил.

— Господа Ветана и дядю Мэта, и дядю Нота вылечила! И мне помогла! И вообще... она добрая! А вы... дармоед!

— Ах ты...!

Лекарь размахнулся, собираясь отвесить мальчишке здоровущую оплеуху, но тут уж не мешкала я. Чему-то же меня учили!

На середине замаха рука лекаря встретила с удачно выставленной вперед метлой. Звук был...

— Аууууууууууууу!!!

Перелома нет, — подумалось мне даже как-то отстранено, — но синяк будет здоровенный. И рука будет болеть дней двадцать, кабы не больше.

— Вон из моего дома, пока я стражу не позвала! Явился тут... ноги не вытер, руки не вымыл, к больным полез... лекарь!

Я была в нешуточном гневе. Хорошо хоть у Мэта открытых ран нет, а если б это ничтожество к Ноту полезло?! Для того ли я рану ему промывала и зашивала, для того ли лечила, чтобы теперь ему заразу занесли грязными руками?!

Убью кретина!

Лекарь, кажется, что-то понял, потому что сделал шаг назад.

— Да я...! Да в стражу!! Немедленно!!!

— Госпожа Ветана, вы уж простите, — Тимир смотрел виновато. — Я случайно...

— Да я так и поняла.

— Господин Логан меня как раз после него позвал, вот и...

Я кивнула.

— Еще господин Логан просил на словах передать вам благодарность.

Я демонстративно вытащила из кармана кошелек, заглянула в него — и усмехнулась. Десять серебряных монет, весьма и весьма неплохо за один вызов. Хотя это закон короля Александра. За происшествия платит тот, кто виноват. Найдут виновника незакрепленного груза — будет платить он. Нет — оплатит портовое начальство. И лечение, и то время, которое по его вине Шаронер и Ренар не смогут работать.

— Благодарность принята. Передайте господину Логану, что я буду рада оказать помощь в любой момент.

— Да, госпожа Ветана. Извините еще раз...

Тимир извинялся, наверное, минут с десять, а потом ушел.

Мэт посмотрел на Шими. На жену. Опять на мальчишку и опять на жену.

— Тира, ты не возражаешь? Ему в порту жизни не дадут...

— Ты же знаешь, не возражаю.

Тира ответила супругу сияющей улыбкой. Я даже залюбовалась. Хорошая они пара, любящая. Жаль, у меня такого не будет.

Шими переводил взгляд то на них, то на меня.

— Э...

— Шими, ты ко мне жить пойдешь? — Мэт решительно прервал его раздумья. — Я, правда, небогат, но как-нибудь и выживем, и прокормимся.

Шими где стоял, там и сел.

— А... я... господин Шаронер...

— Мэт, Шими. Думаю, для 'отца' рановато, а вот 'Мэт' — в самый раз.

Мальчишка захолопал ресницами, открыл рот, пытаясь хоть что-то сказать, а потом самым позорным образом разрыдался.

Я посмотрела на это, и вышла, оставив семью Шаронера (да-да, уже семью, всех троих) разбираться самостоятельно.

Ренар пока так и не пришел в себя.

Повезло.

Или нет?

Спустя два часа в дверь домика постучали. Знакомый (прострел в поясице) стражник выглядел смущенным, за его спиной маячила брылястая личность лекаря.

— Доброго здоровьичка, госпожа Ветана.

— И вам того же, — улыбнулась я. — Что случилось?

— Да вот, жалуется на вас господин Грем. Говорит, что его тут избили...

— Да? И кто?

— Вы, госпожа Ветана.

Я только ресницами захлопала.

— А свидетели есть?

— Говорит, что есть, госпожа Ветана.

— Так пусть предъявит!

— Вы их сами предъявите! Больных своих! — ядовито зашипел мужчина. — Пусть они попробуют сказать, что ничего не было!

Я пожала плечами.

— Господин Самир, — наконец я вспомнила и имя стражника, а не только его болячку, — пройдите в дом и поговорите с больными. А этого человека я на порог не пущу. Он не знает, что входя к больным нужно грязь с ног обтрясти. Полчаса за ним полы вытирала.

Лекарь зашипел и шагнул, было, вперед, но еще два стражника быстро его остановили. Просто скрестили копья перед калиткой. Мужчина побагровел, но остановился. Я смерила лекаря насмешливым взглядом.

А как ты думаешь, болван, кто им раны зашивает? Кто их семьи за медяки лечит? Кого и в час ночи могут с постели поднять?

Уж точно не тебя...

Самир честно прошел внутрь. И даже допросил Шаронеров, которые с невинными глазами ответили, что никто лекаря и пальцем не тронул. И даже не солгали. Метла же не палец, верно?

Самир покивал и с умным видом откланялся, забрав с собой лекаря. Кажется, еще и объяснил по дороге, что единственный синяк на руке — не доказательство, мало ли где тот мог удариться. А господу Ветана, если бы взялась кого избивать, такой малостью не ограничилась бы. Вы, верно, и не знаете, а по ее приказу...

Говорят, она такого человека вылечила, что ой-ой-ой...

Лекарь слушал, трясая брылями, но желания проверить информацию не изъявлял. Видимо, жить хотелось.

Кажется, обошлось?

Но впредь надо быть осторожнее. Эх, учишь себя, дуру, учишь, а все равно не впрок. Нс я честно постараюсь впредь не допускать таких ошибок.

А удачные пара дней выдались. Обычно вызовов у меня куда как больше, а платят намного меньше. Золота мне хватит, чтобы оплатить аренду домика еще за полгода вперед, а серебро пока отложим. Мало ли что случится?

Сари Ренар, как и договаривались, пришла вечером, сменяя госпожу Шаронер. А ночью, около полуночи, пришел в себя Нот Ренар.

М-да, хорошо, что я успокоительного заготовила побольше.

Мужчина рыдал, как ребенок. Едва-едва успокоили. Пришлось успокоительного влить и в Мэта, поняв, чего он мог лишиться, грузчика затрясло, потом до кучи досталось и мальчишке, который на ночь остался под моим чутким присмотром, так что успокаивали мы не одного истерика, а троих. И винить их за это не получалось, меня бы и саму перетряхнуло на их месте.

Но выспаться опять не удалось. Так что новый день я встречала головной болью и веселенькими синими кругами под глазами.

Повезло — день оказался тихим. Никто меня не звал срочно спасать невезучих бедолаг, никто ничего не требовал. Женщина с распухшей щекой (зуб воспалился, вот и разнесло) и мальчишка, распоровший ногу о гвоздь в заборе — это мелочи. По полчаса на каждого — и по домам, господа, по домам. Так что после обеда мне даже подремать удалось.

Шаронеров я отправила домой ближе к вечеру, взяв с Шими обещание, что при малейших проблемах со здоровьем (боли, головокружение, тошнота, потеря ориентации) у Мэта они тут же бегут ко мне. Ренар пока остался.

Нагноения не началось, я готова была поклясться, что нога будет заживать без проблем, но лучше уж присмотреть пару лишних ночей за больным. Сложная была операция, да еще на причале, чуть ли не среди дохлой рыбы, да и кровь мужчина еще не восстановил...

Жена усиленно кормила его печенкой на завтрак, обед и ужин, Ренар кривился, но жевал. Заодно пытались подкормить и меня, но я отказывалась. Вот еще не хватало!

Да, Ренара не уволят с верфей, ему даже будут платить, пока он не выздоровеет, но что и как будет потом? Им сейчас каждая монетка пригодится.

И все же я вздохнула спокойно, выпроводив Ренаров домой.

Нагноения не было, заражения не было, мужчина выздоравливал. А уж как там дальше будет...

Не знаю. Я лечу тела, а с душами — не ко мне. Это — в Храм.

Кстати — надо бы и сходить на богослужение, ни к чему лишнее внимание привлекать.

— Сияющий мир, божественный свет...

Певчие выводили гимн нежными тонкими голосами. Красиво...

Я стояла вместе со всеми, слушала, в нужных местах осеняла себя знаком Сияющего и делала вид, что шепчу молитву. Потом подойду под благословение — и домой.

В Храм я приходила уже не первый раз и местные холопы меня отлично знали. Иногда даже совета спрашивали.

Вот и сейчас местный холоп по-доброму улыбнулся мне и жестом попросил задержаться. Я послушалась и отошла в сторонку. Мужчина закончил благословлять прихожан и подошел ко мне.

— Благословите во имя Светлого, — привычно произнесла я.

— Живи в Свете его и не допускай Тьмы в свою душу, — привычно осенили меня знаком. — Дитя света, я не просто так просил тебя задержаться.

— Что-то случилось?

— Да... нельзя ли у тебя купить настойку от кашля? Уж больно хороша...

— С собой у меня нет... много ли надо?

— Да чем больше, тем лучше. Ветра дуют с моря, болеют братья...

— Я завтра принесу на богослужение.

— Благодарствую, дитя света.

Уффффф!

Вроде бы ничего не подозревает. Но я только лечу своей силой. А настойки, отвары, мази — все это не содержит ни грана магии и силы. Я пользуюсь теми рецептами, которым меня научила травница, которые я узнала из книг. И все же, все же надо быть осторожнее.

— Я слышал, что ты вылечила госпожу Лиот?

Я только глазами захлопала.

Лиот? Это кто еще такая...

Минуты три потребовалось, чтобы сообразить — это жена Жмыха. Да, имя-то у него красивое, а вот поступки мерзкие.

— А... она разродиться не могла.

— Придворный лекарь сказал...

— Либо мать, либо ребенок? Да, я знаю. Но там надо было просто повернуть ребенка, вот и все. А у меня руки тонкие, кость узкая...

— Да, руки у тебя, как у аристократки.

Опасность!

Я наивно улыбнулась холопу.

— Так это и не редкость, вы же понимаете. Всякое случается.

Холоп медленно кивнул. Ну да, аристократы по деревням гуляют. И горничных частенько огуливают. А кровь — она всегда кровь.

— Что ж, дитя света. Жду тебя завтра с настойкой...

Я поклонилась нарочито неуклюже и направилась домой.

Ох, не нравятся мне такие расспросы. Но и бежать пока неохота. В большом городе затеряться намного легче, чем в глуши, в дороге, в деревнях. Там-то все и всё на виду.

А в столице поди еще, найди меня.

Но если не успокоятся, придется уезжать.

Может, оплатить пока аренду домика только за месяц?

Лучше за два месяца, а там посмотрим.

Уезжать из Алетара решительно не хотелось.

Несколько дней прошли спокойно.

В Храм я сходила, настойку отдала, заодно убедилась, что холопы и слуги на меня капкан не ставили. Просто дошли до них слухи. Вот и поинтересовались. Так, по-соседски, как о сбежавшем молоке или умершей кошке. Бывает.

Кошку, кстати, мне еще раз приносили на осмотр. Хвостатая была жива, Здорова и круглилась с каждым днем все больше и больше.

К Шаронерам я зашла один раз. Мэт выглядел вполне довольным жизнью, Шими помогал ему во дворе, с радостью возился с новыми братом и сестричкой, и выглядел невероятно довольным. Да и одет малек был намного лучше. Добротные штанишки, рубашка, курточка, даже сапожки... Все выглядело поношенным, но чистеньким и аккуратным.

Так делают.

Семьи бедные, на детей не напасешься, на них же все горит, новое покупать дорого. А есть и богатые семьи, где один раз недели на ребенка вещь, а тот вырос. Или не понравилось. Или...

И несут такие вещи продавать на рынок. И дешевле, и удобнее.

Я и сама покупаю там иногда платья. Благо, со спины меня можно принять за пятнадцатилетнюю. Худая, щуплая, с работы лекаря особенно не потолстеешь... или я просто не там работаю? Или не так?

Есть же и те, кто отожрался...

Лекарь.

Оххх....

Господин Крамар решительно не оставлял меня в покое. Он был назойлив, как оса, и так же бесполезен*.

*** автор знает, что осы тоже полезны, но Вета этого знать не обязана. С ее точки зрения, осы кусаются, но меда не дают, а значит — бесполезны. Прим. авт.**

Лекарь приходил мало не раз в два дня, с цветами, один раз принес дорожные конфеты, отчего я только сильнее разозлилась. Цветы!?

Да, я люблю цветы!

Жи-вы-е!

В саду, в горшках, в лесу... ЖИВЫЕ!!! Не мертвые, в букетах! Это как-то связано кстати, с даром мага жизни. Я не люблю убивать.

Правда, я спокойно ем мясо, хожу в кожаной обуви, мою руки мылом, так что все до какого-то предела. Но цветы мне жалко. Есть необходимость, если я не буду есть мясо, то буду слабее, да и с обувью...

Я понимаю, что Крамар пытается за мной ухаживать, но не понимаю — почему?

Вот и сегодня...

Опять у калитки маячит, зар-раза! С розами!

Мне протянули здоровенный букетище, поцеловали ручки и рассыпались в комплиментах, напрашиваясь в гости на бокал вина. Пришлось отказать.

Уж простите, господин Крамар, но я так устала, так устала... сейчас рану зашивала, да еще травма у ребенка была...

Чистая правда.

И травма была — ребенок с дровяного сарая спланировал. Колено расшиб и шишку на лбу получил. Но сотрясения мозга нет, кости целы, отлежится денек, попа подживет — и опять бегать будет.

Почему попа?

А, его отец, когда убедился, что опасности нет, хворостиной выдрал, за свой страх.

И рану я ушивала. Была у Ренаров. Нот хандрил, а заживление раны шло полным ходом. Мне надо было вовремя вытаскивать дренажи и ушивать рану, сразу-то такая поверхность не срастется, это не кошачьи царапки.

Крамар видел, что я отговаривалась, но крыть было нечем, мужчина покивал и распрощался, а я пошла в дом. Розы тут же отправились в вазу, а ваза — на улицу. В сад. Не из вредности, просто пахнут они одуряюще, а домик у меня маленький. Оставь я их в комнате, спать потом не смогу.

Чем бы теперь заняться? Хотя лекарю всегда есть дело. Вот, хотя бы холстину на бинты. Нарезать, прокипятить, свернуть, залить воском...

За этим делом меня и застала хозяйка домика. Мать хозяйки.

— Веточка, здравствуй. Как ты тут?

— Госпожа Лимира! — обрадовалась я. — Проходите, рада вас видеть! А я вам денежку отдать хотела за пару месяцев!

— Ой, спасибо, Веточка. И правда, присяду, коль у тебя время есть.

— Я как раз бинты кипячу, так что с полчаса точно есть, — заверила я.

Госпоже Лимире я была благодарна, и было за что.

Что я знала об окружающем мире?

Мало. Только то, что он — есть. Что там живут люди, и что их надо лечить. Как лечить — я тоже знала. А вот почему, сколько, кому, когда и за что...

Те знания, которые обычные люди впитывают с детства — как выбрать свежую рыбу, а не тухлую, где купить хороший хлеб, как торговаться на рынке, сколько взять за лечение с вельможи, а сколько с кухарки, как отличить хорошего портного от плохого, и множество других, мне были просто недоступны. Ну не знала я, неоткуда мне было! И отлично понимала, что это главная моя беда. Если что меня может выдать, так это не моя внешность, не манеры, мало ли у кого они какие, кто и в богатом доме разного наберется, а вот эта неосведомленность. Вот что выделяет меня из общей массы.

Незнание.

Но с другой стороны, пока мы идем караваном, над этим задумываться не надо. Дорога — и есть дорога, на ночлег мы будем останавливаться на постоянных дворах, там же можно будет купить все необходимое. И можно по пути приглядываться к людям. Как они ходят, разговаривают, как ведут себя... научусь!

Караван...

Как путешествовать по стране?

Смотря, что тебе позволяют деньги. Аристократы путешествуют в каретах, со свитой, с охраной, от разбойников. Раньше и я путешествовала так же, не задумываясь ни о чем.

Письма и тех, кто торопится, везут почтовые кареты, за кругленькую сумму они быстро с одного конца королевства на другой домчат.

Нищие бредут по дорогам, ничего не опасаясь — кому они нужны?

А как насчет крестьянина, который собрался на заработки? Купца, везущего товар? Женщины, решившей проведать дочку, которая уехала в другой город? Примеров много. А вот денег мало.

Не все могут позволить себе нанять охрану, а разбойники-то водятся. Поэтому много лет назад чья-то умная голова придумала караваны.

Ты платишь определенную сумму, в зависимости от того, как хочешь путешествовать — пешком, верхом, в телеге, получаешь оплаченное и едешь с группой, человек тридцать-сорок. Называется это — караваном, он охраняется стражниками, и медленно бредет по городам. Иногда — и между королевствами, но тут дороже, тут еще учитываются въездные пошрины. Мне повезло, что я попала именно в такой.

Раньше разбойники пытались нападать на караваны, но тут уж вмешались короли. Начал это дело король Раденора, Александр Проклятый. Он попросту отловил всех, кто покушался на караваны в пределах его государства — и перевешал. Раз, другой, третий... больше непонятливых не нашлось. Другие короли, глядя на него, тоже подтянулись и принялись воспитывать население. Получалось хуже, но в основном, караваны трогать перестали. Предпочитали добычу полегче.

Ночевки у караванов тоже в определенных местах, на постоянных дворах, которые платят королевский налог, или на специально обустроенных стоянках неподалеку от реки. В караване есть Ведущий — шифф, обычно так к нему и обращаются. Шифф — это очень серьезная должность, тяжелая работа, большая ответственность. Все они состоят на королевской службе, все знают несколько языков, все обожают кочевую жизнь... шифф — это и работа, и призвание. У нас был шифф Нарис, мужчина лет сорока с коротко подстриженной светлой бородкой и внимательным взглядом серых глаз. Он отвечает за все, в том числе и за здоровье, и за пищу, и за снабжение... порвались сапоги — в караване найдется тот, кто за малую монетку починит их для тебя. Нет монетки?

Тогда чини сам. Тебе дадут нитки и шило, но и только-то.

Заболел? Тебя положат на телегу и постараются лечить, уж как умеют. Обслуживание клиента согласно выплаченным деньгам.

Я платила за пеший переход из города в город, но совершенно не подумала об одной детали. Роковой, в моем случае.

Есть ли у аристократок удобные сапожки?

Красивые — есть. Модные — есть. С вышивкой, с камушками, отороченные мехом, с красивыми кисточками. А вот удобные, рассчитанные не на то, чтобы из кареты выйти и не на прогулку верхом, а на длительную пешую ходьбу?

У меня не было. К концу первого дня хромала я так, что самой было страшно. По ощущениям — ноги я стерла до щиколоток. Так что когда мы остановились на постоялом дворе, я едва не заплакала от счастья, упав на скамейку. Нет, завтра я оплачиваю телегу. Пешком идти у меня просто не получится.

Разуться я решила только в своей комнате. Три женщины, с которыми я делила ее, посмотрели и отвернулись, а четвертая покачала головой.

— Девочка, да ты так без ног останешься.

— Я тоже это подозреваю, госпожа.

Ноги болели до ужаса, к тому же опухли, а мозоли лопнули и кровоточили.

— Лимира меня зовут, можешь так и звать. Я сейчас тазик попрошу, и водички из колодца.

И это было счастье. Когда я опустила ноги в таз с холодной водой, а потом обработала мозоли, наложила мазь и крепко забинтовала ступни.

— Спасибо вам, госпожа Лимира. Громадное!

— Да не за что, дочка. Ты в Алетар идешь?

Над этим вопросом я не задумывалась. Куда бы подальше от женишка, но...

— Да. А вы тоже?

— А у меня там дочка живет. Приболела она и сильно, вот зять и попросил приехать. С внуками надо кому-то возиться, трое у нее, мал мала меньше. Не справляется парень, да и Кариса меня приехать просила, как можно скорее. Боится, что и в живых не застану.

Голос женщины изломался, дрогнул, она вытерла глаза кончиком платка и отвернулась к окну. Я вздохнула. Кажется, не миновать мне этой семьи... судьба?

— А что с ней случилось?

— Не знаем. Есть не может, голова кружится, тошнит ее...

Больше я расспрашивать не стала. Да, я лекарь. Единственное, что я умею — лечить людей. Но... мне было попросту страшно. А вдруг не получится? Такое ведь может быть?

Страшновато...

Я подожду до Алетара. Караван быстрее двигаться не станет, время у меня еще есть. Пусть все решает судьба.

Шифф Нарис пожал плечами в ответ на мою просьбу, и сказал, что место в телеге найдет. Не жалко. Но лучше бы мне приглядеть сапожки получше.

Я согласилась, но покупать их на постоялом дворе мне отсоветовали. И дорого, и вряд ли что хорошее продадут. Лучше уж потерпеть до первого города, который окажется на пути, там будет привал на день, чтобы успеть пополнить запасы и закупиться товаром (да, товар так тоже перевозят).

Ничего. Доеду на телеге.

Соседкой по телеге оказалась как раз госпожа Лимира, симпатичная пожилая дама лет шестидесяти. Болтушка и сплетница, для меня — неоценимый человек. Другие скрежетали от нее зубами, а я слушала и впитывала информацию, стараясь как можно меньше говорить о себе. Впрочем, с ней это было несложно, стоило только спросить 'А ваша дочь...?' — и меня накрывало потоком сведений. Да, большей частью ненужных. Но удалось узнать, что дочь с мужем переехали в Раденор почитай уже лет десять назад, что они довольны, живут в Алетаре...

Куча сплетен про Алетар, про людей, про...

Даже про то, где продаются самые лучшие булочки во всем Алетаре — и то мне рассказали. Разве не замечательно?

Я еще не бывала в столице Раденора, а уже знала о ней больше, чем о столице своей родной страны. Во многом, именно госпожа Лимира определила мой выбор, и за это я ей благодарна. И за тот таз с холодной водой. Она об этом никогда не узнает, но это моя благодарность, и я сама решаю, когда, кому и за что ее дарить. А в тот момент мне гора золота была менее нужна, чем приснопамятный тазик и простое человеческое участие.

Но за добро я смогла отплатить добром.

Спокойной поездки у меня все равно не получилось. Не бывает такого, чтобы караван прошел без проблем и проволочек. Вот и в этот раз...

Что такое гроза?

Это красиво. Очень красиво, если смотреть из своей комнаты в замке на далекие горы, окрашенные всполохами молний. На серо-лиловое небо, которое раз за разом прочерчивают золотые огни, на надменные тучи, придавливающие деревья к земле своими животами. Слушать раскаты грома, завывания ветра...

Потрясающий в своей силе и надменности гимн природы. Так это видится в тепле и уюте.

А вот когда гроза застает караван на проселочной дороге, когда вокруг перелесок, когда до ближайшей крыши над головой примерно полдня пути, когда из всей защиты у тебя плащ, который промокает быстрее, чем ты пальцами щелкнешь и тент, который натягивают на телегу...

В этот раз я никакой красоты в грозе не увидела, зато мгновенно промокла, промерзла и мечтала только о горячем бульоне.

Шифф принял единственно возможное решение — двигаться дальше. Останавливаться на привал? Под порывами ветра мы ничего не смогли бы сделать, ни костры разжечь, ни обсушиться. Когда кончится гроза — неясно, идти далеко, но если ночевать в таком виде, в поле, то завтра большая часть людей проснется с болезнью горла, и шифф это отлично понимал.

Так что телеги и лошади двигались сквозь густую кашу из ветра и воды. Ругались, стонали, но шли вперед. И все было нормально, пока буквально в паре шагов от дороги молния не ударила в дерево.

Никогда не забуду этот миг.

Грохнуло и взблеснуло так, что я на миг ослепла и оглохла. Взвизгнула и упала в телегу, закрывая голову руками. Я тогда сильно испугалась. Кажется, остальные тоже пытались спрятаться куда поглубже, не знаю. Я могу отвечать только за себя.

Нам еще сильно повезло, хотя можно ли это назвать везением?

Молния ударила в дерево рядом с дорогой, расщепила его на две части, и одна из них завалилась на дорогу.

Повезло еще, что никого не покалечило, еще бы немного вперед — и дерево рухнуло бы как раз на телеги.

Повезло и в другом. Оно перегородило дорогу впереди, так что большая часть лошадей просто не смогла взять с места в галоп. Дерево помешало.

Но лошади все равно ополоумели. Они вставали на дыбы, бились, ржали, наездники поопытнее сумели их сдержать, более неловкие падали в грязь, прямо под копыта, слышались крики людей...

Шифф сумел навести порядок только через час.

Все были построены, мужчины отправлены оттаскивать с дороги дерево, женщины приставлены позаботиться о пострадавших, несколько человек отправились ловить сбежавших лошадей, а я занялась своим прямым делом.

Было несколько переломов, два вывиха, синяки, шишки, небольшие раны — и все это требовалось промыть, обработать, перевязать...

Шифф не слишком поверил заявлению о том, что я лекарь, но своего в караване не было, а стражник, который немного разбирался в лекарском деле, 'удачно' упав, выбил себе

плечо и был временно ни к чему не гожд. Даже когда я рывком поставила сустав на место, за что удостоилась трехэтажного ругательства в адрес моей матери, ему все равно не стоило двигать рукой хотя бы дня три. Так что всех раненых пришлось пользоваться мне.

И госпоже Лимире. Как помощница, она оказалась просто незаменима. Так что цена на проезд для меня и для нее значительно снизилась. Шифф оказался человеком благодарным, и до Алетара мы ехали с комфортом.

А в Алетаре госпожа Лимира предложила хотя бы пару дней переночевать у них, пока я не найду, где остановиться.

Я подумала — и согласилась. К тому же, она преследовала и свои цели. У госпожи болела дочь, а в моих способностях женщина уже убедилась и хваталась теперь за соломинку. А вдруг помогу? Хотя советом, хоть чем? Ночлег я в любом случае отработаю.

При первом же взгляде на госпожу Арнет, дочь госпожи Лимиры, мне стало ясно — дело плохо. Лицо бледное, бескровное, глаза запавшие, под ними синие круги, пальцы напросвет видно, а тело...

Да по ней скелет изучать можно!

Госпожа Лимира схватилась за голову, а я привычно — за руку женщины, считать пульс. Потом послушаю сердце, легкие... да что же с ней такое?

Но расспросы ничего не давали.

Чувствует себя плохо, тошнит все время, голова кружится, сил нет, что поест — все наружу выходит, пьет понемногу бульон, но скоро и его нутро не примет... мама, прости, ты же позаботишься о моих детях? Наверное, это внутренний червь.

Наверное.

А я все же посмотрю, в том числе и своим даром. Только спроважу всех...

Госпожу Лимиру за дверь выставить не удалось, но ее я как раз не боялась. Милая женщина была подслеповата, так что искорки вокруг моих пальцев попросту не заметит, пока носом не уткнется. Наоборот, она полезна будет.

Так и вышло.

Мать держала дочку за руку, занимая разговорами, а я медленно и осторожно прощупывала женщину своим даром.

А ведь...

Вот твари!

Но — кто!?

Десяти минут хватило для краткого и грустного:

— Госпожа Лимира, а ведь вашу дочку ядом травят.

Обе женщины только глазами захлопали.

Как — ядом!? Зачем травят!? Кому это вообще понадобилось!?

Ну, на последние вопросы у меня ответа не было, а на первый — так запросто. Настойкой волчьей ягоды ее травят, медленно, да верно, знаю я этот яд. Еще бы немного, и сердце отказало бы. А признаки именно те. И тошнота, и рвота, и в моче кровь... просто добавляют яд медленно, по капле травят, потому и не поняли люди. А вскоре, через месяц-полтора, и померла бы женщина, и в голову никому бы не пришло...

— Что же делать, что делать?! — схватилась за голову госпожа Лимира. — Вета, деточка...

Учитывая, что я чувствовала себя обязанной доброй женщине, ответ был однозначным.

— Лечить буду. Вылечу, есть у меня противоядие, дня за три-четыре яд выведем, потом только восстанавливаться будет. Платы не возьму, проживу с вами, пока госпожа Арнет...

— Кариса.

— Пока Кариса не оправится, а я себе жилье не найду. Лишнего дня не стесню, обещаю. Госпожа Лимира меня уже немного знала, больше месяца в дороге вместе провели, поэтому она закивала.

— Да, Веточка. Мы только рады будем.

— И спать я буду в этой комнате. Рядом с больной. На полу мне постелите.

Этот пункт тоже возражений не вызвал, после того, как я объяснила, что тело будет чиститься, мало ли что, лекарка должна быть рядом на всякий случай.

Но это — чем травят.

Кто травит — предстояло выяснять женщинам. А вот как...

Яд — это ведь не просто так, его принести требуется, подмешать к чему, дать человеку... к тому же, И муж Карисы, и ее дети были полностью здоровы. Как же яд попадает в кровь женщины?

Первым делом я перетряхнула все на кухне. Без особой надежды — любой отравитель не дурак ведь, чтобы держать такую опасную вещь рядом с детьми. Да просто — полезут в шкаф и наткнутся.

Последовательно перетряхнула косметику Лимиры, мази и притирания, лекарства и одежду... нет. Чисто.

Кто бы это ни был, яд он носит с собой?

Глупо. Демонски глупо!

Яд должен быть где-то неподалеку! Обязан!

Но если есть какой-то тайничок, под половицей, за камушком или еще где, я его никогда не найду. Я ведь не собака, такого острого нюха у меня нет... а идея.

Если дать собаке понюхать яд...

Отравителя я собиралась найти и разъяснить по всей строгости. Я — лекарь, я поставлю Карису на ноги, а потом кто-то придет и ее опять отравит!? Вот еще не хватало! Не позволю мою работу портить!

Лечила я Карису ночью, лечила своим даром и радовалась, что предусмотрительно напоила женщину снотворным. А то не дай Светлый проснется, что ей потом объяснять? Что я сижу и вожу над ней руками потому, что пытаюсь человека под одеялом нащупать? Или строение скелета изучаю?

Неубедительно.

Но за один раз ее даже моим даром не вылечить. Или я потом сама свалюсь. Яд — это ведь не просто так, ее травили медленно, тут и желудок, и печень, и почки, и даже сердце — все поражено. Вовремя мы успели.

Что ж, Кариса, тебе повезло. Я помогу тебе.

Я медленно водила руками над телом. В первую очередь мы почистим сердечко, чтобы оно билось спокойно и ровно. Соберем из него весь яд, осторожно выведем к почками — и наружу его, наружу! Чтобы и следа в теле не было!

Да, Карисе будет неудобно ночь пролежать на мокром, и с утра она будет стесняться,

поняв, что описалась во сне, ну да и ладно! Лучше небольшое неудобство, чем смерть. Да и оставлять эту пакость лишний раз в теле женщины не хотелось. Завтра выведу побольше яда из печени, потом из почек...

Много его. За один раз я не справлюсь, выводить, восстанавливать... и так умоталась.

Рухнула на одеяло — и заснула, как убитая.

Утром я проснулась от возгласа госпожи Лимиры.

— Кариса, деточка...

Деточка чувствовала себя намного лучше, пила бульон, жевала сухарики и благодарно улыбалась мне. Ее муж, симпатичный мужчина лет тридцати по имени Вилт, поздоровался со мной с утра — и убежал на работу. Чтобы содержать семью и оплачивать лекаря для больной жены, он трудился с утра до ночи. Строил дома, отделывал их, в подчинении у него была артель из десяти человек и работали они на совесть, их и аристократы звали, не брезговали.

— Добрый день! Угадайте, кто пришел!

Голос был вполне дружелюбным. Но...

— А, здравствуй, Таниль, — госпожа Лимира не лучилась дружелюбием. Симпатичная женщина лет тридцати, стоявшая в дверях, даже шаг назад сделала. Но тут же опомнилась, вошла, закрыла за собой дверь.

— Госпожа Лимира, рада вас видеть...

— Взаимно, деточка, взаимно, — Лимира улыбалась, только вот в ее добрые чувства не верилось. — Что тебе надо?

— Я к Карисе...

— Ты же знаешь, она больна.

— Ну да. Я вот и помогаю с домом, пока она себя плохо чувствует. Вот, за хлебом зашла, Карисе лепешки купила, может, она хоть одну съест...

— Спасибо, — госпожа Лимира взяла у женщины узелок. — Я сейчас посмотрю. Веточка, ты не взглянешь? Можно Карисе такие?

— Веточка? — прищурилась женщина, потеряв половину обаяния. — А кто это?

— Я — лекарь, — спокойно ответила я.

— И чем же больна моя несчастная сноха?!

— Затрудняюсь пока ответить, — сама не знаю, почему я сказала именно так. — Разберусь в ближайшее время, лечить я ее уже начала, а там посмотрим.

— Госпожа Лимира, вашу дочь пользуется лекарь Карт, с улицы Золотых пчел, — Таниль подчеркнуто обращалась только к матери больной. — Может, стоит ему довериться?

— Я подумаю. А ты иди, иди, деточка, у тебя дети дома...

— Да они сюда придут...

— Зачем?! — удивление госпожи Лимиры было совершенно искренним.

— Ну... я же тут.

— Таниль, милая, мы так ценим твой труд, — заворковала госпожа Лимира, подталкивая женщину к двери. — Ты всегда такая услужливая, так готова помочь, просто не знаю, что бы мы без тебя делали, ты притомилась, наверное, так отдохни, домом займись, детьми...

Дверь хлопнула.

Через несколько минут Лимира появилась на пороге, красная от гнева.

— Вот дрянь, а?! В дверь выгнали, так она в окно ползет!

— Кто это?

— Сестра Вилта, Таниль. Та еще пакость!

— Расскажите?

— Расскажу. Так что она там притащила?

Лепешки были свежими и явно вкусными. Только вот Карисе их было лучше не давать

— и так желудок ослаблен. Раздражение будет.

Переговорив с женщиной, мы выяснили, что Таниль таскала их мало не каждый день. Лимира только зубами скрипнула.

— Пакость сладенькая! Не при Вилте будь сказано!

Кариса подтвердила кивком слова матери.

Я принесла больной очередную кружку травяного отвара — пусть промывает нутро, чтобы мне полегче было, и услышала в награду историю жизни Таниль.

В общем-то не особенно новую под луной. Известно, что бывают бедные семьи, в которых у отца руки из задницы растут, а мать, как ни бьется, детей поднять толком не может. Такой и была семья Вилта. Отец, который не пил только когда в трактирах вино кончалось, мать, которая тащила на себе тяжелый семейный воз, и двое детей. Таниль старшая, Вилт младший. Были и еще, да умерли. Таниль с детства занималась Вилтом, учила его, присматривала, брат и сестра были очень дружны, несмотря на разницу больше, чем в десять лет. А когда Вилту было шесть, сестрица вышла замуж, да за мужчину малым не на двадцать лет ее старше. Понадеялась, что из нищеты вырвется.

Зря.

Недаром говорят, что добиться всего можно только трудом и умом, ой, недаром.

Муж Таниль оказался таким же головозадым, и голопопым как и ее отец. Ни дома, ни дела, ни желания что-то делать. А зачем? Трактиры же открыты! Таниль родила двоих детей и потащила семейный воз, как и ее мать, с той разницей, что Вилт старался помочь сестрице. Пока не женился.

Не то, чтобы Кариса была сильно против, когда всего в достатке, грешно не поделиться, но — до предела. Можно помочь человеку, но не стоит сажать его к себе на шею, известно же, что в первый раз тебя поблагодарят, во второй кивнут, а в десятый поинтересуются, почему это ты своих обязанностей не выполняешь?

Вот и Таниль так же.

Сначала она забегала вроде как в помощь Карисе, потом детей с собой привела, и опомнилась Кариса только когда стал забегать столоваться и муж Таниль, а потом еще являться пьяным, скандалить, блевать под забором и одалживать у Вилта деньги. И эту пьяную скотину видели дети! Пришлось это дело обрывать и жестко. Договориться с подругой, отводить к ней детей на время, самой брать работу на дом, выпроваживать наглых гостей...

Вилт ничего не хотел даже слышать, для него это была сестра, близкий и родной человек, первое же возмущение Карисы наткнулось на железное непонимание мужа.

Как так может быть — его женщины вдруг не нашли общего языка?

Такого — не бывает.

Вот и пришлось Карисе вежливо, не произнося неприятных слов, отваживать наглую родственницу. Не то, чтобы ей было жалко денег или тарелки супа, просто она искренне считала, что помощь — это движение в две стороны. Ты мне, я тебе, на том мир стоит. А когда тебе помогают на медяк, а с тебя требуют на золотой, это уже немного другое, верно?

Таниль поняла намеки к концу второго месяца, и постепенно убрала излишки своей жизни от Карисы. Перестал забегать ее муж, одалживать у Вилта деньги на хлебешек, перестала каждый день заходить сама Таниль, ограничившись визитами по выходным... Вилт по-прежнему помогал ей, но намного меньше — это жизнь.

С новой силой проблема заявила о себе с год назад. У Карисы был в Алетаре небольшой домик. Раньше они жили в нем с матерью, потом госпожа Лимира уехала к сыну, а домик Кариса сдавала, получая за это небольшую денежку. В семье все к месту, тем более, когда детей трое.

Около года назад мужа Таниль в очередной раз (двести пятидесятый, юбилейный) выгнали с работы. Артельные пошли — отвратительные! Не уважают человека совершенно, работать требуют, да еще грозятся за лень и глупость из зарплаты вычесть.

Таниль, оставшись без денег (вранье, со слов Карисы) прибежала к ним и принялась плакаться на жизнь. Звучало это так.

Пустите переночевать, а то ни есть, ни пить, ни носить нечего.

Домик на тот момент пустовал, но Кариса отлично понимала — временное есть самое постоянное в мире. Пустишь раз — не выгонишь год. Поэтому она покачала головой, мол, извини, дорогой, домик я сдала. Сегодня.

Таниль поняла, что ей отказано, Вилт понял, что жена лжет, разгорелся скандал, и Кариса в сердцах высказала все в лицо золовке. И то, что она решать чужие проблемы не занималась. И то, что не она создавала их Таниль. Выходила замуж, надеясь на золотые горы? Не получилось? В активе оказались горы навоза? Так раскидай его по огороду и собирай урожай! Никто тебя силком замуж не выдавал, детей рожать не принуждал, жаловаться на жизнь тем более не стоит, у Карисы она не лучше. Тоже работает, чтобы мужу помочь, глаза над вышивкой слепит, бисером одежду расшивает. Стоит дорого, да делается сложно и долго. Таниль тоже много чем могла бы заняться, да предпочитает ходить и жаловаться. Тут песенку о своем горе споет, там кусочек от чужого пирога откусит, к третьему поплакаться поползет.

Так что не надо. Сначала она сама себе проблем нажила, а теперь требует, чтобы все их решали. Так вот.

Кариса этого делать не обязана. Точка.

Тогда супруги единственный раз крупно поссорились, но Кариса осталась тверда в своем решении. А спустя полгода и заболела.

Тут Таниль проявила себя с лучшей стороны, старается помочь, чем может...

— Мне эта змея в сиропе никогда не нравилась, — дополнила господу Лимира. — Как хочешь, Веточка, да только ханжа она. И дура. И дрянь редкостная. Плохое сочетание, ой, плохое.

Я только плечами пожала. Пока мое дело — Кариса.

Вторая ночь прошла лучше. И наутро Кариса, под восхищенным взглядом мужа, уже пробовала есть жиденькую овсянку на воде, и даже улыбалась. Я почистила ей печень, вскоре женщина обретет нормальный цвет лица, без этой землистой зелени, а там и до почек дело дойдет.

Вылечу.

Но яд-то я пока не нашла!

Таниль явилась на следующий день. Принесла пышки, которые сама испекла, предложила Карисе, я опять попросила госпожу Лимиру не давать их женщине, Таниль

возмутилась, принялась сомневаться в моих способностях, госпожа Лимира ошетибилась... начавшуюся ссору оборвал муж Таниль. Явился пьяным, наблевал на пороге...

Пока его привели в себя, пока выставили, вместе с непрерывно извиняющейся Таниль, часа два прошло, не меньше.

Травяной отвар так и стоял на тумбочке у кровати Карисы. Я подумала, и решила его подогреть, не пить же остывшим? Он и горячим-то неприятен, но хоть так вкус не чувствуется...

А холодный... бэээ!

Нам повезло дважды.

Что Кариса не выпила ни капли, устав и заснув после ухода незваных гостей.

Что разогревать отвар я решила самостоятельно. Госпожа Лимира просто не поняла бы, что перед ней. А я-то все запахи знаю, все вкусы... кому, как не мне, было заметить новый оттенок?

Потом я попробовала на вкус каплю отвара, скривилась...

Отравитель был найден.

Отравительница.

Только что с ней делать, не знали ни я, ни госпожа Лимира. За руку мы ее не поймали, Вилт нам в жизни не поверит, стража тоже, а заявления вроде 'да сволочь она, сволочь!' ни один суд в расчет не примет. Увы.

— Надо поймать ее за руку, — решила госпожа Лимира.

— А как?

— Вот если бы... а откуда она яд взяла?

— С собой принесла?

— А если он в спальне Карисы? Больше-то никуда она не заходила, негде больше? А у себя она его хранить побоится, точно!

— Почему?

— Да старший сын у нее... ненормальный. Везде лезет, все ломает, минуты спокойно не посидит. Чума, а не ребенок. Что хочешь найдешь, не убережешься. Думаешь, Кариса просто так от них устала? Своих трое, да чужих двое, да оба... оба они такие у Таниль выросли! То визг, то истерика, то пригляди за ними, то останови, то почини, что сломали — никаких сил не хватит. Да еще муж выговаривал Карисе, что она-де его племянников не бережет! А как их убережешь — таких? Пусть за них родная мать отвечает! А к себе в спальню Вилт детей не пускает. Ни своих, ни чужих.

— Оно и правильно. Пойдемте осматривать спальню?

И мы таки нашли его!

Маленький пузырек с темно-коричневой настойкой, спрятанный под подоконником. Там досочка, которыми были стены обшиты, отходила, вот под ней, в углублении...

Кариса только за голову схватилась.

— Мама! Вета! Так это же...

Мы закивали.

Это. А могло и хуже быть. Только что теперь делать?

— Вилту говорить нельзя. Ему надо все на месте показать, иначе в жизни не поверит, — решительно приговорила Кариса. — Только как?

Я усмехнулась.

— А вот так.

И Вилт узнал, что лекарка советует переобшить спальню. Дескать, часть досочек, которыми стены обшиты, из осины, а это дерево плохое, да и подгнили они изнутри. А потому надо Карису переселить в другую комнату, а эту отделать заново. Опять же, и Карисе в радость, выздоравливать быстрее будет, а то ей опять что-то поплохело...

Госпожа Лимира сбегала к знакомым стражникам и уговорила их быть свидетелями.

Так добыча и попалась. Схватили Таниль на месте, с пузырьком в кармане, поинтересовались, что это за настойка такая, та пыталась отпираться, но улики были неоспоримые. Дали показания и я, и госпожа Лимира, и сама Кариса, ее осмотрели помимо меня два судебных врача, признали отравление, признали яд — и приговорили Таниль к каторге.

На суде она отпиралась, как могла, заговорила только когда поняла, что никто ей не верит. И тут наслушались все. Я — за то, что влезла, куда не надо! Без меня бы все получилось. Стерва я и сука.

Госпожа Лимира — за то, что ее демоны не вовремя принесли, да еще со мной вместе. Никогда она бедную Таниль не любила, все время со свету сживала. Как и зачем — непонятно, но — факт! Гадина старая.

Вилту досталось за недостаток денег! Мог бы и о сестре подумать, а он все в дом, все в семью! Негодяй!

Карисе — за тот домик, за заносчивость, за нежелание содержать родню, сажая ее себе на шею...

Мужу Таниль — этому вообще за все хорошее. То есть за все плохое, хорошего слова она о нем ни одного не сказала. Любящая жена и любящая сестра, воистину.

Вилт был безутешен. Мужчина пережил тогда крушение мира. Как же!

Сестра!

Самый близкий и родной ему человек покушается на второго родного ему человека. На жену!

Да за что ж так!?

Правда, детей Таниль все равно пришлось воспитывать Вилту с Карисой, потому что их отец растворился в нетях через месяц после суда над женой, но женщина сумела взять их в руки. Старшего парнишку отдали на флот, там в нем души не чают, а младшего пока не поздно исправить...

А мне Кариса сдала тот самый домик, из-за которого все началось. Сначала они и деньги брать не хотели, но я настояла. Чуть поменьше, да, но плачу я исправно, а к тому же купила в домик кое-что, ремонт сделала, если мне уезжать придется, я все тут оставлю. Да и лечу их семью бесплатно, так что никто не в обиде, даже Вилт.

А госпожа Лимира частенько забегала ко мне, посплетничать о том, о сем, подсказать, где что хорошее можно купить, рассказать последние новости города.

Вот и сейчас она удобно расположилась напротив меня на стуле.

— Веточка, ты слышала? Говорят, война скоро будет.

— С кем?

— Так с Миелленом.

Охxxx...

Война...

Вот уж что мне решительно не нравилось, как лекарю. Убить человека — секунда, а сделать?

Воспитать, вырастить, выучить? Это — сколько?

На войне на это не смотрят.

Иногда мне кажется, что править должны королевы — женщина лучше понимает ценность каждой жизни. Мужчины до старости иногда остаются мальчишками, играют в солдатики, а ведь это уже не куклы. Живые люди. И им тоже больно.

Небось, сам король на войну не пойдет?

— Почему не пойдет? — удивилась госпожа Лимира. — еще как!

— А почему — война?

— Потому что в Миеллене герцог совсем ума лишился, — огрызнулась госпожа Лимира. — мы-то себе сидели тихо... да нам и воевать надобности нет.

Это верно, Раденор страна богатая. Но в Миеллене тоже есть кое-что хорошее, а именно — уголь. Вот им они и торгуют. Уголь, земляное масло...

— Тогда что случилось?

— У нас с Миелленом граничит герцогство Атир, знаешь?

— Знаю.

— Вот. Там недавно тоже уголь нашли. И герцог обеспокоился.

Я покивала. Тогда понятно. Раз у нас уголь есть (у нас? Но живу ж я в Раденоре, значит — у нас), то у Миеллена мы его больше покупать не будем? А значит — уменьшение доходов, ухудшение торговли и прочие неприятные вещи, о которых я имею смутное представление. Я — женщина, меня учили правильно тратить деньги, а не зарабатывать их.

— Он первым и напал. Мы только пласт разрабатывать начали, а они хотели его поджечь...

Я покивала еще раз, напоминая себе задумчивую лошадь. Я смутно знаю, что уголь залегает пластами, что где-то он может выходить на поверхность и там его можно достать, а где-то прячется в глубине и добыть его нет никакой возможности. Маги земли могут попросить металл выйти на поверхность, но и магов мало, и сил у них мало.

— А как случилось, что его в герцогстве нашли?

— Да там болота осушать стали. Король распорядился, дескать, надо. Местность сырая, нездоровая, люди болеют, так что воду отвести, осушить да под пашни его... ну, теперь под пашни не получится. Направил туда магов воды и земли, а оно вон чего вышло!

М-да. Невесело.

— Да и его величество давно на Миеллен облизывался, — лукаво улыбнулась госпожа Лимира.

А вот это — наверняка. Использовал войну, как предлог, и не его ли руками была устроена эта провокация? Ох, не верю я в доброту власть имущих.

А вот чем это грозит мне?

Да ничем. Мужа или сына у меня нет, а то, что я лекарь... Была бы женщиной, могли бы предложить службу. А я женщина, мне в войске не место, если сама не захочу и очень-очень не попрошусь.

Так что я успокоилась, и разговор пошел обычным путем.

Дом, дети, дочь, зять...

Они пришли ночью. Поскреблись в окно...

— Госпожа Ветана, не соизволите ли открыть?

Открыла, куда ж я денусь.

Двое мужчин, каждый раза в полтора, а то и в два крупнее меня, смотрели строго.

— Вам надо проехаться с нами. Очень надо.

— Что у вас случилось? — я зевала во весь рот.

— Один человек болен.

Это дело абсолютно житейское.

— Сейчас, сумку возьму и оденусь. Подождите три минуты.

— Поторопитесь, госпожа Ветана.

Стоило мне выйти за порог, как один из мужчин протянул руки к сумке. Я покачала головой.

— Не надо.

— Я просто помочь.

Я взглядела в лицо мужчины лет сорока. Грубоватое, но чем-то симпатичное. Будь я той породы женщин, которой нравятся обаятельные негодяи, обязательно повелась бы. Тяжелый подбородок, не слишком высокий лоб, выразительные темные глаза...

Производит впечатление неглупого.

— Сумка должна всегда быть при лекаре. Мало ли что.

Ответом мне был короткий кивок и согнутая рука. Я накинула на голову капюшон плаща и приняла предложение. второй мужчина последовал то ли за нами, то ли впереди нас.

Путь вел в портовый город.

Алетар делится на несколько секторов, и они как бы спускаются с холма к морю.

Высокий город, он же белый город — там королевский дворец, там живет знать.

Средний город, из-за множества садов, которые оставил там Алетар-основатель, его все зовут зеленым — богатые купцы, знать пониже и пожиже, лавки, Верхний рынок.

Низкий город, иногда его называют еще и желтым — совсем близко к морю. Тут пески, на них ничего толком не вырастишь, разве что как мои пару грядок, здесь живет беднота, здесь стоят мастерские, здесь Нижний рынок...

И — рыбный город. Или — припортовый район. Самый грязный и опасный, кстати говоря. Склады, контрабандисты, ворье... я сюда и днем трижды подумаю, прежде чем идти, во всяком случае в такие переулки. Есть и тут улицы, которые патрулирует стража, их специально оставил при строительстве Алетар Раденор, они широкие, удобные и даже освещаются фонарями, но мы словно специально избегали их, пробираясь по трущобам.

Пару раз я слышала в темноте невнятные слова. Могла бы и разобрать, если бы напрягла слух... наверное. Если это воровской жаргон, то вряд ли я что-нибудь пойму, а что мои спутники — ворье, и не из простых, я даже не сомневалась. Но желания кричать 'Стража!!!' не возникало.

Болезнь каждый может.

Наконец мы остановились перед ничем не примечательным домиком, и мой спутник постучал в стену.

Два раза. Три. Потом один и четыре. Некоторое время стояла тишина. Потом дверь распахнулась.

— Привели?

— Привели.

— Меня чуть подтолкнули внутрь и свет резанул по глазам. Я на секунду зажмурилась, а потом передо мной оказалось лицо женщины лет тридцати, довольно красивое, но потасканное и слишком вульгарно накрашенное.

— А что, никого приличнее не было? — осведомилась она.

— Ты же знаешь, Шер уже старый...

— и что? Девочек тащить... можно подумать, она что-то умеет?

Все. Мое терпение кончилось. Я выпрямилась во весь невысокий рост.

— Не сомневаюсь, любезнейшая, что вашими умениями я не обладаю. И даже не претендую, — мой голос звучал сухо. И — повернуться к мужчинам. — Вы меня сюда привели ради этой невоспитанной особы — или ради больного человека?

Вспыхнули все трое. Девушка — от гнева, мужчины — под моим взглядом. Забавно, вот уж не подозревала, что такие личности еще краснеть не разучились? Спасибо за науку, мама. Верно она говорила, что высокое происхождение не в драгоценностях и платьях, оно во внутреннем стержне, который безошибочно распознается рожденными в канаве.

Или неверно? И в канаве может родиться истинно благородный человек, но тот ли это случай?

Девушка двинулась ко мне с намерением вцепиться мне в волосы. Я чуть расслабила пальцы на ручке сумки. Уложено там все так, что не побьется, если кинется — ударю в голову, сама же и вылечу, если что. От своры собак я один раз скромной сумочкой лекаря отбилась.

Один из мужчин перехватил ее.

Второй кивнул мне на комнату.

— Проходите, госпожа Ветана.

Что я и сделала. И тут же, забыв обо всем, бросилась в человеку, который лежал на кровати без сознания.

Мужчину ранили в живот.

Ранили нехорошо, опасно, полоснули чем-то так, что кровью пропиталось уже полкровати. А что там под повязкой — Светлый ведает. Хорошо, если грязь в рану не попала.

Я повернулась к одному из мужчин.

— Воды и побольше. Прокипятить ткань, ему понадобится чистое белье, мне — не мешать. Принесите еще лампы, чтобы было лучше видно.

И склонилась над раненым.

Осторожно убрала с его живота повязку. Не разматывая, ничего, просто достала нож и срезала залубеневшие от крови узлы.

И моему взгляду открылась неприглядная картина.

М-да... мужчину полоснули чем-то поперек живота, так, что кишки наружу вываливались... если целы — чудом будет. Разумеется, кровопотеря, болевой шок, да много всего хорошего.

За спиной послышалось злобное шипение. Давешняя девушка поставила лампу поближе ко мне, одарила злобным взглядом и вышла вон.

Кажется...

Я уже не смотрела, я осторожно прощупывала рану.

Придется вложить кишки обратно, плотно зашивать нельзя, оххх...

Ладно. Сначала разобраться с больным, а потом все остальное.

Я повернулась ко входу в комнату. Один из двух моих провожатых стоял у входа и смотрел весьма встревоженно.

— Не знаю, — честно призналась я. — Есть шансы выжить, но умереть у него шансов намного больше. Что смогу сделаю... а вы все подождете за дверью. И чтобы никто не тревожил, пока не позову.

— Вот еще! — взвился склочный женский голос — и оборвался звуком затрепанный. Мужчина посмотрел на меня, словно разыскивая что-то важное для себя в моем лице, а потом кивнул.

— Хорошо. Постарайтесь, госпожа Ветана.

Я кивнула, не обращая внимания на прозвучавшую в голосе угрозу.

Постарайтесь...

А разве я могу иначе?

Я достала из сумки белую косынку и принялась заматывать волосы, чтобы ни одна наглая прядь не выскользнула из-под ткани. Еще не хватало облить в открытую рану.

Волосы у меня длинные, прямые, гладкие и тяжелые. Давно бы обрезать, но памяти жалко. Бабушка меня так уговаривала косу растить... вот и выросло кошмарище до попы, толщиной в руку. Я ее почти никогда и не распускаю. Расчесала — и вновь заплела, чтобы не тряхнуть гривой. Это аристократкам можно перевивать роскошные прически бриллиантовыми нитями... у меня была рубиновая.

Воспоминания не мешали мне накидывать на платье балахон, привязывать пациента к кровати, протирать руки винными выморозками, потом осторожно очищать сначала живот мужчины, а потом и саму рану.

Мужчина застонал через обморок. Я коснулась его сонной артерии.

Пульс есть.

Неровный, редкий, но он борется...

Что же.

Кто бы ты ни был — я сделаю все для твоего спасения. А пока надо остановить кровотечение и осмотреть кишечник. И для твоего же блага, человек, надеюсь, что ты не ел. Или что оружие не распорол тебе кишечник, потому что его содержимое в брюшной полости... оххх...

Но запаха дерьма вроде бы не было.

Впрочем, не обольщайся, Вета. Ты можешь что-то и не видеть....

Ничего. Дар увидит.

Спустя два часа мне самой впору было лечь рядом и помирать. Кровать — это не мой удобный стол, а потому спина болела адски. Глаза тоже болели, да и руки — сшивать брюшину не так легко.

Так что я крикнула, что можно заходить, а сама улеглась прямо на грязный пол. Сил вообще не было.

Что подумала вся эта компания, увидев пациента на кровати, а меня на полу, даже и не предполагаю, но глаза у них плавно расширились. У всех троих.

— Надеюсь, выживет.

— Надеется, госпожа Ветана?

— Что смогла я сделала. Кто сможет сделать больше, я не знаю, — честно ответила я. Это было абсолютной правдой.

Мой дар уверенно шептал, что мужчине повезло. Видимо, его полоснули поперек живота чем-то вроде сабли, но он успел отскочить назад. Вот и досталось — самым краешком. Кишки уцелели, а кожу и мышцы рассекло.

Проблема была с грязью, которой попало достаточно, но что смогла я промыла и обеззаразила. Если не пойдет воспаление — выживет.

Крови он потерял много, но с моей помощью должен ее восполнить побыстрее. А вот смогла ли я сложить кишки правильно? Вот вопрос?

Кишечник должен пропускать пищу, а если получился перехлест или нечто в этом роде, петля, непроходимость... придется все переделывать заново и снова рисковать жизнью пациента. Заражение крови не шутка.

— Двигаться ему пока нельзя. Мне надо приходить хотя бы два раза в день. Переносить его пока нельзя, кормить тоже, поить по чуть-чуть, буквально по паре глотков в час, пока только вода, чистая. Прокипятить два раза, стакан промыть, ложку тоже, поить с серебряной ложки.

— Да у нас и золото найдется...

— Только серебро. Кипятить тоже с серебром.

— Перевязки?

— Два раза в день. Мне придется пока делать самой, вы не поймете, если что-то будет неладно...

Мужчины переглянулись.

— Госпожа Ветана... вы сможете пожить у нас несколько дней?

— Здесь? — поинтересовалась я.

Кивок.

Только сейчас я поняла, что похожи они, как братья. Один, тот, с которым я шла под руку, постарше, второй помладше. А так — одинаковые умные темные глаза, одинаковые подбородки, брови...

Я перевела взгляд на больного на кровати... ну, брови точно были похожи.

— Это ваш отец?

— Да.

— Я не смогу остаться. Но приходить буду, если покажете куда.

— госпожа Ветана, — начал младший из братьев извиняющимся тоном. Я подняла руку.

— Не надо. Я не одинока, у меня есть друзья, знакомые, есть такие же больные, как ваш отец, если я внезапно пропаду, начнется шум. Меня будут искать, и это привлечет ненужное внимание. Могу дать клятву, что не сделаю ничего во вред моему больному.

— кто б тебе поверил! — раздалось шипение от двери.

Я пристально посмотрела на женщину.

— Любезнейшая, ВЫ можете мне не верить, я не настаиваю.

И перевела взгляд на мужчин, тем временем собирая инструменты и лекарства в сумку. Несколько минут братья глядели то на меня, то на раненного, то на женщину, потом старший кивнул на дверь — и все трое молча вышли.

Ну да.

А то я такая дура, и живу я вовсе даже не в Алетаре, и о контрабандисте по прозвищу Угорь ничего не слышала. И татуировку в виде угря я на спине у раненого не видела.

Смешно.

Но вслух я этого не скажу. Не исключено, что ко мне придет кто-то и из портовой стражи, которая сцепилась этой ночью с контрабандистами, и я так же буду лечить и их. И вновь промолчу.

Такова плата за дар мага жизни.

Я не могу убить. А если я выдам этого человека страже, это будет то же убийство, только чуть медленнее. Я промолчу.

Они вернулись через десять минут.

На этот раз говорил опять старший брат.

— Госпожа Ветана, мы бы хотели оплатить ваши услуги. Если вы сможете навещать нас два раза в день...

— Если вы меня проводите, — честно призналась я. — Я не знаю эту часть города, и побаиваюсь ходить одна по темным переулкам. А вашему отцу требуется врачебный присмотр еще дней десять, не меньше.

Старший кивнул, глядя на меня.

— Благодарю, госпожа Ветана. Вот, возьмите.

Я спрятала маленький кошелек в карман, не потрудившись пересчитать деньги.

— Благодарю вас. Вы не проводите меня домой? Хотелось бы успеть чуть отдохнуть. Если у вашего отца начнется жар, тотчас посылайте за мной.

— Да, госпожа Ветана.

— Ему бы у меня полежать, но переносить его сейчас нельзя. Сразу бы его ко мне принести...

— Не сообразили, — искорки в глазах старшего из братьев говорили о том, что мы поняли друг друга.

Я — лекарь, их отец — больной, на этом все. Остальное меня не интересует. Ни где он получил такую рану, ни почему его не принесли сразу к лекарю, ни....

Ни-че-го.

Это как в детской игре, где тебе задают вопросы, а ты не должен произносить ни 'да', ни 'нет'. И мы тоже не произносим кое-что вслух. Только в нашем случае от этого выиграют все.

Ничего я не знаю и не понимаю. Точка.

В кошельке оказалось...

Твою рыбу!

Сволочи!

Твари, ублюдки, контрабандисты!! Порву на тряпки!!!

Да как они посмели!??

В кошельке лежали три золотые монеты и пять редких розовых жемчужин. Рассветных жемчужин, которые водятся только в нескольких бухтах на побережье, добываются коронными ныряльщиками и строго учитываются. И контрабанда их карается очень жестоко.

Значит, вот как...

Чтобы не донесла, эти твари решили сделать меня своей сообщницей?!

Первым порывом было швырнуть жемчужины в две наглые рожи. Остановило только понимание того, что следующим моим шагом — будет шаг на кладбище. Козе понятно, наглую лекарку просто убьют, чтобы не выдала.

А если оставить их себе?

Если эти жемчужины найдут у меня — это не приговор. Весь жемчуг учесть невозможно, сколько его было уже выловлено, будет выловлено. У меня могли остаться жемчужины от матери, или мне их мог подарить любовник...

Беда в том, что я не могу назвать имен. Если я назову своих родителей... м-да. И любовника у меня нет, завести, что ли?

Стук в дверь не сделал меня добрее.

— Да!?

Стоящий на пороге лекарь аж шарахнулся от меня. Видимо, такое добродушие было у меня на лице написано, что хоть ложками черпай и снадобья настаивай, не хуже будет, чем на змеином яде.

— Утро доброе, госпожа Ветана.

— Господин Крамар, рада вас видеть.

Улыбка удалась мне откровенно плохо, но Дэйв предпочел этого не заметить.

— Госпожа Ветана, не окажете ли вы мне честь? Прошу вас пойти со мной на гуляния.

— Гуляния? — откровенно не поняла я.

— Послезавтра вечером годовщина коронации. По этому случаю на площадях устраиваются гуляния. Я вас приглашаю в зеленый город.

Я подумала пару минут.

А почему бы нет? Все время отказываться я не смогу, придется принять хотя бы пару приглашений, чтобы потом с чистой совестью сказать, как мы друг другу не подходим. Да и погулять хочется.

А может, сказалось мое раздражение, из-за которого я потеряла свою обычную осторожность. Так я бы отказала, но...

А по рождению я могла бы танцевать и на площади в Белом городе...

— Благодарю за приглашение, господин Крамар.

— Дэйв...

— Благодарю за приглашение, господин Крамар, — еще раз с намеком произнесла я.

Никаких 'Дэйвов', 'Дэви' и прочей фамильярности. Мужчина понял все правильно.

— Там будут танцы и 'королевское' угощение. Можно приятно провести время, завести полезные знакомства...

Я вежливо улыбнулась.

Ну да.

Полезные знакомства с купцами и королевское угощение, То есть хлеб, жареная на углях птица, средней паршивости танцы...

Но иногда так хочется праздника! А я уже столько времени не танцевала....

Что бы надеть?

Господин Крамар прочел на моем лице тяжкие раздумья и откланялся, а я осталась перебирать содержимое шкафа.

Идти было решительно не в чем. Впрочем... лавка старьевщика всегда к моим услугам. А если покопаться, у него можно найти что-нибудь вполне приличное.

— Госпожа Ветана, доброго здоровьичка!

— И вам не хворать, господин Мирий.

Я улыбнулась знакомому стражнику. Стражники были у меня частыми гостями. Лечила я хорошо, брала недорого, а что жила в Желтом городе, а не в Зеленом, так и не беда. Дешевле станет. Получали стражники вполне прилично, но ведь у всех семьи, дети, тут каждый медяк будешь экономить.

— Так ежели я хворать не буду, вы без работы останетесь, госпожа Ветана.

Мирий, симпатичный мужчина лет пятидесяти, десятник и прекрасный семьянин, не только забегал ко мне сам, но и приглашал время от времени к детям. С его женой мы дружили, чуть-чуть сплетничали во время моих визитов, я рассказывала ей об изготовлении кремов и притираний, она делилась со мной рецептами пирогов, мы были вполне довольны друг другом.

— Ничего, в белошвейки пойду, — рассмеялась я. — Что случилось?

— Да вот... не поглядите ли?

Погляжу, конечно. Тем более, что повязку на руке было видно издали.

Я привычно развернула бинты, сразу сматывая их в рулончик.

Рана выглядела нехорошо. Красные края, похоже, господин Мирий ко мне сразу же и пришел...

— что случилось?

— Да Угря ловили.

— Угря?

— Контрабандист такой. Нам тут чайка капнула, где у него встреча будет, — посплетничать Мирий никогда не отказывался, но только о делах прошедших. — Подстерегли, да они не растерялись, с ножами на нас пошли...

— Вот ножом вам и досталось?

— Да... Хотя Угря мы тоже приложили. Авось, сдохнет.

Жаль вас разочаровывать, господин Мирий. Не сдохнет, в том числе и благодаря моим усилиям. И сегодня ночью я опять пойду менять ему повязку.

— Зато кораблик их захватили, добычу взяли, вчера весь день в бегах, пока отчет, пока то-сё, рану наш коновал промыл, перевязал, вроде вчера и ничего было, а сегодня как-то...

вы лучше делаете. Уж помогите, госпожа Ветана?

Я кивнула.

Дело привычное.

Промыть, прижечь, перевязать... но почему рана такая странная?

Я принялась осторожно промокать выделяющуюся жидкость. Мутноватая... воспаление? Неужели плохо промыли?

Или бинты не слишком чистые?

Или...

— Кинжал чистым был?

Мирий задумался.

— Знать бы...

Такое тоже могло быть. Если кинжал чем-то смазали, а их лекарь рану как следует не прочистил, не промыл... всякое бывает.

— придется потерпеть.

Мирий печально вздохнул.

— Ну, надо так надо.

Кусок кожи он закусил и честно терпел, пока я промывала рану, пока осторожно исследовала ее. Пока делала примочку со специальным отваром, чтобы вытянуть попавшую в рану грязь... пот с мужчины лился ручьями, пару раз мне даже показалось, что он смешивается со слезами, но я благоразумно промолчала. Мирий тоже.

Под конец я наложила примочки с чистотелом и подорожником, сама готовила настои, перевязала чистой тряпицей и вопросительно посмотрела на мужчину.

— Есть возможность ко мне завтра забежать?

— Обязательно забегу, госпожа Ветана.

Я подумала, что вечером надо бы расспросить контрабандистов. Мало ли чем они ножи мажут?

Оказалось все намного проще. Ножи у них для всего и сразу. И рыбу потрошили, и стражников пытались выпотрошить одним и тем же ножом, а вымыть его не догадались. Вот и пошло...

Но хоть не яд, и то радость. Мирий точно на поправку пойдет, у меня на это рука легкая. Даже если я своим даром не пользуюсь в открытую, все одно, раны быстрее заживают, и воспаления никогда не случается.

Дар...

Вот и Угорь чувствовал себя лучше.

Пока он еще был в беспамятстве, но жара, считай, почти не было, гноя тоже, плохого запаха из живота не наблюдалось, и чутье говорило мне, что заживление идет более-менее прилично.

Через пару дней можно будет давать ему что-то вроде бульона.

Братья выслушали мой прогноз, но выглядели сомневающимися. Я вскинула брови — что случилось? Признался младший брат.

— Лита нашла лекаря, тот утверждает, что ранение в живот, это верная смерть.

— он ведь не видел больного?

— Лита хотела, но мы не позволили ей приводить кого попало.

— А я не кто попало?

— А о вас, госпожа Ветана, слава хорошая. Говорят, что вы неглупая и не болтливая, — усмехнулся старший брат.

Я посмотрела на него впрямую. Глаза в глаза.

— Жемчуг — ваша идея или брата? Учтите, я его все равно не верну. Будет мне платой за риск.

Мужчины переглянулись и усмехнулись. Напряжение чуть спало.

Я не знаю, откуда у людей такое странное убеждение, что все продается и покупается, но сейчас они считали, что знают мне цену, и смогли чуть-чуть расслабиться. Купленный человек не так опасен.

Разубеждать их я не собиралась.

— Вы догадались, госпожа Ветана? — это старший брат. Забавно, их имен я так и не знала.

Я покачала головой.

— Я ни о чем не собираюсь думать. Вот больной человек, — движение рукой в сторону кровати, — я его лечу. Все.

Братья переглянулись.

— Мы надеемся, госпожа Ветана, что вы и дальше будете придерживаться этого же мнения, — озвучил старший. — Верьте, мы умеем быть благодарными.

Надеюсь, благодарность будет выражаться не в безболезненности моей смерти? Жить хочется.

Никогда не была на простонародных гулянках.

Сейчас я смотрела вокруг во все глаза. Все было ново, все интересно.

На площади в Зеленом городе горели костры, стояли длинные столы, на которые выкладывали угощение, и можно было присесть к столу, а можно было взять тарелку и отойти куда-нибудь в тень. Улицы предоставляли достаточно возможностей для уединения.

Господин Крамар разделся так, что меня чуть не пробило на смех. Когда он появился на пороге, в 'шикарном' зеленом жилете, расшитом золотым кружевом, в таких же зеленых штанах и потрясающей красной рубашке, в высоких черных сапогах и черной шляпе с красным пером, я спешно прикусила язык, чтобы не съязвить насчет арбуза на выезде. Тем более, что круглощекостью и круглопузостью господин Крамар чем-то напоминал эту ягоду.

Глядя непредвзято, я признавала, что он симпатичный мужчина. Среднего роста, осанистый, да, с животиком, но мало кто из мужчин к середине жизни не приобретает этого ценного атрибута, со светлыми волосами, чуть редеющими на макушке и светлыми усами щеточкой, с голубыми глазами чуть навывкате и высоким лбом.

В целом — приятное лицо с участливым выражением.

Только вот — решительно не в моем вкусе.

Мне повезло.

У старьевщика я нашла роскошное платье из черного бархата. Видимо, когда-то это был траурный наряд знатной дамы, потом она случайно прожгла рукав — и отдала платье служанке, а та снесла его в лавку. Такое каждый день носить не будешь, да и не каждой черный цвет к лицу. К тому же — крой. Платье было в пол, с длинными рукавами, которые замтегивались за запястьях крохотными пуговками, с воротником под горло, без всякого

выреза и вышивки. Ни золотой нити, ни серебряной, платье было черным, как беззвучная ночь. С моими черными волосами, смугловатой кожей и серыми глазами, оно платье смотрелось очень органично, а кружевной воротник и манжеты, на которые я разорилась, придушив жабу, оживили его, закрыли прожженное место и придали роскоши. Ткань падала тяжелыми складками, благородно переливалась в свете свечей, ее так и хотелось погладить рукой...

Льщу себя надеждой, что рядом с господином Крамаром я смотрелась неплохо. Хотя бы не разряженной деревенщиной.

Лекарь не солгал, в Зеленем городе его многие знали. Меня он представлял, как госпожу Ветану, юную талантливую лекарку, мужчины улыбались и кивали, кажется, принимая меня за невесту уважаемого лекаря, женщины смотрели оценивающе. Но я могла выдержать любые взгляды.

Бархат — сложная ткань, чтобы носить ее нужна идеальная осанка и плавность движений, и то, и другое у меня было. Выглядела я лучше многих.

Оценивали и скромность наряда, и богатую фактуру ткани, и мое умение его носить, и судя по злобным женским взглядам, я справлялась с ролью.

А вот мой спутник чем дальше, тем больше раздражал меня.

Господин Крамар сначала потащил меня к столам, где нагреб мне на тарелку столько пищи, сколько я за ден не съедаю. Потом нагреб себе раза в два больше. А под конец попытался со мной и двумя тарелками уединиться в темном переулке, спугнув целующуюся парочку и едва не вывалив мне на платье жирное мясо. Я едва увернулась, а кусок жареного мяса вместо моего платья осчастливил бродячую кошку. И глядя на то, как жадно лекарь расправляется с содержимым своей тарелки, я поняла, что ничего общего у нас не будет.

Неприятно на это смотреть.

А уж особенно, когда мужчина пытается вести расспросы, деля внимание между мной и жареной курицей.

— А где вы учились лекарскому делу, госпожа Ветана?

— У нас в деревне жил лекарь, господин Крамар. Он и учил меня, ему нужна была помощница.

— Мне тоже нужна помощница, госпожа Ветана...

— Не сомневаюсь, вы обязательно найдете себе ученика, господин Крамар.

— Ох, госпожа Ветана... Тойри, я могу вас так называть?

— Боюсь, что это могут понять превратно, — покачала я головой. — Не стоит давать людям пищу для сплетен.

— Вы так рьяно относитесь к своей репутации, госпожа Ветана! Это заслуживает уважения, — Крамар чуть скривился, но крыть было нечем. Я вежливо улыбнулась.

— Что кроме чести есть у бедной девушки?

— Но вы-то не обычная девушка. Вы очень красивая девушка, и талантливая. Хотя ваш талант еще нуждается в огранке, — заверил меня лекарь. — госпожа Ветана, а не хотите ли поработать у меня в подручных? Обещаю, в оплате не обижу.

Я едва не фыркнула.

Да, сейчас меня это предложение уже не прельщает, но это — сейчас.

А где ты был, такой умный, когда по приезде в город, я металась по лекарям, в желтом городе, предлагая взять меня хотя бы травницей, ну хоть за несколько серебрушек в месяц? Спасибо госпоже Лимире, вложила ума.

Я как раз выхаживала дочь госпожи Лимиры, а заодно искала себе место работы и проживания. Выходило пока плохо.

Комнатушку можно было снять и за несколько серебрушек в месяц, но там я рисковала расстаться с девственностью, и как бы не с жизнью, в таких трущобах они находились. А я защитить себя не смогу, даже не пойму, в какой ситуации надо бросать все и бежать, а в какой и поговорить можно.

А на что-то приличнее у меня денег не хватит. Можно продать что-то из взятых с собой побрякушек, но как бы я поступила на месте своего жениха?

Да так же.

Искала бы пропавшие вместе с невестой драгоценности, чтобы по ним вычислить ее путь. То есть — мой.

Бабушки в живых нет, мать и отец мной почти не занимались, у них всегда находились более важные дела. Балы, скачки, визиты...

На что годны обычные аристократки?

Вести дом, блистать на балах и тратить деньги мужа. А я-то могу зарабатывать сама. И должна зарабатывать сама. Я обязана справиться.

Госпожа Лимира смотрела на мои метания дня четыре, а потом принялась за расспросы.

— Работу ищешь, дочка?

— Ищу, госпожа Лимира.

— И не соглашается никто?

— Не соглашается.

— А оно и неудивительно.

Я не спросила — почему, но госпожа Лимира поняла все без слов и принялась объяснять мне простые вещи.

— Вот смотри, ты девушка молодая, красивая...

— Госпожа Лимира!

— Ты не спорь со мной, я жизнь повидала. Есть в тебе нечто такое...

Воспитание наружу лезет. Как ни забивай в себе аристократку, все равно напросвет видно.

— Значит, придется не столько работать, сколько парней от тебя гонять. Это во-первых. А потом ты еще замуж выйдешь, да уйдешь. Время и силы, чтобы тебя обучить потрачены, а где отдача? А никакой. Это во-вторых.

— да не уйду я никуда! И учить меня не надо, я все умею!

— А им-то это откуда знать? Есть тут и третья опасность. Если ты абы к кому попадешь в подмастерья, будет хозяин пользоваться твоим талантом, ты медяки получишь, а он — золотые. Нужно тебе такое?

— Будто у меня выбор есть....

— Есть. Мы с дочкой побеседовали тут немного... Домик тот помнишь? Который Таниль подгрести хотела?

— Да, госпожа Лимира.

— Долго Карисе еще в себя приходиться?

— Да уж не меньше года. Яд я почистила, но она слабенькая. Ей сейчас ни тяжести

носить, ни болеть лишний раз, ни перетруждаться... здоровье постепенно восстанавливаться должно, не с налета.

— Вот. На год я здесь останусь, с дочкой поживу, с зятем. С детьми понянчусь, опять же. Жить буду — с ними, а домик сдадим тебе.

Я захлопала глазами.

— Госпожа Лимира, да у меня и денег-то нет.

— У тебя чутье лекарское есть, и руки золотые. Я-то знаю. Ты осмотришься вокруг, за окнами что?

— Город.

— Желтый город. Ты думаешь, здесь хороших врачей много? Кто поопытнее и посмышленнее, давно в Зеленый город перебрались, за услуги ломают — не подступишься. Ты, если дорого брать не будешь, вмиг себе клиентов наберешь, люди потянутся.

— Думаете?

— Точно знаю. Да и что ты теряешь, если попробуешь?

Я подумала.

— С арендой хотя бы месяц подождете?

— И два подождем, и три, — рассмеялась госпожа Лимира. — Я-то людей вижу, ты девочка хорошая, обязательная. Последнее отдашь, с себя рубашку снимешь, лишь бы в должниках не ходить.

— Но эти-то три месяца тоже прожить надо?

— Да уж проживем как-нибудь, не последнюю корочку хлеба доедаем.

Домик мне понравился с первого взгляда. Я арендовала его, повесила вывеску и принялась ждать пациентов. А госпожа Лимира принялась активно сплетничать обо мне.

Там словечко, тут два — и к концу второго месяца потянулись первые больные.

Лечила я хорошо, брала недорого, так что ко мне и возвращались, случись что. Я достаточно быстро отдала долги, обновила гардероб и даже стала позволять себе кое-какую роскошь, вроде пухового одеяла. Ненавижу холода и сырость, это единственное в Алетаре, что мне не нравится. Поэтому — теплые одеяла даже летом и теплый плащ и сапоги зимой.

Может, магу жизни и сложно заболеть, здоровье у нас на зависть многим, но это уже нервное. Ненавижу мерзнуть...

Праздник продолжался. На площадь выкатили бочки с вином, и начались танцы. Наевшиеся люди особого рвения не проявляли. Музыканты играли что-то медленное, Крамар подумал — и предложил мне руку. Учítывая, что пальцы он после курицы не вымыл, пришлось покачать головой. Мол, потом. Поела, отдохнуть хочу.

Крамар принял отказ спокойно. Он еще не оставил надежды убедить меня стать его помощницей.

Я смотрела на танцующие парочки, не испытывая желания присоединиться. Ну... почти не испытывая. Уж точно не с Крамаром!

— Дэви, представь меня своей подружке?

Хлопок по плечу заставил господин Крамара повернуться. Перед нами стоял... медведь. Иначе и не скажешь.

Здоровущий, плечистый, на голову выше Крамара и как бы не на две головы выше меня, с гривой золотистых волос, падающих гривой на спину, с яркими синими глазами и

обаятельной улыбкой, глядя на которую тотчас же захотелось улыбнуться в ответ.

— Рем, ну ты медведь здоровенный, — проворчал Крамар, потирая плечо.

— А то ж! Так что за птичка рядом с тобой?

Я встряхнула головой.

Птичка?

Подружка?

Да что этот хам себе позволяет?

— Госпожа Тойри Ветана, лекарь. — представил меня Крамар. — Господин Рем Лорак, десятник в третьем городском полку.

— Ле-екарь? Травница, да? — смерил меня взглядом громила. Ну да, женщины лекарями не бывают, это тяжело, трудно, и вообще — не для их слабых мозгов, да?

Я ответила не менее спокойным взглядом, постаравшись вложить в него все презрение, которое испытывала. Тоже мне, красавчик...

Хамоват, грубоват, неотесан, и вообще, чем больше мышцы, тем меньше мозг! Вот!

— госпожа Ветана — лекарь, — еще раз поправил Крамар.

— Хм..., - верзила смерил меня оценивающим взглядом. — Нам бы такого лекаря в казармы. Госпожа Ветана, вы не подрабатываете?

На этом мое терпение лопнуло. Я выпрямилась во весь рост и прищурилась. Смотрела я при этом не на громилу, а на лекаря. Холодно, спокойно, безразлично.

Эти люди не могут меня оскорбить. Все сказанное — неправда, а значит — не стоит даже снисходить к их словам.

— Господин Крамар, благодарю за любезное приглашение. Надеюсь, вы понимаете, что мой отказ — окончателен и обсуждению не подлежит. Всего хорошего.

Крамар дернулся, словно его шилом в зад ткнули.

— Тойри... госпожа Ветана... я не...

Поздно. Уже было поздно.

Я развернулась и направилась прочь. Позади осталось изумленное лицо громилы, позадиосталась неловко протянутая рука лекаря — кажется, он пытался схватить меня за руку, но промахнулся. И хорошо. Потому что руки у него были жирные.

Я шла домой и пыталась проглотить неприятный осадок. Было попросту противно.

Подрабатываю ли я?

Нет. Я — работаю.

Не стоило даже и связываться с такими, как этот Крамар. Есть люди и люди. Кто-то являет собой образец благородства, вне зависимости от места рождения. Мэт Шаронер обычный грузчик, и это не мешает ему оставаться благородным человеком. А Крамар и этот верзила... их хоть золотом облепи, лучше и порядочнее они не станут.

На мое плечо легла тяжелая рука. Я резко развернулась — и уткнулась носом мало что не в грудь господина Лорака.

— Уберите руку, любезнейший.

— Госпожа Ветана, я извиниться хотел, — прогудел верзила, не обращая внимания на мои скривленные в гримаске неприязни губы. — Вы не сердчайте.

— Не буду. Уберите руку, любезнейший.

— Госпожа Ветана! Не гневайтесь. Я ж не знал...

Я не стала уточнять, что именно он не знал. Что я не подружка, что я лекарь, или что я не шлюха. Неважно. Этот человек меня больше не интересовал. Его для меня не

существовало. Так что я просто стояла и молчала, ожидая, пока мужчина уберет руку.

— Уж простите грешника?

Широкая улыбка на губах, привычным жестом склоненная к плечу голова, невинные голубые глаза. Красивый мужчина, отлично осознающий это, и умеющий пользоваться своей красотой. Женщины должны млет. Наверняка млеют, и мужчина потом получает от них желаемое. От прощения — и до постельных утех. Я знаю таких, их много в высшем свете, только там их уловки более отточенны.

— Вы прощены. Уберите руку.

Рука была убрана с плеча, чтобы тут же согнуться в предлагающем жесте.

— Прошу вас, госпожа Ветана.

— Нет.

Я развернулась и направилась к краю площади. Я все понимала. Наиболее правильным поведением сейчас было бы принять предложение, посидеть с Лораком и Крамаром, может быть, позволить проводить себя до дома, поцеловать на прощание и перейти в категорию легкодоступной добычи.

Опасность крылась в том, что меня могли бы попробовать затащить в постель, но с этим можно и побороться. Например, часто и упорно заговаривать о свадьбе и детях. Как известно, мужчины не любят брать на себя обязательства. Вывернулась бы.

Тогда бы ко мне потеряли интерес.

Увы...

В силу своего воспитания, этот выход был для меня закрыт. При одной мысли о чем-то подобном, меня начинало серьезно подташнивать, и даже подумать о поцелуях с Лораком было неприятно.

Красив?

Много таких, красивых... Это как есть цветы у тех же помидоров вместо плодов. Цветы, кто бы спорил, красивее, чем ягоды, но съедобны ли они? Даже вредны, и отравиться ими не в пример легче. Нет уж, пока Лорак не созреет, есть его попросту вредно для здоровья.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сейчас я делала то, чего стоило бы избежать — я разжигала интерес к себе. Недоступное — манит, притягивает, заставляет выходить на охоту. Лорак и выйдет...

Рука вновь тяжело легла на мое плечо, я приготовилась звать на помощь, но...

— госпожа Ветана! Как я рад вас видеть!

Уважаемый купец Жерх (он же Жмых и Жмот) улыбался во весь рот, глядя на меня. Рядом стояла его жена, и тоже улыбалась.

— Госпожа Ветана, рада познакомиться с вами! Муж рассказал, что благодаря вам живы и я, и наш ребенок.

Я ответно расцвела в улыбке.

— И мне очень приятно. Как вы себя чувствуете?

— Пока еще не очень хорошо, да и для маленького пришлось нанять кормилицу, но главное, что я выздоравливаю. Придворный лекарь осматривал меня, и сказал, что все будет в порядке. Спасибо вам огромное.

Я едва удержалась, чтобы не фыркнуть.

Придворный лекарь! Да он только мигрени, небось, и лечит. А побегал бы он как я, по вызовам, да по болячкам, переломам, ранам, родам... чего я только не насмотрелась за это время! В лекаре главное не статус, а практика, а у меня она куда как обширнее! Вот!

— я тоже надеюсь, что все будет в порядке. Если что — обращайтесь.

— Обязательно. Я так мужу и сказала, случись что — только к вам.

Я кивнула. Можно понять женщину. Придворный лекарь наверняка обидится, если одновременно с ним позовут и какую-то девицу из желтого города. Узнает и обидится. И будет у меня куча проблем.

Так что пусть кичится своей работой, пусть сшибает деньги, а я буду попросту работать и приносить людям пользу.

— Вы потанцевать? — поинтересовалась тем временем Мила.

— я уже ухожу домой...

— Да, мы потанцевать, — я и забыла про Лорака, а мужчина про меня не забыл. К сожалению. И сейчас попытался положить мне руку на плечо, подчеркивая, что мы вместе.

— А это ваш друг, госпожа Ветана? — в голосе Жмыха послушались неодобрительные нотки. Интересно... Я покачала головой.

— Нет, что вы. Господан Лорак просто принял меня за солдатскую шлюху, а сейчас ищет возможность подтвердить свое предположение.

На лице купца на миг отразилось изумление, а потом он понял.

— Господин Лорак, будьте так любезны покинуть нас. Немедленно.

— Я не..., - попытался что-то сказать мужчина, но кто его слушал?

— госпожа Ветана, буду счастлив, если вы составите нам компанию.

— Благодарю за любезное приглашение, господин Жерх, госпожа Жерх...

Когда мы закончили расшаркиваться, Лорака рядом уже не было. Жмых пожал плечами.

— Судя по форме — это десятник второго столичного полка. Надо бы позаботиться, чтобы он не стал сотником. Мужчина, который имеет наглость навязывать себя женщине, теряет право называться мужчиной.

Жена подтвердила слова мужа решительным кивком. И это — купцы. Так где же нашло приют благородство?

Об этом мне предстояло узнать спустя три часа. Надолго я задерживаться не стала, памятуя о контрабандистах. Угорь постепенно выздоравливал, и хотя я опасалась рецидива, самое страшное уже миновало. Температуры не было, заражения удалось избежать, кишечник у мужчины работал нормально — теперь оставалось его только выхаживать.

Кажется, контрабандисты меня убивать не собирались, здраво рассудив, что лекарей не напасешься, а личная лекарка, к которой можно обратиться, которая не выдаст, и которая знает свое ремесло — это ценность. А ценности надо беречь.

Я тоже не возражала.

Я отлично понимала, что они занимаются нехорошим делом, что нарушают закон и вообще — в тюрьме всех вылечат... на плахе здоровыми окажутся, но отказать не могла.

Дар меня просто огнем жег.

Отказать кому-то в помощи для меня становилось невыносимо. Я должна была лечить, это было сильнее меня. И даже так...

Я заметила, что любая трава у меня на огороде, цветы на окнах и рассада в специальных деревянных кадках цвели и пушились так, словно собирались три урожая за год дать. Даже соседей это затронуло. Кажется, я становилась сильнее.

Или просто дар раскрывался?

Дома я ходила лечить разве что раз в пять — шесть дней, очень много времени занимала учеба, которая мне не пригодилась. А здесь каждый день, да по пять-шесть раз в день, а иногда и каждую ночь...

Дар — он как мышцы, если их не качать, он и расти не будет, это я поняла со всей отчетливостью.

Отношения с контрабандистами имели и свою положительную сторону. В портовых кварталах я могла появляться в любое время дня и ночи без опасений быть ограбленной и избитой.

Уж что они шепнули, кому... не знаю и знать не хочу. Но меня все устраивало. Желтый город — сложное место...

За этими мыслями я не заметила, как дошла до калитки. Вставила ключик...

— Кажется, мы не договорили, да, лапочка?

На мое плечо опустилась тяжелая рука.

Рем Лорак!

Громила-десятник смотрел на меня не самым добрым взглядом.

— Кажется, нам и разговаривать не о чем, — парировала я. — Руку уберите, любезнейший.

— А если не уберу? Ты мне кое-что должна, детка.

— Пощечину? — ошетибилась я. — С радостью, да не допрыгну.

Злость просто перехлестнула через край. Да что этот кусок тупого мяса себе позволяет!?

А может, одно наложилось на другое? Праздник, на котором я впервые за долгое время позволила себе расслабиться и даже выпила пару бокалов вина. Платье, которое сначала пытался испоганить жирными пальцами Крамар, а теперь и этот хам. Само его поведение...

Неважно, благородная я или нет! С любой женщиной нельзя так обходиться, даже с самой последней проституткой — нельзя!

Мужчина был твердо уверен что любая женщина должна тут же пасть ниц пред ним и раздвинуть ноги — или раскрыть кошелек, в зависимости от желания великого и прекрасного господина. А тут — непорядок! Какая-то финтифлюшка отказывает! Да как она смеет!?

Наказать нахалку, всенепременно наказать!

Что дело дойдет до изнасилования, я не верила. Не тот тип мужчин... или тот?

— Не пощечину. Вот это...

Лорак притянул меня к себе и попытался поцеловать. По счастью, пьян он был, как свинья, а потому не мог найти у меня губы, попадая в лучшем случае в ухо. Я отбивалась, думая, что зря надела легкие туфельки. Была бы я в сапогах, которые специально заказала — прочные, страшные, зато на деревянной подошве — и он бы век хромал. А так — разве что пальцы отшибу.

А может, стоит попробовать?

Я запустила ногти свободной руки в шею громилы. Десятник взревел, как дикий осел и занес руку, но не пригнуться, ни пнуть его в колено я не успела. Мужчина как-то странно хрюкнул и начал заваливаться вперед, на меня. Я едва отскочить успела, а то бы точно пришлось с платьем попрощаться.

— Госпожа Ветана, вы в порядке?

Старший из братьев-угрей (угрят? Угрелят? Как вообще называются детеныши угря) смотрел на меня с тревогой.

— В порядке, — успокоила я мужчину.

— А это что за...?

Я невольно фыркнула. Очень уж затейливую родословную вывел контрабандист десятнику. От медузы, краба и съеденной ими дохлой ослицы, которую всю жизнь навозом откармливали.

— Этот назойливый господин решил, что неотразим для всех женщин Алетара. А я оказалась родом из другого города, — невольно улыбнулась я.

— А что это за господин?

— Десятник третьего городского полка, кажется.

— Ах, вот как, — в глазах контрабандиста загорелись нехорошие огоньки. Я поспешно подняла руки.

— Только не убивайте его, пожалуйста. Мне такая известность ни к чему, а он мог друзьям рассказать, к кому шел...

Кровожадные огни потухли — и после секундной паузы зажглись вновь.

— Не убью. Но он об этом еще очень сильно пожалеет. Госпожа Ветана, вы меня не подождете минут двадцать?

— Разумеется, господин.

Имен я их так и не знала, а на вопрос, как обращаться к братьям, мне порекомендовали называть их Старший и Младший. Мол, ремесло такое... прозвище слишком известно, а имена лучше наоборот, не упоминать. Мало ли кто и где оговорится. По размышлении, я с ними согласилась и ограничивалась в разговорах вежливым 'господин'.

Контрабандист без лишних церемоний взвалил себе на плечи тяжеленную тушу — и скрылся в темноте. Я пошарила рукой.

Фууу....

Повезло, успела ключик в замок вставить, а то выронила бы и ищи на земле впотьмах... до утра хватило бы. Надо переодеться, и сумку взять.

Я как раз успела, когда в окно поскреблись. Контрабандист был весьма и весьма доволен собой. Как кот, сожравший крынку сметаны и успешно избежавший встречи с тряпкой.

— Госпожа Ветана, вы готовы?

— Да.

Угрю было гораздо лучше. Сидеть я пока не разрешала, но лежать, опираясь на подушки, и даже самостоятельно кушать протертый жидкий супчик — вполне. Чем больной и занимался в ожидании лекаря. Я привычно присела рядом, отставила в сторону поднос, пощупала пульс мужчине и принялась снимать повязку.

Мужчины ждали моего вердикта с трепетом.

Наконец, я кивнула.

— Да. Заживает на редкость быстро, теперь я вам так часто не понадобится. Будете меня раз в два дня приглашать, этого хватит. Если что случится — зовите, сразу прибегу, если боли будут, спазмы, но вроде как не должно.

Мужчины переглянулись. Я чуть напряглась.

Думать — одно а вот что у них в головах? Может, все-таки решат вырастить поколение крабов-лекарей? Откормленных моим мясом?

— Пропустите, я лекарь!!!

Соседи, собравшиеся на крик, расступились без слов — каждый хоть раз да побывал у меня в гостях. А в хлеву...

Вопила Талара — симпатичная толстушка лет пятидесяти, жуткая болтуня и сплетница, обладающая незаурядным талантом слышать вовсе не то, что ей сказано. Так я, неосторожно сказав ей, что являюсь внебрачной дочерью благородного человека, вскоре услышала, что у меня трое внебрачных детей от знатного графа. Где дети?

Так с графом и остались.

Зачем? Ясное дело, титул наследовать будут. Своих-то у графа нету! Почему нет? Так ему уже за девяносто, были дети, да погибли, лекарка их спасти пыталась, не получилось, и поставил ей граф условие — пока новых не родит, он ее и не выпустит!

Причем врала она так вдохновенно, что ей верили! Знали, что врет, но верили. Такой вот талант!

Талара смотрела куда-то в хлев и вопила на одной ноте, пока я сильно не потрянула ее за плечи.

— А ну замолчи! Что случилось!

— Св-винка моя! Свинка!

Я вгляделась в стойло и зажала рот рукой.

Охxxx...

Талара с мужем разводили свиней, причем не абы каких, а белых, миролских. Очень симпатичная, мясная, флегматичная порода... держали супруги свинок в хлеву, но чтобы те не дрались, не худели и не портили друг другу шкуру и мясо, разделяли их по небольшим загончикам, вроде лошадиных стойл. В загоне как раз хватало места для корыта, поилки и свинки. Очень крупной свинки.

Сейчас же рядом со свиньей спал еще кто-то...

Кто-то?

Совершенно голый десятник Рем Лорак. Одежда его была разбросана тут же, причем трусы чья-то рука натянула свинье на передние лапы, рубашка кокетливо выглядывала из кормушки, а штаны я и не видела. В поисках тепла бедняга ночью подкатился к свинье под бочок, а та, видимо, благодаря размерам, не придавила несчастного. Так что мы имели обнявшуюся пару.

— Он мертвый? — шепотом спросила Талара.

Я пригляделась.

— Кажется, нет.

Потом огляделась, нашла взглядом здоровущий сапог (еще деталь одежды) — и прицельно запустила им в спящего десятника. И попала, конечно.

'Мертвое' тело громко всхрапнуло и перевернулось, открывая то, что мужчины обычно прячут от женщин до брачной ночи. Но тут прятать не стоило, ту можно было гордиться.

Утреннее возбуждение, прохладный воздух... эмммм... флага не хватало. А древко — было.

— Как это мило. Это — любовь? — пробормотала я.

И только потом поняла, что ляпнула.

Талара взвилась, как укушенная.

— Что!? Ах он скотоложец поганый!!! Да как он смел!? Да я!!! Да к градоправителю!! Да он на моей свинье женится!!!

— Не забудьте на свадьбу пригласить, — не удержалась я, и видя, что 'любовники'

зашевелились вполне согласованно — дала деру.

Благо, протолкаться обратно было намного легче. Всем было интересно, кого Талара застукала, за каким делом, и что теперь будет с этим несчастным.

Я бы на его месте женилась.

Или удрала бы в другое королевство, сменила имя, внешность, работу... зная Талару?

К завтрашнему дню весь город будет знать об этом происшествии тако-ое!

Контрабандист выполнил свое обещание. Действительно, не убил. И десятник об этом сильно пожалеет.

В этот же день после обеда меня навестил господин Крамар, вновь с букетом роз. Да когда ж он успокоится!?

— госпожа Ветана, вы позволите?

Не позволила.

— Господин Крамар, вы и сами понимаете, что ваше присутствие в доме незамужней девушки бросает тень на мою репутацию.

И попробуй только вякнуть, что у меня тут мужчины и на ночь остаются, и на несколько ночей. Они-то больные, а ты — здоровый и противный.

Не посмел. Скривился, наморщил нос, и протянул мне розы.

— Это вам, госпожа Ветана.

— Благодарю.

Я развернулась и собралась уйти в дом. Крамар понял это и зачастил.

— Госпожа Ветана, я прошу у вас прощения за вчерашнее.

— Не стоит извинений, — я пожалала плечами. — Все забыто, господин Крамар.

— Вы так великодушны, госпожа Ветана!

— Я просто безразлична, господин Крамар, — мягко поправила я.

Лекарь дернулся, но решился.

— Госпожа Ветана... я прошу вас... выходите за меня замуж?

Я едва не открыла рот. Вовремя спохватилась и даже щелкнула зубами. Это ж надо, какая страсть к наживе?

Отказалась работать, так мы пойдем другим путем?

Ну-ну...

— господин Крамар, я не люблю вас.

— Разве это имеет значение в браке, госпожа Ветана? Важны общие интересы, и они у нас есть. Я смогу обеспечить свою супругу и детей, вы не будете знать нужды...

Я задумчиво кивнула.

— То есть вы мне предлагаете продаться за миску супа? Как мило, господин Крамар... а я думала, что дороже стою?

— вы не так поняли, госпожа Ветана, — вспыхнул лекарь. Соседи от души наслаждались спектаклем. — Просто...

— Брак без любви — это проституция по закону, — отмахнулась я. — Тем более мерзкая, что мы будем лгать перед лицом Светлого.

— Мы можем полюбить друг друга потом, в браке, — решил не сдаваться до последнего лекарь. — Вы должны признать, что любовь возникает именно из склонности, из общности интересов...

— Признаю, господин Крамар. Но я вас полюбить не смогу.

— Госпожа Ветана...

Кажется, Крамар собрался заключить меня в объятия и поцеловать, после чего я, конечно, обмякну у него в руках, закачу глаза и прошебечу: 'милый, я твоя до гроба'!

Ну-ну...

Зря он мне розы вручил, потому что обнимать девушку со здоровенным колючим веником наперевес очень неудобно. Шаг, другой, протянутые руки, я тут же впихнула в них обратно букет — и нырнула в дом. И тут же хлопнула дверью, в которую и уперся лекарь. Как хорошо, что госпожа Лимира поставила здесь засов, который опускается в пазу. Одно движение кисти — и он уже упал на место, и не сдвинешь! Красота!

— госпожа Ветана!

Упорный, гад! И в дверь колотит...

Я распахнула окошко на двери.

— Господин Крамар, я желаю вам всего хорошего. И найти подходящую девушку. Вы заслуживаете и лучшего и большего, чем я.

— Выслушайте меня...

На плечо лекаря опустилась тяжеленная ладонь. Даже лапища. И обладатель сей длани мог бы меня на плечо посадить, да так и прогуляться по улице.

— Мужик, тебе что — непонятно сказали? А ну топай отсюда, пока не помогли, — прогудел низкий голос. — И к девочке нашей не цепляйся, а не то, как с репьем обойдемся. Отдерем, да и в помойку выкинем!

Рудик!

Все, можно больше ни о чем не волноваться. Рудик у нас рыбак. А еще — хулиган, задира и любитель почесать кулаки. Причем достается как его противникам, так и ему самому. А потом парень плетется ко мне, перевязывать раны и прикладывать примочки. Так что в обиду он меня не даст.

Господин Крамар подскочил, обернулся, попытался испепелить нахала взглядом, но Рудик был неумолим.

— Ты меня понял?!

Пальцы Рудиковой лапищи сжались — и господин Крамар наконец понял. Закивал со всем усердием — и был вознагражден поощрительным хлопком по другому плечу, отчего едва не упал.

— вот и молодец. Пойдем, выпьем!

— Но я не...

— Я сказал — пойдем, выпьем!

И Крамара неумолимо повлекли в сторону ближайшей таверны. Я злобредно усмехнулась. Зная Рудика — в ближайшие два-три дня я точно буду избавлена от назойливого внимания господин Крамара.

Оказалось даже больше — почти месяц.

Выпивка, душевный разговор, плавно переходящий в задумчивый, а потом и полузадушенный, драка, и апофеозом всего — бадья с помоями, которой очень удачно огрели лекаря. Господин Крамар теперь лежал дома и созерцал звездочки среди бела дня. Какие там ухаживания!

Лечить я его не пошла.

И совесть меня не мучила. Если лекарь — пусть сам и лечится. Так-то.

Когда даже мага жизни посещает зверское желание мучительно убить человека?

Да на рассвете, особенно если ты легла поздно ночью, а примерно в шесть утра в твоё окно начинают барабанить.

— Эй, там! Лекарь! Открой!!!

Каюсь, грешна. Ставни открывались наружу, и распахивала я их с тайной надеждой попасть барабанщику по носу, да со всей дури.

Не удалось.

Видимо, дури у него и своей хватило. Это оказался совсем молодой парень, лет двадцати... да какое там — парень! Дворянин, несомненно!

— Девушка, лекаря мне позови! Срочно!!!

— Я лекарь. Чего надо? — зевнула я в тайной надежде, что дворянин сейчас оскорбится и удерет куда подальше. В идеале — на поиски кого другого.

Лицо у дворянчика вытянулось прямо на глазах. Клянусь, оно стало сантиметров на десять длиннее!

— Л-лекарь?!

— Лекарка. Ага. Так чего надо?

Как я мечтала о слове 'ничего'! просто мечтала, а подушка так и звала к себе, так и манила своей уютной нагретой белизной. Улечься, зарыться обратно в тёплое одеяло — и забыть обо всем ещё часика на четыре. А лучше — на шесть.

— Не повитуха?

— и повитуха, когда надо. Вы, любезнейший, что ли, рожаете?

Дворянин даже не оскорбился.

— А с ранами вы дела не имели?

— Имела. Так надо-то что?

— Дуэль...

Я кивнула.

Ну да. Дуэль.

В своё время король Алетара размышлял над этим вопросом. С одной стороны — дуэли это зло. Дворянам что — гибнуть больше негде? Запретить их все и порадоваться.

С другой стороны — когда это кого запреты останавливали? А ещё отмена дуэлей может привести к тому, что расплодятся любители тявкать из-за угла. Вот когда человек знает, что за каждое слово придется отвечать, может быть, что и шкурой, и немедленно, он язык распускать поостережется.

Да, возможны перегибы и злоупотребления. Но когда их не бывало?

Так что его величество решил не запрещать дуэли, а минимизировать последствия. То есть — запретил дуэли до смерти, но оставил до трех ран, до первой крови и до выбитого оружия. А ещё обговорил, что при дуэли должны присутствовать двое независимых свидетелей. Чтобы если случится убийство, было кого допрашивать.

Два дворянина решили на заре потыкать друг в друга острыми железяками, да так удачно потыкали, что один на своих ногах ушел, а второй кровью истекает!

— Где?!

Я подорвалась, натягивая рабочую одежду. Если некогда одеться — юбка и блуза.

Надевается быстро, выглядит неплохо....

— Рядом. У меня здесь лошадь. Вы верхом ездите?

Хорошо, что я на ночь косу не расплетала, намучилась бы сейчас. А так — ноги в сапоги, плащ на плечи, сумку через плечо — и в седло. Плевать, что мужское, юбка широкая, так что видны только лодыжки. И вообще — они у меня стройные, такие и показать можно! Дворянин тоже вспрыгнул на лошадь, схватил моего коня под уздцы — и пустил своего жеребца с места в карьер.

Рядом — оказалось симпатичной бухточкой на морском берегу. Миготом отпали вопросы — почему я? Что, дворяне ни одного лекаря в белом городе не знают?

Знают, но добираться туда дольше и дальше, да еще стража может заинтересоваться. Желтый город ближе и болтливых людей там намного меньше.

На меня обратились два взгляда — серый и карий.

— Ты кого привез, болван?!

— Это еще что за девка?

Два возгласа слились в один, но я уже ничего не видела и не слышала. Спрыгнула самостоятельно с коня и ринулась к лежащему на песке мужчине. Хорошо хоть плащ подстелить догадались, олухи дворянские!

При первом же взгляде на лежащего мне стало ясно, что дело плохо.

Мужчина с трудом втягивал воздух, на губах виднелась розовая пена, рубашка была красной от крови, я привычно вытащила из кармана сумки нож и вспорола тонкую ткань.

Ага, понятно.

Удар пришелся в правую часть груди. Убивать мальчишку (совсем еще мальчишку, лет девятнадцати) никто не хотел, просто шпага скользнула. И — ударила в грудь. Теперь одна сторона груди у него словно бы спалась, кровь в ране пенилась пузырьками...

Я выругалась.

Придется действовать здесь и сейчас.

Сумку я потрошила быстро и безжалостно, доставая нож и толстенную иглу. Были, были в моей практике такие случаи. Верно, перевозить его сейчас нельзя, не стоит. А что делать...

Пальцы привычно протерли руки, кинжал и грудь лежащего винными выморозками. А теперь...

Осторожно проколоть ему грудь, там, где кончается легкое и начинается плевральная полость, выпустить воздух — и если все будет правильно, легкое расправится.

Что и нужно.

Игла ровно и уверенно вошла в плоть лежащего. Сейчас я не обращала внимания на окружающих меня мужчин, на их изумленные глаза. Сейчас значение имело только шипение выходящего воздуха.

Вот так.

Дыши, родной, дыши. Не смей помирать, а то сама прибью!

Несколько минут прошли в тишине ожидания. А потом... фуууух!

Лицо лежащего на глазах розовело, он задышал ровнее и спокойнее... грудь расправлялась.

Отлично!

Я повернулась и посмотрела на дуэлянтов.

— Верхом ему ехать нельзя. Добудьте мне телегу чтобы перевезти вашего друга.

— Куда?

— Зачем?

— Какую телегу?

— Перевезете ко мне. Сегодня-завтра за ним еще нужен присмотр, послезавтра заберете. Телегу лучше с невысокими бортиками и сеном, чтобы ехать было мягче. Карету не предлагать, — внятно разъяснила я.

Все равно вся троица стояла и смотрела на меня. Какие в Алетаре дворяне непонятливые.

— Чего стоим, кого ждем?

Вот это подействовало. Мужчины зашевелились, а я вернулась к больному. Надо бы наложить ему повязку покрепче.

Дня три ему придется полежать в лежку, а эту ночь пусть у меня переночует, спокойнее будет.

Совсем ведь мальчишка, еще даже усы толком не растут. Двадцать-то ему есть? Вряд ли. Светлые волосы намokли от пота и прилипли ко лбу, щеки резко ввалились, под глазами залегли темные круги. Жалко...

Хотя чего его жалеть? Я здесь, так что выживет. А вот если нас сейчас разлучить — будет плохо. И ему в первую очередь. Так что грузим на телегу и едем. И побыстрее!

Это я его приятелям и сказала. Тот, который приехал за мной, пожал плечами. Второй задумался.

— Госпожа... э...

— Ветана.

— Госпожа Ветана, — аристократ говорил подчеркнуто вежливо, показывая, что ему важен не мой статус, а мое умение, — ситуация сложная. Вы не знаете, какая у него мать.

— Зато я знаю, какая у него рана, — не дрогнула я. — Если его сейчас начать таскать из дома в дом, то проще сразу гроб заказывать. Покой ему нужен. Да и я не могу рядом с ним сидеть круглосуточно, а другому никому не доверю.

— Его мать обеспечит лучших лекарей. Даже мага...

— У нас в Алетаре есть маг жизни? — искренне заинтересовалась я.

— Нет. Воды.

Я кивнула.

— Вот и ладненько. Пусть завтра же обеспечивает. А сегодня переночует у меня, ничего не случится. Я с ним сидеть в другом доме не смогу, ко мне больные идут. То есть либо он у меня — либо потом, когда осложнения начнутся, ко мне не обращаться.

— А вы не много о себе возомнили, милая девушка? — один из аристократов решил показать зубки.

Наивный. Моя мать таких по десятку на завтрак глотала.

Я встала и принялась оттирать руки платком. Кровь попала, ну и присохла кое-где. Специально на все платья нашила манжеты, проще их отпороть и постирать, чем все платье по десять раз на дню перестирывать.

— Вас, юноша, как зовут?

Под моим пристальным взглядом мужчина смутился.

— Барон Польмер. Атанас Польмер.

— Так вот, господин барон Атанас Польмер. Наковырьять в человеке дырок — много ума не надо. А вылечить вы никого не пытались?

Атанас покачал головой.

— Тогда не вам и судить о моих словах. Но хочу заметить, что с вашими увлечениями не разбираться в лекарском деле хотя бы на начальном уровне смертельно опасно. Мало ли когда вы получите рану. Мало ли кто попытается в ней поковыряться. Знай вы, чем грозит вашему другу подобное ранение, не тратили бы вы сейчас бесценное время и не морозили его поутру.

Барон вспыхнул.

— Атанас, — вмешался тот, кто привез меня сюда, — госпожа Ветана права. — Криту сейчас важнее побыть под присмотром лекаря. А нам с тобой еще сообщать его матери, что он ранен...

Мужчины так скривились, что я поняла — дело не из легких будет. Но — не посочувствовала. Перебьются. Вот как калечить друг друга — тут они первые, а как за свои поступки отвечать, так в кусты?

— Из-за чего дуэль была? — спросила я, не обращаясь ни к кому конкретно, но ответил мне третий дворянин.

— Из-за того же, что и большинство дуэлей. Глупая шутка о красивой женщине.

Я кивнула.

Понимаю, бывает. Только вот мерзко это. И шутить непристойным образом в адрес женщины, и делать это рядом со влюбленным мальчишкой, и вызывать сопляка на дуэль.

Кажется, дворянин понял, что я чувствую, потому что вздохнул.

— Мы их обоих отговаривали.

— Их?

Я думала, что дырку в мальчишке проковырял кто-то из них. Нет?

— Мы тут не при чем. Я секундант, а это друзья Крита. Барона Криталя Верандуа. А дуэль у него была с графом Реньи. Граф некорректно пошутил о женщине, Крит вызвал его на дуэль...

— И граф так просто уехал?

— Да, госпожа Ветана.

Я не была знакома с графом и знакомиться уже не хотела. Он мне заочно уже не понравился.

— Перевезите раненного ко мне. Я не из-за денег, просто так лучше для него же, — еще раз настойчиво попросила я. И в этот раз никто спорить не стал, даже Атанас молча склонил голову.

— Хорошо, госпожа Ветана.

Сразу бы так.

Спустя два часа я привычно растирала в ступке кору белой ивы. Это не значит, что сама кора была белого цвета, просто именно этот сорт ивовой коры был наиболее полезна при жаре. А жар у мальчишки будет, это и к гадалке не ходи. Моя сила влилась в него, теперь тело примется бороться с болезнью, с заразой, которая проникла в него, и у мальчишки начнется жар. Надо приготовить порошок для него, да и вообще пополнить запасы. У меня этих порошков в неделю штук по десять улетает, а то и больше. Дети же!

У кого зубы режутся, у кого простуда, кто ноги промочил... да много разного. Дети же! И взрослые не брезгуют. Зимой особенно.

До зимы далеко, зимой я буду этот порошок почаще готовить. Хорошо, что удалось сторговаться с приличной травницей. И деньги берет божеские, и условия сбора трав выдерживает, а это редкость по нашим временам. Такое сено иногда продают, хоть покупай, да полы подметай!

Сейчас приготовлю жаропонижающее, а потом и укрепляющим надо озаботиться, мальчишке оно кстати будет. Его тело рванулось бороться с болезнью, а силы-то человеческие небеспределельны, надо их поддержать чуток. Хорошо, когда все травы есть, временем я сама распоряжаюсь, ни на кого оглядываться не над... приятные мысли перебил грохот за дверью.

Судя по треску и шуму, там остановилась минимум карета — четверка. Поглядеть?

Нет, глядеть не буду. Если это не ко мне — то и не надо, а если ко мне, сейчас все узнаю.

Как в воду глядела.

Дверь распахнулась так, что чуть с петель не слетела, и в комнатку вступил слуга. Даже Слуга. Есть такая порода, лакеями рождается, лакеями живет. Обожают прогибаться перед вышестоящими, а на тех, кто не лакей смотрят даже с жалостью — эх вы, бедняги! Не повезло вам, такому человеку не служите! Или с презрением — и рады бы вы служить, да кто вас возьмет?

Холуйство беспощадное в особо тяжелой форме.

А тут и форма была под стать слуге. Алая, вся в золоте, в вышивке так, что ткань аж не гнется, кое-где нашиты крупные бирюзовые бусины, штаны белые, с голубым позументом, сапоги начищены — аж светлячки пускают. Прелесть!

У нас дома таких не было, родителям не повезло. Хотя маменька бы эту безжалостную роскошь оценила.

— Госпожа баронесса Верандуа! — провозгласил этот... Попугай — и в комнату вступила дама лет пятидесяти.

Была она невысока, и больше всего походила на кочан цветной капусты. Если его перевернуть хвостиком кверху, самое то будет. Светло-зеленое платье, гора нижних юбок из белой пышной ткани, зеленый лиф, зеленая же шаль и ленты в прическе... Набеленное и нарумяненное лицо было в тревоге.

— Где мой сын!?

Я вздохнула.

— Ваш сын в той комнате. Спит.

Баронесса молнией метнулась туда. Обнаружила сына, но ахать и охать над ним не стала. Бегло бросила взгляд, убедилась, что все в порядке, и развернулась к двери.

— Носилки, немедленно!!!

Я закатила глаза. Знаю я таких.... она меня просто сейчас не услышит. И что делать?

Отпустить ее?

Так они парня угробят! Может, конечно, повезет, и найдется хороший маг, но вообще — лучше бы парня сейчас не трогать и не теревить. Но разве эта дура...

Мои размышления прервали самым грубым образом — в комнату заявились два шкафообразных лакея с носилками наперевес.

— Госпожа баронесса?

— Грузите моего сына! Да осторожнее, не то шкуру спущу! А вы, милочка...

Это она — мне?!

— Вот вам за услуги.

Изящная рука с тяжелыми перстнями (носить штук по восемь сразу — дурной вкус, кстати говоря) положила на стол небольшой кошелечек. И баронесса огляделась вокруг с такой брезгливостью, что мне захотелось немного вправить ей мозги.

Нельзя.

— Госпожа баронесса, вашего сына нельзя сейчас перевозить.

— Милочка, вашего мнения не спрашивают. Я благодарна вам за помощь, но моим сыном займутся лучшие лекари города.

Знай свое место, девка из желтого города.

— Скажите лекарям, что его надо согреть и напоить укрепляющим, — попыталась сказать хоть что-то я. — а жар не сбивайте, ни к чему, само пройдет.

— Думаю, и без вас разберутся, — пригвоздили меня взглядом. И что с такой делать?

— Как пожелаете, — я понимала, что поединок проигран еще до его начала и не собиралась кричать, ругаться или как-то еще ронять себя. Да и не повлияет это ни на что. Меня поддержат, больного унесут — и всё сопротивление. — Можете приехать, если ему станет хуже. Seriously хуже.

— Вы мне угрожаете, милочка?

— Я хороший лекарь — и могу предсказать последствия вашей выходки, — я отвернулась к ступке, сочтя разговор оконченным. Баронесса — нет. Из комнаты выносили пострадавшего мальчишку, наклоня носилки то вправо, то влево. Болваны. Но стоит мне сделать им замечание — и будет еще хуже. Молчи, Вета, молчи!

— И что же хороший лекарь делает в этом убожестве?

Убожестве? На мой взгляд, домик был очень миленьким. Белые стены, зеленые ставни, красная крыша, светлые деревянные полы и мебель из такого же светлого дерева. Немного зелени в горшках, яркие лоскутные покрывала на креслах... Здесь было уютно и спокойно. И я не позволю каждой хамке хаять мое жильё.

— Хороший лекарь — везде борется за человеческие жизни. Ваш сын в этом ракурсе ничем не отличается от рыбака с побережья. Оба болеют и обоим нужна я.

— Вы слишком много берете на себя, милочка. Всего хорошего.

Баронесса проплыла за носилками, обдав меня облаком тошнотворных духов. А ведь наверняка дорогие. Сладкие, липкие, тяжелые, ф-фу...

А паренек так и не пришел в себя. Плохо, но я ничего не могу сделать для него — сейчас. Если вызовут мага — хорошо. Если маг окажется сведущим в лекарском деле — еще лучше. Маги воды чувствуют человеческое тело, хотя и не так, как мы. Мы, маги жизни, устраняем причину болезни, а вот они чаще всего — ее последствия. То, что мешает нормальному течению воды. Но если не убрать причину — это бесполезно.

Эх, проблема на проблеме.

Апчхи!!!

Дверь и окна я сразу распахнула настежь. Потом подумала и достала кофе. Сейчас растолочь его и сварить, пусть перебьет вонь баронессиних духов.

Парня жалко.

Вечером, когда я вернулась от больного, у двери меня ждал гость. Лекарь из порта.

— Госпожа Ветана, вечер добрый.

Настроен он был достаточно воинственно. Я смерила его взглядом.

— Да, я тоже надеюсь, что он добрый. Чем могу быть полезна?

— Я к вам по поводу Ренара и Шаронера. Они оба почти здоровы и скоро выйдут на работу.

Я знаю. Сама регулярно хожу их осматривать — и что?

— Я должен знать, чем вы их лечили, во избежание осложнений.

У меня глаза округлились.

— Отварами. Мазями. А что?

— Теперь их здоровье — моя забота.

— Рада за вас. При чем тут я?

— Я уже сказал! Вы должны рассказать мне, чем их лечили.

— И я сказала, — я продолжала валять дурака. Лекарь надулся.

— Вы — недоучка. Нахватались по вершкам у травниц и теперь думаете, что вам все позволено! А мы, лекари, потом боремся с осложнениями...

И тут до меня дошло. Я тяжело вздохнула.

— Ага, а тут выяснилось, что бороться и не с чем. И вам стало интересно, чем я таким их пользовала. Не поделюсь ли сдуру рецептами, чтобы вы и дальше продолжали в том же духе? Так поделюсь! Чтобы кости быстрее заживали, нужны снадобья с мелом. Молока побольше, творога. А уж с какими травами их смешивать, чтобы быстрее усваивалось — это мое дело. И это я вам не расскажу. А последствий не бойтесь, их не будет.

Лекарь раздулся.

— Ты, наглая...

Я сделала шаг вперед, прямо на него.

— Я. Прочь с дороги, пьянь старая! Не то клянусь, не поленюсь сходить в порт, да и наклеузничая начальству, чем ты на работе занимаешься!

— Ты... ты....

Я шла прямо на мужчину — и он отодвинулся, давая мне пройти в дом. Пару минут я ждала, что меня схватят за рукав, но — Бог миловал. Не схватили.

Но какая ж дрянь! Крамар хоть место помощника предлагал, а потом руку, сердце и пивное пузико.

Хотя чего я злюсь? Люди как люди. Таких мало, хороших куда как больше.

С этой мыслью я и принялась перетирать в ступке подорожник, а потом и делать заглянувшему на огонек Рудiku примочку на здоровущий фонарь. Опять подрался.

И привычно отказалась от медяшки, которую тот положил на стол. Пусть детям пряники купит.

Мужчина прогудел благодарность, чмокнул меня в щечку (без всяких задних мыслей, просто, как подругу или лекарку) и ушел. Я подумала — и тоже пошла поспать. Работа такая, лекарская. То в пять утра поднимут, то ночью спать не дадут. И ведь есть, есть еще лекари, просто я — лучшая. Вот и идут ко мне. А как тут откажешь?

Жалко их.

Люди же...

Два дня прошли спокойно. Так, пара простуд, несколько разбитых носов, сломанная рука — ничего особенно важного и интересного. На третий день с улицы послышался

знакомый грохот. Я даже выглядывать не стала, догадывалась, в чем проблема.

Карета остановилась перед моим домом — и снова распахнулась дверь. Только на этот раз баронесса обошла без холуев. И важности у нее поубавилось, и духов. Влетела в простом, явно домашнем платье горчичного цвета, волосы растрепаны, глаза заплаканы...

— Госпожа Ветана! Помогите!! Умоляю!!!

Я вздохнула — и принялась тушить горелку. Не оставлять же ее так... Теперь мазь... мазь уберем на ледник, чтобы не пропала. Баронесса решила, что я ей специально отказываю, и заголосила еще громче.

— Простите меня! Я волновалась! Он мой единственный сын, все, что мне осталось от покойного мужа! Прошу вас... если и вы откажете... лекари говорят, что бессильны!

Я развернулась к баронессе и едва не ахнула. По враз постаревшему лицу градом катились крупные искренние слезы.

— Что случилось?

— У сына жуткий жар! Весь горит, бредит...

— Маг был?

— Пришел, руками поводил, жар спал, да ненадолго!

Примерно так, как я и думала. Хороший маг этим не ограничился бы, но видимо, этот водник плохо разбирается в лечении. Так мигрень снять (самое простое, спазм сосудов расслабить и дать дорогу току крови), печень почистить после возлияний, лишний жирок с дамочек согнать. А там, где речь идет о воспалении, там уже другая картина. Там я нужна.

Я сняла фартук, повесила на спинку стула, взяла сумку и повернулась к баронессе.

— Едем.

У нее и так глаза были большие, а теперь стали еще больше.

— Как... так?!

— Могу переодеться, но это время мы отнимаем у вашего сына, — пожала я плечами.

Баронесса кивнула — и опрометью кинулась к двери. Я ядовито ухмыльнулась, и последовала за ней. Конечно, дело было не в моем простеньком сером платье, и не в домашней косе, и не в этикете. Спорить готова, придворный лекарь берет оплату вперед, вот она и удивилась, когда здесь получилось по-другому. Эх вы, дурачье. Да разве здоровье на деньги меряется?

В карете (роскошная, вызолоченная и снаружи и изнутри, сиденья обиты алым бархатом, везде, где можно хрустальные подвески — просто бордель на выезде!) я тоже не теряла времени, подробно расспрашивая баронессу о состоянии сына.

Ну что сказать?

Как я предсказывала, так и вышло.

Легкое — не самая прочная штука. Если бы мальчишка переночевал у меня, я бы ночью проверила, есть там зараза, нет там заразы, выгнала бы ее, а то и сожгла. И начал бы он выздоравливать. А так — просто силы ему добавила, а на все сразу не хватило. Но сделать больше и лучше при его друзьях я просто не могла.

Баронесса же сына и растрясла (что тоже не на пользу), и какую-то примочку на рану наложила, и сам сын встать попытался... они что — нарочно угробиться собирались? Зараза и пошла по телу.

Придворный маг был, но что он мог сделать? Разве что деньги взять и посоветовать

молиться, заразу-то из крови он не выгонит! Разве что кровь вскипятит, но тогда сразу можно гроб заказать.

Баронесса надеялась, что обойдется.

Позавчера надеялась.

И вчера. А сегодня уже знала, что все может кончиться плохо, и прибегла к последнему средству. Вспомнила, что я ей говорила, и решила схватиться за соломинку, не ведая, что это — стальной канат. Я ей тоже ничего рассказывать не собиралась. Да и о цене за услуги не заговорила. Было, было желание взять с нее втридорога, но кровь бабушки Тойри словно всколыхнулась в жилах. Э, нет!

На одну доску с такими хабалками становиться — себя ронять. Может, она и баронесса, но я до ее уровня опуститься не готова. Я ее по-другому воспитаю.

Дом у баронессы был под стать всему остальному.

Красивый, роскошный, ухоженный, раззолоченный и охрусталенный. Да что она — в молодости в борделе прислужой подрабатывала, что ли? И с тех пор не может представить себе иной роскоши?

Хотя мне ли судить, мои родители и похлеще номера выдавали. Например, когда пошла мода на шляпки с фруктами, мама на голову целую корзину надела.

Больной лежал на втором этаже. Туда меня и проводила баронесса, и с порога накинулась на служанку.

— Как мой мальчик?!

— Плохо, госпожа баронесса. Бредит.

Я, не тратя времени на разговоры, раздернула тяжелые шторы (хорошо хоть для разнообразия синие), впуская в комнату свет, и присела рядом с больным. Дотронулась до руки.

Горим. А что с легкими?

Деревянная трубочка, чтобы слушать хрипы, у меня была всегда с собой.

О, да тут не хрипы, тут целая битва. Бульканье, хлюпанье... интересно, как это так успело развиваться воспаление? Всего за пару дней, а?

— Лекарь сказал, что сыну показаны прохладные ванны, - выдавила баронесса в ответ на прямой вопрос.

Я схватилась за голову и застонала.

— Убить вашего лекаря мало!

— Да неужели? — в дверях стоял и недобро поглядывал на меня мужчина лет пятидесяти. Высокий, осанистый, при благородных сединых, окладистой бородке и участливых голубых глазах. Такому лекарю хочется доверять... наверное. Только сейчас его глаза были холодными, как две льдинки и ничего хорошего мне не обещали. Разве что смерть без мучений.

Темного крабом! Судя по раззолоченности, это был придворный лекарь. Ну и наплевать!

— А если мальчишка умрет, я сама это сделаю, — огрызнулась я, не отрывая пальцев от бешено бьющейся жилки на шее парня. Пульс считала. — Это ж надо — угробить молодого парня! Молитесь, сударь, чтобы выжил, иначе...

— иначе я сама до короля дойду, — прошипела баронесса.

— Еще не известно, может, это вы с самого начала ошибку допустили, — прошипел

задетый за живое золоченный пухлячок. Вот чего не понимаю — третий лекарь на хорошем месте и все не худенькие. А работать как? Потаскай-ка на себе пузцо, да побегай по больным... куда и жирок денется? Или это только в Желтом городе так?

— Еще какую, — охотно согласилась я. — Мне бы костями лечь, но парня не отдавать, он бы сейчас уже бегал вовсю. А я решила, что мать-то сына всяко сберечь постарается.

Баронесса, кажется, собралась возмутиться, но под моим взглядом умолкла, издав пару невразумительных писков.

— Идите отсюда, — вздохнула я. — Не путайтесь под руками. Так, а ты, — мой взгляд воткнулся в служанку, — тащишь мне сюда рукомойник, чайник с кипятком, стакан, сито — буду настой готовить, ложку, на худой конец соломинку — поить его будем.

— А я...? — баронесса обрела голос.

— А вы занимайте господина лекаря, — окрысилась я. — Чтобы он тут не мешался с разговорами о своем величии!

Я полубовалась на две ошалелые физиономии (неблагородно, но иначе и не скажешь, баронесса и лекарь сейчас были идеально похожи, как брат и сестра окуни — челюсть отпала, глаза вращаются и хлопают) и добила:

— Хорошо, что вечер. Госпожа баронесса, пошлите кого из слуг почестнее в мой домик, пусть говорят всем пришедшим людям, что госпожа Ветана на всю ночь осталась у больного. Авось, к утру вашему сыну и полегче станет, смогу вернуться. А следующую ночь мне опять придется здесь ночевать...

— А... да, конечно!

— И служанку при мне оставьте. Мне репутация дорога, а тут две ночи, в комнате холостого парня, да без свидетелей? Мне репутация дорога, я девушка честная!

Точку в диалоге поставила упавшая из рук служанки кружка.

Я могла бы просто сидеть рядом с парнем. Он поправился бы, наверняка, но во-первых это было бы намного дольше, а во-вторых, лечат наложением рук только маги жизни. А я себя раскрывать не собираюсь, мне жить охота. Так что...

Сначала мы в четыре руки со служанкой обмазали беднягу разогревающей мазью. Потом растерли спину, кое-как накормили бульоном, перестелили постель, влили отвар...

Баронесса, к ее чести, не мешала. Под дверью расхаживала, руки заламывала, переживала и нервничала, но в комнату не врывалась и над душой не стояла. Лекарь попробовал вломиться, чтобы проследить за моими действиями, но тут я встала стеной. Либо я — либо он. И если он, так я сию же минуту разворачиваюсь и ухожу. А если я — пусть он не лезет. Он свое дело уже сделал, парня чуть не угробили, теперь не мешайте мне его из могилы тащить.

Часа через четыре жар немного спал, я позвала баронессу, чтобы та убедилась: сын уже не бредит, а просто крепко и глубоко спит, и посоветовала ей тоже отдохнуть. Силы ей еще понадобятся.

Баронесса, оказавшаяся не такой уж стервой, крепко сжала мою руку.

— Может, я посижу с вами?

— Госпожа баронесса, Сияющим клянусь, ничего с вашим сыном не случится. Хотите расписку напишу — если он умрет, то и меня можете на плаху вести? — предложила я. Баронесса поглядела в мои честные искренние глаза и не стала спорить.

— Госпожа Ветана, вы же позовете меня, если... если...

— Обязательно позову, если нам что-то понадобится, — заверила я, скромно замалчивая то, что не могла произнести женщина.

Вы же позовете меня попрощаться с умирающим сыном?!

Не позову.

Простите, умирания на сегодня отменяются. И на завтра — тоже. Но уши я мальчишке надрать посоветую. Лезешь в дуэль, так хоть фехтовать научись, дятел!

Лечила я ночью.

Что с мальчишкой, я отлично знала. Легкие находятся как бы в герметичном мешке, а грудную клетку выстилает второй мешок, вот их-то и повредила шпага неизвестного мне Реньи. Сами легкие тоже, но там рана заживет, а вот в мешке началось воспаление. Началось оно резко, моя сила перебороть его не смогла, а потом лекари еще и усугубили. Повязка непонятно с чем, ванны, свежий воздух — читай, сквозняк... и все вспыхнуло.

Так и сгорел бы сопляк в два дня, но баронесса все же вспомнила про мои слова.

К часу ночи я так загоняла служанку, что бедная валилась с ног. И стоило мне предложить поспать по очереди, как та тут же провалилась в сон.

Ладно-ладно. Если я и добавила ей в чай немножко сон-травы, так ведь из лучших побуждений? Пусть успокоится, расслабится...

А я задвинула щеколду на двери и присела рядом с мальчишкой.

Его я не боялась вовсе. В таком состоянии если он и проснется, все равно не поймет, что я там делаю. Так что...

Пальцы рук заскользили над грудью юноши.

Я спокойна.

Я полностью спокойна. Я открываюсь миру. Моя сила невелика, но я — маг жизни, а мир есть жизнь. Вечная, великая, необъятная... Смерть и жизнь — две стороны монеты, и я сейчас на той стороне, где жизнь. Я собираю, я отдаю, я направляю силу, я всего лишь связующее звено между миром — и одним из его детей.

Сила мира течет сквозь меня, и повинаясь ей, я раскрываю ладони. Рой золотистых искорок следует за моими пальцами.

Все так, как я и думала. Вот тут шпага царапнула пищевод, потому и воспаление вспыхнуло резче, вот здесь она повредила мешок, в котором лежат легкие — плевру, и пошло воспаление. И в полости скопился гной.

Будем выщипывать и лечить.

Толстая игла-трубка уверенно скользнула в плоть юноши, со спины, сбоку от лопатки, проколола — и по ней хлынул гной. Крупными дурно пахнущими каплями. И когда его столько набралось?

Парнишка на кровати глухо застонал, и я усилила воздействие. Гной просто брызнул из трубочки.

Да, я понимаю. Больно, плохо, зато дышать сможешь.

Своим даром мага я проверяла, есть ли что-то внутри.

Вот выдавились последние капли гноя. Теперь будет легче. Телу парня я помогу, с тем, что есть, он справится, а нового заражения не будет. В этот раз я вычистила все с гарантией. И раньше бы надо, да времени не дали.

Я вытащила иглу, проследила, чтобы легкое расправилось как надо, уверенно забинтовала мальчишке грудь, встряхнула пальцы — и положила одну руку на лоб парню.

Вот так.

Сила жизни хлынула из меня потоком.

Не моя личная, но мира. То, чем он щедро поделился со мной, то, что я до капли отдаю мальчишке. Жалко ведь дурачка! И мать его жалко, хоть она и стерва распоследняя!

Юноша затихает под моей рукой. Жар то усиливается, то спадает, у него начинается кашель — из легких вылетают те капли гноя и слизи, которые успели скопиться, я придерживаю бессознательное тело, чуть наклонив вперед — и откашливание проходит достаточно легко. За дверью ни шума.

Вот и ладненько.

Еще примерно час уходит на то, чтобы влить парню (вот ведь странно, он старше меня, а я воспринимаю его, как заведомо младшего?) лекарства, поменять белье на кровати, выпихнуть испачканное за дверь — пусть слуги убирают, а потом я придвигаю кресло вплотную к кровати, забираюсь в него с ногами, сворачиваюсь калачиком — и крепко беру юношу за руку.

И засыпаю.

Да так, что будит меня только баронесса, которая является в комнату с первыми лучами солнца. По счастью, глаза я успеваю открыть раньше, чем она замечает мой сон. Смотрит она только на сына, видит только его, а я — я вторична. Но юноше лучше.

Цвет лица стал почти нормальным, без вчерашней красноты, дыхание спокойное и ровное, лежит он тоже спокойно, не стараясь уберечь поврежденную половину груди, жар пока еще есть, но это-то понятно, сразу такое не проходит. Наши сцепленные руки баронесса даже не замечает, просто переводит взгляд с лица сына — на мое.

— Госпожа Ветана?

Я встаю из кресла, по-простонародному потягиваюсь всем телом и зеваю. Тоже простонародно, прикрывая рот ладонью.

— Будет жить ваше сокровище. Сегодня вечером я еще приду. На день оставляю что заваривать, что пить — только горячее. Никаких обтираний, ванн и прочей ерунды, повязку сама поменяю. Самое страшное миновало, если и следующую ночь переживет, так точно выживет.

— А сейчас...

— И сейчас выживет. Я просто не знаю пока — будут у него осложнения, не будут?

— Ос-лож-нения?

Баронесса так растянула это слово, что я едва не фыркнула.

— Вы ему очень удачного лекаря нашли, еще бы пара дней — и гроб готовьте. Что могла я сделала, но удалось ли убрать все последствия его глупости — не знаю. Завтра с утра скажу.

Я и правда не знала. Такие воспаления дают плохие результаты. Без последствий? Это если очень, очень повезет. А если нет... Жить-то будет, а вот простужаться ему уже не стоит. Может, и что похуже получится. Всякое бывало. И рубцы могут быть, и одышка сохранится, и кашель... Может, и половина легкого у парня работать не будет.

Сейчас — не угадаешь.

Баронесса вцепилась в мою руку, как утопающий — не отдерешь.

— Госпожа Ветана! Вы уходите?!

— Мне надо домой. Ваш сын не единственный больной в городе.

Баронесса заломила руки.

— Госпожа Ветана, я заплачу!

— Вы предлагаете мне бросить людей без помощи?

Я не играла. Люди ко мне действительно шли, вспомнить хотя бы детей с кошкой. Для кого-то — чепуха, но для них трагедия. А не окажись меня на месте, зверушка погибла бы. Вот, как сын баронессы. И особой разницы я не видела между человеком и кошкой. Им обоим было плохо по чужой злобной глупости и собственной неосторожности, а результаты лечить мне.

И не стоит кричать — как можно сравнивать! То человек, а то — кошка или собака. Много таких хвостатых тварей бегают...

То-то и оно, что много. Только они — твари, не скрывающие своей сущности, а люди прячут себя под кружевами и титулами. Иногда так замаскируются, сразу и не поймешь, что это очередная тварь. Кто лучше — хорошая собака или плохой человек? Лично для меня ответ очевиден.

— Вы же не единственный лекарь в городе? Денек без вас обойдутся!

— Так же, как и ваш сын — не единственный больной, — пожалала я плечами. — Госпожа баронесса, мне в любом случае надо съездить домой. Переодеться, взять кое-какие травы — я не предполагала, что столкнусь с такой возмутительной халатностью...

— Надеюсь, ваш сын еще жив, госпожа баронесса?

Лекарь выступил удивительно вовремя. Баронесса мигом переключилась на него. На меня-то нельзя, а сорвать злость и нервы на ком-то надо было.

— Вы! Вон из моего дома, болван! Да я завтра же до короля дойду! Деньги дерете, а лечить не умеете! Девчонка из Желтого города — и та лучше лечит, чем вы, при всех регалиях! Недоумок! Шарлатан!!

Я даже пожалела лекаря, такое у него стало выражение лица, когда он увидел испачканное белье на полу, мирно посапывающего юношу на кровати... вообще-то баронесса была не вполне справедлива к нему, никто, кроме мага жизни не справился бы с таким воспалением.

— Он — жив!?

На меня воззрились с таким удивлением, словно у меня рога отрасли.

— Да у него ничего серьезного развиться не успело, — в тон лекарю ответила я. — Жар сбили, только до конца его убирать не надо, отхаркивающее дала, он еще днем будет откашливаться, может, еще даже дней десять... я оставлю все травы, мази и настойки, съезжу, пополню запас и приеду к вечеру.

— Госпожа Ветана, я пошлю за вами, если сыну станет хуже?

Вот теперь тон у баронессы был правильным, просительным, и я кивнула.

— Если у него резко поднимется жар, начнется неудержимый кашель или рвота — я тотчас приеду. И лучше верхом, а не в карете, так быстрее.

— Да, госпожа Ветана.

Я вздохнула, и принялась успокаивать баронессу. Сильно ж она сына любит...

И опасения ее понятны. Но как, не раскрывая своего инкогнито, убедить женщину, что ее сын в безопасности?

День прошел более-менее спокойно.

Одна рана на лбу не в счет. Три вызова к баронессе — наоборот. Беспольных вызова. Лучше б я у нее оставалась, чем вот так гоняться.

Хотя не настолько уж и бесполезных.

Первый вызов был откровенно зря — служанка неудачно попыталась дать барону отвар, жидкость пошла не в то горло, парень подавился, закашлялся чуть ли не до рвоты, а поскольку в себя он пока не приходил, картина была страшноватая. Так что баронесса послала за мной слугу с лошастью. Я прибыла на место. Но все дела свелись к тому, чтобы вытереть больному лицо, прослушать легкие — и вздохнуть. Все в порядке.

А вот второй вызов...

Криталь пришел в себя и попросил поесть. Баронесса приказала налить сыну горячего бульона и вызвала меня, чтобы я сказала, что ему можно.

Бульон я разрешила. И даже размочить в нем несколько тоненьких сухариков, но не более того. Завтра можно будет ввести кашу, а сегодня — осторожно. Желудок у больного еще слабоват.

Я как раз собиралась обратно, когда...

— Вон отсюда, негодяй! Как вы посмели сюда прийти!?

— Баронесса, прошу меня простить...

Мужчина, который отступал от баронессы, выглядел настоящим аристократом. Высокий, светловолосый, сероглазый, выше меня почти на полторы головы, в дорогом костюме и при шпаге, с аккуратно подстриженными усами....

— Я пришел узнать, как себя чувствует Криталь. Если в этом есть необходимость, я привезу к нему придворного мага.

— После того, как вы чуть не убили моего сына, вам еще хватает наглости смотреть мне в глаза!? — задыхнулась баронесса. — Граф, покиньте мой дом немедленно!

Ах, так это граф Реньи? Тот самый?

Я вгляделась более пристально. Низкий лоб, жесткие складочки у рта, губы, готовые сложиться в глумливую ухмылку — я очень хорошо представляла, как он отпускает циничное замечание о какой-нибудь женщине, а Криталь, не в силах выдержать позора, хватается за шпагу.

И знала ведь, что лучше не лезть вперед. Но — не удержалась.

— Госпожа баронесса, все в порядке.

— Госпожа Ветана! — обрадовалась мне, как родной баронесса.

— Госпожа? — смерил меня взглядом граф. Да так, что я словно бы увидела со стороны и платье из дешевой ткани, и грубые швы, и туфельки, купленные за двенадцать медяков, и руки с коротко стриженными ногтями, и небрежно заплетенную косу...

Не знаю, чего хотел добиться граф. Смущения? Растерянности? Уж точно не ответного откровенно брезгливого взгляда.

— Госпожа баронесса, это и есть тот господин, который ранил вашего сына?

— да, госпожа Ветана.

— Это славная победа, — усмехнулась я. — Полагаю, что после такого опасного противника, как Криталь Верандуа, господин граф отправится на новые подвиги? Отнимать цветы и девушек и игрушки у детей?

Мужчина побагровел. Некоторые блондины краснеют ровно, а этот пошел некрасивыми пятнами. Но постарался меня проигнорировать и обратился к баронессе.

— Если с вашим сыном все в порядке...

Уши у него предательски горели. А вот баронесса разыграла все, будто по нотам.

— Госпожа Ветана, я вас очень прошу. Если господин граф когда-нибудь встретит достойного противника, не соглашайтесь его лечить? За мои слезы, и слезы тех матерей, детям которых не повезло.

— Даже и не знаю, кто сможет стать достойным противником для такого блестящего кавалера, — усмехнулась я. — К сожалению, госпожа баронесса, доля лекаря безжалостна. Мы обязаны оказывать помощь даже последней твари.

Этого господин граф уже не вынес. Рванул воротник и вылетел вон.

Я посмотрела ему вслед со странным удовлетворением.

Я понимаю, что нажила врага. Я понимаю, что это опасно.

Мне плевать!

Когда опытный бретер вызывает сопливого мальчишку на дуэль по надуманному поводу... Убить за такое мало! Могла бы — так и сама бы!

Мы переглянулись с баронессой, и та крепко стиснула мне руку.

— Спасибо, госпожа Ветана.

— Тойри.

— Спасибо, Тойри.

Все я понимаю. Дура я, и дурее еще поискать, и не найти по Алетару.

Вот кто меня за язык тянул?

Чего я сорвалась?

Мое дело простое — лечить людей и жить спокойно. Год, два, пять, пока не стану совершеннолетней, или не выйду замуж.

А вместо этого я принимаюсь показывать зубы и когти. А это хорошо делать, только если ты — волк. А я-то далеко не он.

И что на меня нашло?

Теперь ведь граф наверняка захочет свести со мной счеты... если посчитает возможным марать руки.

Вот оно! То, что меня разозлило!

По рождению я стою выше баронессы. Если на то пошло, не я должна ей кланяться, а она мне. А ко мне относятся... да как к лекарке из желтого города и относятся. Талантливой, неглупой, но — и только. А в остальном — дешевая девица. Предложи побольше — и спектр услуг расширится.

Чувство собственного достоинства?

У девицы с помойки?

Смешно...

Но я-то не с помойки! Я пришла туда, чтобы спрятаться, но по рождению я стою не ниже того сопляка, которого сегодня лечила от последствий его же глупости.

И вот возникает противоречие между ролью и сущностью. В первый ли раз?

Я подумала, прислушалась к себе. Кажется, не в первый.

Плохо, очень плохо. А что делать будем?

Разбираться надо. Что есть роль, что есть сущность. Дешевая девица — роль. Лекарка? Дар, или проклятие, вот уж не знаю. Моя сущность, иначе и не скажешь.

Но раньше такого не возникало?

А раньше все и было иначе. Благородная дама, которая помогает травнице, обучаясь тому, что будет полезно для ее семьи и детей. Как вышиванию или пению.

Ее принято благодарить, относиться уважительно, и уж никоим образом не смотреть сверху вниз. Но сейчас-то все не так!

Я по привычке жду одного, получаю совсем другое и злюсь! На себя, на больных, на жизнь... так нельзя.

А как можно?

Что мне с этим делать?

Я ведь долго так не продержусь, это хорошим не кончится. Но как мне быть? Все усугубляется еще и моим одиночеством. Позволю себе прогнуться — ломают. Одинокой девушке вообще намного сложнее выжить, это я понимаю.

А слишком гордая может вообще умереть. Очень быстро. И очень больно.

А делать-то что?

Ответа не было... ладно, я еще это обдумую. Обещаю.

То туда, то сюда... время пролетело незаметно. Криталь пару раз приходил в себя, попил бульона и уснул. Баронесса была счастлива, но не спокойна. И вечером встретила меня, как королеву не встречала бы. Не хватало только выстроившихся в прихожей слуг.

— Госпожа Ветана! Кришу чуть полегче! Он меня узнал, а вчера только бредил...

Я взяла женщину за руку.

Ладно. Стерва, дура, высокомерная зараза, не обладающая и каплей вкуса, но сына-то она и правда любит. И ей сейчас очень тяжело. Я точно знаю, что происходит, а она может полагаться только на мои слова и на мой сомнительный опыт. Как же родственники больных беспомощны перед врачами!

Поэтому стоит ее утешить.

— Все в порядке, госпожа баронесса.

— Алис. Для вас просто — Алис.

— Все в порядке, госпожа Алис, — тихо утешила я ее, — обещаю, от этой глупости ваш сын не умрет.

— Почему вы так говорите, госпожа Ветана?

— Потому что вызывать на дуэль заведомо более сильного противника — вредно для здоровья. Вы меня понимаете?

Баронесса понимала. Вздохнула...

— Да. Стоит его пристроить в гвардию. Командующий, герцог Моринар, давний знакомый нашей семьи, он согласится принять мальчика.

— Если у него не останутся последствий, может, это и неплохой вариант — пожалала я плечами. Хотя и недавно я жила в Алетаре, но точно знала, что для королевских гвардейцев дуэли были под строжайшим запретом. Александр Проклятый считал, что дворяне должны проливать кровь врагов, а не глупцов.

— Госпожа Ветана? — Алис уловила только про последствия.

— Утром скажу, на сколько растянется выздоровление, — пожалала я плечами. — Про последствия потом подумаем. Сейчас все равно точно не скажешь.

Баронесса поняла, провела меня в комнату к больному — и оставила с сыном и

служанкой.

Эта ночь сильно ничем не отличалась от предыдущей. Разве что я устала намного меньше, израсходовала меньше дара, и окончательно убедилась, что дуракам везет. И что Криталь Верандуа — дурак идеальный, чистопробный и круглый.

Последствия воспаления ему не грозили. Разве что пару зим побережусь и не простужаться. Но это ему мать обеспечит, я позабочусь.

К утру Криталь уже пришел в себя, и жутковатых хрипов в легких не осталось. Недельки две поваляться в кровати — и можно ввязываться в очередные неприятности. Это я его матери и доложила.

Баронесса так растрогалась, что даже обняла меня. Одарила кошельком с монетами, который я взяла, не дрогнув — не зря ж я столько возилась с мальчишкой, и взяла слово, что я обязательно буду приезжать раз в два дня, осматривать сыночка. Мало ли?

А если ему станет хуже, она сразу же пошлет за мной! Вот в ту же минуту!

Я согласилась. И даже поблагодарила за деньги.

Баронесса растрогалась настолько, что намекнула мне о своих старых платьях. Мол, есть у нее наряды, она их носить точно не будет, а вот молодой девушке... может быть, если перешить, мне понравится?

Очень хотелось согласиться, но я покачала головой.

Нет уж. Извините, госпожа баронесса, но у вас наряды из дорогих тканей, а я то в грязи на коленях стою, то кровью испачкаюсь... загублю вещи, и порадоваться не успею. Эту-то дешевку не жалко.

Баронесса покивала, еще раз поблагодарила — и я отправилась к себе.

Отсыпаться и отъедаться.

После сеанса ночного лечения и того и другого хотелось просто зверски!

История имела продолжение через два дня. Но на этот раз в мое окошко постучали вечером.

— Госпожа Ветана!

Однако!

Знакомая аристократическая морда. Как там его?

— Господин барон Польмер?

— Здравствуйте, госпожа Ветана. Рад, что вы меня помните.

— Да, господин барон. Что вам угодно?

— Госпожа Ветана, вы не согласитесь побывать еще на одной дуэли?

Я очень медленно стянула с рук тонкие нитяные перчатки, в которых работала.

— На какой дуэли?

— Завтра на рассвете я дерусь с графом де Реньи.

— Что!?

— Граф — негодяй, недостойный своего титула, — отрезал барон, хотя какой там барон! Бароненок! Смешные взъерошенные вихры русого цвета, чуть потемнее соломы, упрямый подбородок с порезом от бритвы, даже усов еще нет, по-юношески нескладная фигура... чем-то он похож на моего брата.

Не думать сейчас об этом!

— Вы смерти ищете, Атанас?

— Граф — подлец и мерзавец! И я его не боюсь!

— А смерти? Вы женаты? У вас дети есть?

Юнец насупился.

— Простите, госпожа Ветана, но это не ваше дело.

— Значит, нет. Вы хоть понимаете, насколько больно будет вашим родителям, если граф вас убьет? Даже если ранит!

— Мои родители будут счастливы тем, что я не поступил против чести, — отрезал самонадеянный сопляк. — Госпожа Ветана?

И что я могла сказать?

Да только согласиться, в надежде, что сумею помочь наивному мальчишке.

Дурак, какой же дурак!

Сияющий, ты же бережешь дураков? Ну так сохрани на земле эту эталонную бестолочь! Пожалуйста?

Никогда не была на дуэли. Надеюсь и не побывать, но...

Рассвет пробежал по горизонту первой робкой полоской, уцепился на темное, иссиня-сизое небо лучами-пальцами, пока еще только карабкаясь, стремясь выбраться наружу. Неподалеку глухо шумело море, облизывая прибрежные камни и стачивая клыки берега в пыль. Рано или поздно, оно своего добьется. Роса переливалась в темной траве крохотными бриллиантиками, птицы просыпались и пробовали голоса, тихо переговаривались секунданты барона. Сам Атанас стоял на краю поляны, делая вид, что ему ничего не интересно. Получалось откровенно плохо.

Я поеживалась всем телом. От влажной прохлады не спасал даже теплый плащ купленный у того же старьевщика. Да и роса....

Красиво, очень красиво, но так мокро!

Я настолько крепко задумалась, что пропустила появление графа с двумя секундантами.

— Я смотрю, барон, вы уже тут? Торопитесь на тот свет? — поддел его граф, спрыгивая с коня.

— Мы еще посмотрим, кто туда сегодня отправится, — парировал Атанас.

— Мы — посмотрим. А вы... не знаю, не знаю, — фыркнул граф, бросая поводья одному из секундантов. И в следующий миг увидел меня.

— А, храбрая лекарочка? Пришла поддержать дружка напоследок?

Каких усилий мне стоило сдержаться — знали только мои пальцы. Я намертво стиснула их за спиной, вонзив ногти себе же в ладонь.

Молчи, Вета, молчи... Бабушка бы на этого самонадеянного болвана и не взглянула. Такие перед ней в пыль падали!

— Ладно, полюбуйся, как я его прикончу. А если будешь достаточно расторопной, может, и пару монет за услуги заработаешь, — сальный взгляд пропутешествовал по моему телу от носков сапожек до капюшона плаща, заставив брезгливо передернуть плечами.

И — да.

Я дура, но я опять не сдержалась.

— Ваше благородство, господин граф, известно всему Алетару. Еще несколько подобных дуэлей — и никто никогда не усомнится в нем.

Мужчина злобно прищурился. Слова были правильные, тон — тоже, даже выражение

лица было правильным, но вместе...

Так и хочется закричать — переигрываешь! И граф это отлично понял.

— Мы поговорим после дуэли, госпожа.

Я пожалала плечами и отвернулась. Я здесь, чтобы лечить, и отказаться я не могу, но...

Это ведь не грех?

Сияющий, можно сделать так, чтобы эту мразь продырявили? И побольнее, пожалуйста!

Секундант подбросил платок в воздух — и дуэль началась. Я не отводила глаз от сражающейся пары. Атанас насккивал на противника, как щенок, так же активно и достаточно бестолково, даже на мой взгляд. Граф уверенно защищался, отводя удары в сторону.

Я видела тренировки отца и брата, поэтому ничего хорошего не ждала. Может, лет через пять Атанас и вырастет в опасного противника, но сейчас...

Болван сопливый, иначе и не скажешь.

Первое время граф лениво отражал его наскоки, потом начал атаковать сам — и тут-то Атанас понял разницу между собой и опытным дуэлянт. Все чаще и чаще шпага графа пробивала его защиту, останавливаясь совсем рядом с телом, иногда нанося болезненные царапины, все чаще и чаще на одежде Атанаса выступала кровь... я зажала рот рукой, чтобы не закричать — стойте!

Я не имею права остановить дуэль, но если мальчишка будет жив, если он останется в живых, я все сделаю, чтобы его вытащить, обещаю! Только пусть... пожалуйста!

На губах графа плясала гаденькая усмешка, и подобно змее плясала шпага в его руке.

Укол, еще один, глубокая царапина на лица барона...

— Прекратить!

Ледяной голос ударил хлыстом, и в первый миг мне показалось, что я сплю. Так это слово было созвучно тому, что я мечтала услышать.

Но было поздно.

Граф привычно продолжил выпад, только вот Атанас обернулся на голос, прозвучавший откуда-то из-за моей спины, и отвести его не успел.

Простой выпад, совсем простой, даже замедленный... но шпага пробила оборону и вонзилась мальчишке в грудь.

Я уже видела такое.

Видела, как становятся бессмысленными глаза, как выцветают краски на лице живого человека, как...

Я видела. И дар привычно шевельнулся во мне, чтобы тут же улечься.

Один удар точно в сердце. Помогать было некому.

Я повернула голову.

На опушке поляны возвышался конь. Среднего роста, невзрачной гнедой масти, с короткой щеткой гривы и неожиданно длинным хвостом. Самая обычная лошадь, на первый взгляд. Но судя по тому, как под гладкой шкурой ходят мышцы...

Степняк.

Только в Степях разводят таких коней.

Стойких, преданных, умных, готовых сражаться наравне со своим хозяином, и весьма неохотно продают их на сторону. Только жеребцов, и никогда кобылиц, чтобы не

нарушалась порода. При этом окраска может быть любой, но стать, повадка...

Длинные ноги, маленькая изящная голова, красиво очерченный круп — безусловно, степняк. И стоят такие кони небольшое состояние.

Не меньшего внимания заслуживал и всадник, который в этот момент соскользнул на землю.

Красивым его не назвал бы никто. Светлые, почти белые волосы, длинный крючковатый нос, тонкие бесцветные губы, тонкие черные брови, темно-карие, почти черные глаза, высокие скулы и тяжелый подбородок.

По отдельности его черты могли быть привлекательными, но соединяясь вместе, они породили смесь жестокости и высокомерия. Я бы сказала, что человек это незаурядный, достаточно неприятный и властный.

Фигура его тоже не отличалась изяществом и грацией. Высокий, на полторы головы выше меня ростом, он весь был какой-то избыточно худой. Но...

Словно сыромятный ремень.

Не разорвешь, да и разрезать сложно.

Гибкая жесткая сила. Жестокая сила.

Больше всего этот мужчина был похож на плеть-девятихвостку, которой ради смеха позолотили рукоятку. Только вот легче она от этого бить не стала.

— Герцог, — прозвучало над поляной, но я так и не поняла, кто из секундантов это сказал.

Тонкие бледные губы искривились в улыбке.

— Реньи, Шелт, Верон, Альтен, Клинт... как мило. Прогуливаетесь с утра? Что с Польмером?

— Мертв, — бездумно ответила я.

Голос у мужчины оказался под стать всему остальному. Ледяной, высокомерный и насмешливый.

Темные глаза обратились на меня.

— Несколько опрометчиво говорить так, даже не осмотрев человека, госпожа....

— Ветана. Я лекарь.

— Вот как?

В голосе мужчины было столько изумления, что мне захотелось вlepить ему пощечину. А что тут скажешь? Место женщины — кровать. Ограничилась сухим:

— Вот так.

Герцог несколькими шагами пересек поляну, опустился на одно колено рядом с телом Атанаса, коснулся шеи. Перевел взгляд на меня.

— Вы не ошиблись, госпожа Ветана.

— К сожалению.

Герцог обвел взглядом поляну — и не стал задавать глупых вопросов, вроде: 'кто', 'за что', и 'почему'? Вместо этого в его руке блеснула шпага.

— Защищайтесь, Реньи.

— Милорд?

Граф даже попятился назад.

Губы герцога искривились в неприятной улыбке.

— Впрочем, можете и не защищаться. Я не стану называть убийство заведомо более слабого противника дуэлью.

— Милорд, не надо!

Я смотрела на графа, и не узнавала. Куда и девалась самоуверенность? Наглость, надменность, высокомерие — все чувства словно стерли с его лица мокрой тряпкой, остался только страх. Лютый, безудержный страх, до дрожи в коленках и мокрых штанов.

Герцог не стал спорить. Он просто атаковал. Быстро и жестко. И вновь я увидела разницу школ.

Граф мастерски владел шпагой, он наслаждался поединком с Польмером, он играл, показывал красивые финты, мучил мальчишку, как мышонка.

Герцог же...

Герцог не разменивался на такие глупости.

Всего несколько движений кистью, два шага...

Звенит отлетевшая шпага графа, тот хватается за пробитую кисть, умоляюще глядит на герцога, но мужчина и не думает жалеть врага.

Второй удар следует точно в горло.

От такого тоже умирают, но не сразу, пара минут у графа есть. И мне почему-то кажется, что мужчина специально поступил именно так.

Кровь за кровь, жизнь за жизнь.

Секунданты молчали, словно им языки отрезали. Даже между собой не переговаривались. Герцог бросил беглый взгляд на умирающего графа, потом посмотрел на секундантов.

— Шель, Альтен, доставить тело Польмера к нему домой, лично рассказать родителям, как получилось, что они лишились сына. Верон, Клинт — доставите тело графа и расскажете обо всем его жене. На улаживание дел у вас пять дней, после этого поступите в распоряжение капитана Каррера, третий гвардейский полк. Вопросы?

Вопросов ни у кого не было. Даже у меня.

Мы пронаблюдали, как герцог уезжает с поляны, а потом я развернулась и отправилась домой. Идти тут тоже недалеко, если напрямик, через дюны, услуги мои не понадобились, а что герцог обо мне забыл... это и к лучшему. Еще как к лучшему!

Польмера жалко, мальчишка ведь. Но зато и граф получил по заслугам, и это было очень приятно.

О герцоге я расспросила соседей.

Оказалось, что по давней традиции герцоги Моринар — казначеи, министры и сановники, а вот этот выбился из семейной традиции и ушел в военные. И настолько хорошо воюет, что стал первым маршалом короны. Все войска в его ведении, так что мужчина имеет полное право отдавать любые распоряжения. Явиться в полк, например, и послужить на благо отечества. И ему повинуются, будь там хоть трижды графья и четырежды бароны. С королевской семьей Моринары тоже связаны родственными узами, поэтому лишний раз на их права никто не покушается — себе дороже.

Есть у герцога Моринара и прозвище — белесый палач.

Когда он был юношей, случился бунт герцога Корвина. И случайно в тех краях оказался Моринар, совсем юный, лет восемнадцати от роду.

Вот он принимал участие в подавлении бунта, лично брал замок Корвина штурмом, и по слухам, не оставил никого живого. Даже детей не пощадил.

Вернулся он оттуда седой и с прозвищем. Впрочем, в армии его любят, да и король благосклонен. Но лучше с ним не связываться.

Это-то я и так знала. И надеялась только, что мужчина про меня забудет.

Скорее всего — уже забыл. Подумаешь, лекарка какая-то... много их бегают.

Самое забавное, что за присутствие на дуэли со мной расплатились. Деньги принес один из секундантов Польшера, сказав, что недостойно дворянина не платить долги.

И можете меня считать трижды дурой, но эти деньги я раздала по соседям, которые нуждаются больше меня, ни оставив в доме ни медяшки. Не хотелось даже прикасаться к этим монетам, словно на них была кровь бедолаги Атанаса.

— Госпожа Ветана! Госпожа Ветана!!!

На миг мне показалось, что все повторяется. Такой же солнечный и радостный день, такая же распахнутая ногой дверь, и влетевший в нее малек.

— Шими?

— Госпожа Ветана, помогите!!! Ренар умирает!!!

— Что!?

— Меня отец за вами послал!!! Помогите, пожалуйста!!!

Я схватила сумку и поспешила за Шими.

— Что случилось?

— Он в порту сейчас...

— Опять бочка?

— Нет! Ему просто плохо, он весь посинел, у него судороги...

— С чего вдруг?

— Не знаю!

Шими всего колотило, глаза были дикие, руки тряслись...

До порта мы бежали по таким закоулкам, которых я век не узнала бы. Но мальчишка вел меня уверенно и главное — быстро. А остальное — неважно.

И снова все повторялось.

Вот так же лежали двое на причале, так же стояли над ними люди... только в этот раз лежал один.

Нот Ренар распростерся на пахнущих рыбой досках. Грузчики что есть сил прижимали бьющееся тело и пытались разжать ему сведенные зубы, чтобы мужчина не откусил себе язык. Тело Ренара выгибалось в судорогах, да настолько серьезных, что четверо дюжих мужиков, привыкших таскать тяжести, едва не раскидывало в стороны.

Рядом билась в истерике в чьих-то руках госпожа Ренар. Откуда она тут? Впрочем, сейчас меня это не интересовало. Я почти упала на колени рядом с Нотом и, даже не касаясь дара, поняла — дело плохо.

Закатившиеся глаза, синеватые губы, пена неприятного оттенка и запаха, судороги... яд?

Откуда?

И зачем!?

Что же ему дать?

Воды и побольше, промыть желудок. И вызвать рвоту...

Накормить углем?

Да, и это тоже.

Я коснулась висков Ренара, постаралась сосредоточиться — и дар отозвался. Но не яркой вспышкой, как это всегда бывало, а тусклым и усталым отблеском ночника.

Безнадежно.

Я поняла это так отчетливо, словно кто-то произнес при мне это слово. Мужчине оставались считанные минуты.

Но сдаваться без боя?!

Никогда!

Медленно, очень медленно, ладони потеплели. На этот раз искорки не было, просто из моих пальцев потекла чистая, неоформленная сила. Организм Нота сам решит, что с ней делать и в какую форму переработать.

Мир велик. Я сливаюсь с миром, я просто проводник его силы. Возьми его силу, возьми мою силу — и живи!

Живи!!!

И на пару секунд мне показалось, что я справляюсь. Судороги стихли. Грузчики в первую минуту даже не сообразили, что произошло.

Я сделала вид, что надавливаю на точки на шее Нота.

— Дайте ему воды! Это какой-то яд, надо промывать желудок!

Если повезет, если яд еще не весь в крови, если он не успел разрушить печень, если не нанес необратимых повреждений мозгу, если, если, если...

Я привычно смотрела своим даром — и тот отвечал мне грустным звоном.

Безнадежно.

Печень уже не восстановить, почки не справляются, кровь несет отравленные вещества, судороги как раз и вызваны их воздействием на мозг, пои водой, не пои, тут уже ничего не поможет.

Так и случилось.

Мужчина вздрогнул еще раз, потом вздохнул — и вытянулся.

Магия не всесильна.

Я медленно оперлась на руку и поднялась.

— Простите. Я опоздала.

Госпожа Ренар вырвалась из рук держащего ее Шаронера, кинулась к мужу на грудь... откуда она здесь?

Что случилось?

— Убийца!

Я дернулась от истошного крика. Рядом стоял портовый лекарь, и указывал он пальцем прямо на меня.

— Держите ее, люди! Это все она! Убила беднягу, я ему и помочь-то не смог!!!

— Я!?

Я настолько растерялась, что даже сказать ничего не смогла. С ужасом наблюдала, как во взорах обращенных на меня, проскользнули первые искры бешенства. Самого опасного — стадного. Находится такой сумасшедший, заводит толпу, и такое они творят, что уму непостижимо.

Могут и в воду меня скинуть, замотав, для пущего эффекта в сеть, и камнями забить, и в кровавую кашу тут на досках размазать... что угодно. Потом опомнятся, заплачут, но мне уже будет все равно.

— Он врет!

Хотелось крикнуть, а получился писк. А лекарь, словно в дурном сне, орал, надсаживаясь:

— А кто ж еще!? Я говорил, что бабам лечить нельзя! Она, она беднягу уморила, и так все ясно! Ведьма!!

И в такт его воплям качнулась ко мне толпа.

Я приготовилась дорого продавать свою жизнь, но между мной и людьми, слава

Сияющему, пока еще людьми, не стадом, встал Мэт Шаронер, шагнул вперед, расправил плечи.

— Не верю!

Рядом с ним столбиком застыл Шими.

— Не она это, — дядька Тимир покачал головой, становясь рядом с Мэтом.

Из общей массы выделились еще несколько лиц, встали рядом с ними, закрывая меня.

— Не верю! — язык у Мэта оказался неплохо подвешен, даром, что грузчик. — Она и меня лечила, ан жив!

— И меня, — присоединился один из стоящих рядом с ним.

— Мою жену.

— Моего сына!

Я даже лиц их не запомнила, а они сейчас за меня жизнью рисковали.

Но так нельзя!

Я шагнула вперед.

— А где ты был, лекарь, когда Ренару стал плохо?! Чем занимался?! Пусть нас рассудит господин Логан! Я точно знаю, что Нот Ренар умер от яда! И этот яд ему дала не я! Я его не видела уж дней пять!

Это верно.

Переживший утрату ноги Ренар решил как только сможет, вернуться на работу. Пока он выстругал себе протез и костыль, и пробовал передвигаться опираясь на них.

Получалось плохо.

Пробовал, получалось... уже никогда не получится. Но ему еще лежать сегодня и лежать было. Как он оказался в порту?

Задать этот вопрос я не успела, потому что толпа согласно взревела. Господин Логан в качестве судьи устроил всех, и меня повлекли к зданию, в котором он располагался. Рядом шагал весьма недовольный этим лекарь, прожигая меня взглядом. Но споткнулась я не из-за этого. Просто один дурак рыбы потроха бросил, второй их растоптал, а третья (то есть я) их попросту не заметила.

Мэт поддержал меня под руку.

— Госпожа Ветана, вы в порядке?

— Да, господин Шаронер.

— Вы не волнуйтесь, господин Логан сейчас во всем разберется. Он очень справедливый.

Мне в это верилось слабо, но пришлось кивнуть. Все-таки лекарь тут работает уже не первый год, знает всех, лечил, кого и по нескольку раз. Он здесь свой, я — чужая. Приглашенная сопля со стороны.

Кому скорее поверят? Понятное дело, ему.

С другой стороны...

Если сейчас требуют решения, значит, сразу убивать не будут. И мне надо как следует все обдумать.

Откуда взялся лекарь? Выскочил, как акула из волны!

Я прищурилась, вспоминая.

А ведь он не выглядел встрепанным, запыхавшимся, или как я, прибежавшим наспех. Нет, не выглядел.

И почему он не был рядом с больным Ренаром?

Откуда взялась его супруга? Ренара, не лекаря? Странно это как-то...

А мог лекарь сам дать яд больному?

Мог. Потому и не лечил Ренара — знал, что все бесполезно. Потому и оказался рядом — знал, когда подействует.

А как он мог дать этот яд?

Проглотить? Выпить? Оххх, Темного крабом! Как же я сразу не поняла? Простейшее, что можно сделать! И яд попадет в кровь очень быстро, и рвоты почти не будет, все верно, и судороги могут быть....

Я посмотрела на Шаронера.

— Мэт, а где тело Ренара?

— Осталось там, наверное.

— Попросите его принести, а? Очень надо.

— К господину Логану? В дом?

— Да. Мэт, вы понимаете, что Ренара отравили?

— Отравили? Я думал, это...

Мэт зачесал в затылке, видимо, так и не определив, что именно — это? А и верно — что?

Сердечный приступ? Солнечный удар? Какая-то травма?

Нет, нет и еще раз нет. А вот если лекарь говорит, что это яд — стоит прислушаться. Мэт кивнул, подозвал Шими и что-то шепнул ему. Мальчишка послушно отстал.

— справится?

— Вы его недооцениваете, госпожа Ветана.

— Надеюсь, — сейчас от расторопности Шими зависела моя жизнь. — а вы у лекаря не бывали?

— Даже и не заходил. А зачем?

— Травки какие взять, обезболивающее, или что еще?

— Нет. Вот Нот к нему забегал, есть... было дело.

— А зачем?

— Хандрил он, госпожа Ветана. Вроде здоровый, молодой мужик, а калека... И нога болела...

— нога?

— Призрачные боли. Ноги нет, а больно. Лекарь ему и стал давать какие-то порошки, чтобы ее притупить.

— Ах, вот оно что...

— Думаете, это из-за порошков?

Я решительно замотала головой.

— Нет, это не порошки, тут другое... Дайте мне все обдумать, Мэт...

— Нет у нас времени на обдуумывание, — мрачно буркнул Шаронер. — Сейчас уже придем.

— Ничего, мне хватит.

Я внутренне собиралась с мыслями. Главное сейчас не паниковать, не истерить, не ругаться. Если я начну это делать, ко мне прислушиваться уже не станут. И даже мой дар ничего тут не дает.

Даром таких, как начальник порта не проймешь, им бы деньги, да власть, да связи. И скорее всего, у портового лекаря это все есть. А у меня вообще ничего нет, кроме дара и

характера. Но это же не повод сдаваться, верно?

Э-эх... попала ты, Вета, как карась в кипяток.

Здание из тесаного белого камня неуклонно приближалось.

Господина Логана я видела впервые, и рассматривала его без всякого стеснения. Высокий темноволосый мужчина лет шестидесяти сидел за массивным столом из темного дерева и что-то писал. Смотрелись они, кстати, очень органично. Массивный тяжелый стол — и за ним такой же здоровущий господин Логан.

Грубоватое, словно из камня вырезанное лицо и крупными жесткими чертами и бороздами морщин, седые волосы, светло-серые глаза, неожиданно неприятные на лице, продубленном морскими ветрами и туманами, тяжелые руки спокойно лежат на столешнице.

Он ждет.

Уже знает?!

Серьезно?

Поверить не могу...

Но глядя в серые глаза я отчетливо понимала, что знает. И более того, настроен против меня. Не враг мне, но и не друг, так что если понадобится — меня выкинут толпе на растерзание. А не хотелось бы...

С другой стороны — толпа — это мой единственный шанс на спасение. Голова работала как никогда четко, я понимала, что Логан в порту — закон и порядок, как он скажет, так и будет. Опротестовать его решение я могу только в королевском суде, но туда еще дойди! Лекаря он знает, судить будет в его пользу, то есть...

Выход только один.

Чтобы суд проходил при всем честном народе.

Вот тогда у Логана не будет выхода. Если он покривит душой, то потеряет и доверие людей, и свое место, а оно для него определенно важно.

Но смогу ли я доказать свою невиновность? Это вину доказать легко, а ты попробуй, докажи, что тебя подставили?

Только вот выхода у меня определенно нет. Смерть тут — безвыходно. Смерть там — если мне не удастся доказать вину настоящего отравителя.

Страшно...

Внизу живота все сжалось, жутко захотелось в туалет... ничего, потерпишь! Главное момент не упустить.

— Господин Логан, — заговорил Тимир. — Тут такое...

В его изложении все выглядело достаточно просто. Ренар и Шаронер были случайно покалечены. Поскольку лекарь был пьян в дупель, лечила их я. С Шаронером все в порядке, а вот Ренар сегодня умер. И я ему помочь ничем не успела. А лекарь обвинил конкурентку в убийстве.

Господин Логан выслушал и кивнул.

— А вы что скажете, Сайм?

Лекарь развернулся во всю ширь ораторского искусства.

Он-де не пьян вовсе даже был, а отлучился по важному делу. Неотложному. И помощь

оказать не успел. Хотел потом осмотреть пострадавших, но наглая девица его не пустила. Это, конечно, из-за денег. А лечить женщины не умеют, нет, не умеют, они вообще только для одного пригодны. А вот если бы он тогда... был бы сейчас Ренар жив. Наверняка это я что-то сделала не так.

Гнать меня, дрянь такую, надо из города.

Господин Логан дослушал и перевел взгляд на меня.

— Что вы скажете в свое оправдание?

Ах, вот оно как?

Оправдание?

Я спокойно посмотрела на мужчину.

— Вы считаете, что мне есть в чем оправдываться?

— Не играйте словами. Сайма я знаю уж лет двадцать, работник он хороший. И Ренар был хорошим парнем. А вы кто?

— А я человек, который требует справедливости. И я прошу, чтобы меня судили при всех! Мои слова против его слов! Что у вас есть — что вы его сто лет знаете!? Тогда вы не можете судить нас, потому что пристрастны!

Я топнула ногой.

Господин Логан прищурился.

— А королевский суд вас устроит?

Про это я тоже слышала. Но чего мне было бояться и что терять?

— Я невиновна! И бояться мне нечего!

— Кроме человеческой подлости и предвзятости, — отчетливо добавил рядом со мной чей-то голос. Я оглянулась.

Шаронер?

— Госпожа Ветана и меня лечила, и жив-здоров. А Нот, бедняга...

— Конечно, бедняга! Доверился подлецу, за что и поплатился! Мало того, подлец оказался на службе у коменданта... вы, любезнейший, что получаете взамен пьяницы на службе?

Тимир посмотрел на меня круглыми глазами, но меня уже несло.

— Требую, чтобы все разбирательства проходили прилюдно! И имею на это право!

— Вы понимаете, — вкрадчиво заговорил господин Логан, — что я не смогу остановить людей от мести истинному виновнику?

В этом месте я должна была испугаться, но — не тому меня учили.

— Любезнейший, — мой голос прозвучал наждаком по стеклу, — разрушить репутацию порядочного человека легко, но восстановить ее вы не сможете. Кого бы из нас вы сейчас не оправдали — меня или господина лекаря, все равно мы не отмоемся от подозрений, а вы — от обвинений. Оправдаете меня — скажут, что я подкупила вас красотой и молодостью. Обвините — скажут, что вы подыграли своему человеку, который купил вас. И в том, и в другом случае, урон вашей репутации будет нанесен немалый.

Лекарь что-то булькнул, но я не обратила на него внимания. Сейчас существовал только Логан, только серые глаза, чуть светлее моих, и я смотрела пристально и жестко, давая понять, что не сдамся без боя.

— Если вы будете проводить суд на людях — да, возможно, вы не спасете убийцу. Но кровь падет не на вашу голову. И никто не посмеет обвинить вас в предвзятости.

Господин Логан скрипнул зубами.

Обвинить?!

Ха!

Да его и обвинять не требовалось, он был кракеновски предвзят по отношению ко мне! Но здесь был Тимир, было еще несколько человек... замолчать случай не удастся.

Если он откажет мне в прилюдном разбирательстве, ему уже не отмыться. Какое бы решение он не принял.

— Сплетни пойдут в любом случае.

— Именно! Если вы имели наглость губить мою репутацию при всех — так и восстанавливайте ее прилюдно.

— Вы настолько уверены в своей невиновности?

— Я невиновна. При чем тут уверенность?

— Да она что хочешь скажет! — взвился лекарь, но кто бы обратил на него внимание. Мы с Логаном смотрели друг другу в глаза.

- Я знаю, что ты невиновна. Но это **мой** человек. И я буду на его стороне, что бы ни случилось.

- Ты знаешь, что я невиновна. Мне плевать, чей это человек, я не дам обвинить себя в убийстве!

- Я сделаю все, чтобы ты не выплыла.

- Я сделаю все, чтобы не выплыл ты.

Логан уговаривал, угрожал, убеждал — я твердо стояла на своем. Тут приоткрытая дверь и присутствие Тимира и еще нескольких людей шли мне на пользу. Логан мог бы изначально заставить меня силой, но не успел, а теперь все оказалось поздно.

Меня всю трясло, но я настаивала на прилюдном суде, и наконец...

— Что ж. Вы сами этого просили, помните! Идем!

Солнце ударило мне в лицо. Теперь мы стояли перед всеми собравшимися. Посередине — господин Логан, слева от него — я, справа — Сайм.

А Логан говорил с людьми. Говорил не слишком громко, но так, что каждое слово словно в голову вбивалось.

Совершено жестокое убийство.

Есть двое подозреваемых. Лекарь Сайм, которого вы все знаете, обвиняет лекарку Ветану. Она же — его. Я решил провести суд прилюдно, чтобы не было потом никаких подозрений. Все согласны?

Согласны были все.

Господин Сайм снова повторил свою речь, обвиняя во всем меня. И настала моя очередь.

Вдохни, Вета, выдохни — и вперед! Дерись!

До конца дерись за себя!

— Я заявляю, что господина Ренара отравили. И сделали это нарочно, — зазвенел над толпой мой голос. — Я полагаю, что сделал это ваш лекарь, испугавшись за свое место и свое право хлестать вино без отрыва от работы.

— Вранье! — донеслось из толпы.

— Ах, вранье!!? — ошетинилась я. — Мне незачем было убивать Ренара! Видит Светлый, я сделала все, чтобы Нот Ренар был жив и по сей день... подумайте над странными совпадениями. Нот захандрил из-за того, что лишился ноги и стал захаживать к вашему лекарю. Тот давал ему мази и настойки, может, они даже и выпивали вместе... — блеск в

глазах лекаря подсказал мне, что я недалеко от истины. — Точно! И наверняка, лекарь убедил его, что я зря отняла ему ногу, он бы так никогда не поступил, верно? Хотя это и наглое вранье! Без ампутации Нот вообще не выжил бы!

Что-то попытался вкнуть лекарь, вставить господин Логан, но меня уже несло. Я попала в одну волну с людьми, и понимала, что здесь и сейчас — они мне поверят! Обязательно поверят!

— Кто еще может дать яд? Да только тот, кто тесно общается с жертвой. И сегодня, когда я прибежала, лекарь не пытался помогать Ренару, хоть это и его работа! Не пытался ничего сделать! Он утешал госпожу Ренар, он знал, что все бесполезно!

— Это только ваши слова!

Логан, тварь такая. И лекарь опомнился.

— И как бы я дал ему яд!? Как!? Если я отравил его — где рвота? Где вы видите действие яда!?

Я огляделась по сторонам.

А вот и тело... шаг, второй, люди подаются в стороны и я бестрепетно откидываю парус с лица Ренара.

— Вот и посмотрите сюда. Пена в углах губ, характерного цвета, окраска языка и рта, судороги...

— Что здесь происходит!?

Голос грянул над толпой, подобно грому. И так же оцепенели все окружающие.

Этого человека я не знала. Пожилой, лет шестидесяти на вид, высокий, все еще крепкий, даже кряжистый, как старый дуб...

— Логан, я тебя спрашиваю? Кто допустил самосуд?

Что-то есть безумно знакомое в его лице, и только пару минут спустя я понимаю — что именно. Убрать морщины — и лицо его будет почти копией герцога, который прервал дуэль.

— Моринар, — прошептал рядом господин Логан.

Я незаметно выдохнула.

Кажется, у меня появился шанс выжить?

Алонсо Моринар давно собирался заняться портом. Канцлеру, человеку хозяйственному и суровому, поперек горла был и Логан, и то, что установилось в порту.

Только вот убрать Логана не получалось.

Мужчина был ставленником Ришардов и Леклеров. Недосмотр канцлера.

Прозевал.

А снять Логана было сложновато. Он обжился, усиделся, взял в свои руки многие ниточки, если убрать его просто потому, что хочется — начнутся беспорядки. Уж Ришарды об этом позаботятся.

Вот ведь змеиное семя?

И пакостят, и пакостят, и прищучить их вроде не за что, ничего в открытую не делают, и в то же время — канцлер знал, что они стоят за многими неурядицами в королевстве. Трон расшатывают, с-сволочи. Порт — важное место для Алетара, да и для всего Раденора, но ведь подсустились как-то! На чем-то же они Логана поймали!?

Знать бы на чем, канцлер тоже не постеснялся бы его шантажировать. Да — не получалось пока узнать. Так что оставалось канцлеру?

Только следить и надеяться, что Логан даст повод его снять. Вот и сегодня, когда прилетел голубь из порта, Моринар счастью своему не поверил. Всего несколько слов но каких?

Совершенно убийство. Логан хочет устроить самосуд.

Большого Моринару и не надо было!

Конечно, к суду он уже не успеет, но надо поторопиться, чтобы не успели спрятать тело и улики. Тут-то он Логана и растопчет!

В порт он летел, словно на крыльях, и у дома коменданта порта увидел это.

Толпу, окружившую дом.

Стражники распихивали в стороны моряков, грузчиков, нищету и купцов, те оборачивались, сначала глядели злобными глазами, но потом понимали, кто пришел — и успокаивались. Спорить с канцлером было себе дороже.

Вот и Логан.

Их трое.

Сам комендант, рядом с ним толстый человечек с лицом записного алкоголика и вруна, с другой стороны девчонка в простом сером платье, чем-то похожая на ошестинившегося котенка, на земле тело человека...

Алонсо не стал терять ни минуты.

— Я жду ответа, Логан!

— Милорд герцог! На территории порта совершено убийство...

— И ты решил сам во всем разобраться? Похвально, очень похвально.

Тон Алонсо говорил совсем о другом. Логан побледнел и закусил губу. Он понимал, что попался, но выбора у мужчины не было.

Только принимать бой.

Моринар?

Канцлер?

Уж столько-то я об этом семействе теперь знала. И решила воспользоваться своими знаниями.

— Монсеньор! Я прошу защиты и справедливости!

Мой голос разнесся над пристанью, прорезая соленый морской воздух. Моринар взглянул на меня.

— Кто вы, госпожа...?

— Ветана. Я лекарь. Несколько десятков дней назад я была приглашена в порт. Произошел несчастный случай, лекарь был пьян, лечить было некому, но мне повезло. Я смогла спасти жизни двоих пострадавших. Господин Сайм, местный лекарь, приходил, пытался узнать, как я их лечила, но мы... не нашли общего языка. Я его выгнала и он затаил злобу. Один из тех, кого я лечила, умер сегодня и лекарь обвинил в его смерти меня. Господин Логан решил сам во всем разобраться...

Глаза Моринара сощурились. Я отчетливо поняла, что Логану пришел конец, такого выверта ему канцлер не спустит, но пожалеть начальника порта не тянуло. Он бы меня не пожалел.

— Во-от как. Что ты можешь сказать на это, Логан?

— Ваша светлость, мы пытаемся разобраться в этой ситуации...

— Да неужели?

И столько иронии в голосе. Ах, вы пытаетесь?

Как мило...

— Что ж, если вы начали здесь эту пародию на судилище, думаю, стоит продолжить, — почти пропел герцог. — Расскажите все подробно, госпожа Ветана.

Подивившись тому, что герцог запомнил мое имя, я послушно рассказала все в подробностях. Как позвали, как лечила, какой был прогноз, и какое уныние охватило Ренара. Надо отдать герцогу должное, слушал он внимательно и серьезно, не поправляя и не перебивая. И когда я закончила, кивнул лекарю.

— Слушаю?

В третий раз у Сайма вышло вовсе уж убедительно, но Моринар морщился, глядя на тело несчастного Ренара. Не верил? И правильно, я тоже не верила. Все молчали, пока герцог не соизволил заговорить.

— Что скажешь, Логан?

Вот тут Логан и понял смысл выражения 'карась на сковородке'. Бежать некуда, а припекает... и исход печальный.

— Я.... я не уверен...

— Ну, ты же допустил этот самосуд, значит о чем-то думал? В чем ты не уверен?

— Обе истории выглядят достаточно убедительно...

— Ах, обе?

Терять Логану явно было нечего, потому что он ринулся в атаку.

— Сайма я знаю давно, а эта девица даже в городе пришлая.

— И поэтому на меня выгодно свалить все грехи? — возмутилась я. — Ваш лекарь человека отравил, чтобы теплого места не лишиться, а меня, которая старалась помочь, подставил — и что? Подло это, господин Логан!

— И как же я дал ему яд? — ехидно уточнил лекарь. Показалось мне, или что-то дрогнуло в его голосе.

Я на миг задумалась.

А как?

Выпить? Была бы рвота.

В кровь...? Но... но...

Знаю!

Я принялась разматывать бинты с культи.

— Скорее всего — вот так! Ренара мучили боли в ноге, он жаловался вам. Чего уж проще — дать ему мазь и сказать, что поможет! И отравить!

И верно, культя была странного цвета. Черно-синяя, да и запах...

— А то, что ему стало плохо в порту, послужило приятным дополнением!

— Это все выдумки! — завизжал лекарь, но канцлер уже его не слушал.

Подошел ко мне, осмотрел тело...

— Может, вы сами отравили беднягу, а теперь сваливаете на Сайма?

Я вскинула голову.

— А вы расспросите госпожу Ренар! Что я давала, что говорила, проверьте все мази и настои которые у него есть! Мне бояться нечего!

— Но вы знаете чем травили.

— Я лекарка, я должна в этом разбираться.

— Хм-м.... Крох!

Один из сопровождающих герцога отделился от свиты.

— Немедленно сюда моего личного лекаря. В чем дело — ему не рассказывать, мне нужно независимое мнение. И это ко всем относится. Кто рот откроет — языка лишится!

Крох улетучился быстрее струйки дыма в ветренную погоду. Моринар перевел взгляд на следующего.

— Тревор, изволь отправиться в дом к лекарю и следи там, чтобы никто, ничего... ты понял?

Тревор понял. А я насладились выражением замешательства на лице Логана.

— Кейтен, изволь отправиться к госпоже Ветане домой. Задание то же. Ваш дом...?

Я послушно назвала улицу и даже отдала ключ.

— Ваша светлость, надеюсь, ваш человек меня дождетсся?

— Безусловно. Или вернет вам ключ.

Скрывать мне было нечего, пусть дожидается. Пусть даже дом обыщет... охxxx! Жемчуг под половицей?

Но это же не яд! И может, я его купила? Специально деньги откладывала? Такое же тоже бывает, на нем не написано, куплен он в лавке с королевской печатью — или у контрабандистов! Так что я расслабилась, а вот лекарь, наоборот, занервничал. Было, было что-то такое в его доме, что лучше не показывать людям. Хотя и странно, что он там что-то оставил, там же несколько лекарей, и они сменяют друг друга...

Я задумалась.

Ренара отравили сегодня?

Да, безусловно. Даже если его подтравливали до того, критическую порцию яда он получил здесь и сейчас. Мазь?

Отдал ли лекарь ее с собой?

А ты бы отдала яд туда, где он может попасть в чужие руки?

— Ваша светлость! — мой голос прозвучал неожиданно громко. — Позвольте одну просьбу?

— Да?

— Прикажите обыскать, меня, тело Ренара и господина Сайма. Может, мы найдем нечто, проясняющее ситуацию?

И вот теперь лекарь побледнел. А деваться было некуда.

— Госпожа Ветана, как вы себе это представляете?

— Ну... найдутся же здесь женщины? Наверняка? Я согласна довериться кому угодно, пусть любой человек осмотрит мою одежду... мне скрывать нечего. Если я отравила Ренара — где яд?

— Да ты его и выбросить могла! — заверещал лекарь.

— Не могла, — подал голос Шаронер. — Я все время был рядом с госпожой Ветаной! Я в храме поклянусь, что она ничего не выбрасывала!

— И я ничего не видел, — присоединился Тимир.

— И я...

— Я тоже...

Еще несколько голосов.

Люди, обычные люди, которые отстаивают то, что им кажется справедливостью. Меня. Мое право на жизнь...

Я помогаю им, они помогают мне, на этом держится мир.

Канцлер тоже заметил растерянность лекаря- и кивнул своим людям.

— Обыскать.

Господин Сайм попытался верещать, ругаться, отбиваться, но все было напрасно. Через несколько минут канцлеру предъявили небольшую коробочку с зеленоватым содержимым. Мужчина повертел ее в пальцах, понюхал — и предсказуемо обратился ко мне.

— госпожа Ветана?

Я послушно принялась. Запах травяной, но достаточно едкий. Что же сюда может входить?

Я коснулась пальцем мази, растерла ее... кончики чуть захолодило. Состав я точно сказать не могла, но охлаждающий компонент мог быть добавлен, чтобы Ренар не заметил действия яда. А мог и не быть. Мало ли?

Противоожоговая мазь тоже холодит, это нормально.

Канцлер кивнул.

— Отдам своему лекарю, посмотрим, что он скажет.

— Это надо смотреть на человека.

— Неплохая идея. Корн?

— Да, ваша светлость?

— Возьми склянку и отправляйся в тюрьму. Наверняка там найдется кто-то, приговоренный к смерти. Надо нанести мазь... куда, госпожа Ветана?

— Думаю, на открытую или заживающую рану.

— Последишь за этим, потом расскажешь, что будет с человеком. Или господин Сайм нам сейчас расскажет?

Глаза канцлера впились в Сайма, словно лезвия — и тот не выдержал. Дрогнул.

— Господин канцлер, я...

— так все-таки девушка права? Да?

Сайм мог бы и не признаваться. Выглядел он так, что в толпе кто-то плюнул, да и отвернулся.

Канцлер повернулся ко мне.

— Госпожа Ветана, с вас сняты все обвинения. Вы можете идти с миром. Корн, сопроводи господина Сайма в тюрьму. Его судьбу решит королевский суд, но не самосуд. А с вами, Логан, у меня будет серьезный разговор...

Судя по лицу господина Логана, ничего хорошего от разговора он не ждал. Но и сочувствовать ему не тянуло — он бы меня не пожалел, так что туда ему и дорога.

На локоть легла теплая рука.

— госпожа Ветана, давайте я вам провожу?

Шаронер. Я оперлась на Мэта и кивнула.

— Пожалуйста. Буду вам очень признательна.

И меня еще хватило на то, чтобы выйти с территории порта с гордо поднятой головой. Никто не заподозрил бы, чего мне это стоило.

А колени?

Хорошо, что под длинной юбкой не видно, как предательски они подгибаются и дрожат!

Накрыло меня ближе к вечеру. Я решила сделать себе чая, залила травы кипятком, укутала взвар полотенцем, чтобы настаивался — и тут-то руки и дрогнули. Хорошо хоть не уронила ничего.

Но светло-коричневая лужица все равно выплеснулась на стол.

А я смотрела и смотрела на нее, не в силах даже взять тряпку и вытереть.

Сейчас я могла бы быть в тюрьме. Или меня могло бы вовсе не быть.

Светлый!

Дрожь трясла так, что зуб на зуб не попадал! А если бы я растерялась, дрогнула, сломалась, поддалась хоть на минуту? Что бы тогда случилось?

Хотя я и так знаю. Логан не упустил бы шанса. Либо меня бы сбросили в море, привязав что потяжелее — люди, когда они стадо, и не такое сотворить могут, либо разорвали в клочья прямо там, на причале. Либо — тюрьма. И еще неизвестно, что хуже — отмучиться сразу, или потом, долго и мучительно.

Улик никаких не осталось бы, доказать вину Сайма было бы невозможно, к тому же у него связи, знакомые, а я вот она! Берите голыми руками! Кто бы заступился?

Холод проникал, казалось, в самые кости.

Тюрьма.

Каменная клетка, откуда невозможно уйти, где ты в полной власти тюремщиков, и не только их. Как Моринар сегодня приказал — есть тот, кто осужден за убийство?

Там могут сделать с человеком что угодно, и никто, никто не поможет...

С губ сорвался стон.

Я налила отвар в кружку и залпом выпила. Огненная жидкость обожгла губы, щеки, язык, вырвала вскрик боли. Ничего, заживет!

Все будет хорошо, Вета. Ты справилась, ты и еще справишься, хотя приезд канцлера — это чудо!

Чудо ли?

Это глупо — думать, что канцлер приехал ради какой-то лекарки. Да меня там могли повесить на дереве — он бы и бровью не повел! Ни на минуту!

Тогда зачем?

Ответ был прост до безумия.

Канцлер воспользовался ситуацией, чтобы убрать Логана. Но почему нельзя было сделать это раньше? Хотя что я знаю? Может, у Логана большие связи, или знакомства, или что-то еще... например, жена из дворян? Или н сам дворянин?

Дрожь начала медленно возвращаться.

Я глубоко вздохнула, выдохнула и выругалась. Крепко, зло и грязно, как ругались в порту. Холод не уходил. Взгляд перебежал на шкафчик, в котором стояла бутылка крепкого вина — на всякий случай. Может быть...

Нет!

Вот этого — быть не может. Я знаю, алкоголь, дурман — это все губит мой дар. А значит — ни к чему! Забавно...

Раньше я считала свой дар приятным приложением к жизни благородной дамы. Сейчас вся моя жизнь крутится вокруг него. А где истина?

И где я сама?

Я застонала и упала в кресло.
Ночь обещала быть долгой, очень долгой...

Ага, размечталась!
Трех часов не прошло, как в мое окно забарабанили, что есть сил.
— Госпожа Ветана! Помогите!!!
— Что случилось?

Я спешно натягивала юбку и кофту, косясь на встрепанного бородатого мужика — косая сажень в плечах. Ей-ей, он в дверь боком проходил, прямо не помещался!

— Меня Арис зовут, мы живем тут неподалеку! Жена моя, Лита! Она ребенка ждет, а тут кровь у нее пошла!

Естественно, к неизвестной мне Лите мы мчались, словно на пожар. И правильно сделали.

Скромный домик, испуганная женщина, лежащая на кровати, кровь, пропитывающая белую простыню...

Я присела рядом, коснулась тонкой руки, взглянула в испуганные зеленые глаза.
— что случилось, девочка?

Ну что тут могло случиться?

Дурочка, понимаете ли! Они с мужем три года ребенка ждали, сейчас, вот забеременела, но когда это женщина себя берегла? Пыталась, но тут свекровь забежала...

Замечательный шанс! Взять маленький мешочек сахара весом пятьдесят килограмм, по совершенно бросовой цене. Только надо прямо сейчас бежать!

Мужа ждать некогда!

Беременность?

Ну и хлипкие бабы пошли! Вот я в твоём возрасте мужа из трактира на горбу носила, в поле ломалась, и хоть бы что сломалось!

Лита оказалась менее крепкой. Мешок она купила, и отволокла, а вечером ощутила резь в животе. Потом пошла кровь, и муж в панике ринулся к первому же лекарю, про которого вспомнил — ко мне.

Я ругнулась и положила женщине руку на живот.

Под пальцами билась и трепетала новая жизнь. Крохотная такая, беззащитная.

Ребенок внутри женщины растёт в чем-то вроде специального мешка. А если перенапрячься, этот мешок начинает отслаиваться и выходить наружу. Вот это сейчас и произошло.

М-да... никуда я отсюда до утра не уйду.

— Лед есть? — посмотрела я на мужа.

— Н-нет....

— Тогда тащи ведро ледяной воды из колодца, тряпки для компресса, и ищи лед, где хочешь, — рыкнула я. И перевела взгляд на Литу. — Ты сама поняла, что дура?

— Д-да...

— Ещё слушаешься свекровь?

— Н-нет.

— Вот и правильно. Или в жизни тебя лечить не буду. И ребенка твоего тоже.

— А он... я не...?

И столько надежды в ее глазах...

— Пока — не. К утру скажу точнее, тут главное, чтобы кризис миновал. Сейчас дам тебе успокоительное, выпьешь, чтобы ребеночка не волновать еще больше, поспишь, а я посижу, буду тебе компрессы делать.

— Ох, госпожа... это ж...

— Ты еще спорить будешь?

Спорить Лита не захотела. Просто послушно выпила успокоительное и благодарно стиснула мою руку, погружаясь в сон. А мне того и надо было.

Пока еще процесс не стал необратимым. Я просто волю в нее побольше жизненных сил, чтобы хватило и ей, и ребенку, а муж пусть побеждает, лед поищет. Потом оставлю травы, скажу, как пить, чтобы ребенок родился крепким, ну и на осмотр пусть приходит.

Вот свекрови ее я бы голову отгрызла, ну да авось представится случай! Это ж надо, девку на третьем месяце заставлять мешочки тягать! Зар-раза!

Я сидела около спящей Литы, гладила ее живот, подталкивая искру ребенка разгореться посильнее, вливая в женщину и малыша силу жизни, и думала, что все не так плохо.

Да, есть в работе лекаря и свои отрицательные стороны. Но вот ради таких моментов стоит жить. Когда ощущаешь под пальцами тепло новой жизни, когда спасаешь людей, видишь сияющие глаза таких вот глупышек...

Я все делаю правильно.

Я могла бы вести жизнь знатной дамы, но как она была бы пуста рядом с этой!

Ночь скользила мимо маленького домика, задевала его краем плаща, перебирала звезды, вальяжно пересыпая их с ладони на ладонь, шуршала ветром, вскрикивала голосами ночных птиц, и совершенно меня не пугала. Больше мне не было страшно.

Я понимала, ради чего живу на свете.

Даже если бы сегодня меня не стало — остались бы те, кого я спасла. А это очень много. И если я все сделаю правильно, на моем счету будет еще две спасенных жизни — ребенка и этой Литы.

А я сделаю. На то мне дар и отпущен свыше, чтобы отдавать его миру. И преступлением было бы замыкаться в себе, гася божественную искру мелкими делами и отговорками.

Пафосно?

Что поделать, некоторые вещи иначе не скажешь. Но ведь от этого они не становятся менее верными?

Арис бегал то туда, то сюда, где он в четвертом часу ночи умудрился раздобыть лед, я и не знала, но одобрила. Главное было, что он не видел, как вокруг моих пальцев кружатся золотистые искорки, впитываются из-под руки в живот женщины, растворяются в ее крови, давая возможность выносить ребенка.

Не у всех хватает на это силы жизни. Яблоня плодоносит, когда созреет, люди в этом глупее дерева. Считают, что если можно спать с кем-то, так и рожать можно. А что сил выносить не хватит, что они еще соком не налились — не понимают. Вот и Лите еще бы годика два подождать, но раз уж сейчас сошлось, если я рядом оказалась...

Добавлю я ей силы.

Пусть плодоносит!

Деньги я с Ариса и Литы брать отказалась. Взяла слово раз в месяц приходить ко мне на

осмотр, не носить ничего тяжелого — и по осени с Литы баночка варенья. С сахаром.

Женщина с радостью согласилась. А вот муж у нее, кажется, разлюбил сладкое. И его мать ждет сегодня серьезный разговор по поводу сиюминутной выгоды?

Ничего!

Это правильно!

А деньги? Уж не обеднею. Не стану же я говорить этой паре, что не я их спасала, а они меня — от тоски, одиночества и страха смерти. И спасли же!

Каких-то серьезных последствий портовая история для меня не имела.

Забегал Шаронер, сообщил, что господина Логана сняли с поста начальника порта, сейчас там некий господин Корн, который, как и полагается новой метле, метет по-новому, аж пыль столбом. Не всем это по нраву, но заработки побольше стали, да и порядка, вроде как, побольше.

Лекаря Сайма, как определили в тюрьму, так с тех пор и не видели. Казнят его, или не казнят — никому особо и не интересно.

Шими принялся помогать мне с рассвета до полудня. Он бы и весь день при мне проводил, но я была против — обязанностей по хозяйству с него никто не снимал. Да и есть у него еще время, научиться.

В порт меня пока больше не приглашали. Я и не переживала — работы было много, присесть некогда. Слухи разнеслись по всему Алетару, и выглядело это так: 'лекарь из порта испугался место потерять, и оклеветал госпожу Ветану, потому как она лечить умеет, а он — только травить'. Не знаю, приложил ли канцлер к этому руку, да и знать не хотелось. Чем дальше от сильных мира сего — тем спокойнее.

— Госпожа Ветана! Госпожа Ветана...

Сейчас в мое окно скребся очень деликатный человек. Тихо-тихо так скребся, стараясь не поднимать шума. Пришлось встать и открыть.

— Что случилось?

— Госпожа Ветана, нужно, чтобы вы поехали с нами.

— С вами?

На улице ждала карета. Небольшая, темная, герб на дверце занавешен, но видно было, что пахнет большими деньгами. Это почти ощутимо.

Слуга, симпатичный мужчина лет сорока, осанистый и темноволосый, тоже был без ливреи, но выглядел как бы не вышекомернее иных господ. Только вот сейчас он был расстроен и взволнован.

— Меня зовут Майло Варн, я личный камердинер господина гра... неважно! Госпожа Ветана, мой господин наслышан о вас от баронессы Верандуа. Она говорила о вашей сдержанности и скромности.

Я принялась переобуваться в сапожки, потуже затягивая шнуровку. Баронесса действительно прониклась ко мне уважением, изредка вызывая или к себе, или к сыну, и активно рекомендуя меня своим знакомым. Я никому не отказывала, платили они щедро, а сохранение тайны...

Да и хотела бы я посплетничать, все равно — не с кем.

— Это в городе?

— Да, госпожа Ветана.

— У меня есть время или лучше побыстрее?

— Чем скорее — тем лучше, госпожа.

— Хорошо. Что случилось?

— Несчастный случай.

— Подробнее. Пока я одеваюсь — что именно за случай?

Слуга мялся так, что я топнула ногой.

— А если я не возьму что-то нужное из-за вашей стеснительности? Живо говорите?

— Госпожа... пыталась резать вены.

Плащ слетел мне на плечи.

— Едем!

Карета мерно покачивалась на ходу. Майло Варн излагал все события — как и положено слуге из хорошего дома, весьма сдержано.

— Госпожа графиня слишком близко к сердцу приняла происки недостойных людей... ей бы поговорить как следует с господином графом, а она поверила. И...

Если я правильно поняла ситуацию, что-то или кто-то сильно расстроило знатную госпожу. Настолько, что та легла в ванну и перерезала себе вены. Истечь кровью не успела — служанка помешала. Поднялась суматоха, госпожа графиня впала в истерику — и пригласить кого-то из знакомых лекарей оказалось решительно невозможно. Репутация

благородного семейства висела на волоске, тут-то обо мне и вспомнили.

Я пристально поглядела на камердинера.

— Господин Варн, тайну я, конечно, сохраню. Но вы понимаете, что человек не просто так решает свести счеты с жизнью? Там, где один раз не дрогнула рука, там и второй раз себя ждать не замедлит?

— Не сомневаюсь, что это было недоразумение. Господин граф разберется...

Я как раз в этом сильно сомневалась. Но... посмотрим?

Особняк графа встретил нас россыпью огней в окнах. Там не спали, там что-то случилось... или это просто мне так кажется, потому что я знаю правду?

На крыльце нас встретила симпатичная полненькая женщина лет тридцати.

— Господин Варн! Наконец-то! А это...

— Лекарка. Госпожа Ветана, — представил меня камердинер. И меня тут же ухватили за запястье.

— Пойдемте! Скорее! Госпожа очень плоха!

И преувеличением это не было.

В симпатичной комнате, в розовых и золотистых тонах, на кровати под балдахином лежала темноволосая молодая женщина. И одного взгляда на ее лицо было достаточно.

Темного крабом!

А ведь могу и не спасти...

Вокруг сустились несколько женщин, причитали, мешались друг другу, пытались чем-то напоить несчастную... графиня не реагировала на их усилия. Тонкие запястья были перехвачены чем-то вроде полотенец, но красные пятна все равно расплывались на ткани, бордовыми розами расцвечивали кровать, а лицо женщины было пепельно-серым...

Да, это не попытка поиграть на нервах окружающих. Это более чем серьезно.

— Все — вон! — рявкнула я.

Слуги зашумели и кое-как направились к дверям.

— Живо!!! — на этот раз вышло втрое лучше. Курятник попросту смело. Я подошла к кровати. Коснулась запястья, нащупала пульс...

Светлый, что ж ты с собой сделала, дурочка?

Мощная кровопотеря, это и к гадалке не ходи. Хорошо, если сухожилия уцелели.

Я осторожно сомкнула пальцы на тонких запястьях. Вот так, расслабиться, настроиться на женщину, вдохнуть, выдохнуть...

Темного крабом! Дважды!

Под моими руками, пульсируя, угасали не одна, а две жизни! Эта дуреха ждала ребенка!

И она умирать собралась? Убивать себя!? Ребенка!?

Ну уж нет!

Во мне словно огонь вспыхнул. Что-то темное, злое, поднялось со дна души. Тут женщины на все идут, чтобы ребенка выносить, а ты, дрянь такая!!!

И сила выплеснулась одним ударом, ломая и снося все преграды.

Скрытность?

В этот миг я забыла обо всем.

Появись тут дюжина храмовников, и то не помогло бы. Сила хлестала из меня, жестко и

беспощадно приводя женщину в чувство. И я едва-едва успела остановить себя, когда начали затягиваться раны на запястьях.

Повезло, как это ни назови — большая часть силы ушла на то, чтобы эта идиотка не скинула ребенка. Остальное — чтобы восстановить кровь. Иначе она бы сейчас бегала молодой горной козой, а я лежала полутрупом. А так вовремя успела перехватить контроль, понимая, что бабушка меня мало порола в детстве.

Нельзя, нельзя в каждого душу вкладывать, но иначе-то мы не лечим! Наша сила — от самой жизни, а где вы видели равнодушную и холодную жизнь?

Женщина зашевелилась и посмотрела на меня.

— Зачем!? Пусти, я умереть хочу!

ХЛОП!

Пощечина прозвучала ослепительно громко, на бледной после кровопотери щеке расцвело здоровенное алое пятно.

— Добавить?!

— Пусти!!! — завизжала больная уже в голос.

И я не сдержалась вторично, но — уже без всплеска силы. На лицо аристократки обрушились еще две пощечины.

— Умирать она собралась? Нет уж, милочка, роди ребенка — а потом хоть сдохни!

— Я не хочу этого ребенка!!! Не!!! Хо!!! Чу!!!

Я отвесила ей еще одну пощечину.

— А придется! Ты из-за ребенка себя убивать собралась?!

— Не твое дело!!!

— Не мое. Но и умереть я тебе не дам!

— Да ты!!! Да кто...!!!

Графиня завизжала, теряя всю свою привлекательность. Из визгов можно было понять, что ее выдали замуж насильно (вот новость-то, а? Да у нас половина высшего света так живет, а вторая по расчету), что она любит другого (и кто ей мешал?), и что этот другой женится! А она!

А он!

А ей жить больше незачем!

Замечательно! И не придумав ничего лучше, эта идиотка выпила что-то, чтобы разжигать кровь и полоснула по венам. Шансы помереть у нее были неплохие, но тут Темный принес меня.

— Темного крабом! Как не повезло ребенку — еще не родился, но ведь у такой дуры!

Ох. А вслух это высказывать не стоило. Но сбитая с толку выплеском силы, я контролировала себя чуть хуже.

Обычная лекарка не позволила бы себе лишнего, но я-то почти равна графине!

— Как ты смеешь меня судить!?!?

Женщина завизжала, уже окончательно теряя человеческий облик, влетели слуги, справедливо рассудив, что если так орет, то точно не сдохнет, и усталились на меня.

— Прижмите ее к кровати! — рявкнула я. — и воды! Живо!!!

За водой далеко ходить не пришлось, принесли уже. Вот ковш я и опрокинула на голову истеричке, а из второго принялась пить сама. Хороша водичка, колодезная, студеная, аж зубы заломило.

Видно, у женщины тоже что-то заломило, потому как визжать она перестала. Только

глазами хлопала.

С ней!

Так поступили!

КАК!?

Как такое могло случиться, почему не разверзлась земля под ногами (пол второго этажа) и я не провалилась куда-нибудь (на первый этаж), почему меня не разразило молнией или громом, как я вообще смею существовать на этом свете после такого?!

Смею вот.

— Браво!

В дверях стоял мужчина в роскошном камзоле темно-синего цвета. Симпатичный брюнет лет сорока. Портили его лицо только длинноватый нос и черные густые брови, сросшиеся на переносице — придавали лицу мрачноватый вид. Но это же не помеха? Улыбайся чаще, и будешь привлекательнее.

А так рост высокий, фигура отличная — узкие бедра, широкие плечи, высокий рост — чего еще надо?

— Благодарю, госпожа лекарка. Я так понимаю, что опасность миновала?

— Нет, — мрачно отозвалась я. — Господин граф?

— Да.

— Мы можем поговорить с вами наедине? И чтобы при этом за вашей супругой присматривало не меньше двоих лакеев, которые смогут пресечь ее порывы?

Мужчина подумал — и кивнул.

— Прошу вас. Вы сможете ее оставить... безопасно?

— раны не угрожают ее жизни и жизни ребенка, — отозвалась я. — Но состояние души...

— ребенка? — Граф напрягся, как будто его кто-то ткнул иголкой. — Вы сказали — ребенка?

— Именно это я и сказала. Ваша супруга ждет ребенка, который сегодня уцелел только чудом.

Граф поменялся на глазах.

Лицо окаменело, губы сжались в нитку, брови сдвинулись еще сильнее, и такая ярость полыхнула в его глазах.

— Ты знала...

— Нет!! — выкрикнула женщина на кровати. — Ненавижу тебя!!! И семя твоё ненавижу!!! Айвас женится!!! А я...!!! А ты!!!

Изо рта аристократки хлынул поток грязной брани вперемешку с угрозами.

Она то кричала, что ненавидит мужа и ребенка, то о своей любви к какому-то Айвасу, то о сломанной жизни, то о разбитом сердце, то о желании умереть... слуги слились со стенами, я мечтала исчезнуть отсюда хоть куда-нибудь, но долг врача обязывал. И когда вконец озверевший граф сделал пару шагов вперед, явно намереваясь продолжить нравоучения моим методом — и я едва успела поймать его за рукав.

— Ваше сиятельство! Прошу, подождите!

С минуту под взглядом яростных зеленых глаз мне казалось, что первую оплеуху сейчас получу я. Но граф сдержался. Вот что значит — аристократ до мозга костей.

— Вы кто?

Благослови Светлый Майло Варна, который сейчас встал рядом со мной.

— госпожа — лекарь. Баронесса рекомендовала ее, ваше сиятельство, помните?

Вспомнил.

Руку опустил и на лице даже мелькнуло нечто вроде... раскаяния? Интересный человек.

— Спасибо, Майло. Действительно, хватит.

Женщина на кровати что-то выкрикивала, но сейчас граф перестал обращать на нее внимание. Оно и к лучшему.

— Как вас зовут, госпожа лекарь?

— Ветана.

— Пройдемте ко мне в кабинет, госпожа Ветана?

— а госпожа графиня? Ваше сиятельство?

Граф кивнул. Взгляд у него был очень недобрым, когда он принялся отдавать распоряжения.

Двум лакеям было приказано никуда не отлучаться из комнаты. Еще двум служанкам — все время сопровождать госпожу. Даже если она пойдет облегчиться — пусть стоят рядом. И если что — кричат громче.

Вреда графине не причинять, просто держать, чтобы не повредила себе или ребенку.

Остальное — в воле господина графа, которого следует позвать тотчас же. Всем все ясно?

Всем было ясно.

Графиня опять начала истерику, но ни граф, ни я уже не обращали на нее внимания. Мужчина первым развернулся и вышел из комнаты, я последовала за ним.

Кабинет был под стать графу. Простая строгая мебель из темного дерева, тяжелые занавеси, уютные кресла. Занимались ли тут делами?

Не знаю.

Но готова поспорить, что вон в том шкафчике стоят несколько бутылок спиртного, а на столе граф несколько раз принимал горничных. По отцу знаю.

Да и не лежит на столе ни бумаг, ни чего-то важного, все можно мгновенно сдвинуть в сторону, освобождая место.

Граф упал в кресло и взглянул на меня.

— Ну?

— Последите за женой дней десять. И кормить получше, печенка. Гранаты, можно стакан коровьей крови выпивать по утрам. Для ребенка полезно будет.

— Это все?

— Все.

— Хорошо. Я могу вас приглашать в случае необходимости?

— Да, ваше сиятельство.

— Могу я рассчитывать на полное сохранение тайны?

— Обещаю. Клятву в храме дать, как положено?

Я не обиделась.

На словах лекари клянутся не разглашать ничего о своих больных, а на деле часто выходит наоборот. Вот и подстраховываются люди. Граф задумался.

— Завтра сходите с Майло.

Я кивнула. Глупо это до наглости, но, надеюсь, в Храме не будет никого нуждающегося

в помощи. И так мне после этого выплеска силы сидеть бы год на месте ровно, а я...

А я иду в Храм.

Я здесь не при чем! Так-то!

— Чего можно ждать, ваше сиятельство?

— Простите?

— К чему стоит готовиться? Что может отчудить... простите, что может случиться с госпожой графиней? Чего мне ждать?

Взгляд графа потемнел, но мне надо было это знать.

— Да чего угодно. Из окна она прыгнуть пыталась, мне в голову вазы метала, ядом травилась, теперь вот — это...

— От яда поберегите, — попросила я. — Могу ведь и не успеть, она-то, может, и выживет, а ребенка спасти куда как сложнее. А он уже там. Он маленький и боится.

Граф вздохнул, провел рукой по лицу.

— Ты к нам в дом переехать не хочешь? До родов?

— Так это, ваше сиятельство, еще больше полугода. Сами понимаете, у вас я за это время клиентов растеряю, потом не наберу, да и характер у меня не сахар. Ваша супруга меня просто со свету сживать начнет, а ей бы сейчас о ребенке думать.

Граф нахмурился, но понял. Настаивать тут не стоит, толку не будет. И кивнул.

— Благодарю вас, госпожа Ветана. Можете идти. Расчет получите у Варна.

— благодарю, ваше сиятельство.

Я вышла за дверь, прикрыв ее за собой поплотнее. И почему я чувствую себя такой оплеванной?

По счастью, Майло ждал неподалеку.

— Госпожа Ветана, все в порядке?

Словно в ответ на его слова, что-то тяжелое ударилось в дверь кабинета изнутри, разлетелось стеклянным звоном.

— Ну вот, опять...

Я выразительно посмотрела на камердинера.

— И часто такое бывает?

Майло Варн посмотрел на меня с грустью.

— да что тут скажешь, госпожа Ветана... взвара с нами не выпьете?

— Выпью, — согласилась я.

Когда это нормальная женщина отказывалась посплетничать о чужих делах? Интересно же...

На кухне было тепло и уютно. Горели лампы, посуда, начищенная до блеска, отбрасывала блики на стены, вкусно пахло жареным мясом и приправами. Поварята сверкали белизной одежд, а царила над всем этим потрясающая женщина-ггора, в которую можно было всунуть пятерых меня — и еще осталось бы место.

— Ох ты ж! А это у нас кто, Майло?

— а это госпожа Ветана. Лекарка наша...

— Можно Тойни, — пискнула я, чувствуя себя неубедительно маленькой.

— Ох ты ж...

Меня потрепали по голове и подтолкнули к столу.

— Небось, голодная? А я тебе сейчас мяса положу с фасолькой, покушаешь, так оно и легче будет, — напевный говор выдавал в поварихе южанку.

— Спа... спасибо, — кивнула я.

Как-то незаметно я оказалась за столом, а передо мной тарелка с чем-то красным. Оказалось мясо тушеной с фасолью в какой-то сложной подливке. И вкусно было так, что я едва ложку не проглотила.

Рядом с такой же тарелкой очутился Майло Варн.

— вы покушайте, госпожа Ветана, да сходим ко мне, я деньги вам отдам.

— Стал быть жива графиня? — повариха уселась рядом, вызвав легкое сотрясение стола.

— Жива. Успели вовремя. — кивнул Майло.

— А почему я? — не удержала я вопрос. — Лекарей много.

— Так господин граф и баронесса Верандуа давние знакомые. Она троюродная кузина его матери, — протянула повариха. — я уж знаю, она как приедет, так завсегда ее угощай, а она меня просит и благодарит. Ну и слышала я, как она про тебя говорила. Мол, и хорошая, и умненькая, и молчать умеет, Криталь жив-здоров, лучше прежнего!

— графиня тоже жива. И ребенок жив.

— Это хорошо, — согласилась кухарка. — Хошь и дура она, а все ж душа живая, негоже так...

— Ох ты ж, — весьма похоже вздохнул Майло Варн. — то и оно, что живая, но глупая. Надо ж себе вены резать было!

— Дура она, — высказалась кухарка. — Да ты ешь, девонька, ешь. Главное, с дитятком все хорошо будет...

— Если приглядите за ней. — честно признала я. — Лекари не всесильны. Давно это с ней?

— Ох, давно, — вздохнул Майло. — Женился хозяин на свою голову! Так-то у него невеста была раньше, совсем другая. Хорошенькая... а уж пела как — что та птичка.

— А что случилось?

— Граф-то наш нищий был, только и того, что титул старый, а карман дырявый, — просто поведала повариха. — я еще у его родителей работала, старого графа знала. Ох и гуляка ж был! Поместье заложил, долгов наделал, кредиторы на нем висели, что блохи на шелудивой собаке, а он еще хорохорился. Балы закатывал...

— А граф и не знал?

Майло вздохнул, огляделся.

— Вита, выпить не найдется?

— в шкафике возьми, — повариха повела головой в угол.

Майло послушно отправился туда, на полдороге поглядел на меня.

— а вам, госпожа Ветана?

— Разве что воды. — и поспешила пояснить, пока никто не обиделся. — Нельзя мне вина. Вес цыплячий, пьянею мгновенно, а зачем вам в доме пьяный лекарь?

— И то верно, — протянула повариха. — Погоди-ка, есть тут кое-что....

Она сама прошла к шкафчику, оттеснив камердинера небрежным движением бедра, и вытянула из недр орехового произведения искусства небольшой стеклянный графин с зеленоватым содержимым. Вернулась, поставила его на стол и приоткрыла пробку.

— Девочкам в самый раз. Знаешь, что это такое?

Я приняхалась. Раз, второй... неужели?

— Мятный ликер?

— Угадала, — повариха смотрела вдумчиво. — А откуда у лекарки такие познания, не в грех спросить?

— У лекарки им, понятно, взяться неоткуда, — подделалась я под ее говор. — Но я незаконная дочь одного господина. Образование у меня хорошее, а вот наследства нет, — я налила себе крохотную рюмочку ликера и принялась дегустировать.

Поднесла рюмку к носу, согревая в ладонях, вдохнула дикий мятный запах, кружащий голову. Шантарийская мята — растение очень прихотливое и капризное, выращивать его сложно и долго, а чтобы получилась небольшая бутылочка мятного ликера, нужно ее чуть ли не две охапки. Зато запах... словно ты попала на мятное поле.

И вкус мятной свежести, чуть сладковатый, с легкой кислинкой, и где-то на дальнем плане нотка алкоголя предупреждает не увлекаться.

Но если выпить крохотную рюмочку, то захмелеть не получится, а сил прибудет. Мне это сейчас будет очень кстати.

— А выглядите вы, как благородная госпожа, — повариха оказалась наблюдательней, чем я думала. Я поежилась. — Да и дорогое это удовольствие для внебрачных деток.

Правда, что ли, люди спьяну умнее становятся? Хорошо хоть наутро забывают о чем думали, а то никакой жизни б на земле не осталось. Дорогая это штучка, очень дорогая, даже странно, что на кухне нашелся. Хотя... что царь, то и псарь.

Но от ликера не откажусь. Не смогу.

Память о былых временах, когда мы сидели с бабушкой в креслах у камина, горел огонь, я потягивала мятный напиток, а бабушка этот ликер из крохотной рюмочки, болтая со мной обо всем на свете. От королей до урожая капусты, от истории до теории магии. Она очень много знала...

И сейчас уютная кухня, горит огонь, но ликер попиваю я, а сплетничаю уже с другими.

Бабушка, миленькая, ну почему ты ушла так рано? Кажется, я бы и дар свой отдала, лишь бы она побыла с нами еще лет десять!

На глаза привычно навернулись слезу, как и всегда от воспоминаний, я резко смахнула их и посмотрела на повариху.

— Удовольствие, конечно, дорогое, да у меня отец был не из бедных. Мог себе позволить. А что там было с графом?

Майло глотнул вина, пригорюнился.

— Вот и оно... выдали его зазнобу замуж, — пояснила вместо него повариха. — Выдали, а граф запил тогда. Все повторял, что бедность — горе горькое. Сам бы без денег прожил, но видеть, как твоя любимая женщина медяки считает? Такое хуже ножа режет. А как надежду отняли, так и все — с горя запил, потом подумал — и по расчету женился. Если не любишь, тут все равно на ком, были бы деньги.

— Ага. Только за те деньги платить втрое приходится, — согласилась я.

Запах мяты сводил с ума. Я сделала еще крохотный глоток, посмаковала его на языке. Хорошо...

— Ото ж, — согласилась повариха. — Мы сначала вздохнули полегче, думали, все хорошо будет. Графиня... ты ж видела?

Видела. Сложно было не увидеть.

— Так-то она девочка хорошая...

Ничего хорошего я в ней не заметила, кроме ребенка. Но — да. Я очень пристрастно сужу.

— Хорошая, — убежденно повторила повариха. — Просто из семьи купца. Денег у отца много, дури много, вот и купил дочке жениха. А она-то другого любила. Вот и не срослось...

— Да уж, представляю...

Я и правда представляла. В купеческих семьях тоже приняты браки по расчету, но тут многое зависит от семьи. Наверное, отец графини любил свою дочку, а она его. А тут...

— А господин граф не пытался наладить отношения?

— Да чего только господин не делал! — возмутился Майло. — Разве что на пузе не плясал! Все не впрок!

— А служанок меньше заваливать надо, — буркнула повариха.

— Не было такого! — вскипел Майло.

— а то никто не в курсе. И служанок граф заваливает, и содержанка у него есть, — гнула свое толстуха.

Майло пристукнул кулаком по столу.

— Ты, Шофи, думай, чего говоришь! Господин граф человек благородный...

— А морковку посеять не отказывается, — хохотнула женщина. — Но да. Он щедрый, неглупый, красивый, от баб отбоя нет. Жаль, жене то не по нраву. Она-то считала, что если мужа ей купили, он ее на руках понесет, а тут же ж... И все не так, и все не в лад.

Мне стало жалко графиню.

Первую любовь поломали, муж другую любит, женился из-за денег, ни одной бабы мимо не пропускает, и как тут быть? Вот и начинаются крики, скандалы, истерики, да... и самоубийство тоже.

— А раньше с ней такое бывало?

— Эххх, — повариха пожала плечами. — да чего тут не было. Вазы летали, из окна она прыгала, а скандалили, почитай, каждый день, уж и привычно стало. Наоборот, день без крика, что фасоль без перцу.

— Но вены она раньше не резала?

— Н-нет...

— Странно. Как-то... для дуры слишком сложно, а для умной слишком глупо это сделано.

— То есть? — насторожился камердинер.

— А вот так. Чтобы истечь кровью, вены лучше резать не поперек, а вдоль. Да и свернулась бы кровь, запеклась. Шуму много, дела мало. Но что-то она приняла такое... кроверазжижающее.

— То есть?

— Истекла бы кровью, как миленькая. Уж ребенок бы точно погиб.

— Сейчас не погибнет?

— Сейчас выживет, — успокоила я камердинера. — только дальше она и что поинтереснее выкинуть может...

— Думаете, посоветовали ей? — повариха оказалась более смышленной.

— или посоветовали, или подлили... с чего она сегодня-то завелась? С ребенка?

— Э, нет. Господа сегодня визиты наносили, вот госпожа графиня и столкнулась...

Майло мялся, жался и отводил глаза в сторону, но суть дела изложил точно.

На рауте оказался возлюбленный госпожи графини. Довольный, счастливый...

объявляющий о своей помолвке. Как понял Майло, госпожа графиня пыталась поговорить с ним наедине, что-то спросить, а услышала, что ему это неинтересно. Айвас нашел свое счастье, а продажным девкам место в тавернах, так-то. И графиню понесло.

Мне невольно стало ее жалко. И все же это не повод убивать себя или своего ребенка. Лучше бы жениха прибила, туда ему и дорога.

Майло покачал головой.

— Не сможет она. Слишком слабая.

Я подумала и кивнула. Да, самоубийство для тех, кто слаб и немощен. Сильный человек встречает опасность лицом к лицу, слабый бежит от нее, а можно ли сбежать дальше, чем в смерть?

Нельзя.

— Так-то граф у нас хороший, — завел свое Майло, но срывается. А кто б не сорвался?

— Любой бы сорвался. Он сказал про клятву?

— Какую?

— Господин граф просил меня и вас завтра сходить в Храм, я поклянусь, что никому ничего не расскажу, — пояснила я, отправляя в рот новую ложку фасоли. Горбушка свежего хлеба лежала рядом, и я по-простонародному принялась макать ее в подливку, отгрызая пропитавшиеся кусочки.

Некрасиво? Да мою мать удар бы хватил при виде таких манер!

Зато так вкусно!

— Это надо.

— Среди говорящих существ дольше живут те, которые говорят меньше, — ввернула я.

Эту поговорку я тоже подцепила от бабушки. Майло уставился на меня, потом переварил и хмыкнул.

— Вот уж в точку. Тайну блюсти надобно. А покамест.... Вот, госпожа Ветана.

На столешницу лег небольшой мешочек с деньгами. Я сгребла его и сунула в карман.

— Спасибо.

— Да вы взгляните, вдруг обидел?

— Я и так верю, — я смотрела спокойно. Не похож был Майло Варн на скопидома. Хороший слуга, из хорошего дома. Не болтун, не сплетник, но почему он со мной откровенничает?

Странно это как-то.

Ладно, я еще обдумаю этот момент.

Я доела, горячо поблагодарила повариху и попросила отправить меня домой. Что Майло и сделал.

Но как она так умудрилась?

Обычно такие, именно такие попытки самоубийства не заканчиваются ничем хорошим. Шум, крики, скандал, а вот умереть не получается. И дерут незадачливую самоубийцу за косы, а то и хворостиной поперек думающего места. А тут слишком все продумано.

А графиня, как я понимаю, человек взгальный, нервный, бестолковый, куда ей планировать? Что под руку попало, то и сделала.

Да и пес с ней.

Завтра в Храм. Вот в наш и ходим.

И как я так себя подставила с этим выбросом силы? Драть меня некому! Факт!

Приближенный Светлого Святого уже собирался ложиться спать, когда в дверь его кельи постучали.

Кельей, конечно, это было весьма условно. Покои из трех комнат не поражали аскезой, скорее, наоборот. Первая комната, приемная — да. Там все было просто, строго и сугубо функционально. Сюда приходили посетители, здесь приближенный вел дела с сугубо светскими личностям, поражая их своей скромностью. Вторая, спальня, была отделана так, что и придворные красотки не побрезговали бы. С громадной кроватью, с балдахином, с пушистым ковром и даже туалетным столиком — приближенный не был лишен тщеславия и тщательно следил за своей внешностью. Третья комната была кабинетом рабочим, совмещенным с гостиной. Сюда приходили доверенные люди, здесь стояли громадные мягкие кресла, здесь уютно горел камин, здесь был неплохой запас вин и закусок...*

*** Служители Светлого Святого проходят в своем росте пять ступеней. Те, кто на самой низкой ступени, только-только в церковь пришли и клятвы дали — рабы Светлого Святого. Чуть выше — холопы Светлого Святого. Следующая ступень — слуги Светлого Святого. За ними — приближенные Светлого Святого. И на самой вершине церкви — доверенный Светлого Святого. А обычные люди? Это просто его творения. Даже не рабы его. А скорее игрушки. Захочет — сломает, захочет — выбросит. Прим. авт.**

Эх!

Вот только заснуть собрался, и нате вам! Совести у них нет! Ну, если это окажется что-то неважное — будут ночь на коленках молитвы читать! Поделом холопам нерадивым!

Мужчина с ворчанием открыл дверь, и тут же понял — не зря.

Перед ним стоял молоденький раб Светлого. Запыхавшийся и с отчаянными глазами.

— Меня слуга Шантр прислал! — выпалил он. — Прийти просит!

— Зачем? — брюзгливо осведомился приближенный.

Идти не хотелось.

Снимать халат и мягкие тапочки, одевать рясу, идти через весь храм, выслушивать неприятное (а то какое ж?) известие...

А придется.

Выше него — только доверенный, так что вся власть в храме — его. И ответственность его, и проблемы его, и свалить их не на кого.

Приближенный Фолкс кивнул рабу, которых в храме насмешливо называли рябчиками, мол, подожди за дверью — и отправился одеваться. Хорошо, под рясу можно ничего не надевать — все одно не видно. А наглецов под нее заглянуть тоже не найдется.

Так что через десять минут он уже шел по переходам и коридорам Храма. В лабораторию Шантра.

— что случилось?

В лаборатории дым стоял коромыслом в буквальном смысле слова. Что-то сгорело и воняло немилосердно. Сам Шантр, подлысоватый старикашка лет семидесяти, пребывал по этому поводу в отличном настроении и даже не ругался, что было весьма странно. Уж сколько раз приближенный отчитывал его за грех сквернословия и суетности.

— что случилось?

— О, еще как случилось, — мигом отвлекся от дел Шантр, и это тоже было странно. —

Прогуляемся?

— Зачем? — нахмурился приближенный.

— И то верно, незачем, — дробно, словно горох рассыпали, захихикал старик. — я и тут могу все сказать. Чуете, горелым пахнет?

— Весь Храм чует.

— А знаете, откуда?

На этот вопрос приближенный решил не отвечать. Еще не хватало, участвовать в идиотских играх полоумного старика, который от своей силы рехнулся. Маг-воздушник, слабенький и хилый, Шантр почти ничего не умел, силы был не просто невеликой — крохотной, а потому пытался компенсировать свой дар различными приспособлениями. Служил Храму вот уже лет тридцать, ненавидел весь окружающий мир и нещадно издевался над всеми окружающими, нарываясь на такое же 'любезное' отношение.

Шантр потерял сухонькие ладошки, глазки, утопленные в череп, загорелись злорадными огоньками.

— прибор расплавился.

— Какой? — не хватило терпения у Приближенного.

— Натурально, тот самый, который магов обнаруживает.

— Магов?

— Да не простых, а магов жизни.

Фолкс едва не сел, где стоял.

Магов? Жизни!? В АЛЕТАРЕ!!?

Это — правда?!

— Еще какая правда. Да сильный какой, прибор аж расплавился.

— так с помощью этой дряни можно их вычислять, — пробормотал Фолкс. Зря.

Шантр аж в воздух взвился.

— я же говорил! Мне тут не доверяют! Не уважают! Мой талант...

Фолкс едва не застонал вслух. Ну вот, теперь не успокоится, пока не расскажет всем, какие они, люди, сволочи и как не ценят его, сиротинушку. А перетерпеть придется, иначе вредный старик ничего не расскажет про мага.

Ох, лучше б ему зубы драли наживую! Да кузнечными щипцами! Но Фолкс не стал бы приближенным, не умей он терпеть и смиряться, пресмыкаться и подлизываться, прогибаться и подличать. Вот и сейчас он внимательно и сочувственно слушал Шантра, поддакивал, утешал — и мужчина понемногу успокоился. И рассказал самое главное.

У него был приборчик, способный определять вспышки силы жизни в Алетаре. Ну... как в Алетаре? Неподалеку, в белом городе, за зеленый он уже не поручится. И он готов поклясться, что кто-то использовал магию жизни. да сильно так, ажно в глазах полыхнуло, а несчастный прибор и вовсе не пережил потрясения. Оплавился и потек на пол каплями металла.

— Маг жизни? — переспросил Фолкс.

— Да.

— Сильный?

— Очень сильный.

— Хм-м...

Что делать — Фолкс знал точно. Искать мага, и как можно скорее! Искать и искать, потому что маги жизни — величайшая ценность Храма.

Светлый Святой выразил им свое благоволение, одарил чудесными возможностями, и если они соглашаются использовать их во благо Храма...

Сколько много добра можно сделать людям!

Ведь что в мире главная ценность? Золото? Смешно! Бриллианты? До поры до времени.

Самая главная ценность — это жизнь. И здоровье. А их не купишь ни за какие драгоценности, не вернешь близким, не вымолишь в Храме. Чего уж там! Это рабам и холопам можно мечтать и на что-то надеяться, а взрослые люди должны мыслить иными категориями. Уже к рангу слуги изрядно лишаешься иллюзий, а к рангу приближенного не остается и крупницы человеческих чувств.

Только польза Храма, только польза дела.

Да, и для людей тоже. Но в руках Храма, так будет и лучше, и спокойнее. Понятно ж, кто еще кроме храмовников может правильно распределить ресурсы?

— Это точно в Алетаре?

— Безусловно. И силы маг столько выплеснул... мертвеца на ноги поднимал, не иначе!

Фолкс кивнул.

Будем проверять Белый город в поисках чудесных исцелений полутрупов. Будем...

Если это не поможет, проверим всех приезжих, всех лекарей, всех травниц... хотя и это может не помочь. Иногда бывает и так, что у человека открывается дар совершенно спонтанно. А иногда...

Жизнь — странная и коварная стихия.

Бывает и так, когда говорят: 'жизнь вымолили'. Еще как бывает.

Когда человек себя забывает, все отдает в беззвучной мольбе, кричит от боли всей своей сущностью — вот тут и бывает истинное чудо. На краткий момент такой человек становится вровень с любыми магами. Могло ли устройство почуять такое?

Шантр подумал и сказал, что могло. Вполне. Сила есть сила, на то она и жизнь.

Фолкс pokrивился. Сила силой, чудо чудом, только вот Храму таковые 'чудотворцы' бесполезны. Они же ничего не повторяют, им все бесполезно, чужого-то человека так лечить не заставишь. Так за близких просят, за родных, и то — часто бывает, что человек себя сжигает, свои годы жизни отдает. И не жалеет об этом.

Но искать надо. Ой как надо.

Приближенный поблагодарил Шантра и удалился к себе. Надо разрабатывать план и начинать поиски. Маг жизни должен быть в Храме.

Всплеск силы жизни почувствовали все маги Алетара, настолько он был силен. Но у них были другие планы на объявившееся сокровище. И делиться с Храмом никто из них не собирался. Самим мало.

А вот найти мага...

Найти обязательно надо. И искать будут — со всем прилежанием и тщанием. Чего не сделаешь для родины и рода?

Храм.

Не люблю я это место, ох, не люблю. Но выбора нет.

Мы идем бок о бок с господином Варном и беседуем, почти как старые друзья. Я расспрашиваю о графине, и оказывается, что пока с ней все в порядке.

Граф запер жену, приставил к ней четырех служанок и четырех же слуг, так, что даже в отхожее место бедняжка прогуливается только под присмотром.

Я ей даже не сочувствую — не заслужила. Право на мое сострадание эта женщина утратила, когда попыталась убить своего ребенка.

Нельзя так поступать.

Я понимаю, что не оригинальна, но — нельзя. Мерзко это, гадко и подло.

Со своей жизнью ты что хочешь делай, но раз уж у тебя хватило дури с кем-то спать и не хватило ума позаботиться об отсутствии последствий — все. Теперь это твоё.

Твой ребенок, твоя ответственность, твоя забота — и ты обязана родить его, вырастить и сделать человеком.

Просто потому, что твои родители не выкинули тебя в сточную канаву, хотя, возможно, и пожалели об этом. Я вчера об этом тоже думала.

Вот так, выйдешь замуж, родишь, а потом окажется, что выросла у тебя дурища, вроде этой графини. И будешь смотреть, и думать — что?

Где я промахнулась?

Как у меня такое выросло?

Почему я ее в зародыше не убила?

Не знаю... в любом случае, ребенок ни в чем не виноват. Хотела ты его, не хотела, а теперь он твой. Смирись и расти, потому что иначе нельзя, иначе прервется род человеческий.

И не надо мне говорить — заставили, принудили, к кровати привязали! Не было у графини такого, это-то я вижу. Я знаю, как выглядят жертвы насилия, я знаю, как выглядят жертвы супружеской жестокости — в желтом городе можно насмотреться всякого. И я видела их глаза.

Они... темные.

Пустые, равнодушные, и где-то глубоко в них плещется холодная вязкая смесь из боли и равнодушия. Так смотрит обреченное существо. Только вот эти женщины не закатывают истерик. Они боятся.

Боятся боли, боятся вынырнуть из своего омута, боятся прогневать своего хозяина и повелителя, который в драных штанах шляется по двору, чешет задницу и отвешивает жене оплеухи. Они боятся.

А графиня не сломана, нет. Она просто капризна и истерична, только вот ни капли не боится.

Иначе вчера, когда граф шагнул к ней, поднимая руку, она бы съежилась, хоть как-то закрылась, так поступают все, кому причиняли боль достаточно часто, а она просто билась в истерику и смотрела со злостью. Ее не били ни разу, уж столько-то я понять могу.

И чего людям надо?

Вышла замуж, пусть по договору, но за нормального мужчину. И вместо того, чтобы притереться...

Мои мысли обрывает скрип храмовой двери.

И — нет. Я не боюсь, ни капельки не боюсь.

Бабушка, как же я тебе благодарна. Надеюсь, там, где ты сейчас оказалась, ты меня услышишь, родная. Спасибо тебе.

За науку, за амулет, за все...

— Госпожа Ветана? Господин....?

— Варн. Майло Варн.

Майло вежливо кланяется, улыбается. Наш холоп улыбается ему в ответ.

— Здравствуйте. А я смиренный холоп Его — Лирет. Рад видеть вас в нашем храме. Позволено ли мне будет спросить, что привело вас сюда?

— Да, разумеется.

Мало осеняет себя знаком, я не отстаю. И улыбаюсь так, что мышцы лица начинают болеть. Если бы завтра снесли все храмы — что бы изменилось?

Да ничего, эти паразиты нашли бы себе другое место для торговли человеческими страхами и надеждами.

Да, я не люблю храмовников! Надеюсь, Светлый простит меня за это, но можно любить собаку, и не любить ее блох. А храмовники это и есть блохи.

Они кормятся на существовании Светлого, они получают с него прибыль, они уверены в своей приближенности к нему... Интересно, хоть раз они задумывались, что Он им скажет, когда они окажутся перед Его ликом? Или они так свято уверены, что если они учат других, то сами могут быть небезупречны?

Неважно, сейчас это неважно. Надо не уплывать в свои мысли, а сосредоточиться на беседе. Майло как раз рассказывает, что я лечила госпожу графиню... и наш собеседник словно... делает стойку?

Да, у отца были охотничьи собаки. Вот они так же застывали — голова вперед, тело в струнку, лапы напряжены...

— Да, конечно. Пройдемте к Книге.

Книга Светлого. Артефакт каждого храма. Где-то она большая, где-то поменьше, но везде ее стараются сделать роскошной. Обтягивают переплет бархатом, усаживают драгоценными камнями, простегивают золотом. Иногда красиво, иногда это выглядит откровенно нелепо. Но камни есть везде, и я даже знаю почему. К драгоценным камням удобно цеплять заклинания. Вот и здесь — сапфиры, лазурит и жемчуг.

Сапфиры — приносят божественное благоволение, лазурит — верность и честность, жемчуг — свет и чистота.*

*** Камнем честности (и иногда, как ни забавно — юристов) считается не лазурит, а азурит, но я чуть модифицировала название, все равно их часто путают. Прим. авт.**

Я касаюсь переплета ладонью.

— Клянусь хранить врачебную тайну касательно графини Эрнан, никому не открывать, чем она болела, не рассказывать, не давать понять никоим образом, не разглашать секретов, касающихся ее здоровья. Да услышит мою клятву Светлый.

По жемчужинам пробегает легкий блик.

Услышано.

Майло Варн кладет руку на книгу.

— Я, Майло Варн, камердинер графа Эрнан, от имени графа принимаю клятву и свидетельствую, что господа Ветана будет свободна от нее, если молчание принесет вред ее жизни или здоровью. Да услышит меня Светлый.

Стандартная формулировка.

Я обещаю молчать, мне обещают, что клятва рассеется, если случится что-то... сложное. Например, меня спросит тайная королевская служба, бывало и такое. Иногда спрашивали, и жестко, и если кто-то не отвечал...

— Госпожа Ветана, — холоп чуть мнется. — Не могли бы вы осмотреть одного человека? У нас, в Храме?

— да, разумеется.

Говорить о плате за визит, конечно, не стоит. Так забавно...

Храмовники не брезгают продавать верующим освященные образки, свечи, прочую пакость, которая якобы спасет, убережет и защитит, но стоит заговорить о том, что они должны заплатить за что-то...

Да как же ж можно?!

Они же Служители Светлого! Они выше такой гнусной материи, как деньги, ближнему своему (особенно им) надо помогать бескорыстно, а брать деньги с Храма — плохо. Кто бы мне объяснил почему?

Кстати, в Раденоре для них поставлены жесткие условия. Еще Александр Проклятый обрубил храмовникам хвост по самые уши. Им официально запрещено владеть землей, им запрещено строить больше пяти храмов в городе, налоги для них вдвое больше, чем для купцов...

Говорят, что когда Александр Проклятый заявил им, что Храм будет платить налоги, они возмутились. Мы же слуги Светлого. Вы и с него налоги драть будете?

Да, — ответил Раденор. — Так что платить будете десять процентов с доходов за себя и десять за него. Или маловато? Надо за него двадцать процентов брать?

Больше никто судьбу не искушал. И на тридцать процентов не нарывался.

Майло вопросительно смотрит на меня. Я опять задумалась?

— Да разумеется, — отвечаю я. И отвечаю правильно, потому что Майло кланяется холопу, а потом и мне.

— До встречи, госпожа Ветана.

— До встречи, господин Варн.

Майло уходит.

Мне становится неуютно в храме, но я упорно не показываю вида. Улыбаюсь, гляжу на холопа.

— Пройдем к больному?

— Да, госпожа Ветана. Идите за мной.

Холоп проходит в притвор, открывает небольшую дверцу и мы начинаем подниматься на второй этаж по винтовой лестнице... а ведь и правда... сколько я бывала в храме, но никогда не задумывалась, что тут есть еще, кроме места, в котором проводятся богослужения? А оно есть.

Настоящий дворец, кстати говоря. Лестница, по которой мы идем, сделала из мореного дуба, панели, которыми обшиты стены — тоже резной дуб, выглядит чуть мрачновато, но сделано все с таким вкусом, что даже жаль. Такое надо показывать людям, а здесь — это достояние горстки храмовников. Неприятно.

Я иду по коридорам Храма, в которые пускают далеко не каждого, а вот гордости нет. И радости тоже нет. Есть усталость и неприятие происходящего. И когда передо мной открывается тяжелая дверь, я послушно делаю шаг вперед.

Под одеялом лежит больной человек. Наверное, больной. Желтоватое пергаментное лицо покоем на подушке, Поверх одеяла лежат старческие кисти с синими узловатыми венами, в комнате душно и неприятно пахнет благовониями — в храмах не чувствуют меры. Они так пропитываются этими запахами, что не понимают, как людей может мутить от их избытка. Меня вот подташнивает — или это от волнения?

Но внешне я стараюсь не выдать себя. Присаживаюсь на кровать, беру мужчину за руку, слушаю пульс.

Сложнее всего — не выпустить свою силу. Но я знаю, на чем попадают маги жизни. Именно на сострадании, а еще — на привычном использовании силы жизни.

Привычном.

Бабушка многое объяснила мне, когда поняла, что происходит. Рассказала, как искали магов жизни. Как подставляли им безнадежных больных, как провоцировали на вспышки, как...

Может, за это время и что-то новое придумали, но пока я смогу — я буду держаться.

Мягко расспрашиваю мужчину о симптомах болезни, собираю сведения, выслушиваю, что он ел, что пил... мужчина жалуется на боли в пояснице, и я прошу его перевернуться. Как легко было бы сейчас прощупать его своим даром!

Определить, что там с почками, застужены они или нет, если да — то насколько, может, даже и подлечить... Держись, Вета.

Хорошо уже то, что вчера я выплеснулась до доньшка — и сейчас мой дар не рвется наружу. Я спокойно держу его в клетке. Я умею, я справлюсь.

Это как представить внутри себя маленькое солнышко. Но сейчас на небе тучи, и я вся непроницаемо-серая и хмурая. Оно есть, оно внутри, но кто его увидит?

Обычные люди примерно так и выглядят. Кажется, я прохожу проверку, потому что мне тоже задают обычные вопросы.

Давно ли я лечу людей, сколько у меня умирает, сколько выживает, почему я занялась этим ремеслом...

Ответы у меня есть. Они все правильные и честные.

Давно ли? Да с детства, как соображать стала.

Сколько у меня умирает? Не больше, чем у других лекарей. Выздоровливает столько же. Много зависит от болезни, с которой обращаются, что-то ни один лекарь не вылечит.

Почему я решила заняться этим ремеслом? Во-первых, верный кусок хлеба в любые времена. Во-вторых, мне было интересно, мне это понравилось, мне так хотелось. Какие еще могут быть причины?

Кажется, храмовники недовольны, но меня это мало волнует. У меня свои вопросы.

Что если, что пили, не простужались ли, с какой частотой ходите в туалет...

Почки чуть увеличены, область их болезненно отзывается на прикосновения. Что-то подсказывает мне, что это камень в почке. Это я и сообщаю храмовнику. Советую сок свеклы, спорыш, луковый отвар, получаю благословение и с чистым сердцем ухожу из Храма. Пусть меня проверяли, только вот камни в почках у этого типа вполне настоящие.

Бляшка амулета ощущается небольшим бугорком под кожей. Хоть как меня проверяйте — на мне ничего нет. Когда в поняла, насколько для меня опасно попасть в лапы

храмовникам, я вживила его под кожу. Сама сделала надрез острым ножом, сама поместила в рану бляшку, сама следила за заживлением. Зато теперь отбери у меня все, что угодно, а амулет останется со мной. И от этого на душе спокойно и хорошо.

Ко мне так никто и не пришел. Но я не радовалась слишком сильно.

Знаю я, чем это грозит.

Проверят всех лекарей города, убедятся, что никто из них не маг жизни, потом подумают — и проверят еще раз. Надо быть очень осторожной с теми, кого лечишь. Очень.

— Сука! Тварь!! Гадина!!!

Вот уж не думала, что графине позволительно вести себя подобным образом. Но — плевать.

Осмотр я провела, деньги получила, с ребенком все в порядке, матери могу посоветовать есть больше овощей и фруктов, не налегать на соленое и копченое.

А что я гадина?

Ничего нового графиня мне не открыла. Гадина я. И работа у меня гадская.

Вот и сейчас... за день — две открытых раны, простуда, и под вечер уже — визит к господину графу. Хорошо хоть карету за мной прислали, но обратно придется пешочком прогуляться, а в желтом городе это небезопасно.

Вот и иду, уже по темноте, мечтаю о свежее выпеченных плюшках, или хотя бы тарелке с горячим супом... в таверну какую зайти? Дома-то кроме крупы и молока ничего нет?

Не надо.

Будем экономить деньги. Зима приближается, здесь, у моря, она вроде как и не холодная, но промозглая до ужаса. Кто поумнее, заранее запасаются плащами из рыбьей кожи на меху, такими же сапожками и шерстяной одеждой. А стоит вся эта благодать недешево, очень недешево. Не одну серебряную монету.

А еще надо на что-то жить, кушать, одеваться, закупать травы, платить аренду дома...

Есть повод не гулять по тавернам, а готовить для себя дома.

У переулке было уже темно, чуть поблескивал медью начищенный треугольник... я сделала шаг, другой, достала ключ от калитки — и мою шею вдруг обхватила чья-то жесткая и сильная рука.

— А...

Я даже закашляться не смогла. Из такого захвата, если он правильный, не вырвешься.

— Что, сука, радуешься жизни? — защекотал мне ухо влажный горячий шепот. — Ну ничего, сейчас вместе порадуемся. Сейчас ты мне за все ответишь, гадина!

Интересно, кто это и за что я ему должна отвечать?

Не раздумывая, я пнула назад ногой что есть силы. Хорошо, когда на тебе ботинки на толстой деревянной подметке, подбитые гвоздями. Специально для прогулок по городским улицам.

Это вам не шелковые туфельки, а тех-то я бы скорее себе ногу сломала, а сейчас нападающий ахнул, выругался и еще сильнее стиснул меня так, что я едва не задохнулась.

— Небось, и забыла обо мне, да, тварь такая!?

Я бы честно ответила, что забыла, но... поговорите сами, когда вам горло пережмут!

Тут позвонки похрустывают...

Еще раз, что ли, попробовать его пнуть?

— Ты мне сейчас все долги отдашь! Всю ночь отдавать будешь!

Увы, нападающий стал осторожнее, и мои трепыхания его просто позабавили. Но кто это и что ему нужно? Я терялась в догадках...

Главное, чтобы не жених.

Но мне казалось, что это не барон...

— А ну открывай калитку, — подтолкнули меня.

Я попробовала вставить ключ, получилось не с первого раза под многозначительную ругань негодяя, а потом вдруг хватка обмякла.

Послышался какой-то хрип, рука на моем горле разжалась, калитка распахнулась, и я бросилась вперед, к дому. Инстинкт, наверное.

Если на тебя напали, если страшно — беги. Прячься!

Хотя чем бы мне этот дом помог?

Двери — плечом выбить, окна, опять же, закрываются ставнями, но снаружи. Изнутри на них даже решеток нет, выбить — пара минут.

Соседи?

Да кто услышит?

Я захлопнула за собой дверь дома и прислонилась к ней спиной.

И вообще, это желтый город, тут привыкли к крикам, воплям, скандалам и ссорам. Наверное, в первый раз я ощутила себя настолько беспомощной. Чтобы со мной могли сделать, что угодно, а я...

А я-то ничего не могу сделать! Вот где страх!

Ни выбора, ни возможности... кто мне мешал хоть бы кинжал в карман сунуть?

Дура! Дважды и трижды дура!

Если выживу — обязательно поумнею.

В дверь тихонько постучали. Я подскочила и в ужасе оглянулась по сторонам. Кажется, на столе есть нож, я им хлеб резала...

Без боя я точно не сдамся.

— госпожа Ветана, откройте, пожалуйста. Это Торн.

Я потрясла головой, пытаюсь собраться с мыслями. Торн, Торн...

— Угорь. Младший.

Точно! Детеныш Угря. Угренок-младший! Просто они имена при мне не упоминали, раз, что ли, или два, с языка сорвалось, я и не запомнила.

Я взглянула в небольшое окошечко на двери, пытаюсь разглядеть — точно он? Или нет?

— Госпожа Ветана, со мной Лита. Помните, вы еще ругались на нее, в ваш первый визит?

Я вспомнила достаточно вульгарную девицу, которая пыталась поставить мои слова под сомнение.

Ругалась?

Наверное, можно и так назвать. Пальцы сами собой скользнули к щеколде, подняли ее из пазов, распахнули дверь.

Угорь-младший был серьезен и необычно спокоен.

— Здоровья вам, госпожа Ветана.

— И вам того же. Что случилось?

— Лите помощь нужна. Можно к вам?

— Можно, конечно. Где она?

— Там, за углом. Сейчас я ее приведу. Госпожа Ветана, кто это на вас напал?

— Сама бы знать хотела, — призналась я. — А это... вы его?

— Я. Пришлось убить, так что я сейчас приведу Литу и пойду избавляться от тела.

— Т-тела?

Что-что, но убивали ради меня впервые.

— Посмотрите?

Я замедленно кивнула. Сделала шаг, другой...

У калитки лежало тело господина Рема Лорака, десятника третьего городского полка.

Понятно, что я его сразу не узнала, видела-то пару раз...

Но зачем он пришел?

Угорь встал рядом со мной.

— Погодите-ка, ка ведь знакомая харя?

— Десятник Рем Лорак, — озвучила я.

— А, этот... свинолюб!

Я фыркнула. После того случая, Талара новость по всему городу разнесла, Алетар неделю хохотал. А невезучего десятника то ли разжаловали, то ли перевели — мне он точно не досаждал. Что и требовалось.

— Он.

— туда и дорога, — подвел итог Угорь-младший. — Давайте я Лите помогу, да и...

— поможете? — тут же забыла я про десятника.

Кракен с ним, с трупом! И так понятно, что эта мразь сюда не с добрыми намерениями пришла! Скорее всего, решил мстить за унижение. Наверняка, мужчина помнил, как пытался меня к чему-то принудить, а потом очнулся в компании симпатичной белой миролской хрюши. И кто был назначен виноватым?

Разумеется, я.

Сразу отомстить он не смог по какой-то причине, а сейчас нашлись и время, и деньги, а желание мстить и не исчезало. Вот и пришел.

Что он хотел со мной сделать? Убить? Изнасиловать? Изуродовать?

Вот уж не знаю, да и знать не хочу. Умер — и слава Светлому!

И — да! Совесть меня ничуть не мучает! Туда негодяю и дорога! Между его жизнью и своей, я всегда выберу свою! Пусть я лекарь, но не полная ж дура, чтобы жалеть того, кто пришел поиздеваться надо мной?

Угорь метнулся куда-то в темноту и появился через минуту, почти таща на себе Литу. Женщина была завернута в плащ от макушки до пяток, капюшон надвинут так, что она сама дороги не видела, а судя по движениям...

Я, было, двинулась помочь и подхватить ее с другой стороны, но Угренок покачал головой.

— Не надо. Ей больно...

Что же с ней случилось?

Ответ я получила практически сразу, как только угренок сгрузил женщину на скамейку в комнате для осмотров и ушел прятать тело.

Я проследила, как он идет по улице, сгибаясь под тяжестью трупа десятника — контрабандист почти вел его, закинул руку трупа себе на шею, обхватил его за талию, создавалось впечатление двух пьяных, причем угренок еще и что-то бормотал. Таких даже стражники не заподозрят, разве что поиздеваться остановят, но тогда уж все равно.

Удачи ему.

И я повернулась к женщине.

Лита была...

Лицо не было видно из-под синяков, глаза заплыли, нос, кажется, сломан, пара зубов выбита, губы в кровь, что там с телом — и представлять страшно.

И при этом она была в сознании.

— Здоровья, лекарка.

— И тебе того же... Что произошло?

— Клиент плохой попался. Едва вырвалась.

Несколько секунд я переваривала сказанное, а потом кивнула. Ну да.

Плохой клиент, такой, как мой несостоявшийся жених.

— Как зовут, знаешь?

— Кто ж шлюхам имя говорит, девочка?

Лита рассмеялась страшно, холодно. Я едва сама себе подзатыльник не отвесила. Нашла, дура, о чем спрашивать!

Руки двигались будто бы сами собой. Я осторожно прощупывала конечности на предмет переломов, нажимала на тело в разных местах...

— В живот бил.

Живот я тоже прощупала. Кажется, повезло. Разрывов нет, но синяков будет...

— Насиловал?

— Заплатил он столько, что все было, считай, добровольно, — усмехнулась Лита.

Я занервничала еще больше. Так ведь и действовал мой несостоявшийся жених. Но... как он мог меня найти?

И зачем?

Хотя... имея деньги можно многое. А уж разыскать девицу, которая выставила его дураком...

— Как он выглядит?

— Лет тридцать, черноволосый, красавчик, тархинец...

Я перевела дух.

Тархинец. Житель далекого юга. У них это случается.

К женщине там относятся, как к вещи, подороже или подешевле, и — да. Там процветает культ насилия. Сотворенное с Литой у них не считается чем-то сверхъестественным, были бы деньги и желание, а остальное... как табуретка. Сломалась — либо починим, либо найдем новую. Женщина там уважаема только если она — мать, родившая не менее трех сыновей. А продажная женщина — так, нечто среднее между гусеницей и грязью на дороге.

— Ты что, не понимала, на что идешь?

— Думала, не в первый раз, — кашлянула Лита.

— А я думала, что у вас с... с отцом младшего все серьезно?

— Окстись, лекарка, где ты видела, чтобы со шлюхами было серьезно?

— А что ты — не человек? — огрызнулась я. — Видно же, ты его любишь...

— Только он под веревкой ходит, а я под плетью, сама понимаешь. Случись что... сама понимаешь.

Понимаю. Отлично понимаю.

И даже жалею тех, кто может зарабатывать только своим телом. Короток век таких вот Лит. Молодость прошла, свежесть ушла, и куда дальше? В содержанки? Если возьмут...

В хозяйки борделя? Если деньги и хватка есть...

А большинство остается на улице.

Спивается, подсаживается на травку или смолку, погибает от болезней...

Разговор не меша мне осторожно освобождать женщину от платья.

М-да.

Тут и плети отметились, и ожоги, и синяки... а что там с половыми органами творится, даже думать не хочется. А лечить-то надо.

Начнем сверху вниз.

Сначала обработали лицо, потом плавно перешли к спине, животу, груди...

Неизвестный мне тархинец постарался от души! Чтоб его отец так же с его матерью поступил... с-сука! Швов я на Лите наложила столько, что можно было бы платье сшить. Женщина скрипела зубами, но кое-как сдерживалась. И чтобы отвлечься от боли, болтала без умолку.

Безудержной болтовне способствовало и то, что я подсунула ей маковую вытяжку. Не самое лучшее средство от боли, есть возможность переборщить, но в ее состоянии хуже ей вряд ли будет. Тут не знаешь, что лучше — впасть в маковый сон, или впасть в болевой шок?

Да и я не переборщу. Я сумею рассчитать нужную дозу.

— ...кто к нам, к девкам, только не ходит... Тархинец — что! Капля в море! К нам и вельможи заглядывают, и храмовники...

— Они ж вроде обет дают? Чтобы без девок?

Ага, обет-то они дают, но ведь не согрешишь, так и не покаешься? В безгрешность храмовников я верила примерно так же, как в нисхождение Светлого, но Литу надо было чем-то отвлекать.

— Сами дают, сами и обратно берут! — расхохоталась Лита. — И мы им... того! Даем...

— Надеюсь, хоть они такого с девушками не делают... - пробормотала я.

Зря.

Следующие полчаса были посвящены обзорной лекции: 'Постельные привычки холопов и служителей, кто, кого и за сколько...!'

Я слушала, и думала, что в Храм мне ходить теперь будет сложно. Как погляжу, да как имя услышу, да представлю, чем и с кем данный служитель занимался... память-то у меня хорошая, никуда не денешься. И большинство храмовников развлекались именно в желтом городе. Тут было... проще.

Меньше шансов, что их узнают, а хоть бы и узнали. Кто поверит разному быдлу?

Какой-то песчаной блохе...

Мало ли что говорит продажная девка? Ясно же, что она клеветает на уважаемого человека.

— ... есть даже специальный публичный дом. 'Маска' называется. Туда хоть голым

приди, хоть в какое одежде, но обязательно в маске. И не снимать ее. Панталоны снять, а маску оставить, -

Хриплый голос Литы шептал непристойные подробности, я обрабатывала ее раны, и тут...

— А последнее время храмовники на лекарей перешли.

Опа!

— В каком смысле? Продажных девушек им мало, нужны лекари? Я так в Храм бояться ходить буду...

— А и бойся, — разрешила мне Лита. — Не в том смысле, что они лекарей.... Нет. А расспрашивают про них постоянно.

— Расспрашивают?

— Кто лечит, кого, как, сколько берет...

Я едва сдержалась, чтобы не выругаться. Правильно, пошел второй этап проверки. С наскока у них не вышло выловить мага жизни, теперь будут расспрашивать про лекарей. А потом попробуют подставить заведомо больных людей, которых без дара никто не вылечит. Наверняка.

Если я уеду из Алетара до окончания проверки, наверняка привлеку внимание.

А останусь... осторожнее надо быть! Втройне осторожнее! Вчетверне!

Светлый, как же мне страшно...

Утренок явился за Литой под утро. Поскребся в окошко, сначала тихо, потом чуть громче.

— Как вы тут, госпожа Ветана?

Я не так давно заснула, но с моей работой быстро привыкаешь спать вполглаза и просыпаться по первому зову. Так что ждать на улице мужчине не пришлось.

— Жить будет. И последствий не останется.

— Это хорошо. Говорили ведь дуре...

Я тяжело вздохнула — и не удержалась.

— Женщине не разговоры о высоком нужны, а уверенность в завтрашнем дне. А с вашим отцом, уж простите, такого никогда не будет.

Серые глаза похолодели, но я уже подняла перед собой руки ладонями к собеседнику.

— простите. Я не должна была так говорить. Не сдержалась. Простите, пожалуйста, я не хотела.

Я извинялась не со страху, а просто, понимая, что допустила бестактность. И утренок кивнул, принимая мои слова.

— И вы простите, госпожа Ветана. Будь оно все проклято... все всё понимают, а только изменить мы ничего не можем. Отец погибнет, мы в море выходить будем, за нами дети-внуки... род наш на том стоит. А какой там король — и неважно, это наш промысел уж сколько лет!

Я кивнула.

— Понимаю. Только... мне кажется, Лита вашего отца любит.

— Это ничего не меняет.

Кто бы сомневался.

— Вы ее сейчас заберете?

— Да. Ей есть где жить.

— А там найдется, кому за ней поухаживать? Хотя бы дня три?

— Найдется. Найду.

Я кивнула. Угренку я верила, сказал, что найдет, значит — найдет.

— А что с... моим гостем?

— Не знаю. Сейчас это лучше уточнять у крабов в море, — пожал плечами парень.

Думаю, крабы у берегов Алетара давно привыкли к разнообразной и обильной пище, трудами контрабандистов. Вслух я этого не сказала, только короткое:

— Спасибо.

— Сколько мы вам должны за лечение?

— Вы мне жизнь спасли...

— Госпожа Ветана, я настаиваю.

— Но вы...

— Лечили-то вы не меня, а Литу.

Я поняла, что парень сейчас обидится, и назвала цену, после чего мне отсчитали из кармана несколько серебряных и медных монет, подхватили слабо застонавшую Литу на руки — и исчезли за дверью. Как и не было никого.

На всякий случай я прогулялась на улицу, пристально разглядывая мостовую.

Нет.

Ни крови, ни грязи, ни следов борьбы — ничего нет. Оно и к лучшему. Был десятник Рем Лорак — и не стало десятника. И плакать о нем я не буду.

Напомнили мне про десятника еще один раз. Когда через три дня ко мне явился господин Крамар. Постучал в дверь, поклонился, вытер ноги на пороге...

— Доброго дня, госпожа Ветана. Тойни.

— Добрый день, господин Крамар, — строго ответила я. Никакой фамильярности я не допущу, вот еще не хватало!

— Я все к вам зайти собирался, да вот...

— Лечились от последствий тесного общения с Рудиком, — улыбнулась я. — Бывает.

— Госпожа Ветана, — покраснел Крамар, становясь окончательно похожим на здоровущую клубничину, — я попросил бы вас обойтись без неуместных шуточек...

— Разумеется, господин Крамар. Так что привело вас ко мне?

— Все те же предложения, — Дэйв улыбнулся уже более пакостно. — Вы так и не хотите пойти ко мне в помощницы?

— Нет, не хочу.

— И в жены тоже?

— А туда — тем более не хочу. Это все вопросы?

— Никак нет, госпожа Ветана. А вы десятника Лорака давно ли видели?

— Давно, — пожалала я плечами. И не соврала. С нашей работой один день можно за десять считать, если он насыщенный, вот и выходит, что чуть ли не месяц назад...

— А он к вам недавно собирался...

— Мне он об этом сообщить забыл, — отрезала я.

— Зато мне сообщил. Аккурат три дня тому назад.

Сдержаться мне помогла только суровая родительская выучка.

Лицо благородной дамы должно быть всегда спокойно. Что бы ты ни услышала, что бы при тебе не происходило, сдержанность — это краеугольный камень характера истинной леди. Спокойствие и достоинство.

В свое время меня коробило от этих сентенций, и я от души изводила гувернантку вопросами вроде: 'застав мужа с любовницей надо сохранять достоинство, или лупить обоих сковородкой? Достоинство хорошо, а сковорода надежнее...'. а сейчас, вот, пригодилось. И я бы в ноги поклонилась своим учителям...

— И что?

Глаза Крамара шарили по моему лицу, словно две жирные гусеницы ползли по листу дерева, но я была спокойна и безразлична.

Да, Лорак.

И что?

Какое дело дереву до десятника? Никакого!

— И с тех пор, госпожа Ветана, никто Рема не видел.

— Очень, очень печально.

Мой тон совершенно не соответствовал словам. Печально?

Нет.

Равнодушие сквозило в каждом слове. Спокойное, безразличное, отрешенное, словно охлажденный лимонад. Кому важен какой-то десятник? Уж точно не мне...

Я не имею к нему никакого отношения, не понимаю, к чему эти вопросы и продолжаю надоевший мне разговор просто из вежливости. Точка.

— А вы его тоже не видели?

— Господин Крамар, — я решила, что будет уместно слегка разгневаться, на бесполезную трату моего времени, — я не понимаю, по какой причине господин Лорак мог бы искать меня. У него нет недостатка в девушках, а что до лекарского дела — у него есть такой друг, как вы. Что могло понадобиться ему от меня?

Крамар замялся. Ну не скажешь ведь правду?

Он тут отомстить решил. За унижение. Как? А я и не знаю... Догадываюсь только.

И ведь действительно догадывается. Сложись все иначе — и лежать бы мне в таком же виде, как бедняжка Лита. Или потерять дар, потому что покорно лечь под насильника я не согласилась бы, а убить его могла бы только одним способом.

Вот ведь... тварь!

Торопить я его не собиралась, перебирала травы, укладывала одну к одной, связывала аккуратный пучок... посмотрим, что он придумает.

— Рем хотел сделать вам предложение.

Вот тут мне не удалось удержать лицо. Но вытаращенные глаза и приоткрытый рот вполне вписывались в легенду.

Предложение? Теперь это так называется? Гхм...

— Никаких предложений мне никто не делал. Вашего друга я тоже не видела, — и опять я не лгу. Живым не видела, а тело, которое осталось, это уже не Рем Лорак. Это просто тело. Кусок мяса... — Какие у вас еще есть вопросы?

— Госпожа Ветана, а если я опрошу соседей?

— Господин Крамар, я не намерена мешать вашему времяпрепровождению. Любому. Надеюсь только, что вы сэкономите мое время и не станете отчитываться передо мной о своих делах.

Вот так.

Вежливое 'исчезни с глаз моих долой, и чтобы я тебя больше не видела', вышло отлично. Даже мама не высказалась бы лучше.

Крамар все понял, побагровел и шагнул вперед.

— Ах так... я хотел по-доброму...

— Да?

— Так вот, госпожа Ветана. Я знаю, что Лорак исчез. И я знаю, что вы к этому причастны.

— И?

— Я даю вам три дня. Потом я иду в королевский суд и все им рассказываю.

Вот как?

Внутри меня медленно поднялась волна ярости. Тяжелая, темная, маслянисто поблескивающая алым...

— Или? Какие у меня есть альтернативы?

— Или вы выходите за меня замуж, и мы забываем об этом маленьком недоразумении.

Крамар маслянисто улыбался, глаза сально поблескивали, и весь он был такой скользкий и липкий, что меня пробрала дрожь омерзения.

Спору нет, мужчина выучил свою роль просто идеально. И с кем-то другим все могло сработать. Имей он дело с обычной малограмотной лекаркой, которая дальше трав и своего двора ничего не видела, которая от каждого куста шарахается и от каждого ветра дрожит — все бы прошло, как по маслу. Таких легко запугать, купить, убедить...

Не меня.

Я медленно положила травы на стол и выпрямилась.

— Послушайте меня внимательно, господин Крамар. Сейчас вы уберетесь вон из моего дома, и никогда здесь больше не появитесь. Даже если умирать будете, а я останусь единственным лекарем на всю страну. Если вы посмеете нарушить мой запрет, я позову стражу, и вы будете объяснять им, чем вы меня шантажируете и почему. Хотите идти в королевский суд? Замечательно! Идемте прямо сейчас!

Передник полетел на стул, а я разгладила складки на платье.

Крамар стоял, и только глазами хлопал. Не ожидал?

То ли еще услышишь!

— Я не знаю и не знала ничего о планах вашего Лорака. Не знаю, где он находится сейчас и что с ним произошло. Если понадобится, я поклянусь в этом на любом артефакте. А вот сможете ли вы честно рассказать о его намерениях? Или о своих намерениях? Шантаж в нашем королевстве — дело наказуемое. Что там написал Александр проклятый в кодексе? Шантажиста надо плетями прогнать вокруг города и никогда в него не пускать? Учитесь бегать, любезнейший, учитесь бегать!

Крамар побагровел.

— Вон отсюда!

— Дрянь! Девка помоечная! Да ты...

Пощечина прозвенела просто оглушительно.

Крамар осекся на полуслове. Медленно приложил руку к щеке, поглядел на меня...

— Ах ты...

Я медленно сжала ладонь на рукояти сковородки. Благо, дело происходило на кухне, а сковорода у меня отличная. Тяжелая, чугунная... отобьюсь!

— Вон отсюда, ничтожество!

— Ты за это заплатишься!

— Вон! — взвизгнула я. — Стражу позову!

Крамар грязно выругался, плюнул на пол — и вышел вон. Видимо понял, что на крики сейчас народ прибежит. Чай, не темная ночь, а ясный день. Людей вокруг хватает, благодарных людей и того больше, если он сейчас не уйдет, то его с почетом вынесут на руках — до ближайшей мусорной кучи.

Но какова мразь?!

Я с трудом расцепила пальцы — их как судорогой свело, и закружила по кухне.

Значит, Лорак поделился с другом планом мести. Наверняка. Не знаю уж, всем или какой-то его частью, и как они договорились, но Крамар обо всем знал. Может быть, Лорак даже сказал ему что-то вроде, я первым буду, а ты вторым. И если бы негодяю удался его план, Крамар все равно явился бы в гости.

С предложением руки и сердца опозоренной женщине.

У сплетен длинные ноги, мне бы точно пришлось уехать из Алетара, если бы меня изнасиловали... Кому бы я что доказала?

Может быть, Лораку и отбили бы печенки. А может, и нет. У нас же к женщине общество менее благосклонно, считается, что женщина сама провоцирует негодяев. А тот простой факт, что насилие — это плохо, до людей доносится с трудом.

Ходила, улыбалась?

Сама напрашивалась!

В моем случае — была на празднике? Ну точно, сначала сама хотела, а потом перехотела. Вот и...

Непорядочная женщина. Шлюха-с...

Светлый, какие ж твари! Какие твари!

Меня всю трясло, понадобилось не меньше двадцати минут, чтобы я пришла в себя.

Итак, рассуждая спокойно, что и чем мне может грозить?

Доказать мою причастность к исчезновению Лорака — невозможно. Я его не убивала, тело не прятала, где он сейчас — не знаю. Морские течения, знаете ли. Кто его знает, куда он дрейфует, или где он лежит. Что с ним сейчас, я тоже не знаю. Душа, возможно, на перерождении, тело... тут меня не поймаешь.

А вот Крамар в суд пойти побоится, потому что вопросы в Алетаре задавать умеют. И святой принцип первого кнута для доносчика здесь соблюдается безукоризненно. Если Крамар донесет на меня, но я оправдаюсь, в лучшем случае, он мне выплатит очень приличную компенсацию. В худшем... до плетей дойдет.

Нет, со стороны закона я чиста. Крамар меня может подозревать сколько угодно, без доказательств это простое сотрясение воздуха. Ни о чем.

А чего я должна опасаться?

Вот такой ситуации, как с Лораком. Когда один подонок, или несколько, нанятые жаждущим мести подлецом, изуродуют меня, как Бог — осьминога, избыют, изнасилуют... и проверяй силу своего дара на себе самой.

М-да...

И что я могу сделать?

Для начала — не ходить одна. Не открывать дверь кому попало, не уходить с посторонними людьми... не работать лекарем?

Нанять охрану мне не по карману. Остается только надеяться, что у Крамара на такое тоже не хватит духа — трусоват и подловат. Исподтишка напакостит, а вот чтобы так...

Я ведь не оставляю этого дела, я пойду в стражу, в суд, я найду подлецов, вытрясу из них имя заказчика и добьюсь справедливости. И Крамар не может этого не понимать.

То есть — меня должны убить.

Но это другой заказ, другой приговор, и другая цена. Вряд ли Крамар пойдет на это. Но поберечься все равно стоит.

Страшно ли, весело, а работать надо. Такая вот ситуация.

Из города уехать нельзя — у храма ноги длинные. По городу понесся слух о маге жизни, а один из лекарей уезжает? Меня точно в покое не оставят.

Просто сидеть и не работать?

А жить на что? Пусть и отложено, да на все не хватит. И... затягивает.

Так вот получилось, что затягивает. Когда сама зарабатываешь себе на жизнь, когда чувствуешь себя самостоятельной, когда ни от кого не зависишь, это... здорово! Сама планируешь свои расходы и доходы, сама снимаешь дом, покупаешь себе одежду, сама решаешь, съесть на завтрак противную и полезную овсянку или вкусное и вредное пирожное...

Все сама.

И никому-то ты не нужна. И никому до тебя нет дела.

Хотя последнее — не мой случай.

И нужна, и дело есть, и дел этих — много. Начиная от мелких паршивцев, которые то в колючие кусты влезут, то коленку разобьют, то полезут воровать яблоки не учтя очень вредней собаки и поплатятся штанами, и до графинь.

Да, к графине Эрнан я ходила по-прежнему. Графиня была бледна, тосклива и печальна. А еще — она ругалась.

Ругалась на служанок, ругалась на слуг, на мужа, на дворецкого, на родителей, на меня, ругалась бы даже на собак и кошек, но последних к ней не допускали. Мало ли...

На ребенке, правда, ее глупость не сказывалась, малыш рос и развивался. Муж скрипел зубами и мечтал спровадить женушку в монастырь. Слуги просто скрипели зубами и мечтали о том же.

И чего женщинам не хватает?

Ладно, меня еще можно понять, когда в мужья может достаться садист и психопат, любая помчится быстрее лани. А ей-то чего не хватает? Муж, как муж, сотни женщин с такими живут, и не плачутся. Не пьет, не бьет, может, и не гулял бы, но тут уж как себя поставишь.

Пусть не любят, ну так и она любит другого? Был договор, с его стороны титул, с ее деньги, выполни свои обязательства и ищи великих любвей. Граф точно против не будет. Еще пара месяцев такой жизни, и он сам ей найдет эту любовь. Или все-таки станет садистом.

Хотя о графине я предпочитала не думать. Я все-таки удрала, но мне повезло. У меня была бабушка, у меня есть дело в руках... а вот так?

Я ведь точно знаю, что если даже графиня вернется к родителям, ее не примут. Потому что купеческая семья. Дали слово — держать надо. Не сдержали?

На всю семью позор падет, никому доверия не будет.

А вот что с моей семьей?

Что сделал барон?

Что предпринял отец?

Ищут меня, или пришли к другим договоренностям?

Я не знала, и узнать мне это было неоткуда. А царапало. А знать бы надо, но — как? Хотя одна идея у меня была.

У бабушки была подруга, леди Райвен. Можно бы написать ей и попросить все узнать для меня, но я боялась рисковать. И так...

Слишком много всего и со всех сторон.

Контрабандисты — раз!

Стражники — два!

Храмовники — три!

Семья и бывший жених — четыре.

Крамар — пять.

И это я наверняка кого-то да упустила. А что делать?

Жить дальше, что тут сделаешь. Только жить дальше.

Страшно?

Да, очень страшно. Потому что куда бы я ни ткнулась, все расно меня будут использовать в собственных целях. А это страшно, очень страшно.

Я даже не могу нормально влюбиться и выйти замуж — я ведь не доверюсь мужу. Я живу под чужим именем, и назвать настоящее для меня равносильно самоубийству. И...

Я все же из благородных. Выйти замуж за обычного парня — не для меня, мои дети мне этого не простят. Так уж несправедливо устроен мир, что дети дворянина и служанки могут стать своими в самых высших кругах. Худо ли бедно, но могут. А детям дворянки и простолюдина дорога ко двору закрыта навсегда.

Может, и не такая уж большая потеря, но пусть это решают для себя мои дети. Не я.

Кто-то скажет — вот! И парня-то нет, а она уже о детях? Так этим и отличаются дворяне от простолюдинов. Мы владеем землей и распоряжаемся чужими судьбами, за любое наше решение будем отвечать не только мы. Будут отвечать и другие люди, которые, может и в глаза нас не видели, но наши слова пройдутся по их жизням кровью и болью.

Крестьянин может позволить себе больше — от него ничего не зависит.

Я — не могу.

Может быть, у меня и нет земли, нет титула, а я все равно не могу. Потому что есть нечто большее. Мой дар. То, что я могу передать или детям, или внукам... Мне повезло. У меня была бабушка.

А смогу ли я защитить своего ребенка? Обучить его, как учили меня? Достать амулет, помочь в трудную минуту?

Или нарожала и в кусты?

А ребенка пусть тащат в храм, или используют в своих целях, или... Мне стоит поступить именно так? Позаботиться о себе, не думая о том, что будет дальше?

Я так не могу. А значит...

Делай, что должна и будь, что будет.

— Веточка, солнышко, не поможешь ли?

Помогать людям — приятно. Только вот не все люди приятны лично вам. Среди ваших пациентов будут и сплетники, и завистники, и истерики, и просто люди, неприятные во всех отношениях. А лечить их все равно надо. Хотя с большим удовольствием я бы вылечила некоторых от жизни.

Фатина Арнейт была именно из таких.

Внешне симпатичная толстушка лет пятидесяти была сущей чумой.

Очень правильная, очень праведная, очень набожная внешне, очень гордится тем, что ей доверили натирать окна в Храме. Замужем, двое детей, внуки, дом, хозяйство в желтом городе, работает кухаркой в купеческом семействе.

Это с первого взгляда.

Со второго...

Замужем, но муж с ней не живет. Давно отгородил себе полдома и вежливо объяснил жене, что если она хоть кончиком пальца ступит на его половину — он ей ноги выдернет. Двое детей, да. Но дочь уехала из дома аж пятнадцать лет назад, и матери о себе вестей не подает. Сын тоже не балует матушку визитами. Внуков она видит раз в месяц, и тому есть серьезная причина, но о ней чуть позднее.

Хозяйством она занимается очень тщательно, этого не отнять.

А кухарит в доме почтенного купца, с которым уже лет двадцать как состоит в интимной связи. На глазах у его жены, детей и внуков.

Кстати, купец тоже очень набожен. Кажется, в Храме они и познакомились, и договорились о совместной молитве. И продолжают молиться.

Сын потому к матери носа и не кажет, что услышал в пылу ссоры, как мать на отца ругалась. И узнал, что отец-то у него есть, но не тот, который с ним всю жизнь рядом, не тот, кто ему сопلي вытирал, кораблики делал и рыбачить учил. А как раз купец.

Хотя точно Фатина и сама не знала. Надеялась просто.

Надежду ей и не простили. Ни сын, ни муж.

А дочь просто сбежала подальше от инициативной мамочки, которая думала, как подороже продать девочку. И даже нашла замечательную кандидатуру — тоже купца. Неважно, что он на сорок лет старше девчонки, что от него козлом воняет, а песка столько уж высыпалось, что на все побережье хватит. Зато богат!

Потерпи несколько лет и будешь богатой вдовушкой. А там можно и второго приглядеть... мама тебе поможет, мама подскажет...

Вот после такого и сбежала девчонка из дома.

Откуда я это знаю?

От госпожи Лимиры. Та не менее вдохновенная сплетница, а людям глаза не завяжешь и рот не заткнешь. Все всё видят, все всё знают.

Госпожа Фатина очень праведная, очень набожная, очень порядочная... и кстати, осуждает всех окружающих.

Меня — потому что я живу одна. Точно — мужиков вожу. Госпожу Лимиру, потому что та приехала невесть откуда. Точно — вела непорядочный образ жизни.

Соседей, родственников, родственников соседей и соседей родственников. И делает это по принципу — все люди сволочи.

Не сволочь?

Маскируется!

Не знаю за человеком грехов?

Придумаю!

И фантазия ее безгранична. Меня-то давно записали в продажные девки, я и не надеюсь отмыться. Куда уж мне, если я регулярно дома не ночую. Точно развратничать езжу.

Хотя сомнения в моей нравственности совершенно не мешают госпоже Фатине

приходить сюда через два дня на третий, ныть и жаловаться. Как лекарь и маг жизни могу точно сказать — эта дама здоровее неведомого зверя олифанта, на ней можно пушки перевозить и огороды вскапывать, но — у нее все болит.

Болит голова, горло, ноги, руки, спина...

Я все хочу посоветовать ей меньше у замочных скважин подслушивать, вот и проблем не будет, но такой совет себе дорожке выйдет. Как все женщины с нечистой совестью, она мстительна, жестока и коварна, и что придумает — неизвестно.

К тому же, сейчас она себе болячек не выдумала. На руке у нее и правда была ссадина весьма неприятного вида. Уж дня два ей?

Пришлось прочищать, смазывать мазью и даже давать маленькую баночку с собой.

— Что ж вы так?

— Вот, окно мыла, а тут порыв ветра, рама и шевельнулась, — разохалась Фатина.

Лучше б ты язык прищемила. Навечно. Но такое чудо и Сияющему не под силу.

— Раньше надо было приходить. В тот же день. Как бы не воспалилась ранка-то!

— Ручки у тебя золотые просто. Даст Сияющий и не воспалится.

— На Него уповаем.

— И Им живем, — подхватила госпожа Фатина, благочестиво творя символ Светлого. — А мази с собой не дашь?

Я послушно достала маленькую баночку.

— Мазь у тебя просто волшебная!

Я невольно насторожилась. Что-то меня сильно насторожило в ее словах. А госпожа Фатина продолжала, как ни в чем не бывало.

— И хвалят тебя все, и выздоравливают все, как чудо какое...

— Так тут ничего удивительного нет. Ко мне ведь не с самыми сложными случаями идут, — улыбнулась я. — Что посложнее — других лекарей ищут. Из зеленого и белого города.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ой ли? А с пристани? Этот, как его, малек, просто чудеса о тебе рассказывает!

Я мысленно пообещала Шими надрать уши.

— Чудеса? Ой, а что именно?

— Что ты любую болезнь видишь...

— И что? Я ж лекарь, это моя работа. Как бы я лечила, не зная — что?

— И не ошибаешься никогда?

— Ошибаюсь, — я помрачнела. — Еще как ошибаюсь. У нас только Сияющий все видит, а мы, глупые, довольствуемся тем, что он нам дал.

— Но некоторым он дает больше, чем остальным?

Темного крабом!

Снова и снова пригодилось мне умение 'держат лицо'. Спасибо родителям, вбили науку, а с неприятными людьми, маску я нацепляла автоматически. Госпожа Фатина и не заподозрила, что внутри у меня все сжалось в один огромный комок, а потом распалось на ясные и прозрачные звенья цепи.

— Храм — Деньги — Жрецы — Магия — Поиск — Расспросы.

Наверняка эта гадина тоже ищет мага жизни, или кто-то в Храме попросил ее задать мне вопросы. Или...

Наверняка они ничего не знают. Болтовня Шими — и есть болтовня, от нее любой

отмахнется. А вот что у меня никто не умирал, что выздоравливают люди, что меня зовут и на простые и на сложные случаи, молва идет, круг пациентов ширится... от этого не отмахнешься.

А что делать?

Но внешне я абсолютно спокойно пожала плечами.

— Наверное...

Госпожа Фатина прямо-таки впилась в меня глазами.

— А говорят, вот, лучшие лекари из магов жизни получают.

— Говорят, — в моем голосе прозвучало точно рассчитанное безразличие. — Я ни одного не видела, вот и сказать не могу.

— У них даже безнадежные больные выздоравливают...

— Тогда и ломить за свои услуги они должны втридорога. Кстати, с вас два медяка.

— Вот, возьми, Ветаночка.

Потертые медяки улеглись на скатерть. А я еще долго не могла убрать их в кошелек после ухода старой сплетницы.

Бешено колотилось сердце, противно ослабли ноги, подкатывал к горлу горький комок тошноты...

А ведь это только первая ласточка.

Меня еще не подозревают — пока! Но что будет впереди?

Выход только один. Беречься и беречься. Не лечить никого своей силой, сбрасывать ее помаленьку... но как?

На то нас и ловят. Мы не можем удержаться, иногда совсем не можем.

Да, надо откладывать деньги и переезжать.

А Шими я все равно уши оборву. Малек трепливый!

Когда ночью в мое окно забарабанили так, что едва стекло не вылетело, я даже не удивилась. Не в первый раз. Но увидеть за окном Майло Варна не ожидала.

— Что случилось?

— Госпожа графиня... она чем-то отравилась. Ее рвет...

Я поспешно натянула юбку и накинула плащ. Тут надо поспешить.

Чем опасны отравления для беременных? Да потерей ребенка. Или расти он будет плохо, или болезни у него какие будут... у нее сейчас примерно четвертый месяц, но тут надо смотреть чем отравилась, сколько времени прошло...

— Чем она?

Карета тряслась по булыжникам мостовой, я перебирала снадобья в своем саквояже.

Вот этим сразу напоить, вот это от спазмов, вот это успокаивающее... Надо смотреть.

Так сразу я и не скажу, что и как.

— Не знаем. После ужина ей и заглохело.

— После ужина? А что она ела?

— Что господин граф приказал. Супчик куриный, опять же, мясо отварное, пирог с яблоками.

— И все?

— Так вы ж сами, госпожа Ветана...

Я сама. Ну да, дала я кухарке рецепты для беременных, есть такое. Это у крестьянок по-

другому, они и беременеют раз в два года, кабы не раз в год, и рожают часто, и выживает у них каждый третий, а иногда и каждый пятый. Да, бывает.

Но там тяжелый труд от зари до зари, мало денег, работать должны все. А аристократы могут позволить себе заботиться и о своем здоровье, и о здоровье ребенка. Вот и пусть.

А правильное питание — это одно из основных условий развития здорового ребенка. И хороших родов тоже. А то бывает иногда... видела я и такое у аристократок. Деньги ведь есть, вот они и лопают что хотят, когда в тягости. И что хотят, и сколько хотят, а потом по трое суток разродиться не могут, потому как мамаша неповоротливая, а деточка раскормлена до жутких размеров.

Не стоит до такого доводить.

Графиня, кстати, не высказывала недовольства рецептами. У нее были другие поводы.

— А в супчике что плавало?

— Курица. Картошка, моркошка, лучок, чуток зелени Лита положила. Я пробовал — вкусно.

— А больше никто не заболел?

— Нет.

И как это понимать? Специально отравилась? Тогда — чем, как и кто принес яд?

Ничего не понимаю, но на месте разберусь.

'На месте' было весело и интересно. Служанки бегали с грязными мисками и тряпками, несколько человек металось вокруг графини, а ту совершенно неаристократично рвало над очередной посудинкой.

Когда я вошла, на меня даже взгляда не бросили.

Пришлось оглядеться — и по-быстрому выставить всех лишних вон. Остались я, графиня и две служанки. Дождавшись конца спазмов, я присела рядом с женщиной, положила ей руки на виски, вгляделась в глаза.

Зрачки расширены. Тело содрогается от спазмов, это плохо. Если спазмы пойдут ниже, она может попросту скинуть ребенка, а на четвертом месяце это опасно. Не факт, что жива останется.

— Что ты пила?

— Да пошла ты...

И чего еще я могла ожидать?

Графиню начали опять сотрясать сухие спазмы, и я невольно — я не хотела, но так получилось! — выпустила дар из-под контроля.

И тут же вскочила.

— Срочно! Молока сюда! Промыть ей желудок! Воды! В молоко вбить сырые яйца!

Дыхание женщины отдавало чесноком.

Мышьяк?

Но — как!? Откуда!?

А почему она не заметила? Или нарочно!?

Служанки заметались испугнутыми ланями, а я схватила графиню за руки.

— Смотри на меня! Ну!

Глаза в глаза было проще. Пока я связываю ее взглядом, она не заметит другого. Как по моим пальцам, почти незаметные в ярком свете множества ламп, стекают и впитываются в

ее кожу крохотные золотистые искорки.

При отравлении мышьяком возможны судороги. Я не знаю, какая доза яда попала в кровь, я не знаю пока, какие будут последствия, сейчас мне это расскажет дар. Но мне жалко ее ребенка.

Детеныш ведь не виноват, что сделать его у мамы с папой ума хватило, а осознать свою ответственность — нет. Так что я нейтрализую судороги... а потом посмотрим, что делать дальше.

Яд, темного крабом, яд! Где ж ты взяла его и зачем!?

Спустя шесть часов я выползла из спальни графини вымотанная, как будто кирпичи возила.

Майло Варн ждал меня под дверью, и глаза у него были темные и встревоженные.

— Как она?

— Жить будет.

— А...

— Ребенок тоже жить будет. Господин граф дома?

— Да.

— Доложите обо мне. Нам надо поговорить.

Графиня уснула, и спала она крепко. Теперь до утра можно быть спокойной, а вот мне сейчас предстоял неприятный разговор. Очень неприятный.

Граф принял меня в кабинете, сидя за столом. Карие глаза глядели исподлобья,

— Что у нее сейчас случилось, госпожа Ветана? Опять истерика?

— Нет, ваше сиятельство. Мышьяк.

— Что!?

Граф вскочил, как будто его в попу иголкой ткнули.

— Да, ваше сиятельство, — спокойно подтвердила я. — я уверена, что графиня была отравлена мышьяком. Нарочно.

— Н-но...

— Сейчас она почти в порядке, ребенка тоже сохранить удалось, но чудом. Только чудом.

— Почему?

Граф выразился не вполне точно, но я поняла.

— Ей дали большую дозу яда — и это ее спасло. Графиня, слава Сияющему, относится к людям, которых быстро начинает тошнить от плохой пищи. Вот и сейчас... Ее тело отторгло мышьяк, большую его часть, а то, что впиталось... оно, конечно, причинило вред, но меньший, намного меньший, чем могло бы.

Граф медленно положил руки на стол.

— Как можно было дать ей мышьяк?

— Не знаю, — честно призналась я. — Подумайте сами, у него резкий запах и металлический привкус, его можно замаскировать острым соусом, но таких графине не подавали. Она могла съесть его только намеренно.

— Чтобы она его съела, кто-то должен был его принести, — спокойно продолжил мои рассуждения граф. — И передать так, чтобы не заметили слуги.

— Но слуги же не все время при ней?

— Две служанки постоянно.

— И ни одна не ходит в уборную? Они никогда не остаются с ней с глазу на глаз?

Граф прищурился.

— Госпожа Ветана, их четверо. Хотя... допрошу всех, а там разберемся.

Я кивнула.

Может, это был кто-то из тех служанок, которые находились с ней сейчас. А может, другая смена. А сейчас она выпила яд, чтобы не навести подозрения на тех... хотя какое дело графине до служанок?

— Вот что мне с ней делать?

Я пожала плечами. Давать советы я не собиралась, это не мое. Что делать?

Жить, воспитывать ребенка, может, находить общий язык, а может, и нет. Бывает по-разному.

— Если это случится еще раз, я могу и не успеть.

— Я разберусь. Вы останетесь у нас до утра?

Я подумала и кивнула.

— Да, ваше сиятельство. Если вас это не затруднит...

— Скажите Майло, пусть подготовит вам гостевую спальню. А с утра осмотрите госпожу. Пожалуйста.

И вот это 'Пожалуйста' я оценила. Все же лекарка, низшее сословие, да еще и такие вести принесла — могли и палками выгнать.

Не выгнали. И благодарят.

Аристократия.

— Благодарю вас, господин граф.

— И пришлите Майло ко мне, когда он распорядится о комнате для вас.

— Да, господин граф. Вы позволите?

— Да, госпожа Ветана.

Майло я нашла на кухне, где и сообщила ему о распоряжениях господина. Мужчина проникся, что-то скомандовал служанкам, и отправился получать закономерную выволочку.

А я принялась болтать с Литой, которая твердо решила меня накормить на месяц вперед. Хорошо...

Майло отдал распоряжения служанкам, и через полчаса, после плотного ужина, я оказалась в гостевой комнате. Роскошная кровать, цветы — Сияющий! — свежие цветы в вазе, запах пчелиного воска и дорогих духов, уют и спокойствие...

Сложись иначе — и у меня могла быть такая комната. Но — не стоит жалеть о сделанном.

Свобода дороже.

Я погасила лампы и забралась под теплое одеяло. Вытянулась, отбросила длиннющую косу так, чтобы не придавить ее во сне.

Хорошо...

В доме продолжался шум и гам, господин граф тряс служанок на предмет подсунутого супруге мышьяка, а я спала. Если что-то случится, меня позовут. А до утра...

Могу я хотя бы на пару часов расслабиться и вспомнить прежнюю себя?

Хочется...

Утро было уютным и спокойным. У меня нашлось время и принять ванну, и расчесаться как следует, проведя по волосам сто раз густой щеткой, и даже позавтракать. Графиня все еще спала, и жизнь ее была вне опасности.

А вот репутация...

Лита была неизменным источником сплетен.

— Вета, ты слышала? — повариха уже давно обращалась ко мне 'на ты', резонно полагая, что я не обижусь. — господин граф всю ночь лютовал. Оказалось, что у нас одна из служанок сбежала!

— Как!?

— Известно как, бегом и подальше. И было с чего! Говорят, она графиню отравила...

Я хлопнула ресницами.

— Именно эта? А зачем?

— Ох ты ж... Тут такая история, мне Майло все рассказал! А он-то знает!

— Да? Расскажите? Пожалуйста! - я умоляюще сложила руки на груди, и Лита не выдержала. Посплетничать ей хотелось, к тому же она знала, что тайна дальше меня не уйдет, и потому спокойно принялась вываливать сведения.

Вчера вечером, после того, как меня устроили в комнате, господин граф озверел. Майло досталось и за себя, и за всех служанок.

Господин граф приказал позвать их пред свои очи, Майло позвал, но одной служанки не оказалось. Сбежала.

И... не простой служанки, нет.

Личной доверенной служанки госпожи графини. Которую она привезла с собой из отчего дома, которой доверяла больше всех, которая могла входить к графине в любое время дня и ночи.

И теперь она исчезла.

Как следует допросив служанок, господин граф выяснил, что возможность остаться наедине с доверенной служанкой у графини была.

Почему не пресекли? Так никто и не подумал. Господин граф не вникал в эти проблемы, к чему? Служанка — и служанка, суетится — и пусть себе, без нее проблем хватает.

Могла ли госпожа графиня потребовать у нее мышьяк?

Вполне.

Только вот почему служанка ей помогла?

Ведь понимала, что хорошим это не кончится, что могут не спасти ни мать, ни ребенка, что за такое она обязательно угодит в тюрьму...

Госпожа графиня пока не вставала. С ней слуги, так что все в порядке. А почему так произошло? Так кто ж ее знает!?

Говорят... лично Лита не видела, но говорили, что господин граф пару раз лично беседовал с этой служанкой. Но это как раз ничего не значит. Он мужчина видный, жена ему отказывает часто, служанки были не против, да и вознаграждение им перепадало. Колечко или сережки какие...

Насилие?

Да нет, все по доброму согласию, случай был, господину графу служанка понравилась,

он ее и пригласил. А та помолвлена, да и в слезы. Мол, не губите, жениха люблю....

Господин граф ее и пальцем не тронул. И не выгнал. Сейчас-то она, конечно, не работает, дома с детьми сидит, у нее уж второй на руках и третий на подходе. Но — было, Лита точно знала.

А что теперь будет — она и не представляла. Главное, чтобы господин граф жене шею не свернул. Он такой, он может.

Я в этом сильно сомневалась. До рождения ребенка граф точно повременит со сворачиванием шеи, а дальше будет видно.

На кухне меня и нашел Майло Варн.

— Госпожа Ветана, господин граф просил вас зайти к нему.

— Сейчас — или после того, как я осмотрю его жену?

— Сейчас, госпожа Ветана.

Я дожевала вкуснящий омлет, вытерла тарелку кусочком хлеба (могла бы — вылизала бы), и отправилась к господину графу в кабинет.

Сегодня господин граф был не в лучшей форме. Лицо осунулось, под глазами залегли синие круги, но взгляд был холодным и твердым, как у человека, который принял тяжелое решение.

— Доброе утро, госпожа Ветана. Присаживайтесь, пожалуйста.

— Благодарю вас, ваше сиятельство.

Я опустила в кресло и воззрилась на графа. Тот сухо улыбнулся мне в ответ.

— Я хочу, чтобы вы присутствовали при моем разговоре с супругой. Если ей станет плохо...

— Я сделаю все возможное, ваше сиятельство.

— Буду очень признателен, госпожа Ветана. Пойдемте?

— Да, ваше сиятельство.

Госпожа графиня еще спала, поэтому мы сидели у ее постели и ждали. Я разглядывала графа.

М-да.

Если бы меня за такого сговорили....

Я не завидовала, нет. Но было обидно. Меня выдавали за человека, который просто убил бы меня, и поэтому мне пришлось бежать. А эту дуреху сговорили за нормального мужчину, который ее до сих пор и пальцем не тронул за все ее выходки. И она не ценит. Вот почему так?

Кому все, кому ничего?

Сильно подозреваю, что окажись я замужем за господином графом, все бы сложилось иначе. Я бы вела дом, рожала детей, да, и нашла бы время для своего дара. А он бы получил детей, деньги, ну и супругу, с которой всегда можно было бы договориться. А вместо этого криво пошло и у него, и у меня...

Обидно. Просто обидно.

И хочется надавать пощечин его жене. Ее бы выдали замуж за такого, как барон Артау, поглядела б я на нее! Тьфу!

Но вот графиня зашевелилась, приоткрыла глаза, потянулась, потом вспомнила, видимо, о вчерашнем, наткнулась взглядом на меня, на графа... и глаза ее медленно стали злыми и нехорошими. Очень нехорошими...

— Доброе утро, ваше сиятельство. Как вы себя чувствуете?

Пульс у нее был почти идеальным, после вчерашнего.

Меня графиня и взглядом не удостоила.

— Жаль, что твой ублюдок не сдох вчера!

Граф стиснул кулаки так, что я испугалась. Еще немного, и у него бы кости хрустнули.

— Что?

— Я же сказала — жаль. Эта стерва слишком быстро пришла!

Драться графиня не пыталась. Она была наотмашь злыми словами — и у нее получалось. Граф стиснул челюсти так, что в уголках рта образовались беловатые полукружия. И заговорить смог только спустя пару минут.

— Значит, ублюдок. И сдох... Ладно же. Ты специально приняла яд?

— Да.

— Ты понимаешь, что и сама могла умереть?

— И что? Лучше уж умереть, чем с тобой...

— Хорошо же. Госпожа Ветана, последствий для ребенка точно нет?

Для успокоения графа я прослушала живот графини через деревянную трубку, пожала плечами.

— Надеюсь, что обойдется.

— Я не собираюсь тебя удерживать. Сегодня я поговорю с твоими родителями. До родов ты поживешь здесь, под строгим присмотром, чтобы ничего не сделала с собой, потом ребенок родится, ты оставишь его мне — и отправишься к своим родным. Я дам тебе развод — и выходи замуж хоть за своего Айваса, хоть за конюха.

Глаза женщины вспыхнули огнями.

— Ты не врешь?

Граф скривил губы в презрительной гримасе.

— Мое слово. Если вы спокойно родите и отдадите мне ребенка, я не буду вас удерживать или преследовать. Если нет... обещаю. Я вас упрячу не просто в монастырь, я выберу такой, чтобы вы там жили долго. В каменном мешке, без надежды и в молитвах. И распоряжусь специально привозить вам все известия из столицы. Я найду как сделать вашу жизнь невыносимой, я смогу.

Графиня поежилась, но не отступила. А зря. Я бы на ее месте давно под кроватью сидела.

— Я буду свободна?

— Как ветер. Некоторое время женщина размышляла, а потом кивнула.

— Хорошо. Я не буду вредить вашему ублюдку. Пусть живет. Рожу — и вы меня отпускаете.

— Да.

— И снимите домашний арест.

— Нет. До родов ничего не изменится. Я вам не доверяю.

— Да как вы смеете?!

— Почему сбежала Анни?

Я нахмурилась. Видимо, служанка, которая достала мышьяк?

— Чтобы вы не причинили ей вреда.

Граф пожал плечами.

— Я не убиваю женщин, с которыми спал. Но если она сюда вернется, или если просто попадется мне на глаза, жизнь она закончит в тюрьме. Все понятно?

Графиня тряхнула головой.

— Ладно. Я хочу договор.

— Я дал вам слово. Но если вам нужен договор — я его составлю. Подпишем и будем ждать родов. И госпожа Ветана будет вас осматривать и принимать роды.

Графиня пожала плечами. Меня она не слишком жаловала, но ее радовало известие о предстоящей свободе. А может, и счастье с неким Айвасом.

— Пусть так.

— Тогда — всего хорошего.

Граф вышел из спальни. Стукнула дверь.

Графиня разулыбалась, потирая руки. А я смотрела на нее с такой жалостью...

Ну и дура ж вы, госпожа графиня!

Не знаю, что там за Айвас, но упустить такого мужчину, как граф — это хуже, чем глупость. Это непростительная ошибка.

— Утречка доброго, госпожа Ветана.

— И вам не хворать, господин Самир. Что случилось?

— Госпожа Ветана, тут дело такое... вы только не волнуйтесь, ладно?

Убила бы за такие заявки. Неужели людям не понятно, что слова 'только не волнуйтесь' спускают с цепи всех демонов сразу?

— Что случилось?

— Господин Крамар написал на вас донос.

Я где стояла, там и рот раскрыла. И наверное, выглядела так глупо, что господин Самир смягчился.

— Да что вы, госпожа Ветана! Кто ж такому поверит!?

— Какой хоть донос-то? — от неожиданности я заговорила простонародным говорком, которого наслушалась в порту. — Чего он понаписал?

— Уфффф... Да там такое, что на голову и не натянешь, — легко ушел от официального тона господин Самир. — Пишет, что вы человека убили.

— Кого? Когда? От чего я его лечила?

— Ни от чего.

— А как тогда я убила? — я уже искренне растерялась. — Да вы присядьте, что ли? У меня взвар есть малиновый, вареньице, опять же... Будете?

— С удовольствием, госпожа Ветана.

Я разлила взвар, достала варенье, переложила в вазочку, достала хлеб, ложки, мед...

Потом посмотрела, какими глазами господин Самир смотрит на застолье, и потянулась в буфет. Там стоял здоровущий пирог с мясом, который мне сегодня вручил булочник (укус крысы, воспаление, едва ли не гангрена).

— Господин Самир, не побрезгуйте угощением?

Стражник честно поотнекивался целых две минуты — для вида, а потом принял здоровущий кусок пирога на тарелке, и вгрызся в него так, что только за ушами затрещало. Я-то уже дня три ничего не готовила, перебиваясь овощами и плюшками — некогда. Решительно некогда. То одно, то другое...

— Хорошо вы печете, госпожа Ветана.

— Так то не я, булочник наш, господин Гонан.

— А вот к мужчинам подхода не имеете, это точно.

— Почему? — аж растерялась я.

— Другая б на вашем месте печевом расхвасталась....

— А потом бы все и открылось?

— Так мужчина-то уже пришел бы на вкусные плюшки.

Я пожалала плечами. Если врать даже по такому поводу, что же с отношениями будет?

Кончится тем, что люди друг у друга и о погоде не спросят — лжи побоятся.

— Но это дело десятое. Госпожа Ветана, Крамар пишет, что его друг, господин Рем Лорак, к вам в гости собирался, а с той ночи его никто и в живых не видел.

— А я его тоже не видела, — я не врала. Недоговаривала. Когда Лорак меня душил, он стоял за моей спиной, а когда его убили — это тоже не он. Тело. Труп.

— Я так и думал.

— Зачем он вообще ко мне бы собирался в гости?

— Как говорит господин Крамар — его друг хотел пригласить вас честь честью прогуляться по городу.

— Нет. Меня никто не приглашал.

— Так-таки и никто?

— Совсем никто.

Меня ведь и правда не приглашали? Мне просто сообщили, что со мной сделают.

Господин Самир провел пальцем по усам и бросил на меня залихватский взгляд.

— Эх, госпожа Ветана! Будь я лет на десять помоложе, я бы — ух!

Я улыбнулась в ответ. Мне-то хорошо было известно, что господин Самир счастлив в своей семейной жизни, с красавицей женой и четырьмя детьми.

— Да, господин Самир. Я бы точно не устояла.

Совершенно безобидное кокетство. Просто мужчина хотел меня подбодрить, а я сделала вид, что у него все получилось.

— Я скажу десятнику, что ничего вы не знали. А Крамар этот... тварь такая! Не умеешь отказы принимать, так не ухаживай за женщинами.

Я потупилась.

— Так вы знаете?

— Госпожа Ветана, так его с Рудиком в обнимку весь квартал видел. Мне уж давно рассказали. И как он свататься приходил, и что говорил...

— Тогда вы понимаете....

— Да все всё понимают. И десятник наш тоже человек, просто надо ж отреагировать, вот и бегаем.

Я покивала, поулыбалась, честь честью проводила Самира, и улеглась на кровать в спальне. Надо было пару минут полежать, прежде чем работать дальше. В таком состоянии я и снадобья испорчу, и пациентов уморю. Руки дрожали, сердце билось, перед глазами плавали неприятные светящиеся точки...

Как и кого не убеждай, а все же это серьезное испытание для нервов.

Примерно через полчаса я смогла встать, заварить себе успокаивающий отвар и заняться работой, но в глубине души я все равно была расстроена... Вот что за дрянь этот Крамар!?

Сволочь просто!

Уговорить не получилось, сломать не получилось, избить и изнасиловать тоже не

получилось (и как знать, не был ли Крамар инициатором той попытки? Много ли пьяному надо, напомним, как его где-то обидели и бери голыми руками), так теперь стража в ход пошла.

Измотать он меня надеется?

А я все равно не поддамся!

Вот!

Надолго этот визит меня из колеи не выбил, но масла в огонь подбавил Шими. Ровно через два дня после разговора со стражником.

— Теть Вета, — постепенно это обращение сменило официальное 'госпожа Ветана'. Я не возражала. Малек был неглупым, с ловкими пальцами, не боялся крови и вообще — дар бы ему, так лучше б лекаря и не пожелать. Но он и без магии справится. — А меня про вас 'голубок'* расспрашивал.

***- 'голубок' — презрительное название храмовников. Принято у портовой шпаны за символ Храма — белого голубя на шпиле. Прим. авт.**

Я как раз скатывала бинт в тугой рулончик. Прокипятила, просушила, прогладила, теперь скатать, завернуть в кусок ткани и залить воском. И носить с собой для перевязки. Никакая грязь с такого бинта в рану не попадет.

Но этот бинт придется перестирывать.

От слов Шими рулончик выпал у меня из рук и покатился по полу.

— Голубок?

— Холоп...

— Да я поняла. А чего им надо было?

— Не им. Один там был.

— Ну, ему...

— Да я толком и не понял. Мы как раз в Храм ходили, вот и пристал, что пиявка к заднице.

— Шими...

Малек, явно подражая кому-то закатил глаза к небу. Возвел, то есть.

— Хорошо, тетя Вет. Как грязь к ботинку.

— И?

— И про вас расспрашивал. Мол, учусь ли, у кого учусь, чему меня учат, как вы учите, знаете ли травы... Я ничего не понял. Только вы им интересны.

Я кивнула.

Все правильно — именно я и интересна. А расспрашивали Шими для того, чтобы понять не маг ли я. Потому что если я маг...

Мага должны учить именно маги, лекаря — лекари, но где ж нам было мага взять? Чему могла — научилась, силу контролировать, себя сдерживать, лечить ей помаленьку... все равно основной упор делался мной на обычные лекарства. Глупо стрелять из пушки по воробьям, глупо лечить простуду магией. На нее и чая с малиной хватит.

— Если что спросят — ты им рассказывай, понял?

— Вот еще. Я что — колокольчик?*

***- жаргонное 'стукач', 'звонок', 'болтало', доносчик. Очень непрестижно в криминальных кругах Алетара, в них же карается вырыванием языка раскаленными**

щипцами. Прим. авт.

— Шими, — я погрозила пальцем. — Послушай меня. Храм — не та сила, с которой надо бодаться.

— Да поджечь их ночью, и все дела!

— Шими...

И ведь может, если что. Прилетит стрела с огнем, только и ищи. Может, и найдут, если маг огня будет, а могут и не найти. Бывали случаи. Магия — она ведь не всесильна.

Я встряхнулась и принялась отчитывать малька.

— Шими, ты пойми, мне скрывать нечего. Ты со мной ходишь, ты сам все видишь. Что-то запретное я делаю?

Малек помотал головой. Про Угря он не знал.

— Вот видишь? И меня они расспрашивали. Все ж может быть. Может, им лекарь в Храм понадобился, вот и собирают сведения. Так что рассказывай им все честно, я разрешаю.

— Будете толстопузых лечить?

— Если заплатят...

— Когда это они кому чего платили? — со всем презрением портового мальчишки покривился малек. Ему ли не знать...

Храм иногда подбирал детей из трущоб и пытался 'привести их к Свету'. Насколько мне было известно, сбегали эти дети втрое быстрее. И из Храма, и из города, чтобы вновь не попасться. Осуждать любую из сторон я не собиралась, тут у каждого свое.

— Шими, — нажала я голосом, — ты меня понял?

— Да, тетя Вет.

— Тогда расскажи мне, что надо делать при обморожении.

Шими рассказывал, попутно перетирая в ступке сушеные стручки акации, а я размышляла, краем уха слушая его болтовню и поправляя, где надо.

Не успокоились?

Определенно. Мага-то не нашли.

Проверяют меня или всех?

Наверное, всех подряд. А дальше-то что будет?

Страшно, ой как страшно. Но бежать мне нельзя, это как с собакой. Пока не бежишь — не укусит.

Чтоб тому храму пусто было! Твари! Сволочи!

Неужели я не могу жить, как хочу? Не прятаться по углам, не бояться ничего, а свободно и спокойно лечить своим даром, учиться им пользоваться... я ведь понимаю, что сейчас лью ведром там, где из ложки покапать хватило бы! И не могу иначе!

Просто я самоучка.

Некому меня учить, некому...

А сколько пользы могли бы принести маги жизни, если бы из них не сделали дойных коров?

Ладно! Подумаю об этом позже.

И я вернулась к дрессировке Шими. Пользы от него все же больше, чем вреда, так что пусть работает.

Когда в дверь дома что есть силы заколотили кулаком, я даже не испугалась. Привыкла.
— Госпожа Ветана! Помогите!

Узнать Угренка, который помог мне с Лораком, было мудрено.

Весь в крови, морда ободрана, словно по ней чем тяжелым приложились, а что не ободрано, то темной краской вымазано, чтобы в ночи белым не светить, рука подозрительно висит плетью, сам хромает, рубаха в клочья, вода капает...

Да, сколько веревочке не виться, а петельке быть.

— Что случилось?

— Госпожа Ветана... не гоните. Пожалуйста.

— Да не погоню, — махнула я рукой. — Садитесь, сейчас лечить буду. Так случилось-то что?

— Госпожа Ветана, у меня отец и брат... Стража нас встретила.

— Обоих? Насмерть?

Судя по взгляду Угренка — увы.

— Ладно.

Я прикинула, что надо сделать, вздохнула и полезла в шкаф. Достала оттуда здоровущую рубаху, купленную по случаю у старьевщика (хотела на полоски бинтов распустить), достала из шкафа бутыл с выморозками, наполнила стакан.

— Пей. Не то свалишься.

— Не поведет меня?

— Закусить дам. Рубаху надо разрезать, у тебя плечо, кажется, выбито...

— Это я о скалу.

— Я сейчас плечом займусь, а ты Расскажи, что случилось.

— Предательство. Мне и здесь опасно оставаться, я бы ушел, но некуда.

— В таком состоянии ты раньше свалишься. Какое уж тут ходить?

Я вооружилась ножницами и принялась спарывать с мужчины остатки рубахи.

Угренок залпом, как воду, хватил стакан с выморозками, даже не поморщившись.

— Плохо сегодня ночью вышло. Очень плохо...

Я слушала краем уха, ощупывая плечо.

Вывих, так и есть. Хорошо если связки не разорваны... нет, вроде бы нет. Но больно мужику будет...

Угорь-младший тем временем исповедался, как на допросе.

Контрабандисты и есть контрабандисты. Добыча жемчуга выглядит примерно так. Ночью взять лодку и идти к жемчужным отмелям. Там же...

Кто-то может понырять за жемчугом, а потом уплыть обратно. Угорь действовал по-другому. Он договорился с теми, у кого жемчуг был официальным промыслом. По одной, по две жемчужины, они утаивали их от чиновника, приставленного к ныряльщикам, а потом складывали и когда накапливалось штук сто — передавали Угрю. Да, ночью.

Да, в море.

В условленном месте оставляли сверток с жемчугом, а взамен забирали такой же сверток, но с приятными золотыми монетками. Конечно, не полная цена, но и не казенная.

Королю это не нравилось, и ночью в тех местах крейсировали лодки морской стражи. Обычно Угорь как-то расходился с ними, но в этот раз мужчине не повезло.

Их заметили, бросились в погоню...

Одного из угренят положили почти сразу, из арбалета. Угорь понял, что шансов почти нет и пошел на жуткий риск — направил лодку на рифы. В прилив он знал местечко, где можно было проскочить.

В этот раз не получилось. То ли прилив еще не набрал силу, то ли две стрелы помешали... одним словом лодка наткнулась на рифы. Угорь и второй угренок ушли под воду.

Не выбрался бы ни один, если бы не повезло. Лодка разлетелась на доски, в одну из них мертвой хваткой и вцепился Угренок, другой рукой придерживая отца.

Тело брата?

Знать бы, где оно сейчас. Море выбросит, если пожелает. А нет...

Не он первый ушел в море. И точно не он — последний.

Угорь-старший быстро терял силы, просил сына бросить его, но парня заклинило. Он только что не зубами вцепился в доску и держался. И греб, как мог. Рука?

Жить захочешь — еще не так раскорячишься. Он и не ощутил в запале-то. Это уж потом, когда на сушу выбрался, отца вытащил, там и накрыло...

На этом месте мужчина взвыл, потому что я что есть силы дернула его руку, возвращая сустав на место.

— Твою мать!!!

Я кивнула.

Тяжело, конечно, но я справилась.

— Ну-ка рукой двинь?

Угренок послушно пошевелил пострадавшей конечностью.

— Болит.

— И болеть будет. Но хотя бы сустав я на место поставила. Потерпи, раны хотя бы первично обработаю... Кстати, а почему ты пришел сюда?

— А куда я еще мог прийти?

— Почему не в потайное убежище? Вы же меня туда приводили, нет?

— Побоялся.

— Чего? Стражи? Предательства? Чего побоялся?

Вопрос был более чем актуален. За пособничество контрабандистам кое-что нехорошее полагалось. Не отболтаюсь. Даже если простое лечение, все равно могут быть неприятности.

— Понимаешь, — изрядно захмелевший угренок опустил глаза. — Мы про тебя справки навели. Ты девка хорошая, неглупая, ну и... понадеялся, что за стражей не побежишь. Сама видишь, в каком я состоянии. А кто кроме тебя справится?

— Да любой лекарь.

— Э, нет. Что ты ни говори, а руки у тебя золотые. Что отца ты на ноги поставила, что Литу... Ты не думай, мне бы денек отлежаться, а потом я найду куда убраться, к Лите переберусь. Найду где отлежаться, тебя не подставляю.

Я залила выморозкой очередную рану.

— Сейчас ты что от меня хочешь?

— Денек у тебя отлежаться можно? До завтрашней ночи, сегодня мне уж поздно куда-то идти, любой остановит.

Это верно, вид у угренка был крайне предосудительный. Потрепанный настолько, что даже страшно становилось. Тут и вывих, и ребра, и рваная рана на ноге, и лицо... не то, что первый стражник, а вообще любой встречный разорется.

— А твой отец?

— Я тело в пещеру оттащил. Даст Светлый, не найдут. Выживу, выберусь — похороню батю как положено. Нет... Полежит, не обидится. Он бы меня понял.

Я кивнула.

— Если тебя здесь найдут, мне будет плохо. Очень плохо.

— Думаешь, я не понимаю? Я заплачу.

— Это само собой, расценки ты знаешь. Просто где тебя прятать?

— А подвал тут есть? Я до завтра могу там перележать.

Подвал?

Почему бы нет. Погреб есть, только вот...

— Там холодно, а ты не в том состоянии.

— Авось, не сдохну. И... это. Ты не говори никому про меня? Ладно?

— И Лите тоже?

— Пока не узнаю, кто донес — молчи.

— Все же — донос?

— Ты видишь, ночь какая?

Я видела. Дождь, ветер, гадская погода.

— По такой погоде они и носа не покажут в море, а сегодня ждали. Определенно, ждали.

— А кто знал?

— Ну, кое-кто знал определенно. И все ведь доверенные лица.

— А про меня кто знал?

— Лита.

— Ей ты доверяешь.

— Она отца любит. Как умеет, но все-таки...

Я пожалала плечами. Любовь — это очень странный предмет. Вроде он есть, а вроде и нет. В чем ее измерить и как проверить?

— Ты не думай, мы про тебя знали вдвоем — и Лита. Такое абы кому не доверишь. Свой лекарь — это дело нужное, хорошее...

Особенно я угренку не верила. Пока, может, они и молчали. Ждали, когда я покрепче запутаюсь. Хотя и так... куда уж крепче?

— Вот и проверим. Только учти — если умолчал, сам же и пострадаешь. Первым.

— Не дурак, понимаю.

— Понимает он... Зовут-то тебя как?

— Лорт.

— Ладно, Лорт. История такая. Ложись в той комнате, она у меня для больных и предназначена. Будем из тебя делать пострадавшего, но в пьяной драке.

Руки чесались направить угренка куда подальше. Не направила по двум соображениям.

Первое — он меня все-таки спас. Тогда, от Лорака. С меня должок, отдавать надо.

Второе — куда он сейчас пойдет? Хорошо, если не попадется, а если стража его сцапает? Кто раны обрабатывал? Ах, такая-то? А что вас связывает? Выпотрошат, что ту селедку, под пыткой и не такие герои ломались.

И лечить мне каторжников до скончания дней. А не хочется...

И дело не в лечении, на каторге такие же люди, а просто — на свободе приятнее.

— Домик у меня маленький, погреб не подойдет...

— Да я могу в погребе. Мне бы еще вот это куда спрятать!

Я выругалась от всей души. 'Вот этим' оказался небольшой сверток

— Монеты?

— Жемчуг.

— Твою мать!

Если его здесь найдут — это будет приговор. Почему его не спрятали там же, где тело старшего угря? Вернуться не надеялись?

— Мало ли как получится. Все ж пещерка, прятать там особо негде. Если с собаками общарят, отца могут и найти, а жемчуг терять не хочется. Родные за него жизнями заплатили.

А еще если удирать отсюда, то лучше не с пустыми руками. Чтобы обосноваться на новом месте, купить кораблик, втянуться в новую жизнь... схрон у Угря наверняка был, но с жемчугом-то лучше?

А вот где мне его спрятать?

Да тоже на виду.

Я усмехнулась.

— Есть у меня одна идея. Прятаться будем на самом виду, но придется потерпеть.

— Потерплю. А что именно?

— И краску, и сказку, — неуклюже срифмовала я.

Сначала мужчина слушал с негодованием. Потом призадумался. А потом и рукой махнул — мол, пусть так! Делайте, госпожа Ветана!

Я и сделала.

Шими явился с раннего утра и сунулся в комнатку, где у меня отлеживались больные.

— Опа! Теть Вет, а кто это?

— Мое ночное приключение, — я улыбнулась. — Называется, дошла домой.

Верно, вчера я ходила по вызову к одной милой даме шестидесяти лет от роду. Та была здорова, как акула, но жаловаться обожала. А любого, кто посмел бы усомниться в ее болячках, сожрала бы не глядя. Позвали меня уже к вечеру, так что Шими не присутствовал.

— И иду я мимо 'Зеленой козы', а там, как водится, драка. И вот это в канаве валяется, о помощи просит, да жалобно так...

Таверна 'Зеленая коза' была выбрана по нескольким причинам. Она находилась достаточно недалеко, и славилась тем, что там безбожно разбавляли вино то выморозками, то настоящим дурман-травки, после чего люди и имени-то своего иногда не помнили. А уж с кем спали, гуляли, дрались и сколько денег было в кошельке — тем более.

— И валялся бы, — буркнул Шими. — Ничего бы с ним не случилось.

— Будешь так думать — никогда хорошим лекарем не станешь. Наше дело помогать людям. А уж по канавам ты себе больных найдешь, или по дворцам... я вот для второго титулом не вышла, понимать надо.

Шими фыркнул, но спорить не стал.

— А что с ним?

— Судя по ранам — бутылкой по башке приложили и ногами попинали.

Рану я изобразила. Рассечь кожу на голове в нужном месте — несложно. Россыпь синяков тоже была подходящая, на синяке ж не написано, о риф его набили, или об забор... Кое-где я порезы зашила, кое-где добавила, и общее впечатление получалось неплохим.

Кабацкая драка, бывает. Иных и вперед ногами выносили после такого.

В глаза угренку закапали белладонну, и теперь он дико косился по сторонам расширенными зрачками.

— У него и сотрясение мозга, да?

— Были б мозги, было б сотрясение, — ответила я Шими. — Ты попробуй, пульс у него посчитай, повреждения осмотри, мне потом расскажешь. Понял?

— Понял.

Больше мне ничего в голову не пришло. Вариант с ревнивым мужем пришлось отставить, нет на примете подходящей семьи. А пьяная драка, да в 'Зеленой козе'?

Там по-моему только один день драк и не было, когда король умер и все трактиры позакрывались. А в остальное время — ни дня без драки, ни дня без шума. За объяснение сойдет, а так... авось сильно меня трясти и не станут? Вдруг да повезет?

Стража явилась после полудня, когда Шими уже удрал домой, а я сидела у окошка и ради разнообразия вышивала бисером. Да, есть у меня и такое увлечение. Тяжко, конечно, но иногда хочется. Успокаивает.

Делается это так.

Сначала наносится рисунок, потом вышивается канва, а потом уже по вышитому принимаешься расшивать бисером, осторожно, не залезая за границы. Нитку в иголку, проткнуть ткань, снять иголку, надеть на нитку бисерину или бусину, опять вдеть нитку в иголку — и опять проткнуть ткань. И все сначала.

Мастерицы, которые всю жизнь вышивают бисером, очень быстро слепнут. Мне это вряд ли угрожает, маги жизни вообще своим здоровьем славятся. Но занятие это монотонное, спокойное, и даже усыпляющее. Так что вышивку я делала уже с полгода, и слишком далеко не продвинулась.

Господин Самир сегодня был не один, а с напарником. Вошел, как полагается, ноги отряхнул, поздоровался, я тоже пожелала здоровья и уставилась с интересом.

— Что случилось?

— Госпожа Ветана, а вы одна?

— Нет. Больной, вон, лежит. Подрался вчера в 'Зеленой козе', теперь встать не может.

— А поглядеть на него можно?

— Только ноги оботрите, мужику и так досталось. Ему еще грязи в раны не хватало.

— Раны? — сделал стойку второй стражник.

— Его бутылкой по башке огрели, и по-моему, об забор потрепали. Точнее сказать не могу. Стекло в ране на голове точно было, остальное... хотите — сами посмотрите, я бинты сниму.

Стражники покивали и послушно вытерев ноги, прошли внутрь.

Через минуту из комнаты донесся слабый голос угренка, который рассказывал ту же версию.

Улов отметил. Так-то он добропорядочный рыбак, ну, решил выпить. Хотел денек

отдохнуть от работенки, шпорм же еще идет?

Идет, а то ж! Он такие вещи понимает, за рыбой в море не выйдешь, можешь сам ей на корм попасть. Перевернется лодка, и поминай, как звали.

Выпил.

Теперь в море еще краб знает сколько не попасть.

С кем пил, кто бил... краб его знает!

Контрабанда? Да в жизни не промышлял, не был, не видел, не слышал!

Если подумать? Тоже нет? А если очень подумать? Пока не помогли?

Ну... сбывал пару раз рыбку налево, так все делают. Хотя раз в жизни, да оскоромятся. Знаю, плохо, а все ж казной сыт не будешь! Да и Логан, падла такая, в порту свои порядки заводил, а делиться не хотелось. В меру надо чешую с рыбки драть, в меру! Нет Логана? Так нигде не записано, что новый лучше, все они на один хвост. Селедочный.

Раны?

Да смотрите! Не жалко!

Угренку по имени Лорт крупно повезло. Арбалетные болты в него не втыкались, а остальные синяки и ссадины можно было трактовать двояко. Таких и по городу немало, арестовать всех, на ком синяки нашли — дело гиблое.

Я аккуратно сняла бинты, потом опять их наложила. Черную краску с Лорта мы еще ночью смыли, одежду я покромсала на полоски бинтов (между нами, все равно она больше ни на что не годилась, а новую я ему у старьевщика куплю, или Лита принесет), и сейчас они кипятились в большом котле на огне, а остальное...

Авось да и сойдет? Если с пристрастием допрашивать не будут? Но у меня репутация неплохая, у угренка, видимо, тоже, а всех побитых и потрепанных по Алетару не допросишь... Не хватит ни времени, ни стражников.

Угадала я точно. Через час стражники оставили мой дом. Оставили бы и раньше, но я предложила им пообедать. По случаю постояльца, у меня на обед было мясо с фасолью и бульон. Технология несложная. Варится бульон, мясо вынимается и тушится с овощами и приправами. Получается вкусно. Стражники умяли по здоровущей миске и поделились последними сплетнями.

Вроде как скинули морским наводку на Угря, но те опять все ушами прохлопали, даже не могут сказать, сколько их было. Двое? Трое? Пятеро?

Краб их знает!

Ни тел, ни лодки, так, щепки на берегу собрали. И вроде как, выбрался кто-то, но кто? Сколько?

Вот и проверяют всех лекарей, но и так понятно, что никого не найдут. Всех лекарей, все дома, обошли желтый город и рыбацьи слободки, но... дело ясное, что дело гиблое!

Столько уже побитых нашли, что если всех арестовать — тюрем не хватит! С рыбаками тоже сложно, кто в море, кто по кабакам — никто ж не будет ждать стражу у себя дома? Одним словом — сразу не поймали, так теперь и не найдут.

Нас с угренком этот факт обрадовал, но до ночи мне придется еще потерпеть его общество.

Жемчуг?

А жемчуг честь честью лежал в коробке с бисером. Кто его там заметит среди прочего

разноцветья?

В погребке Угреньку посидеть все равно пришлось. После обеда.

Повезло — от нечего делать глядящий в окно мужчина заметил идущую по улице литу и молнией метнулся ко мне.

— Ветана! Помоги!

Я выслушала что от меня требовалось, и аккуратно прикрыла за мужчиной крышку погреба. Лита робко поскреблась в дверь.

— Госпожа Ветана! День добрый!

— И тебе доброго дня, - улыбнулась я. Выглядела проститутка гораздо лучше. Все синяки и ссадины сошли, на лице вновь играл румянец, глаза блестели, а волосы были растрепаны ветром. Только вот блестели ее глаза не от радости, а от тревоги.

— Госпожа Ветана... они к вам не приходили?

Я покачала головой.

Они — не приходили. Он. Один. Но Лита ведь не уточняла?

Проститутка без приглашения уселась на скамью.

— Госпожа Ветана, я волнуюсь. Они вчера не вернулись...

— Ремесло такое, — я пожала плечами, продолжая раскатывать тесто на лепешки. Тут главное не раскатать их слишком тонко — не поднимутся, и не оставить слишком толстыми — не пропекутся. Работа требовала внимания, и я не слишком смотрела на собеседницу.

— Стража кого-то ищет...

— Ко мне тоже заходили. Искали контрабандистов, но никого не нашли.

— Ф-фууу...

Лита была лихорадочно бледной, но на щеках цвели два алых пятна.

— Госпожа Ветана, не откажите! Если появятся... хоть словечко, хоть что! Прошу вас!

— Если объявятся — скажу, — согласилась я. — Что-то серьезное?

— Да. Мне кажется, я в тягости.

Я прищурилась.

— От...

— Да. От него, я точно знаю. Это случилось, когда я отлеживалась, ну... после того. Вы поняли. Я ведь тогда работать не могла... а он меня пожалел, он единственный, кто умел жалеть так, что не хотелось ему глаза выцарапать!

Читай — от Угря ребенок.

— Осмотреть тебя? Чтобы ты была спокойна?

— Да, госпожа Ветана. Если не в тягость...

— Лита, — поморщилась я. — Если хочешь здорового ребенка, изволь регулярно посещать лекаря. Какая тягость, ты о чем?

Женщина действительно была беременна, срок — что-то около месяца, точнее я сейчас не сказала бы. Судя по состоянию женщины — все с ними обоими в порядке. Но на всякий случай...

— Старайся больше двигаться, если получится — постарайся не работать.

— Обещаю.

— Ешь побольше овощей, фруктов, лучше все отварное или тушеное, на жирное и соленое не налегай, особенно на последнее. Есть возможность?

— Есть.

— Постарайся не волноваться. Все будет хорошо, обещаю.

Все хорошо уже не будет. Потому что Угорь лежит в какой-то пещере и один из его сыновей плавает в море. Но...

У ребенка и его матери еще есть шанс. Если второй из угренят сделает все правильно.

Это я и сказала мужчине, когда ушла Лита, а он вылез из подвала.

— Ты понимаешь, что это — твой брат или сестра?

— Понимаю. Вот что делать теперь...

Даже самые лучшие из мужчин теряются от таких известий. Я погладила Лорта по плечу.

— Как ты думаешь, твой отец признал бы ребенка?

— Да. Обязательно.

— Значит, теперь за него это обязан сделать ты.

— Но я же Литу не люблю?

— А этого и не требуется. Переезжайте в другое место, назовитесь сыном и мачехой и воспитывайте вашего братика или сестренку.

— А...

— Промысел придется бросить, сам понимаешь. Ребенку отец нужен и опора. Ваш отец, вот...

— Он нас с детства учил. Семейное ремесло ведь...

— Вот и подумай, хочешь ли ты его продолжать? Или все-таки предпочесть спокойную жизнь? Купить кораблик, ходить вдоль побережья... не так опасно, но достаточно выгодно, а главное — позволит тебе обзавестись семьей, детьми... нажито ведь достаточно?

Угренок усмехнулся.

— Это верно.

— Ты же молодой, влюбишься, детей захочешь... каково им будет узнать, что отец под плети попал или на каторгу? Случись что?

Я моросила и моросила, опутывая парня десятками доводов, как хитрый паучок неосторожную муху. И видела, что часть их достигает разума Лорта. Может, что и усвоится? И применится?

И вновь я преследовала свои цели.

Если Лорт продолжит свой промысел, то рано или поздно попадется, и потянет за собой меня. Сегодня чудом обошлось! Если же откажется...

Уедут из Алетара, будут воспитывать ребенка, а там что Бог пошлет. Стоит попробовать?

Вечером, провожая Лорта, я складывала пальцы в символ удачи. Пусть поможет ему Светлый и смилуетя Темный. И над ним, и надо мной.

— Госпожа Ветана, моя госпожа, маркиза Террен, желает, чтобы вы ее осмотрели.

Я удивленно подняла брови, глядя на стоящего передо мной слугу. Этакий эталонный образец. Высокий рост, золоченная ливрея, мужественное лицо — и абсолютное презрение ко всем, кто ниже маркизы. Высокомерия — хоть ложкой ешь!

— Хм-м...

— Госпожа маркиза прислала за вами карету.

И звучало это так...

Судя по тону слуги и его взгляду, мне надо было простереться ниц перед слугой, выражая свою высочайшую благодарность, раскланяться перед каретой, потом облобызать копыто коня и прицепиться сзади, не рискуя осквернить чистоту бордовых подушек своим неаристократическим... эээ... тылом. Вместо этого я вежливо кивнула.

— Подождите минут десять за дверью. Процежу настойку и поедем.

Какое ж удивление отразилось на лице несчастного.

Я!?

Не еду с ним!?

Не влетаю в карету с радостным воплем: 'Дождалась! Оценили!!!'?

Слуга закашлялся.

— Боюсь, вы не понимаете.

— Маркиза при смерти?

Я по каплям вливала настойку в марлю. Раз уж достала из погреба, надо процедить, да убрать. А то куда это годится — половина в бутылке, половина в миске, да и стол весь заляпан...

Это я рукой дернула при появлении лакея.

Стоит ли упоминать, что постучаться нахал и не подумал? Пинком дверь распахнул.

— Нет!!! Упаси Светлый!!!

— А что с ней?

— Я не уполномочен обсуждать дела ее сиятельства с посторонними людьми.

Сказано было увесисто. Душевно так сказано. Я пожала плечами.

— И не обсуждайте. Ждите за дверью.

— Госпожа маркиза сказала — привезти немедленно...

— Если она может говорить, то точно не помирает. За дверь! — Рыкнула я.

Не подействовало.

— Я. Кому. Сказала. За. Дверь!

Последние слова я почти прорычала. Мне!

Какой-то холуй указывать будет?!

Свободная рука мягко легла на большой столовый нож.

Лакей побледнел и попятился.

— Я... это... подожду.

— Вон!

Дверь захлопнулась. Минутой позже в ней затрепетал нож.

Не стоит удивляться, все ножи у меня отлично наточены, дядюшка Дрим, местный точильщик, захаживает ко мне каждый раз, как проходит по улице. Кстати, настой из лимона и чеснока как раз и для него. У бедняги ноги болят, да и спина шалит. Надо бы еще компрессы для него изготовить...

Так что воткнулся нож хорошо. А что я в дверь попала... так в дверь же и целилась, не в холуя. Авось, следующий раз умнее будет!

Есть такая категория людей, которые преклоняются перед деньгами и титулом. И где уж им понять, что у человека может быть и чувство собственного достоинства? Особенно если он за месяц тратит меньше, чем маркиза за один раз на перчатки?

А ведь у меня тоже могли быть слуги. Если бы мой отец сговорился с кем-то другим, а не с Артау...

Мысли не мешали мне процеживать настой и сливать его в большую бутылку зеленого стекла. Наконец я закончила, вымыла миску, сполоснула марлю, через которую цедила, тщательно вымыла руки, потерла между пальцами кусочек лимонной кожуры. Поправила перед зеркалом волосы, платье...

Я готова.

Лакей одарил меня негодующим взглядом, но я даже не обратила на это внимания. Вскинула брови, когда он замер у кареты, не думая ни подать мне руку, ни открыть дверцу.

— У маркизы Террен так плохо выучены слуги?

Вопрос в пространство, словно никакого лакея тут и нет. На лице надменное безразличие.

Я — имею право!

Вот это лакей и почувствовал в моем голосе. Дернулся, словно его в зад укусили, распахнул передо мной дверцу и даже поклонился, привычно подавая руку.

Я так же привычно коснулась ее двумя пальцами. Жаль, перчаток нет. Сейчас бы стянуть одну, уронить в грязь под колеса...

Не будем переигрывать.

Вместо этого я царственно кивнула несчастному холую. Тот еще раз дернулся, захлопнул дверцу кареты, и вскочил сзади на козлы. Карета тронулась.

Я откинулась на подушки.

Что-то приобретаю я известность среди высших сословий. А хорошо это или плохо?

Не знаю, но мне это не нравится.

Сама маркиза оказалась милой светловолосой особой лет двадцати пяти. Большие голубые глаза, миленькое личико из тех, что не впечатываются в память, растерянная улыбка.

— Госпожа Ветана...

— Госпожа маркиза Террен?

— Да. Мне вас рекомендовала Алис Верандуа.

Я кивнула.

— Надеюсь, с молодым бароном все в порядке?

— О, да. Его устроили в гвардию, и герцог Моринар строго следит, чтобы мальчишка не ввязывался в неприятности. Алис очень довольна. И вами тоже...

Да уж надеюсь. И хорошо, что у Криталья все в порядке. Мальчишка же!

Сопляк!

Я поощрительно улыбнулась, мол, танцы кончились, переходим к делу?

— Я рада, что баронесса такого хорошего мнения обо мне. Чем я могу вам помочь?

Маркиза чуть посопела и решилась.

— Пройдемте в мою спальню, госпожа Ветана. Надеюсь мне не надо напоминать о сохранении тайны?

— Могу дать клятву в Храме.

Маркиза кивнула.

— Может быть. Пойдемте.

В спальне, оформленной в белых и голубых тонах, маркиза смотрелась просто идеально. Здесь она на своем месте. А вот я...

Клякса на ковре, иначе и не скажешь.

Я бы взяла глубокий вишневый цвет, разбавила его кремовым и серебристым, но то — я. А маркизе здесь хорошо.

Маркиза уселась на кровать, кивнув мне на кресло. Несколько минут она молчала, а потом...

— Госпожа Ветана, я беременна.

Я промолчала. Видимо, это не все новости?

— Мне нужно избавиться от ребенка.

— Почему?

— Мой муж... он... у него возраст! Ему уже глубоко за семьдесят! И у нас уже полгода ничего не было! Вы понимаете...

Я поняла.

— Срок какой?

— Второй месяц.

— Мне надо вас осмотреть.

Маркиза покраснела, но после недолгих уговоров, согласилась на осмотр. И я потихоньку призвала свою силу.

М-да...

Результаты меня не порадовали. Я помогла маркизе привести себя в порядок, оправила юбки и без обвиняков заявила:

— Госпожа маркиза, вам не стоит этого делать.

— То есть?!

Женщина, было, сверкнула глазами, но вспомнила, что козыри тут у меня, и опустила голову.

— Вы не можете избавиться от ребенка, потому что ваше тело еще не вполне созрело. Вы не наполнились силой для вынашивания и родов, но зачатие все же произошло. Если сейчас избавить вас от ребенка, вы можете вообще потом не зачать и не родить.

— Но... травки?

— То же самое. Еще раз повторяю — вы можете потом вообще никогда не иметь детей.

Угроза подействовала. Маркиза поглядела на меня.

— Неужели ничего нельзя сделать?

Я подумала пару минут. Вообще, можно. Но... стоит ли? Я встала из кресла, прошлась по комнате, маркиза наблюдала за мной блестящими от слез глазами.

— Отец ребенка похож на вашего мужа?

— Не знаю...

У меня рот открылся сам собой. Это как — в темноте? Или глаза завязали? Люблю того, не знаю кого?

Маркиза посмотрела на меня, и вдруг улыбнулась.

— Просто...

— У нас гости, дорогая?

В спальню маркизы вполз... видимо, это и был е муж.

Что тут скажешь?

Кажется, мне перестали нравиться браки по расчету. Самое подходящее определение

для маркиза было: 'стручок высохший'. В молодости он, видимо, тоже не отличался ростом, но может, хоть стать была. А в старости...

Мышцы иссохли, зато добавилась седина и морщины. Согнулась спина, потускнели глаза...

Я уважаю старость, но представить этого человека в постели с маркизой было... оскорбительно.

Я медленно поднялась и присела в реверансе.

— Для меня честь видеть вас, ваше сиятельство.

И не поднимала голову, пока не услышала поощряющего:

— Встаньте, девушка. Кто вы?

— Лекарка, ваше сиятельство.

— Лекарка? Вы больны, дорогая?

В голосе мужчины прозвучало подозрение. Но прежде, чем маркиз спросил, не стоит ли воспользоваться услугами другого лекаря, маркиза сама пошла в атаку.

— Госпожу Ветану рекомендовала баронесса Верандуа. Это очень достойная особа.

— Вы так молоды, девушка...

И чего мне стоило смолчать? Хотя на языке так и вертелось, что годы — не признак ума?

— Итак?

Я приняла это за разрешение говорить.

— Ваше сиятельство, госпожа маркиза позвала меня по очень личному поводу.

— У моей жены не бывает поводов, о которых я не знаю.

Я опустила глаза. Маркиза кивнула, словно разрешая.

— Говорите, госпожа Ветана. У меня нет секретов от мужа.

— Госпожа маркиза мечтает о наследнике. О сыне, который был бы похож на вас. И просила у меня средство, чтобы забеременеть.

Маркиз усмехнулся.

— Что ж... похвально. Я бы тоже этого хотел. Вы можете что-либо рекомендовать, девушка?

Я подумала пару минут.

— Ваше сиятельство, если вы не побрезгуете поговорить со мной, я бы хотела знать точнее, почему не происходит зачатие. И может быть...

Маркиз пожал плечами с потрясающим безразличием.

— Что ж, вы неплохо воспитаны для низшего сословия. Дорогая, распорядись. Пусть госпожу лекарку проводят в мой кабинет, после вашего разговора.

Я стиснула сукно платья так, что оно едва не порвалось. И снова склонилась в поклоне.

— Благодарю за оказанную мне честь, ваше сиятельство.

Маркиз потрепал меня по щечке и удалился. А я впилась взглядом в женщину.

— Ну?

Маркиза осела в кресло такая бледная, что я испугалась и за нее, и за ребенка. Коснулась запястья.

Пульс частил, глаза закатывались...

Пришлось влить в нее несколько ложек вытяжки валерианового корня. Женщина успокоилась, задышала чуть ровнее.

— Благодарю...

— Дышите ровно. Вы не только за себя отвечаете.

— Д-да... вы поняли?

— Давно вы женаты?

— Два года. Собственно, у моих родителей не было денег, а маркиз богат. И у него нет наследника. Существует поверье, что девственница... вы знаете?

Знала. Поверий про кровь девственницы — прорва.

Кровью девственницы лечат кучу половых болезней.

Кровь девственницы способна дарить молодость.

Если смешать кровь девственницы с кровью черной кошки и настойкой полыни на кладбище, то можно вызвать демона.

И еще куча подобных поверий. В том числе и то, что кровь девственницы способна восстанавливать потенцию, а если бессильный мужчина хочет зачать потомка, то его семя может прорасти только в лоне девственницы.

Так что я кивнула.

— Маркиз старше вас...

— Его наследник сложил голову на дуэли. И маркиз женился на мне.

Угу. И умирать не хочет, а наследника сделать не может. А что в такой ситуации делает бедная девушка?

Ждет смерти мужа. Или находит любовника. Маркиза, вот, нашла. На свою голову.

Я задумалась.

— Ваше сиятельство, а как насчет господина маркиза? Если он будет убежден, что ребенок его?

Маркиза порывисто схватила меня за руку.

— Госпожа Ветана. Вы... можете?

Могу ли я?

Есть такое полезное животное — шпанская мушка называется. С его помощью кто хочешь сможет, только вот не окажется ли это смертельным для маркиза? Возраст-то уже не юношеский, а этот настой и на сердце действует, и почки сажает, и...

Да проще перечислить, что он НЕ сажает.

— Срок небольшой, так что... дайте мне время до послезавтра. Я сейчас поговорю с господином маркизом, и если он разрешит мне приходить...

— Да, прошу вас. Госпожа Ветана, вы же меня не бросите?

Возможно, маркиза играла. Даже наверняка. Но... мне стало ее жалко. Я как представила себя в постели с такой вот мумией...

Пришлось отправляться к господину маркизу.

Тот ждал меня в кабинете и даже головы не поднял, когда я вошла. Хотя слуга объявлял о моем приходе и получил согласие. Ладно, переживем!

Ждать пришлось недолго, минуты три, потом маркиз поднял голову и пристально взглянул на меня.

— Вас рекомендовала баронесса Верандуа, мой давний друг.

Я молча поклонилась.

— Вы лечили ее сына?

Еще один поклон.

— Что случилось с мальчиком?

— Не могу сказать, ваше сиятельство.

— Почему же? Он мне не чужой человек, я его с детства знаю.

— Клятву принесла, ваше сиятельство.

Маркиз кивнул.

— Дайте, угадаю. Он подрался на дуэли?

— Не могу сказать, ваше сиятельство.

Я повторяла одно и то же, словно ученый дрозд, отлично понимая, что язык только распусти. Но спустя полчаса маркиз прекратил трепать меня, и удовлетворенно кивнул.

— Похвально, очень похвально. Я и не думал, что в вашем сословии встречаются столь достойно воспитанные особы.

И вновь поклон. Мол, благодарствую, но что сказать — не знаю. Потому и молчу.

А что тут скажешь? Что по рождению я немногим ниже вас, господин маркиз?

Увы...

Молчание и только молчание.

Маркиз рас сматривал меня еще несколько минут, а потом одобрительно улыбнулся.

— Госпожа Ветана, вы же понимаете, что я также потребу ю клятву в Храме?

— Да, ваше сиятельство.

— Тогда поговорим откровенно. С ребенком все в порядке?

Я захлопала глазами, да так явно, что маркиз улыбнулся.

— Вы же не думаете, что в моем доме что-то может пройти мимо меня? Я прекрасно знаю, что госпожа маркиза беременна.

Я продолжала разыгрывать из себя рыбу окуня. Рот сам собой открывался и закрывался, глаза хлопали.

— Н-но... ваша светлость...

— У меня нет наследника, и сделать я его не смогу. Дай Бог — дожить до той поры, когда он будет самостоятельным. Поэтому...

Я кивнула, понимая мужчину. Да, не позавидуешь. Остаться в преклонном возрасте без наследника, это тяжело.

— Мне потребуются ваши услуги и для жены, и для меня. Жена о нашем разговоре знать не должна. Скажете ей, что я потребовал что-нибудь укрепляющее, ей хватит.

Я поклонилась.

— Как прикажете, ваше сиятельство.

— Вам не придется лгать насчет укрепляющего. Мне нужно что-то, чтобы я смог провести с женой одну ночь, а потом вам придется следить за моим здоровьем.

Я вскинула брови, что и заметил маркиз.

— У вас есть вопросы, госпожа Ветана?

— Да, ваше сиятельство.

— Слушаю?

— Почему — я?

Мужчина усмехнулся.

— Потому, госпожа Ветана, что вы не принадлежите к нашему кругу, умеете держать язык за зубами и у вас неплохие рекомендации. Большинство врачей моего круга уже связаны клятвами...

Я понимающе кивнула.

И грустно подумала, что о четвертой причине маркиз умолчал. Я одиночка. И родни у меня нет, только друзья. Найдут меня с проломленной головой в темном переулке — и

всплакнута будет некому.

— Поверьте, держать вас при себе будет выгоднее. Хороших лекарей не так много.

Сегодня просто день окуня. Второй раз я хлопала глазами. Маркиз вздохнул.

— Я не читаю ваши мысли, госпожа Ветана. Просто я старше вас малым не в три раза.

— И у вас нет своего лекаря? — ляпнула я.

— Нет. По той же причине, по которой я хорошо разбираюсь в людях. Возраст, госпожа Ветана.

Верилось плохо. Возраст, как же! Пусть кому-то другому расскажут!

Маркиз нахмурился.

— Вы зря обо мне так плохо думаете. Скажите, а что бы вы сделали, если бы я не начал разговор о ребенке первым?

— Не знаю, — честно призналась я. — С одной стороны, вы имеете право знать. С другой же... я не хотела бы подвергать опасности жизнь матери и ребенка.

— Вы бы мне солгали?

— Не знаю, ваше сиятельство.

— Я знаю. Солгали бы. Просто потому, что я стар и мне недолго осталось, а вот Даилине и моему — да, моему! Сыну — еще жить.

— Все-таки сыну, ваше сиятельство?

— Да. и никак иначе. А вы, госпожа, придумайте, как нам быть, чтобы маркиза была уверена, что у нас состоялась ночь любви.

Я подумала.

— Есть снотворное. Есть возбуждающие средства.

— Второе предпочтительнее. А вы сможете уменьшить откат от возбуждающего?

Я подумала.

— Да, пожалуй, смогу. Примете зелье, потом, сразу после того, как оставите госпожу маркизу — второе. Прочищающее. Будет неприятно, но это лучше, чем вовсе ничего.

— А абсолютно убрать последствия?

— Если обратитесь к магу воды. Объяснить ему, что именно выводить из крови, и он справится.

— А вы...

Я развела руками.

— Я знаю пределы своих возможностей, ваше сиятельство. Я лекарь, но не маг.

Маркиз прищурился на меня глазами кота-убийцы.

— Похвально, очень похвально, что вы не переоцениваете себя. И сколько же будут стоить ваши услуги?

— Какие именно?

— Два зелья?

Я честно назвала цену, даже не сомневаясь, что маркиз в курсе, и судя по довольным глазам, не прогадала.

— А прибавить неохота?

— С вами, ваше сиятельство, лучше дела честно делать. Тогда, может быть, отпустите. Живой, — мрачно вздохнула я.

Маркиз махнул рукой.

— Отпущу. Но честность ценю. Итак, два зелья, — на столе возникла стопка золотых. Шпанские мушки недешевы, второе зелье и того реже. Я-то о нем знаю благодаря отцу.

Папенька к травнице за ним регулярно ездил, я даже знала для кого в данный момент.

— Простите, ваше сиятельство. Предоплату не беру.

— Великолепно! Чем дальше, тем больше я уверяюсь в своем решении, госпожа Ветана.

Итак, два зелья. И вы будете вести мою жену во время беременности, а заодно помогать ей с родами.

Я молча поклонилась.

— Мне не нужны сплетни, поэтому дадите клятву в храме. А уж после этого я допущу вас к жене и внуку.

Я воззрилась на маркиза уже даже не круглыми — совершенно овальными глазами.

— Да. Ее сын — мой внук. Пусть от бастарда, но моя кровь. И я успею воспитать его, как надо.

— Когда мне давать клятву, ваше сиятельство?

— Сейчас же. Холопа вызвали, так что обряд проведем немедленно.

И я в очередной раз поклонилась.

Два часа спустя я ехала домой в карете господина маркиза. В голове было легко и пусто. Да уж...

Это вам не барон Артау, не милый и даже бестолковый Верандуа, и даже не граф Эрнан. Это — волк. И если такой сомкнет у тебя за горле зубы, то уже не выпустит. Я кожей чувствовала железную хватку.

Утешало другое.

Маркиз зря надеялся вырастить наследника сам. Чутьем мага жизни я воспринимала его, как сосуд, в котором осталось уже с волос жизни. Еще немного — и...

Шпанская мушка еще уменьшит ее количество, а в остальном...

Год-полтора, больше — вряд ли, меньше — вполне возможно.

Как маг жизни я могла бы помочь, но это старость. От старости не лечат, можно только продлить его жизнь, но это постоянное дряхление.

Но каков расчет!

Пережить смерть наследника и здраво рассудить, что деньги и титул оставить некому.

Найти молодую девчонку, расчетливо использовать все шансы, вплоть до ее девственности в попытках зачать наследника.

Когда становится ясно, что ребенка не будет, маркиз находит своего бастарда и сводит его с супругой. И получает дитя своей крови. Пусть не сына, пусть внука, но в нем есть его кровь, будет его воспитание и его титул.

Страшновато...

Бастарда удаляем, находим подходящую лекарку...

А что потом сделаем с лекаркой?

Что-то мне подсказывало, что моя долгая и счастливая жизнь не значится в планах господина маркиза. Мало ли...

Хорошо, если жене жизнь оставит...

Уж не настолько я дура, понимаю, что такие вещи первой встречной не выкладывают, если хотят потом оставить ее в живых.

Но с кем посоветоваться по этому поводу?

А ведь даже не переговоришь нормально. Клятва молчания...

Обойти ее можно, меня, как мага жизни, как и любого другого мага, она связывает весьма условно.

Что такое клятва?

Представьте себе ауру человека, как его тело. Клятва — сеть, которую накидывают на ауру, и узлы затягиваются в самых болезненных точках. На запястьях, висках, лодыжках, шее.... нарушь слово — и тебя так стиснет веревками, что вздохнуть не сможешь. Никогда.

У обычного человека клятва не слетит, тут можно быть спокойным.

А у мага?

Воздух, земля, вода, огонь, жизнь, смерть, разум... вы пробовали накидывать веревку на воздух? Или на воду? Землю?

Можно положить веревку, например, в огонь. Сразу не сгорит, жрец в храме ее увидит, но спустя несколько дней или месяцев, несколько применений силы...

Мне еще проще. Жизнь не сдержать никакой веревкой. Я лечу, я постоянно, пусть по чуть-чуть, но пользуюсь своей силой, прокачиваю ее через себя... веревка просто не выдержит. Про графиню Эрнан, например, я уже могу говорить спокойно. Про маркизу тоже смогу — через месяц или два. И эти месяцы я еще надеюсь прожить. А вот после родов...

Я бы дала себе не больше трех-пяти дней. Убедиться, что с младенцем и матерью все хорошо и попрощаться с многознающей лекаркой.

Хорошо в высшем свете, да уж больно грязно.

А ведь раньше мне эти мысли и в голову бы не пришли.

Страшно...

С этим настроением я встретила госпожу Лимиру. Отдала ей деньги за два месяца, угостила травяным взваром.

— Как Кариса? Вилт? Дети как?

Госпожа Лимира закусилла вкусную плюшку и принялась упоенно болтать.

Правильно она сделала, что переехала сюда, ой как правильно! Вилт работает, рук не покладая! То одно у него, то второе... вздохнуть некогда.

Кариса тоже сейчас работать больше стала, хотят новый дом себе купить. Старый продать... нет-нет, этот домик они за собой оставляют, а вот дом Вилта давно бы продать надо, маловат он для большой семьи. А госпожа Лимира занимается детьми. То одно, то другое... скучать некогда.

Вилт оправился от раны, которую ему нанесла Таниль, но эта стервь не успокаивается.

И пишет, и пишет...

Спрашивает про детей, про мужа, а ведь госпожа Лимира и детьми Таниль занимается, не выбросишь ведь... и дети-то выправляются, а вот мать их...

Прибили б ее, что ли, там, на каторге?

Ведь коли выйдет, так явится Карисе нервы трепать да у Вилта кланчить. И примет-он таки блудную сестренку, не погонит. Сочтет, что было и быльем поросло...

Я кивала в нужных местах, и только при последних словах встрепелась.

— Тогда, госпожа Лимира, вам никак уезжать нельзя. Кто еще дочь-то обережет?

Женщина грустно вздохнула.

— И то верно. А ты как, Веточка?

Я подумала — и принялась очень отстраненно рассказывать госпоже Лимире историю

графини Эрнан. Мне было интересно, насколько клятва рассосалась на моей ауре, да и совет постороннего человека услышать хотелось.

Госпожа Лимира слушала, так же внимательно поддакивала, кивала в такт моим словам, а потом сделала совершенно неожиданный вывод.

— Ну и сволочь же тот Айвас!

Я аж рот открыла.

— А он-то почему?

— А потому, девочка, что благородных с детства приучают — не будет у них любви. И купцы то же своим дочерям и сыновьям говорят. Жениться надобно для дела, чтобы род не угас, чтобы было кому добро передать, чтобы детей воспитать, как должно. Понимаешь? Это голытьба вроде нас может по любви жениться, и то родители смотрят, чтобы не дурак, не пьяница....

— Ну уж — голытьба...

— А разве нет, Веточка? Домики эти, в желтом городе, слезки горькие. Я хочу, чтобы мои дети жили здесь, а воот внуки — уже в зеленом городе. И мы попробуем этого добиться, но работать надо будет — втрое. Потому и не уеду никуда... И с внуков уже спрос другой будет. А Айвас — сволочь. Задурил девчонке голову, знал ведь, что абы за кого отец ее не отдаст... и продолжил дурить. Нет бы сказать — прости, родная, мы не будем вместе! А он?

Я пожала плечами. С этой стороны я ситуацию еще не рассматривала.

— Думаете, если муж отпустит эту женщину, она...

— Да не примет ее тот Айвас. Нервы помотает, репутацию погубит, в любовницы возьмет, но не в жены, нет, не в жены!

— Тогда она точно с собой покончит.

— Веточка, ну ты ж умная девочка?

Я посмотрела на госпожу Лимиру. Та — на меня. Вздохнула, покачала головой...

— Неуж ты не понимаешь, что неспроста это? Рассуди — девочка-от из купеческой семьи. Это тебе не аристократки блажные, не нищенки дурные, это сословие крепкое. Спорить готова, отец ее в детстве и не за такое ремнем драл. А тут... Да она бы век себя так не вела, ты пойми!

— А как?

Я как-то и не задумывалась...

— А так вот. Поревела б чуток, да и успокоилась. Что, думаешь, ее отец монахом живет? Или ее мать на служанок смазливых внимание обращает? Говорят же, где сладко, там осе падко. Для девчонки то не внове, сама понимаешь...

Я понимала. Вспоминая и отцовские измены, и материнские, и... у меня что столько знакомых гуляет? Жуть!

Но — да.

Графа она не любила, так чего расстраиваться из-за его измен? Незачем.

Да хоть с кем гулай, только меня не трогай. Ребенка-другого родим, и будет у графа своя жизнь, у графини своя. И встречайся с тем Айвасом хоть каждый день...

— А она то себя режет, то травит... и из-за любви?

— Бывает и такое. Только вот... нечисто тут что-то. Уж ты поверь мне, такие девочки себя не травят, они всем нервы измотают, всех измучают, а с их головы и волоска не упадет. К тому ж титул, деньги, свой дом... это много значит. Ты в ней одержимость заметила?

Я покачала головой.

Нет. Не было такого. Безумной любви к Айвасу в графине я не увидела. Искренней, безудержной, безрассудной, когда по углям пойдешь босыми ногами — вот ее не было. Было желание обладания, было раздражение, злость, гнев...

— Но от этого тоже с собой не кончают?

— Вот и думай. Дурит кто-то девке голову, да и вам тоже, не иначе... Ой, дурит!

— Ей — или она?

Я серьезно задумалась.

Графиня дурит нас или кто-то крутит голову самой графине? Но кто?

Зачем?

Какую выгоду можно получить от развода господина графа?

— Ты не те вопросы задаешь, — покачала головой госпожа Лимира. — Ты спрашиваешь — зачем, а надо — кто? Поймешь, кто крутит, поймешь и зачем это надо.

— А не наоборот?

— И наоборот тоже верно. Ты мне как лекарка скажи — могут быть ведь разные травы, и те, что ум туманят?

Я покачала головой.

— Графиню не травили. Я бы заметила.

— А второй раз?

Да там и первый раз, и второй...

Ничего я не понимаю.

— Я бы на ее месте испугалась, она ж чудом смерти избежала. А она просто ругается, словно бы и не понимает, что к чему.

— Не понимает?

— Или... не дают понять? — прозрела я.

— Дают привыкнуть, что опасность ей не угрожает, а вот своего она добивается. Брак будет разорван, от ребенка ее избавят, к любимому вернуться дадут... и как?

Я схватилась за виски.

— Будет третья попытка?

— Вполне возможно.

— и она увенчается успехом? Но до или после рождения ребенка?

— Это зависит от того, нужен ли ребенок человеку, который придумал этот план.

— Но... как?

— И кто?

Ни на тот, ни на другой вопросы ответа у меня не было. Я сидела, смотрела в стену и понимала, что госпожа Лимира кракеновски права. Эта история абсолютно нелогична. Как будто кукольник перепутал марионеток, и прекрасная принцесса верхом на драконе отправилась убивать рыцаря, спасая менестреля. А конь в это время пил с королем.

Нелогично, неправильно, не так!!!

Ничего не понимаю...

— А ты приглядишься к людям повнимательнее, как в том доме будешь, — посоветовала мне госпожа Лимира. — Авось поздно и не окажется?

Пригляжусь.

Обязательно пригляжусь.

Что-то в этой истории нечисто.

Приглядываться пришлось быстрее, чем я думала. Ровно через два дня.

Майло Варн едва не сорвал мою дверь с петель.

— Господину графу плохо!!!

И что оставалось делать? Только подхватить на плечо сумку и прыгнуть в карету.

По дороге Майло вводил меня в курс дела.

Графиня была довольна, спокойна и ожидала рождения ребенка. Слуги перевели дыхание, потому как прислуживать взбалмошной и недовольной жизнью истеричке — удовольствие ниже среднего. Господин граф тоже жил спокойно.

И тут...

— Что случилось с господином графом?

— Рвет его. Сильно рвет. Говорит, желудок болит...

При таком расплывчатом описании, это могло быть что угодно. Что — непонятно.

Впрочем, все мысли вылетели у меня из головы, когда я увидела графа. Мужчина едва дышал — в прямом смысле слова. Его безжалостно выворачивало над серебряным тазиком.

Я дождалась конца приступа, шуганула слугу, и взяла мужчину за запястье.

Тут много силы не надо, так, крохи...

И тут же разжала пальцы.

Граф был отравлен. Так же, как и его супруга, только графине повезло. Она молока напилась, и действие яда было ослаблено. А граф?

Да что тут вообще творится?

Я посмотрела зрачки графа на свет.

Расширены. Кожа на лице красная... от рвоты, или все же я узнаю яд?

Похоже, так и есть. Графу досталась слишком большая доза, в результате, его начало рвать слишком быстро. Ошибка неопытного отравителя?

Да, очень похоже.

— Во рту сухо?

Граф посмотрел на меня, словно не соображая, где и с кем он говорит, но потом кивнул.

— Д-да. Сухо...

Угадала. Волчье лыко.

Графине подсунули небольшое количество яда, вот и не вышло ничего. Графу — слишком большое. Повезло, просто повезло. Досталось бы это графине — хоронили б и ее, и ребенка.

Перевести дух я смогла только через два часа.

Граф вытянулся на подушках бледный, словно смерть. Но живой.

Может, даже отделается месячным расстройством желудка. Если повезет, потом я смогу полечить его своей силой, если не повезет — пусть обращается к придворному магу, или еще к кому, все же это яд. И проблемы с желудком у мужчины непременно будут.

— Что вы сегодня ели, ваше сиятельство?

Граф задумался.

— С утра...

— Нет-нет. Незадолго до тошноты. Часа за два, не больше?

— У меня был полдник. Травяной взвар и блинчики с ягодами.

Я прищурилась.

— Любите сладкое, ваше сиятельство?

— Нет.

— Но...

— Захотелось.

Я смотрела на графа, и понимала, что мужчина крутит хвостом. И как тут быть?

Я выдохнула. Собралась с духом.

— Ваше сиятельство, если бы яда было поменьше, вас бы сейчас уже холопы отчитывали. Если вы не любите сладкое, объясните, откуда взялись блинчики?

— Яд?

— Да.

— Думаете, это нарочно?

Думаю?

Да я точно знала, что это нарочно! Кой дурак волчье лыко с калиной попутает? Даже мне, аристократке, няня показала эти ягоды чуть ли не на третьем году жизни. Ребенок же!

Бегает везде, все в рот тянет... вот раскусила одну ягодку, и на всю жизнь зареклась. Такая гадость!

И что? Слуги у благородных господ дурее меня?

Кто-то ягоду сорвал, кто-то принес, обработал, приготовил — и никто ничего не заметил? На всех дружно слепота напала?

Так не бывает.

— Ваше сиятельство...

Граф раскололся достаточно быстро. История была не слишком красивая, но вполне обыденная.

Мужчина засиделся за счетами. Сел с утра и только к обеду голову поднял. Вышел из кабинета, и тут мимо несут блинчики и взвар. И так пахнет...

Благородный граф чуть слюной ковер не залил. И присвоил поднос.

А в ответ на заявление, что это для госпожи графини, махнул рукой. Мол, сейчас еще поджарят, невелика беда.

Все он понимал. Но захотелось. До звезд в глазах захотелось блинчика. Вот именно здесь и именно сейчас. Хотя в обычное время господин граф считает, что лучшее сладкое — это мясное.

Я кивнула.

Бывает, что тут скажешь? Дело житейское.

— Поздравляю, ваше сиятельство. Вам, конечно, месяц еще питаться протертыми супчиками, но свою жену и ребенка вы этим поступком спасли. Несомненно.

Благородный граф уставился на меня, как баран на новые ворота. Я ответила спокойным взглядом.

— Да, именно спасли. Яд предназначался не вам, несомненно. Для вас бы его в котлету положили, ваше сиятельство.

Дошло через две минуты, и аристократ "грохнул" кулаком по перине.

— Опять!?

Я подумала с минуту, и принялась выкладывать рассуждения госпожи Лимиры.

— Ваше сиятельство, как хотите, но нечисто тут что-то. Подумайте сами. Супруга ваша

в храм шла честь по чести? Сама согласилась?

Граф возвел глаза к потолку.

— Сначала все было неплохо. Она понимала, на что идет, я... в общем, у нас было почти соглашение. Родила бы она мне пару детей, а дальше жили бы, как кому нравится. Госпожа Ветана...

— Ваше сиятельство, я клятву давала. Все останется между нами.

При мысли о клятве лицо аристократа чуть прояснилось. Да, так спокойнее, понимаю...

— Верьте, поведение моей жены стало для меня неожиданностью. Я не сказал бы, что она безумно меня любит, но и этот ее... Айвас!

Я запустила пальцы в волосы.

— Ваше сиятельство, госпожа графиня где-то встретилась, поговорила с ним, а потом разразилась безумная любовь? Так, что ли?

Граф задумался.

— Да, пожалуй.

— А потом пошли попытки самоубийства, в которых ее сиятельству благородно помогли?

Еще один кивок.

— Ваше сиятельство, а графиня защищена от воздействия магов?

Я прекрасно знала, что нет никакой защиты, иначе и моя магия не подействовала, бы, но для графа мои слова оказались откровением.

— Госпожа Ветана... Темный их побери...

Мы думали об одном и том же.

Приворот.

Ситуации бывают разные, и разум у женщин в период беременности плывет, что та лодка по морю, причуды случаются самые странные. Но это — не аристократка. Нежная, хрупкая и трепетная.

Это — купеческая дочь. Что такое сделка, она понимает намного лучше меня. И тут — такое?

Вывод только один. Графиню надо проверить на ментальную магию. И срочно!

Завтра же!

Обзавестись защитными амулетами.

А лучше, как говорится, еще вчера.

— С ментальной магией надо приглашать специалиста, — продолжила размышлять я. — А насчет отравления... ваше сиятельство, враг у вас в доме. Кто-то готовил блинчики, кто-то принес яд.... зря вы ту служанку выгнали. Ой, зря...

— Ничего. Я вот сейчас прикажу Майло дознавателей вызвать, они во всем разберутся, и что было, и чего не было...

— Позвать его?

— Будьте так любезны, госпожа Ветана.

Я присела в поклоне, потом подошла к двери и позвала Майло. Распорядилась закрыть все двери, никого не выпускать, и отправить посыльного за дознавателями. А сама осталась с господином графом.

Опасность уже миновала, я знала, что он не умрет, но мужчина-то этого не знал!

И отпустить меня не мог. Трусил.

Вот так вот...

Хочешь увидеть мужчину без прикрас, посмотри, каков он, когда болеет. Мало кто может переносить боль и страх с достоинством. Господин граф себя показал не в лучшем свете.

Грустно.

Дознаватели прибыли через полчаса. Трое человек.

Высокий сухопарый мужчина лет сорока, с темными волосами, которые тронула инеем седина, с глубоко посаженными темными глазами, с резкими жестами и надменно сжатыми губами оказался королевским дознавателем господином Арионом, а его сопровождающие — стражниками.

Для начала господин Арион взялся за меня.

Я честно рассказала о всех трех случаях.

Как спасала графиню, как лечила сейчас графа, как додумалась...

Не упомянула я про госпожу Лимиру и про свой дар, остальное все рассказала. И то, смолчать мне удалось с большим трудом. Господин Арион вцеплялся в каждую нестыковку, словно собака в кость, едва отбилась. Спасло то, что меня сильно не трясли — не с чего.

Как-никак я три раза спасала графское семейство. И графиню, и графа, так что меня просто расспросили об обстоятельствах отравления, расспросили, как себя вела графиня в обоих случаях, чем я ее лечила и что грозило бы ей в том или ином случае.

Расспросили и про господина графа. Я честно ответила, что ему повезло дважды.

Первый раз — когда его начало рвать до выпитывания яда.

Второй раз — когда слуги потащили ему большое количество воды и молоко, напуганные прошлым случаем. И это тоже помогло. Не весь яд выпитался, часть успела вывести, но остаток...

Боюсь, что у господина графа возможно желудочное кровотечение. И диету ему держать — долго.

Дознаватель выслушал, покивал, и отпустил меня. Я зашла к госпоже графине, осмотрела ее, послушала сердцебиение ребенка и отправилась домой, в этот раз — без кареты. Некому везти было.

Господин дознаватель собирался допросить всех, находящихся в доме.

Правду я узнала от Майло при следующем визите.

Беспорядки в доме господина графа начали происходить не сами по себе. Нет.

По воле господина Айваса, очень предприимчивого молодого человека.

Действительно, парень пытался в свое время совратить графиню, когда она была еще купеческой дочерью. Только вот купца такой зять не устроил.

Господин Айвас был дворянином, да, но безземельным. Такое бывает. Семьи большие, в них случаются вторые и третьи сыновья. Они — дворяне, благородной крови, но титул не наследуют, и как правило, идут служить в храм, на флот или куда-то еще. Зарабатывают себе землю к фамилии и становятся жалованными дворянами.

Господин Айвас оказался третьим сыном небогатого барона. На флот юноше не хотелось, ему хотелось красивой жизни, развлекаться, вкусно кушать, сладко спать, и лучше — на шелковых простынях.

Добиться этого юноша решил самым простым способом — выгодно жениться. Присмотрел себе достаточно податливую девушку, начал обрабатывать... дочь купца

влюбилась. Но двигаться дальше не получалось.

Подбить ее на побег?

Легко!

А что делать потом? Отец приданого не даст, от семьи отлучит, а то и вообще проклянет, ну и в чем тут выигрыш? Остаться с дурой-женой на руках и всю жизнь нищенствовать?

Айвасу не хотелось.

И тут тому же купцу делает предложение граф Эрнан.

План сложился мгновенно.

Влюбленная дурочка выходит замуж, продолжая страдать по Айвасу. А он еще подогревает ее чувства. Там встреча, тут разговор, несколько монет подкупленной служанке... и накал страстей не ослабевает. Когда графиня понимает, что беременна, наступает кульминация.

В ход идет все, вплоть до легких афродизиаков и разных зелий, которые подлила та же подкупленная служанка. Небольшое психологическое давление, и госпожа графиня пытается покончить с собой.

Глупо, по-детски, перерезав себе вены.

Конечно, ее успели спасти.

Вторая попытка была также безуспешной. Просто потому, что яда хватило бы для выкидыша, или для рождения мертвого ребенка, но не для смерти самой графини. Служанка вовремя подняла тревогу, заметили, откачали, спасли...

А вот третья...

Да, это был риск.

Госпожа графиня, когда ее расспросили, призналась, что блинчиков хотела. Но — без ягод. Не нравятся ей блины с начинкой, она их просто не любит. Так куда же служанка несла тарелку?

Одна из подкупленных?

Айвас мелочиться не стал, платил он аж трем девушкам, и те выполняли его просьбы даже с радостью...

А вот не надо, не надо, благородный господин граф, в своем доме блуд устраивать! И служанок... любить! Они тоже живые, тоже женщины, они обиделись.

Если бы господин граф не выглянул сам, служанка постучала бы в дверь, или что-то уронила бы рядом, или...

Нашла бы, как выманить мужчину.

Блинчики просто оказалось удобно взять на кухне, пока Лита отвлеклась. У графа Эрнан на кухне куски не считали. Нельзя сказать, что слуги питались, словно господа, но что такого в блинчиках? Тесто дешевое, ягоды тоже недороги...

Доза яда, подсунутого господину графу, была действительно убойной. На трех графов хватило бы.

На что рассчитывал Айвас?

Что граф умрет, а уж он унаследует графскую вдову. Можно с ребенком и титулом. И состоянием.

Ребенок не помешает, его потом можно убрать. Так, или иначе...

Графиня — это уже не купеческая дочь. Она может сама распоряжаться своим состоянием, к тому же, титул графа Эрнан, который Айвас рассчитывал получить тем или

иным способом...

Все бы у него получилось, если бы не одна лекарка с даром. И если бы я не поделилась своими подозрениями с госпожой Лиминой, если бы та не подсказала...

За спасение своей жизни господин граф заплатил более, чем щедро. Я подумала — и половину денег отдала госпоже Лимире, честно пояснив, за что. Имен я не называла, да и не надо. Госпожа Лимира и так была довольна, ей сейчас каждый медяк нужен будет.

Айваса казнили.

Госпожа графиня после долгого разговора, все же осталась графиней Эрнан. Виноваты были оба. И она, и ее супруг, им было что припомнить друг другу.

Господин граф благородно простил жене ее чувства, она ему — блуд со служанками, и ради ребенка они согласились попробовать жить вместе.

Все были довольны, все были счастливы.

А мне почему-то было грустно. И причины я не понимала.

Впрочем, долго грустить мне не дали. Не с моей работой.

— Госпожа Ветана! Госпожа Ветана!

Криталья Верандуа я бы узнала из сотни. Из тысячи других дворян!

И это именно он скребся в мое окно с утра пораньше. Пришлось встать и распахнуть дверь.

— Что случилось, господин барон?

— Здравствуйте, госпожа Ветана. Нужна ваша помощь.

Гвардия неплохо подействовала на парня. Из Криталья на глазах выросстал серьезный мужчина, но пока еще только выросстал.

Уверенный разворот плеч забавно сочетался с худощавым (даже тощавым) телосложением барона, 'гвардейские' усики — с царапинами от бритвы на подбородке, а боевая сабля на поясе с разукрашенным драгоценными камнями кинжалом — явным подарком матери.

Забавно.

Но отмечала я все это краем глаза, накидывая плащ и обувая любимые теплые сапожки.

— Так что случилось?

Криталь опустил глаза.

— Госпожа Ветана...

— Господин барон?

— Я не слишком хорошо разбираюсь. Может, вы сами посмотрите?

И если он при этом не врал, то я — герцогиня!

Пока мы шли по улицам, я не оставляла попыток выудить что-то из Криталья, но парень молчал, словно деревянный идол. Так что в итоге я махнула рукой и затеяла светскую беседу.

Как служится, как сослуживцы, как здоровье матушки?

И тут Криталь разлился соловьем.

Служится — великолепно, сослуживцы... тут бывают сложности, но он старается, и все наладится, а матушка здорова и ежедневно поминает меня в своих молитвах.

Соловьем он разливался аккуратно до небольшого, но очень роскошного... борделя!?

— Это — что!?

Вывеска 'Дом Розы' была более чем красноречива. Да и рисунок был вовсе не

цветочный. Роза там была. Три розы, которые закрывали самые интересные места обнаженной девушки.

Я застонала.

— Господин барон, вы меня привели...

— Госпожа Ветана! Пожалуйста! Нам очень нужна ваша помощь!

Приличная девушка никогда не должна переступать порог борделя.

Аристократка даже не должна догадываться о существовании таких заведений.

Лекарка не станет оказывать помощь проституткам, потому что потом может потерять клиентуру. Последнее правило соблюдается не очень строго, но все же...

Дамы легкого поведения, как правило, обзаводятся целым букетом болезней, часть которых передается не при половом, а при физическом контакте. Да и отношение к ним... соответствующее.

Если меня здесь даже просто увидят, я получу кучу проблем.

Я дура, да?

В этом я даже не сомневалась, когда переступала порог домика.

Дура.

Кровь была, кажется, везде.

На полу, на кровати, на руках бледного, как смерть мужчины, на платье женщины, которая лежала навзничь...

Одного взгляда мне хватило, чтобы рявкнуть командирским голосом.

— Все вон!!!

И опуститься рядом с женщиной на колени, наплевав на платье. Потом в счет включу.

Криталь выволок из комнаты мужчину и ногой захлопнул дверь. Какой-то частью сознания я отметила, что в комнате никого не осталось, и сосредоточилась.

Женщина была в таком состоянии, что еще бы чуть...

Не знаю, к какому подонку в руки попала бедняжка, но... попался бы мне этот сукин сын!

Простите, ни одна собака такого сына не заслуживает!

И ни одна женщина — такого лекаря.

Она потеряла ребенка. И вместо того, чтобы приложить холод, дать кровеостанавливающее и кровевосстанавливающее, лежит здесь, а ее... муж? Любовник? Да плевать — кто, важно, что он только руки заламывает!

Я и без своего дара обошлась, но ведь могла бы и опоздать! Часом позже, и рожать бы девчонка точно не смогла!

Что — в борделе нет специалистов?

Или... это произошло не в борделе? Я размышляла над этим вопросом, осматривая женщину, и отмечая наличие многочисленных синяков в области бедер и живота, накладывая мазь, перевязывая, спаивая ей успокоительное зелье... и приходя к выводу, что передо мной — не проститутка.

Нежная тонкая кожа, ухоженные руки, роскошные волосы, это наверняка дворянка. Но — как!?

Откуда?!

Ничего не понимаю!

Впрочем, это не мое дело, правда?

Платье, пусть грязное и испачканное в крови, тоже было дворянским. Из дорогой ткани, с золотым шитьем — даже дочь купца наденет такое только на праздник, а праздников вчера не было.

Да и корсет носят только дворянки...

В борделе?

Ничего не понимаю.

Провозилась я не меньше часа. И когда вышла, меня встретили три тревожных взгляда.

Первый — Криталья. Ему я и ответила.

— Все будет хорошо. Сутки проспит, потом проснется. Накормить бульоном, перевязать, все снадобья оставляю.

Второй — мужчины, который был в комнате. Ему я ничего добавлять не стала.

Третий — хозяйки борделя. Никем другим эта женщина лет пятидесяти, в роскошном, но несколько вульгарном платье и с цепкими хищными глазами, быть не могла.

Ее я тоже сочла за лучшее успокоить.

— Она не умрет. Вы не проводите меня к выходу?

Женщина кивнула.

— Вы уверены?

Это мужчина, с которым я не знакома. Кстати — в форме гвардейца. Ну, где они познакомились с Криталем, понятно. Но что занесло сюда эту девушку?

— Я уверена, что она не умрет. Что еще я должна сказать?

Мой голос холоден и равнодушен. Криталь понимает, что мне все это не нравится, и протягивает мне руку.

— Госпожа Ветана, я провожу вас. Вы позволите?

— Позволю.

И расспрашивать не буду. Ни кто эта девушка, ни откуда, ни почему я — ни о чем! Все!

— Я провожу вас, — вступает хозяйка борделя. — госпожа Ветана, так ведь?

— Да. Госпожа...?

— Риона.

— Рада знакомству, госпожа Риона.

Женщина вздыхает.

— Госпожа Ветана, Криталь заверил нас, что вы человек благородный...

— Я лекарка из желтого квартала. Не более того.

— Вы будете молчать об увиденном здесь?

— Мне поклясться в Храме?

Улыбка на губах хозяйки борделя весьма многозначительная.

— Не стоит. Думаю, вы и так никому не обмолвитесь, что здесь побывали. Так ведь, госпожа Ветана?

Так. Но вслух я этого говорить не стану.

Просто промолчу. Не скажу обычного 'была рада знакомству', не скажу 'в следующий раз обратитесь к другому лекарю'. Ничего не скажу.

Оставляю баночки с мазями и дам рекомендации. Всё.

Гвардеец смотрит на меня с надеждой, и тут я замечаю, что держится он чуть скособочено.

— Вы ранены?

— Пустяки, царапина...

— Раздевайтесь.

— Прямо здесь?

Попытка смутить меня не удастся. Чего я там не видела?

— Лучше, конечно, не в коридоре, но если свободной спальни не найдется...

— Сейчас у нас есть свободные спальни, — усмехнулась госпожа Риона. — Прошу...

И уверенной рукой толкнула ближайшую дверь. За ней и правда оказалась свободная спальня. Правда, обстановка была... своеобразная. Красные стены, черная кровать, куча каких-то сложных приспособлений, напоминающих пыточные...

Мы смотрелись не слишком уместно... ровно до того момента, как гвардеец снял рубашку. И тут я выругалась от души.

Рваная рана, идущая наискосок через половину живота, оптимизма не вызывала. Чудом брюшную полость не пропорол, повезло. Немного бы глубже — и кишки наружу. Более того, рана была грязной и уже воспаленной, это я видела очень отчетливо. Если сейчас брошу как есть, оставлю и уйду... воспалится еще сильнее. Если лекаря не найдут в течение часа, хотя бы трех-четырех... а будут ли они его искать?

Час пришлось потратить на рану гвардейца.

Промыть, зашить, перевязать.

Потом взять деньги и покинуть гостеприимное заведение.

Госпожа Риона пыталась осторожно поговорить со мной о дальнейших планах. Мало ли кому еще помощь понадобится.

Я не отказывалась, но намекнула, что репутация мне дорога, а лечить до конца жизни только интимные болезни не хочется. Женщина все поняла, и настаивать не стала. Только в случае крайней необходимости.

На это я согласилась.

Уходить из борделя пришлось через заднюю дверь и дворами, чтобы никто не увидел.

Репутация...

Криталь сопровождал меня обратно.

Шел, вздыхал, поддерживал меня под руку, а потом решил.

— Госпожа Ветана, это не то, что вы подумали.

— Я ни о чем не думала.

— Дениза — сестра Арзеля.

Хм-м.... сестра королевского гвардейца? И что она делает в борделе?

Что-то мне не хочется этого знать. Я подняла руку раскрытой ладонью к Криталю.

— Давайте вы не будете рассказывать мне того, что нарушает закон?

Лицо Криталья погрузнело.

— Госпожа Ветана...

— Господин барон, — чеканю я слова, — вы понимаете, что я обязана доносить в стражу о некоторых... случаях?

— Да, госпожа Ветана. И о сегодняшнем?

— Я не обязана сообщать о жестоком обращении с проституткой в борделе, — пожала я плечами. — Это входит в обязанности хозяйки заведения.

Криталь понял намек.

— Да... лекарь запил...

— Вполне возможно. Я об этом ничего не знаю.

— Да, госпожа Ветана.

— Полагаю, сегодня отличная погода?

— Да, госпожа Ветана. Но боюсь, к концу месяца опять будут дожди....

— Алетар стоит в замечательном месте и тут очень красиво. Но немного сыро...

— Зато у женщин Алетара изумительный цвет лица.

Пустая светская беседа, которую мы поддерживали не вдумываясь в смысл слов. Но это только к лучшему, потому что мне не хотелось лезть и в эту тайну. Ни к чему.

И так у меня за душой слишком много всего... нехорошего. Ходи и гадай, откуда в тебя камень прилетит.

Я постаралась выбросить из головы этот случай, но что-то подсказывало мне, что так легко я не отделаюсь.

Зря я надеялась, что развязалась с этой историей.

Ровно через два дня....

Да, все у меня начинается именно так. стучат либо в дверь, либо в окно...

— Госпожа Ветана...

Криталь был бледен и взволнован.

— Помогите, пожалуйста!!!

— Что случилось?

— Дуэль, госпожа Ветана.

Я закатила глаза.

— Чья и с кем?

— Арзель дерется с одним человеком...

— И другого лекаря вы не нашли, разумеется.

Я закатила глаза, но все же отправилась в комнату. Одеваться и собираться. Открывала-то я в одном халате, хотя и теплом...

Рассвет только забрезжил. На улице было холодно, сыро и пасмурно, белесый туман стелился между домами, искажал очертания, прятал лица и жесты, скрадывал звуки...

Морская соль оседала на губах.

Криталь молчал, я тоже молчала. Кажется, я начинаю черстветь душой, не лезу в чужие проблемы...

Рано порадовалась.

— Если меня сегодня убьют, скажите маме, что я погиб достойно?

Ей, конечно, от этого легче будет. Я мрачно прикусила язык и поинтересовалась совершенно другим вопросом.

— Криталь, эта дуэль — из-за Денизы?

— Да, госпожа Ветана.

— Кто ее так?

— Эммм...

Криталь мялся так, что я сразу поняла — история некрасивая. Но все же принялся рассказывать.

— Мы дружили с детства, госпожа Ветана. Родители Арзеля и Денизы приезжали к нам

в гости, я очень любил эти встречи, они обязательно привозили с собой гору сладостей, и мама не ругалась... Дениза была младшей из нас троих. Веселая, красивая, яркая... Знаете, когда родители выдали ее замуж, мы за нее порадовались. Она была такой счастливой!

Она была счастливой очень недолго. Потому что ее мужа убили. Убили, когда он возвращался домой, подло, из-за угла, совершенно случайно, он вообще не должен был там оказаться, но сломалась ось у кареты, а молодой муж торопился домой к жене, и решил, что может пройти пешком пару кварталов...

Такое бывает.

Кому-то понадобился кошелек, или кто-то обкурился травки... бывает. Убийцу нашли и казнили, только вот никому от этого не стало легче.

На два года Дениза стала тенью самой себя.

Смеялась через силу, улыбалась через силу, жила, как во сне. Криталь и Арзель старались ее как-то поддержать, развеселить, помочь... бесполезно.

Все было бесполезно, пока она не познакомилась с ним.

— С кем?

— Герцог Ратшель. С-сволочь.

Кажется, Криталь хотел выговорить совсем другое слово, но сдержался.

Герцог был молод, красив, богат... единственная ложка дегтя в бочке меда — женат. Но жена его безвылазно сидела в деревне, рожая детей, одного за другим, герцог навещался туда на месяц, а потом возвращался в столицу.

Дениза привлекла его внимание. Своим видом, своей красотой, своим трауром...

Криталь потом узнал, что было заключено пари, потом понял, что Денизу просто поставили против скаковой лошади, все потом... тогда он порадовался за подругу. Надеялся, что роман поможет ей выбраться из бездны горя, а там Дениза встряхнется, улыбнется, начнет опять замечать окружающих...

Улыбнулась!

Влюбилась в Ратшеля по уши! И — забеременела!

Разумеется, она поспешила обрадовать мужчину приятной новостью. И получила — в ответ.

Ублюдки в благородном роду Ратшелей не водились. Денизе предлагалось вытравить плод, и как можно скорее. Дениза отказалась.

Тогда...

Женщину никто не похищал. Ее просто пригласили, и она сама побежала к любимому. А там...

Ссора, скандал, ругательства — и удар в живот.

Дениза потеряла сознание — и потеряла ребенка. Очнулась, кое-как смогла выползти на улицу из съемного дома, в котором ее бросили, позвала на помощь...

Помогли ей проститутки. Притащили в бордель, послали за Арзелем... потом Криталь побежал за мной, точно зная, что я справлюсь.

Я кивнула.

Да я справилась. Дениза еще сможет иметь детей, и не одного, если пожелает. Последствий не будет. Но какая же тварь этот Ратшель!

— А теперь...

— Если Арзель его не убьет, это сделаю я.

Криталь смотрел так, что я невольно кивнула. А ведь и верно — мальчик вырос.

Они ждали нас на той же поляне. Арзель и еще двое мужчин.

Раштеля я опознала сразу же — он был один такой. А ведь хорош...

Романтический герой девичьих грез, иначе и не назовешь.

Высокий, стройный, синеглазый, с золотыми локонами и тонким чеканным профилем.

Гибкая мускулистая фигура, тонкие пальцы, унизанные кольцами...

Даже не верится, что он может ударить женщину в живот. А потом бросить без помощи....

Красота не всегда сопутствует порядочности?

— Криталь, наконец-то.

— госпожа Ветана, лекарка, — представил меня Криталь.

Я чуть склонила голову.

— Ничего приличнее не нашлось? — протянул секундант Раштеля. — Баба... на дуэли? Да ее саму придется в чувство приводить.

Я почувствовала, как у меня вспыхнули уши.

Вот тварь!

На языке завертелись десятки острых ответов, но... если тебя облает собака, не стоит гавкать на нее в ответ, верно же?

Я сделала то, что могла. Насмешливо улыбнулась и пристально осмотрела секунданта с ног до головы, словно пучок моркови на рынке. Гнилой?

Точно, гнилушка. В помойку.

Потом так же насмешливо осмотрела Раштеля.

Говорить можно и молча. Языком жестов, взглядов, мимикой лица... аристократы владеют этим алфавитом, и сейчас Раштель с другом отлично поняли, что я хотела сказать.

Я не снизойду до беседы с подлецом и другом подлеца.

Теперь настало время краснеть уже им. Раштель, кстати, краснел не слишком красиво — пятнами. Наверное, долго держится.

— Госпожа Ветана — замечательный лекарь, — спокойно вступился за меня Арзель. — Но она вам не понадобится.

— Может, вам, Шеррон?

Арзель (я только сейчас поняла, что Шеррон — родовое имя) недобро усмехнулся.

— Раштель, Дирен, вы пришли сюда, чтобы болтать, подобно базарным бабам? Давайте перейдем к делу!

— Примирение не предлагаю, — Криталь не стал вступаться за меня, переходя к делу.

И правильно. Ни к чему.

Мужчины извлекли из ножен сабли, становясь в позицию, но стоило клинкам скреститься...

— Положить оружие!

Кракен раздери!

Стража?!

Мужчины дернулись, заметались, но я заметила нечто...

— Положить оружие!!!

Говоривший стремительно приближался. Стражник, десятник, незнакомый...

— Вы арестованы!

Замечательно.

И не выпалась, и не заплатят, и время отгрызут. День начался несахарно.

У стражников мы сидели уже второй час.

Десятник стражи, господин Фарго, замучил нас допросами и расспросами. Он спрашивал то одно, то другое, повторял вопрос десять раз, потом переходил на другую тему, и опять возвращался к прежнему...

Официально дуэли были не запрещены, но при желании придраться к нам было несложно.

Отсутствие двух независимых свидетелей, видите ли. Секунданты не в счет, это пристрастные лица. Я — свидетель, но второго-то нету!

Как должна идти дуэль?

И тут все сказали по-разному. Раштель — до первой крови. Криталь и Арзель — до трех ран, секундант Раштеля, кажется, Дирен — до выбитого оружия...

И стражники вцепились в нас, что гончая в лису. Трясли и трясли, не собираясь выпускать без штрафа или взятки. Криталь твердил, что я ничего не знала, была просто приглашена как лекарь и свидетель, но господин Фарго был неумолим.

Я смотрела в окно.

На подоконнике лежала трехцветная кошка, и я думала, что стоит завести котенка? Может быть? Или нет?

В любой момент мне может понадобиться удрать, а это — живое существо, которое будет от меня зависеть...

Могу ли я себе это позволить?

Я смотрела на кошку. Кошка на меня, и в ее зеленоватых глазах читалась тоска и скука.

Глупые люди. Бегают, суетятся, как будто им молока за это нальют...

Я уже начала уставать, когда дверь распахнулась.

— Что здесь происходит?

Герцог Моринар воздвигся на пороге. В этот раз он выглядел, как человек, которого выдернули с тренировки. Белесые волосы стянуты на затылке лентой в недлинный хвост, темные глаза блестят, на губах насмешливая улыбка, белая рубашка распахнута на груди, черные штаны заправлены в высокие сапоги, у пояса только короткий кинжал, но судя по рукояти — стоит он дороже всех перстней Раштеля. Это-то я знаю. Отец показывал...

Эти клинки, с рукоятью, обтянутой акульей кожей, делают только в одном месте...

Долго мне размышлять не дали.

— На каком основании задержали моих гвардейцев?

Стражник, сразу растерявший всю спесь, вскочил из-за стола и вытянулся во фронт.

— Ваша светлость...

— ? — Моринар ждал молча, чуть приподняв бровь, но столько насмешки было в его глазах, что даже толстокожий стражник прочувствовал.

— Дуэль...

— с каких пор за это сажают?

— Н-но...

Лист с протоколом словно сам по себе оказался в руках герцога. Одного беглого взгляда хватило.

Запущенная небрежно скомканная в комок и отброшенная в угол бумага.

Кошка пристально посмотрела на нее, но герцог подавлял так что спрыгнуть с подоконника она не решилась.

— Верандуа, Шеррон, я смотрю, у вас слишком много свободного времени? Я это исправлю. Марш в казармы, и чтобы дожидались меня на плацу. Вопросы?

Мужчины сорвались с места так, словно за ними кракен гнался.

Герцог перевел взгляд на Раштеля.

— Сделаю вам подарок, милорд.

Раштель побледнел, словно меловые скалы.

— М-милорд г-герцог...

— Именно. Сегодня же, до вечера, вы уедете в свое поместье. И пока у вас не родится четверо детей — не считая уже имеющих, в столице вы не покажетесь. Понимаете?

— Н-но...

— Недостойно мужчины — бить женщину. Не так ли, Рашшшитель?

Последнее слово герцог почти прошипел. И Раштель сдался.

Опустил глаза, кивнул.

— Да, милорд.

— Надеюсь, мы поняли друг друга?

— Да, ваша светлость.

— Вот и замечательно. Дирен? Как мило...

Дирен тоже побледнел, словно мел.

— Вы у нас пока не женаты, верно?

— Д-да...

— Тогда у вас есть выбор. Либо вы отправляетесь в ссылку. На пять лет, в поместье, к горам, либо в ближайшие два месяца женитесь на Денизе Эльтар. И советую сделать ее счастливой.

Судя по лицу Дирена — пока он предпочитал горы.

— Обдумайте мое предложение. А пока — вон отсюда.

Дирена сорвало с места, хлопнула дверь, и взгляд темных глаз обратился на меня.

— Госпожа... Ветана. Я не ошибаюсь?

Пришлось встать и сделать короткий реверанс.

— Да, ваша светлость.

— В следующий раз извольте отказать господину барону. Его авантюры обойдутся без вашего присутствия.

Уши загорелись огнем.

Темный взгляд давил, подчинял, очень хотелось последовать примеру всех четверых дуэлянтов, но...

— Нет, ваша светлость. Я не могу вам этого обещать.

— Вот как? И почему же?

— Мое присутствие может спасти чью-то жизнь. Я не вправе отказывать во врачебной помощи людям.

— Хм-м... А госпожа баронесса Верандуа знает о ваших высоких принципах?

Теперь у меня и щеки вспыхнули.

Этот гад намекает, что я охочусь за Кристалем Верандуа, и потому... ДА!?

Да как он смеет!?

Я выпрямилась во весь свой рост и ответно впиалась глазами в герцога.

Плевать!

Выдержу!

Да кто он такой, чтобы меня так оскорблять!?

Я не шлюха и не охотница за состояниями! Я — лекарь!

— Если вашу светлость интересуют дамские сплетни, я с радостью перескажу вам наши разговоры с баронессой.

Моринар хмыкнул.

И вдруг, оказавшись рядом, подцепил меня за подбородок.

— Не бойтесь, госпожа Ветана? Вы ведь сейчас в шаге от тюрьмы...

И от смерти тоже. И от брака. И от жизни, которая хуже и первого, и второго.

— В тюрьме тоже люди живут, ваша светлость. И болеют.

— Вы — хороший лекарь?

Гррррр!

Темного крабом!

Но я смолчала. Что я могу сказать? Похвалить себя? Ну-ну...

— Завтра явитесь в казармы. Вас встретит сержант гвардии Элетон Лоури. Если вы действительно хороший лекарь — благодарите Светлого. Вы не окажетесь в тюрьме. Если нет... все ясно?

Я дернула подбородком, высвобождаясь из наглой хватки.

Я себя не на помойке нашла! Не смей распускать руки, тварь!

— я могу идти, ваша светлость?

— Да, можете.

— Благодарю.

Неторопливо взять со спинки стула свою сумку, повесить ее на плечо и выйти. Спокойно, никуда не торопясь, кипя от бешенства... чувствуя спиной недоуменный взгляд.

Плевать!

Я никому не позволю с собой так обращаться!

Хам!

Может, и герцог, но — хам!

Вот!

Криталь Верандуа постучался в мое окно поздно ночью.

С-скотина! Мало того, что день испортили, так еще и выспаться не дадут?!

— Да!?

— Госпожа Ветана, можно?

— Можно, — проворчала я. А куда денешься?

В руках у Криталья оказался здоровущий букет цветов и коробка конфет. Дорогушие... сто лет таких не пробовала.

Кажется, я его уже простила.

— Госпожа Ветана... простите меня. Нас с Арзелем. Пожалуйста...

Я вздохнула.

— Какие планы у вашего герцога?

— Н-не знаю, госпожа Ветана. А....

Я сообразила, что Криталь ничего не знает о приказе непосредственного начальства, и вздохнула.

— Ваш герцог приказал мне завтра явиться в казармы. К сержанту Лоури.

Криталь потер лоб. Подумал. Мыслительный процесс, видимо, шел с трудом и нуждался в стимуляции, поэтому парень потер еще и затылок.

— Госпожа Ветана, я не знаю.

— У вас есть лекари? В гвардии?

— Да. Но всего двое.

— А требуется больше? — прищурилась я.

Слово за слово, я вытащила из Криталья всю гвардейскую историю.

Что такое гвардия?

Это личная охрана короля. Кстати, гвардейцев не так много. Всего двести человек. Сто конных, сто пешцев. Отличительный признак гвардии — плащ, всегда одного и того же цвета. Сине-белый.

Коронные цвета, морские, говорят, их еще Алетар Раденор выбрал.

Синий, белый, золотой.

Конная рота по традиции, считается более почетной, служба в ней дороже, там ведь требуется хороший конь, выученный особым образом. Это себе не каждый может позволить.

Поэтому конники смотрят на пешцев... ну, не то, чтобы с презрением, но без уважения.

Пешцы же не любят конников за высокомерие и надменность.

Ссоры вспыхивают между этими двумя группами с завидной регулярностью.

Дуэли... да, тоже случается.

По традиции, в гвардию идет 'алмазная молодежь'. Короли во все времена пытались изменить эту традицию, но потом плюнули и смирились. Зато столько заложников под рукой!

Обратная сторона медали — привести гвардейцев к порядку было очень и очень сложно.

Королю этим заниматься времени нет, а командующий гвардией должен быть личностью. Иначе...

Сыновья герцогов, например, не станут подчиняться сыну барона.

А сын маркиза — сыну графа.

То есть для любого капитана гвардии этот пост превращался в постоянное подтверждение своих способностей. И это если обходилось простым выяснением отношений. А уж если подключалась вельможная родня...

Обычно после пары лет службы капитаны гвардии просились куда подальше от двора. На границу, например.

Противоречие?

Да еще какое!

Гвардия, которая должна быть опорой короля — и вдруг... такое.

— А лекари-то там зачем нужны?

Если я правильно понимала суть вопроса, все это высокопоставленное стадо должно было или ломиться к придворному магу, или, на худой конец, пользоваться услугами своих семейных лекарей.

Криталь еще раз почесал затылок — и развел руками.

— Не знаю.

В ворота казарм я входила злая, как шершень.

Видит Светлый, если я сейчас на ком-то сорвусь... ладно! Сама покалечу, сама и вылечу!

Вот!

Казарма для гвардейцев не дом, а место службы. Живут они кто по родовым особнякам, кто по частным квартирам, здесь обретаются только самые бедные, кому титул остался да фамильная спесь. Только все равно шумно, людно, лакейно и ливрейно, аж в глазах рябит.

Первого же пробегающего мимо лакея я поймала за отворот ливреи.

— Мне нужен сержант гвардии Элетон Лоури.

— Эммм... госпожа....

— Госпожа Ветана.

— Я...

— Вы сейчас меня к нему проводите. Или я сообщу герцогу Моринару ваше имя, — одно упоминание о 'белесом палаче' привело лакея в чувство. Хоть кракен приползи, если он ссылается на герцога, перед ним будут на задних лапках плясать.

Я шла вслед за лакеем, пока дорогу нам не преградили трое дворян. Пришлось остановиться. Лакея они пропускали, а вот меня блокировали плотно.

— Господа? — получилось в меру спокойно и в меру надменно.

Я смотрю на дворян, как на новый экземпляр таракана. Три таракана.

Один — лет двадцати пяти, высокий и тонкий, весь словно лист бумаги в профиль, угловатые движения, темные волосы — и то кажутся острыми на ощупь, темные глаза смотрят колко и холодно. Второй — настоящая девичья погибель, очаровательный юноше лет семнадцати с роскошными золотистыми локонами, голубые глаза светятся почти детской наивностью, улыбка сияет на красивом лице, тонкие пальцы украшены рубиновым кольцом и с привычной небрежностью лежат на рукояти шпаги. Третий — обаятельный медвежонок. На вид ему лет двадцать — двадцать пять, сложно сказать точнее, он наверняка выглядит моложе. Каштановые локоны, карие глаза, пухлые щеки, плотная (почти

полненькая) фигура под плащом. Но учитывая, что никто другой не пристал к нам, а вот эти трое отметились — наверняка впечатление обманчиво. Для себя отмечаю их, как 'тонкого', 'красавчика' и 'медвежонка'. 'Тонкий' начинает первым. Заводила по возрасту — или по характеру? Или просто его выставили вперед?

— Олли, смотри, какая бабочка к нам залетела?

— Траурница?

— А может, это вовсе даже гусеница?

Намек на мое простенькое коричневое платье с белой оторочкой. Но не наряжаться же сюда? Вот еще не хватало!

— Надо просто снять платье и посмотреть.

Платье им снять...

Ну-ну...

— А зачем к нам залетела эта бабочка?

— И какого цвета у нее крылышки?

— Господа, извольте уйти с дороги. Меня ждет господин Лоури, — холодно произношу я.

— Крошка, зачем тебе Лоури? — очаровательно улыбается 'красавчик'.

— Мы же лучше, — подхватывает 'медвежонок'.

Я насмешливо улыбнулась, вскинула голову.

— Господа, я лекарь. А потому вы меня интересуете только, как пациенты. Больные есть?

— Я болен, — 'красавчик' демонстративным жестом схватился за ширинку. — Молю, не дайте мне погибнуть в страшных мучениях!

Я кожей чувствовала направленные на нас взгляды.

М-да, если я сейчас не поставлю нахалов на место, потом мне прохода не дадут...

— Какой ужас! — схватилась я за голову. — Так что же вы! Немедленно показывайте свою рану! Сейчас же!

Такого поворота троица не ожидала. Я сделала шаг вперед и недвусмысленно протянула руку к завязкам штанов.

— Сейчас же показывайте, что болит! Лекарства у меня с собой! Ну же!

— Может, устроимся где-то... поудобнее? — попробовал мурлыкнуть красавчик, но я уже перла вперед, словно боевой рыцарский конь.

— Нет-нет! Промедление смерти подобно! Сейчас же! Немедленно предъявите источник своих страданий, а лекарство я уже приготовила.

И в моей руке выразительно качнулась ловко извлеченная из саквояжа клизма.*

*** ближайший аналог — шприц Жанэ. Прим. авт.**

Большая!

Все гвардейцы, которые оказались рядом, грохнули смехом.

Красавчик побагровел.

— Ну что же вы, — я неумолимо гнала несчастного по двору. — Не бойтесь, это совсем не больно, все говорят, что у меня легкая рука.

Гвардейцы хохотали, подавая ценные советы. Красавчик имел бледный вид, уже не сомневаясь, что любые его доблести будут безжалостно обнажены и высмеяны...

Я развлекалась от души. Не сомневаюсь, окажись я один на один с этой троицей — и судьба моя была бы печальна. Но здесь, на людях, они оказались бессильны.

Шипеть — шипи, а тронуть не моги! Вот!

— Прекратить бардак!

Голос громыхнул грозовыми раскатами. Я опустила клизму и обернулась.

Посреди двора стоял.... я так понимаю, что это и есть Элетон Лоури.

Здоровущий, кряжистый мужчина лет сорока, темноволосый и кареглазый, с лицом, словно вырубленным из дерева... и весь он был такой основательный, как древний деревянный идол, которым когда-то поклонялись язычники. Бело-синий плащ, перевязь через плечо, вытянувшиеся гвардейцы...

И самое главное — лакей за его спиной. Сбегал, привел... какой молодец!

— Так... Кто у нас тут? Олиас, Коуртон, Рифен. Все те же, все там же. Чего ж вам не хватает-то? Девушка?

Я выпрямилась во весь свой невеликий рост. Эх, быть бы мне хоть чуток повыше.

— Господин Лоури, я лекарка, Ветана Тойни, прибыла к вам по приказанию герцога Моринара. К сожалению, до вас я дойти не успела. Молодой господин пожаловался на испытываемые страдания. Как лекарь, я обязана оказать несчастному первую помощь.

Лоури усмехнулся.

— Ах, вот оно как? Замечательно. Госпожа Ветана, пройдемте. А вы, Рифен, — ах, так красавчика зовут Рифен? Запомним, еще как запомним... — извольте отправиться к полковому лекарю на предмет обследования.

— Он со вчера пьян, — огрызнулся Рифен.

— Значит разбудите, протрезвите и обследуйтесь, — надавил голосом Лоури. — Исполнять!

Красавчик неторопливым шагом направился куда-то в сторону от меня.

— Бегом! — рывкнул Лоури, и я едва подавила желание бежать.

Убедительный человек, ничего не скажешь.

Впрочем, когда он посмотрел на клизму в моей руке, выражение его лица чуть смягчилось.

— Идемте, госпожа Ветана. Герцог сказал мне о вас.

Интересно, что именно он сказал?

Но лучше не спрашивать, а то ведь ответить могут.

Кабинет сержанта гвардии был ему под стать. Панели из резного дуба, здоровущий стол, коллекция оружия на стене — все боевое, отточенное, и, без сомнения, не раз побывавшее в деле. Меня усадили в здоровущее мягкое кресло, поставили выдавший виды саквояж рядом на стол.

— Госпожа Ветана, герцог упоминал, что вы лекарь.

— Да.

— Хороший?

Я только плечами пожала, не говоря ни да, ни нет. А что тут скажешь? Хвалить себя глупо, ругать еще глупее.

— Госпожа Ветана?

— Об этом надо спрашивать не у меня, а у тех, кто выжил.

— Криталь Верандуа поет вам дифирамбы.

— Моя заслуга была невелика.

— Я видел его раны. Госпожа Ветана, герцог считает, что нам нужен еще один лекарь.

— Еще один?

— Тот, который есть у нас... кроме связей с герцогским домом Ришардов ничем не прославлен. Много пьет и не всегда справляется.

Я кивнула.

— Поэтому герцог считает, что ему нужен помощник. Или помощница.

Лоури разливался, что соловей по весне. Я соображала.

Есть гвардейцы, которые регулярно нарываюся на неприятности. После этого им требуется лечение. Есть гвардейский лекарь. Алкоголик с большими связями, которого нельзя выкинуть просто так. Но и работать он вряд ли может. Утро, а он нетрезв? А случись что?

Замечательно!

Да лекарь и капли вина в рот брать не должен, у него ж глаза ослабнут, рука четкость потеряет, а уж если пристрастится...

В таких условиях герцог делает что может — находит еще одного лекаря.

Непонятно одно — почему я?

Почему герцог решил меня облагодетельствовать? Другого не нашлось?

Этот вопрос я и задала сержанту. Лоури только улыбнулся.

— Герцог сказал, что вы — хороший лекарь. И что одинокой женщине нужна защита. Надеюсь, вы понимаете, что лекарь королевских гвардейцев — это звание...

Кракен его сожри!

Я злилась, ругалась, а он... или это ловушка?

— Что входит в мои обязанности, и сколько мне будут платить?

— В ваши обязанности входит лечить гвардейцев. Да, если они попросят, то и присутствовать на дуэлях. Хоть официально они и не одобряются, но мы все знаем правду.

Знаем.

— Платить вам будут столько же, сколько и лекарю, находиться в казармах постоянно не стоит. Дежурство в лазарете — сутки через трое. Я доступен для вас в любое время дня и ночи. Вы женщина, а потому возможны... разные случаи. Если случается что-то непредвиденное, за вами пришлют вестового.

— Сколько мне будут платить?

Названная сумма заставила престонародно присвистнуть. За месяц я столько не зарабатываю. Но...

— Вряд ли лекарь будет рад...

— Я сам с ним поговорю. Не сомневайтесь, он будет крайне вежлив с вами.

Глядя на сержанта, я и не сомневалась.

Конечно, я согласилась.

Плюсы — деньги и место.

Минусы — место.

Помощница лекаря королевских гвардейцев — это статус. Только вот кто меня защитит и от гвардейцев, и от лекаря?

А вот и проспавшийся начальник. Влетает в кабинет..

Разглядываю его пристально и вдумчиво.

Высокий массивный мужчина лет пятидесяти, седые волосы венчиком вокруг обширной плечи и седые брови клочьями, длинный крючковатый нос, квадратный подбородок, квадратный, словно обрубленный торс на коротких кривых ногах. А руки длинные и сильные.

Наверняка ловкие и умелые.... были.

Сейчас же на носу видна сеть прожилок, под глазами мешки, пальцы ощутимо трясутся, на белой рубаше подозрительные пятна, а запахок заставляет поморщиться даже сержанта.

— Господин Рейнешард?

Оп-па!

Так ты у нас, любезнейший, бастард? Именно в этом случае дают фамилию, образованную от титула. Видимо, старого герцога?

Сержант выглядит весьма... неодобрительно, но господину это безразлично.

— Что происходит, Лоури?! Я вас спрашиваю!

— Ничего.

— А это что за девка?!

— Это — ваша помощница, — спокойно сообщает Лоури. Видимо, решил сразу все прояснить и выслушать первый, самый сильный взрыв негодования, именно здесь. У себя в кабинете, не вынося это дело на люди.

— Помощница? — лекарь оскаливается. — Ну пошли, поможешь...

И спускает штаны.

Тоже мне, открытие. И почему все мужчины так уверены, что я свалюсь в истерическом припадке если не от намека, так от лицеизрения? Самомнение, однако...

Нельзя сказать, что я не видела этого раньше. Видела. Просто противно — седые волосы, дряблая кожа, синие прожилки вен, выпирающие кости бедер.

Лоури приподнимается из-за стола, но я его опережаю.

— Господин сержант, у вас мышей нет?

— Мышей?!

— Думаю, мышь как раз подойдет. По размеру.

Доходит за несколько секунд. После этого сержант принимается хохотать, а лекарь заливается краской..

— Да ты... это...

— Это — не я. Это — судьба.

Лоури заканчивает хохотать.

— Рейнешард, советую вам завязать штаны и убраться отсюда. Госпожа Ветана — ваша помощница с этого дня. Распоряжение Мориныра.

— Я этого так не оставлю!

И слава Светлому. Выйди он отсюда в таком виде... бrrrrrrr!

Взгляд у Лоури очень выразительный. Так, что лекарь судорожными движениями завязывает штаны, и вылетает прочь.

— С-скотина. Только и горазд винище жрать, как беда, так не добудишься, но гонору...

Лоури смотрит на дверь злыми глазами.

— А герцог его выгнать не может? Сам?

— Да и прибить бы не жалко, — раскрывает 'страшную тайну' сержант, — но Ришарды... вот уж бельмо на глазу! Он же ублюдок старого герцога, считай, нынешнему — брат. И не только полукровный, но и молочный. Обидеть такого, что на гриб-трухлявик

наступить, потом вони не оберешься.

Понимающе киваю.

Ришарды.

За время жизни в Алетаре я о них тоже наслушалась.

Род старый, богатый, не единожды роднившийся с королевским, последний раз, правда, достаточно давно, еще при Александре Проклятом. Там то ли дед, то ли его дядя — кто-то с ними связывался, точно не помню. Потом — как отрезало.

Но и без того влияния и власти у них — хоть отбавляй. Много земли, по богатству их владения сравнимы с Моринаровскими, а то и превосходят их кое в чем, обширные связи за границей, не дающие королям Раденора придавить все семейство по-тихому, громадные деньги...

Сложная семейка.

Насколько мне известно, сейчас в свет вышла дочь герцога Ришарда, ей ищут партию. Так что скоро давняя вражда может и закончиться. У Моринара жены нет, чем бы и не пара для 'белесого палача'?

— Вы где живете, госпожа Ветана?

— В желтом городе.

Лоури подумал.

— Может, вам в зеленый переехать? Или в белый?

Я покачала головой.

— Дорого. Да и привыкла я там.

— Смотрите. Ребята вас, конечно, и там найдут, но чем ближе — тем лучше..

Я только плечами пожала.

— Я себе этой работы не искала. И не будет ее — не огорчусь. Даже и лучше без нее было. Если б мне ваш герцог не угрожал...

— Госпожа Ветана, герцог никогда не угрожает.

— А...

— Он либо делает, либо не делает. Просто все его боятся, а он этим пользуется.

Я отчетливо вижу, что Лоури восхищается своим начальником и не могу удержаться.

— Оно и неудивительно. После герцога Корвина...

Лоури хмурится.

— Госпожа Ветана, давайте не будем.

— Как прикажете, — покладисто соглашаюсь я.

А жаль. Интересно же, что там случилось.

— Давайте я вам покажу лазарет при казармах, и отправитесь домой.

Что мне остается делать? Только вежливо согласиться.

Лазарет запущен до крайности.

Окна грязные, пол заплесан, на столе можно огород выращивать, в углу по штукатурке вьется плесень... я с укором смотрю на Лоури.

— Сержант, я понимаю, что лазарет здесь скорее формальный, но разве нельзя все отмыть?

— И кто будет этим заниматься? Рейнешард?

— Ему платят столько, что можно бы и заняться.

— госпожа Ветана, вам тоже платят.

Я понимаю намек и киваю.

— Ладно. Когда мое первое дежурство?

— Думаю, завтра.

— Хорошо. Я приду с рассветом.

— Будем ждать, госпожа Ветана.

Домой я иду медленно, размышляя, куда я попала, и чем мне это грозит.

С одной стороны — это неплохо.

Это статус, это заработок, это гарантия моей неприкосновенности. Теперь меня и обижать побоятся, и в противозаконные делишки втягивать. Мало ли...

С другой...

Аристократия — не самый лучший для меня круг общения. Мне бы держаться оттуда подальше, да не получается. Хотя и так уже...

Барон, граф, маркиз... клиентура все выше и выше, рано или поздно меня могут попросту убрать. Как слишком много знающую.

А еще есть Храм!

Я даже останавливаюсь на минуту.

А ведь мне надо поблагодарить Моринара. Раденор — место своеобразное, если мой дар раскроют, хотя бы Храму я не достанусь. Буду служить Короне.

Это не так хорошо, как на вольных хлебах, но и не слишком плохо.

Все равно — страшно.

Шими, наоборот, радуется, узнав, куда я попала. Малек подпрыгивает так, что дубовый стол трясется и восторженно верещит.

— А с вами можно?! Можно!?

Киваю.

Можно, конечно. Что-то вещует мне, что завтра будет тяжелый день. Надо к нему подготовиться. Случись что, Шими хотя бы сержанта позовет.

— Завтра, как проснешься, приходи в казармы. Найдешь там лазарет?

— Найду. А вы...

— А я там с рассвета.

Судя по восторженному лицу малька, он там тоже будет с рассвета. Как бы с вечера караулить не начал.

— Тебе нравятся гвардейцы?

— Да! Они такие... такие...

— Может, тебе тоже в гвардию?

— Меня не возьмут, — Шими твердо стоит на ногах. — Лучше уж я там лечить буду...

— Ну, в лекари я тебя точно возьму, — утешаю я. — а гвардия... Знаешь, не такие уж они и блестящие. Я прийти не успела, а меня уже оскорбить попытались.

Шими выпячивает грудь.

— Да я их... я их...

— А ты, если что, сбегашь и позовешь сержанта Лоури. Правильно?

— Да, госпожа Ветана.

Это звучит протяжно и тоскливо. Мой храбрый защитник на глазах грустнеет. Я ерошу ему непослушные вихры.

— Шими, я не сомневаюсь в твоих возможностях. Ты ведь и сейчас с оружием?

Шими кивает. Другого ответа я и не ожидала. Уличные мальчишки, знаете ли. У каждого из них оружие с малолетства. Камень, веревка, заточенный осколок или даже нож — кто чем лучше умеет. Продолжаю убеждать мальчишку дальше.

— Если ты ранишь или покалечишь гвардейца, не сомневаюсь, что ты будешь в своем праве. Но зачем связываться с вельможами? Ты учти, пострадает твоя семья...

А вот это мальчишка понимает.

— Как скажете, госпожа Ветана. Я обещаю... я помогу.

Очень хочется поцеловать мальчика в макушку. Мой храбрый защитник. Но вместо этого я киваю и строго смотрю на него.

— Ты выучил, какие кости есть в руке?

— Да.

— Тогда рассказывай.

До темноты я кручусь по дому, а ближе к вечеру мне стучатся в дверь.

— Госпожа Ветана, можно вас?

Куда ж я денусь?

Оборачиваюсь, и встречаю взгляд господина Литорна, симпатичного парня лет двадцати пяти. Да, именно парня, не мужчины. Светлый наградил беднягу властной и нетерпимой матерью, которая скандально известна всему Желтому городу. Не то, чтобы она гуляла, или блудила, или...

Но грабителя, который посмел забраться в ее дом, милая дама забила чуть ли не до смерти, говорят, он к стражникам кинулся, как к родным. Девушку, которую ее сын привел на смотрины, женщина гнала по улице кочергой, вопя нечто вроде: 'ах ты ж, шлюха!!!'. Может, девушка этого и заслуживала, поскольку по данным госпожи Лимиры давно не была девушкой, но...

— Что случилось, господин Литорн?

— Маме плохо.

Ага, плохо ей! Это состояние у нее приключается примерно раз в пять дней, и всегда по одному и тому же сценарию. Сначала начинает ломить виски, потом болит голова, потом мигрень перекидывается на сердце (нет, я не знаю, какими путями это происходит), потом на почки и к приходу лекаря у несчастной не остается ни одного здорового места на теле. Симптомы ее болезней обильны и разнообразны, и говорит о них дама с громадным удовольствием. Прошлый раз она мне так красноречиво описала тяжесть, колики и спазмы в печени, что я и у себя печенку нашла. Всегда считала, что у мага жизни болезней не бывает, а тут — почувствовала.

Лекарю же предписывается стоять рядом и слушать. Разрешается производить звуки содержания: 'правда?', 'неужели?', 'какой кошмар!' и 'вы так страдаете!'.

Сомневаться в болезнях?

Уточнять что к чему?

Сказать хоть слово о злостной симуляции?

Последние лет пять этого никто не рискует делать. В силу 'слабых легких' камин у госпожи Литорн никогда не гаснет. И карающая кочерга наготове.

Отказываться язык не поворачивался. Господин Литорн и так редко заходит. Понимает, что его матушку в больших количествах выдержать сложно и чередует лекарей. Так что я сняла передник, повесила его рядом с корытом, в котором стирала, и осторожно потянулась. Крупные вещи я отдаю прачкам, но мелочь проще и быстрее постирать самостоятельно. Только вот спина побаливает...

— Сейчас я сумку возьму...

В награду я получаю благодарный взгляд.

Иду я, иду... куда тут денешься.

Госпожа Литорн лежит в кровати с самым страдальческим выражением на лице.

— Здравствуйте, госпожа, — я вежливо раскланиваюсь, присаживаюсь рядом, нащупываю у нее пульс. — Что у вас болит?

И поспешно проглатываю слово 'сегодня'.

Госпожа Литорн пускается в страшные описания. Болит у нее и здесь, и там, и даже немножко тут. Ноет, колет, тянет, режет и чешется — и все это одновременно.

Принимаюсь осторожно прощупывать живот, под недовольные стоны, и тут...

Надавить, отпустить, еще раз надавить.

— Больно?

— Я же говорю...

— Встаньте. Попробуйте подвигаться.

Госпожа Литорн послушно встает. Пробует сделать шаг, другой, потом оборачивается ко мне с возмущенным выражением лица, и вдруг....

— Ох!

Вот теперь ее скручивает реальный приступ боли, а не воображаемый. Женщина мигом теряет всю важность.

— Это... это...?!

— Это, госпожа Литорн, камни в почках. Потому и болит.

Женщина смотрит на меня удивленными глазами. Конечно, к тому, что у нее действительно болит, она не привыкла. Это тебе не капризничать и скандалы сыну закатывать, это серьезнее.

— Ложитесь на живот.

— Зачем?

— Прощупывать буду.

Я не лгу.

Прощупывать, простукивать, прослушивать — обязательно буду. А еще — воспользуюсь своим даром, чтобы определить, где камни и сколько. Но так — никто ничего не увидит.

Госпожа Литорн замирает под моими руками, и я осторожно определяю, что, где и сколько. Золотистые искры стекают по моим рукам. В этот раз я не пытаюсь лечить своим даром, ни к чему. Просто узнать, что именно происходит с больной. А что с ней? В левой почке — три камня, в правой всего один, но какой крупный! Когда он начнет выходить, это будет нечто ужасное. Госпожа Литорн с ума сойдет от боли.

Но...

Достаю из сумки снадобья.

— Вот это и это вам надо пить. По столовой ложке перед едой, каждый день. Обязательно. — третий пузырек достаю уже подумав. Отливаю половину. — Тут обезболивающее. С ним осторожнее, оно сильное. По пять капель на стакан воды, не больше.

— Хорошо, Веточка.

— Очень осторожно с обезболивающим. Понятно?

— Да, госпожа Ветана. А...

— Когда камни пойдут из тела, — а они пойдут, уже пошли, я это отчетливо вижу, — будет больно. Чуток перетерпите, и все будет нормально. Зовите, как понадобится.

— Хорошо, госпожа Ветана.

Я даю еще несколько рекомендаций, объясняю женщине, что ее ждет и как она себя должна чувствовать, еще раз прошу позвать меня в случае затруднений, и откланиваюсь.

Господина Литорна я предупреждаю отдельно.

Осторожно с обезболивающим! Очень осторожно!

Мужчина кивает и соглашается. Что ж, надеюсь, он что-нибудь да поймет. А мне пора домой. Поспать бы хоть чуток, а то завтра будет новый день и гвардейцы короля.

Ох-ох-ох...

Что-то подсказывало мне, что озабоченные красавчик с лекарем были только первыми пташками. Ладно!

Я справлюсь.

Как же здорово смотрятся казармы на рассвете!

Тихо, спокойно, уютно... никаких гвардейцев! Всегда бы так! Может, их на войну заберут?

Мы с Шими (куда уж от этого неутомонного) открыли дверь лазарета и принялись оглядываться по сторонам. Молча.

Слова застряли где-то на уровне пищевода и выталкиваться не желали. Это сколько ж надо пить, чтобы превратить лазарет — в хлев?

— Ну и... этот Рейнешард, — высказался малек.

Я отвесила ему легонький подзатыльник, чтобы не ругался, но в целом — мальчишка прав. Свиной тут содержать еще куда ни шло, но людей лечить?

Грязь — повсюду. Кажется, хозяин места сего соблюдает старый принцип: 'два сантиметра не грязь, а три — сама отпадет'. А она все не отпадает, и не отпадает. Или он решил сшить себе занавески из паутины? Я знаю, что ее добавляют в мазь, но разводить пауков на рабочем месте?

Мы находим в углу ведра и тряпки, с верхом заваленные пустыми бутылками, и принимаемся за дело. Обязанности поделились по-честному. Шими уверенно бежит между колодцем, помойкой и выгребной ямой. Я мою все, как заведенная. Начала с окон, потом, когда смогла хотя бы разглядеть весь бардак, творящийся в помещении, переключилась на стены. Жаль, потолок не помоешь, он беленый, но шваброй я по нему прошла, разгоняя вековые колонии пауков.

Потом прошла по стенам.

По полу, разгоняя такие же вековые колонии тараканов. Их здесь было столько, что если бы за таракана платили по медяку, общей суммы хватило бы на годовое гвардейское

жалованье.

Бэээээ...

Ненавижу этих тварей. Пришлось заливать все углы специальным раствором. Вода, уксус, красный перец, мята... и надо бы послать Шими за выгонкой земляного масла. Тоже, говорят, помогает, хоть и вонюче.*

*** Керосином можно опрыскивать от этих тварей, но курить потом в квартире уже не получится. Прим. авт.**

Жаль только одного — нельзя снести этот бардак и построить лазарет заново.

Опа!

А это что такое?

В углу обнаружили несколько бутылок с вином.

В лазарете!

Несколько минут меня ужасно тянуло добавить в вино что-нибудь вроде снотворного или слабительного. Потом я решила не спешить с этим нужным делом и принялась отмывать стол.

Все инструменты, которые нашла, я тупо свалила в кастрюлю, залила водой и поставила кипятить. Скальпели были жирными и захватанными, кажется, ими резали колбасу, единственная пила по кости, которую я нашла, заржавела, щипчики были измазаны в чем-то желтом и гадком... ими в носу ковырялись? Кипятить буду два-три раза, пока вся эта дрянь не отойдет, потом перемою и еще раз откипячу.

Бинты?

Перевязочный материал?

Корпия?

Все есть, но в таком состоянии, что только мышинных гнезд не хватает. Тоже придется прокипятить и просушить. Видно, что лазарет снабжается, и снабжается хорошо, но хозяина тут нет.

Настойки, отвары — все необходимое здесь есть, но флаконы надо открывать и нюхать, чтобы определить содержимое. Этикетки где отклеились, где написаны неразборчиво, да еще и с сокращениями...

Шими уже даже не ругался — сил не хватало.

— Сбегай, купи нам чего-нибудь пожевать? — я протянула мальку несколько медяков. Мальчишка кивнул и умчался.

А я принялась снимать занавески, пожелтевшие от пыли и времени. Отдам в стирку. Сама я с ними точно не справлюсь, руки до кости сотру. Или бросить их в таз со щелоком и ногами потоптать? Кажется, я видела подходящий тазик где-то под столом или за шкафом?
...

За размышлениями я и не заметила, как скрипнула дверь.

Опомнилась, когда за спиной раздалось вовсе уж неприглядное хмыканье. Злобное такое, гаденькое...

На меня смотрел Рейнешард. Нагло, с полной уверенностью в своих силах, а зря. За свински запущенный лазарет я бы ему сейчас все ребра шваброй пересчитала.

И куда только делось мое аристократическое воспитание?

Но после пяти часов уборки оно как-то притихло. И совесть намекала, что будет не против справедливого возмездия. Оторвать гаду руки и поменять местами с ногами!

— Приперлась, гадина?

Отвечать глупо, смолчать — себе дороже. Да и не в том я сейчас состоянии, чтобы скромно молчать.

— Любезнейший, вас не затруднит забрать ваше добро из лазарета? Здесь людей лечат, а не спаивают.

Я указала кивком головы на бутылки и продолжила примериваться к занавескам, краем глаза наблюдая за лекарем. Рейнешард злобно оскалился.

Гримасу портило легкое покачивание тела по сложной амплитуде. Вчера мужчина явно пил, сегодня поправился и тепленьким явился на службу.

— Вот уж тебя не спросили, сучку такую!

— В вашей грязи и собаки-то жить не станут, — фыркнула я.

На лице лекаря боролись два взаимоисключающих желания. И наорать бы на меня, да боязно. Чай, не девка с улицы, а протеже Мориная. Ладно! С улицы! Только ему о том неизвестно. И порядок тут навести давно пора было. Поблагодарить?

Ага, поблаговаришь такую, а она вовсе уж на шею влезет!

Не знаю, что бы он выбрал, но...

— а где тут наша курочка?

Трое вчерашних 'красавцев' ввалились, как конница на поле боя! С налету, лихо, гордо... ну-ну. Господа Олиас, Коуртон и Рифен. Что ж им надо-то? Захворали? И как таких болезных в гвардии держат?

Вслух я этого не сказала, но гвардейцы и сами изложили цель визита.

— Красавица, а мы вчера о лечении не договорили, — провёл красавчик. Кажется, Олиас?

— А вы так со вчерашнего дня и терпите? — ехидно уточнила я. — Да, не повезло...

— Вот мы и посмотрим, кому не повезло, — пропел вчерашний заводила. Коуртон?

— Сама разденешься — или помочь? — это уже Рифен.

Я бросила взгляд на лекаря. Не поможет, еще и за спектаклем понаблюдает.

Кричать 'помогите'? Так рот зажмут, еще и посмеются. Их трое, я одна.

Я огляделась в панике. Бежать?

Некуда.

Что же делать, что делать...

Руки опустились, скрылись в складках юбки, по щеке поползла слеза.

— Не трогайте меня, пожалуйста...

Можно подумать, это когда-то останавливало насильников. Коуртон только хмыкнул, шагнул вперед, протягивая руки. И тут же крутанулся, заорал...

Я не просто так ломала комедию. Дурой я была бы, не умея себя защитить. В желтом городе беззащитные долго не живут. Хоть лекарей и не трогают, а все ж бабы мне несколько полезных вещей показали.

Мы, женщины, слабее. Мы беззащитны перед мужчинами — и в этом наша сила. От тех, кто слабее, ждут только слез и криков. Вот и плачь! Рыдай, падай на колени, кричи, что есть сил... и бей. Только наверняка. Или... — в руке Арнет мелькает маленький пакетик. — Это красный перец. Ядовитый, ядреный, если таким, да в глаза — мало не покажется.

Главное — бросать в лицо. Пакетик маленький, в кармане юбки поместится...

Я это запомнила.

Расклад был не в мою пользу. Комната, я стою посредине, лицом к двери, справа от меня, примерно в паре шагов, жметесь лекарь, трое мужчин веером перекрывают выход из

комнаты.

Коуртон, как заводила, стоял посредине, ему первому и досталось. Теперь главное вырваться на волю из лазарета, иначе...

И я бросилась на второго. Это оказался красавчик Олиас. Мужчина поднял руку, защищая глаза — и тут же получил удар в пах. Некрасиво, банально, но в этот момент мне было не до хитростей.

На теле человека есть несколько особо уязвимых точек. При ударе в них любой надолго выйдет из строя.

Глаза, горло, пах.

Если стоишь вплотную — бей каблуком по ступне, если не совсем вплотную, можно ударить в колено, выбить коленную чашечку.

Хорошо бить в кадык.

Можно хлопнуть двумя ладонями по ушам — тоже подействует.

Мы, женщины, намного слабее мужчин, остается брать хитростью. Ударь — и беги, потом разберешься, кто прав, а кто виноват.*

*** автора просвещала знакомая тренер, так что адекватность совета — на ее совести. Прим. авт.**

Олиас согнулся вдвое, я бросилась к двери, но там оказался Рифен. Поднял длинную шпагу, поводил перед собой...

— Иди сюда, курочка! Сейчас ты у меня окажешься на вертеле...

Я дернулась.

Все?

Сделала шаг назад, второй, кажется, рядом двинулся Олиас, но...

Рифен вдруг полетел вперед так, словно его толкнули, что есть силы.

И я не упустила своего шанса. Подставить Рифену ножку, качнуться в сторону, уворачиваясь от еще неловких рук Олиаса, и выбежать на улицу, слыша за спиной вой Коуртона, который пытался найти воду.

А, и ослепнет, невелика беда! Поделом твари будет!

Я — маг жиизни, я обязана лечить всех, кто ко мне обратится, но... этих?!

Может, и вылечу.

Но сначала — точно покалечу!

Шими!

Конечно, это был Шими. Явился с пирожками, которые я пнула ногой под крыльцо, застал интересную сцену в домике, выждал нужного момента и что есть силы толкнул Рифена под колено, когда тот замахивался на меня.

Потому-то я и смогла вырваться!

Милый, родной мой малек! Который уже мчался к домику сержанта с воплем:

— Госпожу Ветану убиваааааюуууут!!! Караул, пожар, горим!!!

Гвардия высыпала на улицу так резво, словно их иголками в зад тыкали, подгоняя. Я аж зубами закрипела.

Точно — первые ласточки.

Небось, еще и об заклад побились. Сидели, ждали, завалят меня эти трое на спину, или нет, принесут трофеи — или ничего у них не выйдет?

Аристократы...
Цвет королевства...
Суки!

Шими тем временем добежал до знакомого домика и заколотил в дверь. И наа пороге появился...

Герцог Моринар?!

Ах ты ж...

Интрига мгновенно стала ясна.

Тоже ведь ждал, негодяй...

Я выпрямилась, словно подхлестнутая и впилась в герцога злым взглядом.

— Что случилось?

— ничего особенного, ваша светлость, — отозвалась я. — Просто попытка изнасилования.

— Да? И кто же... герои?

Судя по безразличному выражению лица, герцог тоже все знал. Знал — и тоже ждал, чем кончится. Конечно, к чему церемониться с какой-то девкой из желтого города?

— Олиас, Коуртон, Рифен, ваша светлость.

Мне приходилось прикладывать нешуточные усилия, чтобы голос не дрожал от ярости.

Тварь, какая ж тварь! Ненавижу!!!

— Ах, вот как? Ну, показывайте...

Еще на подходе к лазарету я поняла, что что-то не так. Из двери доносились злобные ругательства... А потом я просто замерла на пороге...

Рейнешард уже никому не составит проблемы. Никогда.

Потому что когда мы толкнули Рифена, он полетел вперед и чуть влево, а шпага-то у него была не в ножнах. Рейнешард спяну, после вчерашнего, просто не успел увернуться, и его нанизало, словно бабочку на булавку.

Я ему помогать не стала.

Я и так видела, что все бесполезно. Шпага пробила артерию, поток крови заливал рубашку, и было видно, что все кончится уже через пару секунд. Тут никакая магия не поможет.

Троица — Олиас, Коуртон и Рифен, кстати, это тоже понимала. Потому что Рейнешарду никто не помогал. Коуртон сидел на полу, а Олиас и Рифен искали, чем ему промыть глаза.

Напрасно.

Чистой воды здесь и сейчас не было, да и...

— Это чем вы его так?

— Перцем, — процедила я герцогу. И достала с полки примеченную бутылку. — Сиди смирно, герой. Да не три глаза руками, не поможет.

Отвар ромашки (и зачем он тут нужен?) полился в недавно отмытую миску. Рядом лег чистый лоскут.

— Протирай глаза, выжимай в них жидкость. Да осторожно, не развози... понял?

Лично я помогать Коуртону не собиралась. Он сюда пришел не цветочки мне дарить, вот и пусть разгребает последствия.

Моя доброта имеет границы.

Моринар полюбовался на парочку Олиас — Рифен, причем первый все еще передвигался достаточно неуверенно, и вежливо поинтересовался:

— Я услышу объяснения?

Заговорил Олиас.

— Ваша светлость, мы решили попросить что-то от похмелья. А эта гадина на нас набросилась...

— Одна. Девушка. На троих мужчин.

Олиас покраснел. Рифен тоже. Коуртону это не грозило, и так багровый от перца.

— Ну... может, мы пошутили немножко.

— С обнаженной шпагой?

Моринар интересовался таким вежливым тоном, что это было хуже всякой издевки. Шими застыл с открытым ртом. Я подозвала малька, и принялась объяснять, как правильно промывать поврежденные глаза. Пусть на Коуртоне потренируется, этого мне не жалко.

— Они вас... того... а вы их лечите? — не утерпел Шими.

Я злобно усмехнулась.

— Ну, ты же видишь, господа пытаются доказать, что это я хотела их изнасиловать... Одна. Троих. Может, еще и виновата окажусь, они ж благородные, слабые, нежные, а я... они придумают, кто я и что я.

Ядда в моем голосе хватило бы на шесть гадюк.

— Да не хотели мы! — праведно возопил Рифен. — Пугали только!

Но я не верила. Я помнила их лица. И... они-то дворяне, а я сейчас кто?

За мое изнасилование им ничего не будет. Вообще ничего.

Кажется, Моринар тоже им не поверил.

— Каким образом от вашей шутки пострадал Рейнешард?

— Она меня толкнула.

— Она его толкнула, — одновременно сказали Рифен и Олиас.

Я фыркнула, не комментируя беседу. Не по чину.

— Одновременно толкнула вас и Рейнешарда друг к другу? При том, что вы были с обнаженной шпагой? Какая разносторонняя девушка...

А вот это уже точно издевательство.

Мужчины покраснели, но Моринар не стал слушать их дальше.

— Я и так понял, что произошло. Вы хотели изнасиловать девушку, Рейнешард вступился за нее и был убит. Так что отвечать будете по всей строгости закона.

Мужчины заговорили, перебивая друг друга, но Моринар уже не слушал.

— Взять их и под стражу.

— А Коуртон...

— Этого вести осторожно. И плоску с раствором ему оставьте. Ему что грозит, госпожа лекарка?

Глаза я уже успела осмотреть...

— Да ничего ему не будет. Ну, походит дней десять красноглазым, но не ослепнет.

И едва не добавила: 'К сожалению'.

Моринар усмехнулся.

— Ладно. Вы — в порядке?

— Да. Но мне надо с вами поговорить.

— Обещаю, через полчаса вернусь.

Я кивнула.

Проследила, как все вышли вон, как Шими закрыл дверь — и опустилась на пол. Ноги не держали.

Мутило, штормило и в туалет, простите, хотелось. Выглядела я так паршиво, что Шими подскочил ко мне и затряс за руку.

— Госпожа Ветана, вы в порядке?

В порядке я точно не была. Но не пугать же мальчишку?

— Замечательно. Просто я, кажется, ногу подвернула.

— Правда?

— Знаешь, не каждый день у меня такие встряски... Да ладно, не переживай! Бывает! Сейчас посмотрим, нет ли у меня растяжения...

Шими облегченно вздохнул. Поверил. Вот и ладненько. Сейчас изображу осмотр, дождусь герцога, и...

Очень хотелось и его встретить перцем в лицо. Но — нельзя. Герцог же...

Хоть и сволочь.

Моринар пришел почти через час, довольный и улыбающийся. Мне тут же захотелось высыпать ему за шиворот горсть отборных тараканов, чтобы не был таким довольным. И посмотреть, как он будет от них избавляться...

— Госпожа Ветана, все замечательно.

— Вот как?

Я в этом вовсе не была уверена. Даже наоборот.

— Эти трое сидят под замком, больше вас никто не обидит...

— Я здесь оставаться не собираюсь, ваша светлость.

— Простите, госпожа Ветана?

— Вы получили, что хотели. Я больше не нужна.

— Мне нужен лекарь для солдат.

— А мне не нужно массовое изнасилование.

— Вам это и так грозит. В вашей лачуге...

— Там на меня никто не покушался. Бродяги и бандиты желтого города оказались благороднее аристократов, — отрезала я.

— Эти трое...

— Давно были у вас бельмом на глазу. Как и Рейнешард.

Это мне поведал Шими. И как только разузнал?

Моринар поморщился.

— Мне они не нравились....

— Смутьяны, задиры, дебоширы, пьяницы, а избавиться не получается. Я понимаю, ваша светлость, — мой голос звучал ровно. — Вы бросили меня сюда, как кошку в собачью стаю, и пока шавки лаяли под деревом, перебили самых наглых. Кошка уцелела, но не ждите от нее любви или благодарности.

— госпожа Ветана...

— Искренне надеюсь никогда больше вас не видеть, ваша светлость.

— я понимаю, что поступил не слишком хорошо...

— Понимаете? Ничего вы не понимаете, — я указала на накрытые простыней носилки с телом бедняги Рейнешарда. — Посмотрите сюда. Рейнешард был не самым лучшим человеком, но он — был. А теперь он убит, потому что вы решили поиграть людьми, как куклами. Нравится вам это?

Моринар небрежно пожал плечами.

— В этом виде он приятнее.

И я не стерпела.

— Палачу — возможно. Но не лекарю!

Герцог дернулся, словно я его обожгла плетью.

— Палачу?

Неужели ему никогда не говорили это в лицо? Хотя кто бы? Конечно, нет. Я вскинула голову, посмотрела с вызовом.

— Мне повторить, ваша светлость?

— Убирайтесь отсюда.

Что мне и требовалось. Я направилась к двери, на пороге задержалась.

— Ваш поступок недостойн герцога. Подставлять слабых, дабы избавиться от сильных — подло. Прощайте, ваша светлость.

Моринар не стал меня удерживать.

Дверью я так и не хлопнула, и изрядно собой гордилась.

И все равно — твари, суки и сволочи. Благородные дамы не ругаются, но если очень хочется, то можно.

Вот.

Корзину с пурпурными гиацинтами мне принесли этим же вечером. И не глядя на карточку я уже знала, что там вытиснен герб Моринаров.

Герцог извинялся, но перед кем?*

*** пурпурный гиацинт — извинение на языке цветов. Прим. авт.**

Перед лекаркой с нищей окраины? Женщиной, которой по определению и пять изнасилований не страшны, которую могут купить за пару монет? Я уже сталкивалась с этим, и вряд ли Моринар станет думать по-другому.

Так к чему же извинения?

Я назвала его палачом, я оскорбила его. И он — извиняется?

С другой стороны... меня могли изнасиловать, убить, сделать что угодно. Он втянул меня в это, втянул втемную, воспользовавшись надуманным предлогом.

Зачем?

Я подозревала, что ответа так и не узнаю, но жизнь оказалась добрее. Ко мне заглянул Криталь Верандуа.

Поцеловал руку, преподнес конфеты...

А заодно просветил о сложившейся ситуации.

В любом полку есть так называемая точка фокуса. Есть человек или несколько людей, которые исподтишка саботируют все распоряжения командира, вокруг них обычно собираются все недовольные жизнью и начальством... вот, в гвардии это были Олиас, Коуртон и Рифен. Можно бы убрать их просто так, но...

Моринар не хотел беспорядков. Ему скоро отправляться на войну, ему нужна была полностью послушная и усмиренная гвардия. Требовалась ситуация, в которой змея укусит сама себя.

А потому Моринар пустил слух, что устраивает в гвардию свою любовницу.

То-то мне все намеревались мужскую доблесть продемонстрировать!

Сукин сын!

И вот, желая насолить герцогу, троица героев явилась ко мне в гости. Рейнешард оказался для Моринара приятным бонусом. Теперь его сводный брат будет разбираться с горе-бунтарями.

Но их-то мне жалко не было.

А вот герцога...

Убила бы. И не пожалела о сделанном.

Сначала мне захотелось выкинуть и корзину, и цветы, и вообще... отравить бы этого дарителя!

Потом я позвала соседских детей и попросила разнести цветы по всему кварталу, на сколько хватит. Корзину тоже отдала соседке, ей пригодится.

Подите вы к кракену в зубы, ваша светлость!

Стучать в мое окно так, что рама едва не вылетает — это традиция. Не самая приятная, должна заметить. Но если у человека беда, ему не до вежливости.

— госпожа Ветана! Помогите, мама умирает!!!

Господин Литорн выглядел так, что краше в гроб кладут. Поэтому я не стала ничего расспрашивать.

Накинула платье прямо на рубашку, схватила сумку и плащ — и вылетела вслед за ним, едва захлопнув дверь.

По дороге господин Литорн просвещал меня о случившемся.

Маме стало плохо.

Собственно, я предупреждала об этом, камень пошел из почек. Рано или поздно это должно было случиться.

Случилось — и больно.

К реальной боли госпожа Литорн не привыкла, поэтому мгновенно был вызван лекарь. Не я, нет. Меня как раз не было дома, поэтому позвали кого нашли.

Пришел лекарь, посоветовал какое-то лекарство, мама его приняла, а потом ей стало плохо. Не сразу, нет! Лекарь пришел утром, а плохо ей стало только к вечеру.

Не лекарство?

А что ж тогда?

Господин Литорн кинулся к тому лекарю, а его к роженице вызвали! Нет его! Вот он и ко мне...

Мы бежали по темным улицам. Мелькнула мысль, что еще год назад я бы так не бегала. Одышка была, ноги были слабые. А сейчас вот...

Хоть Алетар по кругу обегай!

Госпожа Литорн лежала на кровати.

Бледная, холодеющая...

Я схватила ее за руки, произвольно выпуская щупальца силы.

— Выйдите! Я ее буду осматривать...

На это меня еще хватило. Господин Литорн выскочил за дверь так быстро, словно его шилом в зад ткнули, а я уже чувствовала, уже понимала чутьем мага жизни — она умирает...

Но отчего?

Я поклясться готова, женщина была совершенно здорова. Хоть госпожа Литорн и строила из себя больную, но от камней не умирают. Тем более, я дала ей хорошее снадобье...

Я лихорадочно обвела взглядом комнату.

А ведь...

Знакомая бутылочка бросилась в глаза.

Обезболивающее.

Только раньше флакон был полон. А сейчас там и трети нет...

Оттягиваю веки, чтобы посмотреть зрачки госпожи Литорн. Глаза закатились, но зрачки я так и так не увижу. Потому что они сошлись в точку.

Да, это отравление обезболивающим.

И кто же будет крайним?

Одна доверчивая дура, которая дала эту склянку другой дуре. А значит...

Сила льется из моих пальцев. Это поток, сходный по свойствам с горным ручьем. Чистым, сильным, мощным... сейчас меня ничто не волнует. Только то, что подхлестнутые моей волей, мышцы больной начинают работать. Бешено колотится сердце, очищают организм почки... по простыне расплывается лужа дурно пахнущей мочи, на коже выступает пот.

Пусть так!

Вместе с этими выделениями из женщины выходит яд. Она будет жить, я обещаю! Будет. Жить.

Слуга Светлого Шантр, в миру некогда Шантр Лелуши, сидел в своей лаборатории.

Эх, тяжела ты доля слуги. Все чего-то требуют, а отказать не получается. Вот и приближенный Фолкс ходит и ходит. Вынь да положь ему этого мага жизни, а откуда ж его взять?

Чай, не дурак этот маг, если столько времени прячется. Или просто — слабак... хотя нет. Последнее — точно нет.

Силы он выплеснул немеряно, Шантру бы пятую часть, плевал бы он на тот Храм. И на Фолкса лично. Похоронил бы, закопал и плюнул.

И ведь ходит, угрожает...

Не предоставишь — так лабораторию отберу, денег не дам, в дальний храм сошлю, будешь до конца жизни поморникам хвосты общипывать...

Сволочь...

Размышления Шантра прервало дребезжание приборов.

Кто бы ни был этот маг жизни, сейчас он пустил в ход свою силу.

В желтом городе.

Не так далеко отсюда.

Шантр приподнялся было, собираясь поднять тревогу, но потом... Потом благоразумие взяло вверх.

В лаборатории он был один. Ни холопов, ни других слуг — никого рядом не было. Приборы уже успокаивались. А стало быть...

Старческие узловатые пальцы забегали по переплетениям проволочных кругов, поправили драгоценный камень, повернули резонатор, осторожно налили воду в хрустальную чашу и опустили туда хрустальную же призму.

Зачем поднимать шум и гам? Беспокоить людей, подавать им напрасные надежды, которые могут и не оправдаться? Это неправильный подход к проблеме, вовсе даже неправильный.

А какой верный?

Лучше всего осторожно снять слепок силы.

Определить направление, определить принадлежит эта сила мужчине или женщине, молодому или старому, примерно установить радиус поиска, и завтра, по свежим следам, расспросить людей в том районе. Он сможет сузить круг до ста шагов.

Да, в этот радиус попадет много людей, ну и не страшно. Шантр уже давно пришел к выводу, который не собирался озвучивать Фолксу до последнего.

Маг жизни обязан быть лекарем. Только тогда он сможет успешно скрываться.

Иначе его сила рано или поздно сорвется с поводка. Сила, это как дикая кошка на цепи — не удержишь. Так или иначе, рано или поздно, она бросится, и горе тому, кто окажется в пределах досягаемости. Это касается любого мага, и маг жизни исключением не станет. Либо используй свою силу, либо у тебя будет... прорыв.

Но прорыва не было.

А как маг жизни может пользоваться своей силой, не привлекая внимания?

Да только будучи лекарем. Подумаешь, будут у него люди чаще выздоравливать, или смертельные случаи он лечить будет. И что? В том-то и весь смак ситуации, что доказать это невозможно.

Можно доказать ошибку лекаря, но как доказать его опытность?

Шантр был твердо уверен в своих выводах, но делиться ими ни с кем не спешил. К чему?

Что он получит, сдав Храму мага жизни?

Поощрительное похлопывание по плечу? До следующего задания? Не более того, Фолкс слишком скуп для чего-то существенного. Так к чему дергаться?

Шантр знал и другое.

Он стар, болен, с помощью мага жизни он сможет продлить свой век.

Главное, правильно им распорядиться.

Нет, не будет он никому сдавать мага жизни, он сам его найдет. Или ее. А Храм...

Перебьются. Раз уж рядом с ним в этот момент никого не оказалось, значит, его затея угодна Небесам. Так что...

Где там был макет Алетара?

Госпожа Литорн дышала.

Медленно, с трудом, но дышала. Смотрела на меня...

— Госпожа Ветана?

— Лежите и не разговаривайте, вам вредно.

— что со мной было?

— Отравились вы.

— чем?

— Снотворными каплями. Сколько вы их пили?

Я понимала, что женщине сложно говорить, но надо было узнать подробности, как можно скорее.

— я не пила.

— а это?

Я повертела в руках бутылочку.

— Нет. Не пила....

Госпожа Литорн впадала в забытие. Я проверила пульс.

Не умрет. Вот и ладненько. Где там господин Литорн?

Любящий сынок обнаружился в столовой. Там он занимался самым важным делом в жизни — пил вино. Просто хлестал из стакана, словно воду. Я аж вскипела!

Я и так-то не была в прекрасном настроении, едва не попав в подозреваемые, а сейчас вовсе остервенела.

Стакан просто вылетел из руки у мужчины, покатился по полу, залил своим содержимым ковер и оставил брызги на обивке стен.

— Немедленно пошлите за стражей.

— Зачем?

— Потому что вашу мать пытались убить.

Литорн где стоял, там и сел. Ровно.

— К-как убить?

— Снотворным. Случилась бы передозировка, никто не доказал бы потом, что это убийство. Смерть по неосторожности...

Стражники ко мне заходили часто. Лечила я хорошо, брала дешево, а потому меня негласно взяли под покровительство. И совершенно не стеснялись обсуждать при мне подробности дел, которые валились на городскую стражу.

Где-то жена огрела мужа сковородкой насмерть.

Где-то муж по пьянке перепутал тещу со свиньей и заколол несчастную. То есть пытался. Повезло женщине — спряталась в свинарнике, а с боровом шутки плохи. Как бы он сам тебя не перепутал...

Где-то старика придушили подушкой — а что он, сволочь такая живет и живет? Пора бы уже и наследство людям отдавать!

И всеми этими сплетнями стражники щедро делились и со мной и друг с другом. А что?

Если имен не называть, то и плохо никому не будет. Один человек, и все тут. А так — желтый город большой, год можно по нему разгуливать и знакомых не встретить... ладно. Часа три — точно.

— Уб-бийство!?

— Стражу позовите... — буркнула я, и уселась в кресло, всем видом показывая, что оторвут только вместе с обивкой.

Долго упрашивать не пришлось.

Господин Литорн дернул за шнур звонка, а когда по вызову явился крепкий слуга, кивнул тому:

— Сбегай, стражников позови.

'Закон и порядок' себя долго ждать не заставили. И прибыли, что приятно, все свои, знакомые.

— Господин Самир, какая встреча! Господин Торн, господа...

— госпожа Ветана, — расплылся в улыбке Самир. — Какими судьбами?

— Боюсь, что печальными, — вздохнула я. — госпожу Литорн пытались отравить.

Если бы стражники были собаками, у них бы уши зашевелились при этих словах. Господин Литорн махнул рукой.

— Да кому это надо?

— вот и мне интересно — кому? — уточнила я. — господин Самир, тут дело такое. Я госпоже Литорн оставила сильное обезболивающее, у нее нехорошая болезнь. А когда меня сегодня позвали, оказалось, что обезболивающее выпито. Госпожа Литорн его не пила. Кто тогда?

— Мало ли кто выпил, — пожал плечами стражник. Торн, будучи помоложе и посообразительнее, прищурился.

— А позвали-то вас сегодня зачем?

— А затем, что человеку плохо стало. И клясться в Храме буду — от обезболивающего! Моего! А госпожа Литорн отрицает, что его пила...

Тут дошло уже до всех. Стражники ненавязчиво придвинулись к Литорну.

— Господин Литорн, а вы живете вдвоем с матерью?

— Да. А что?

— А еще кто есть в доме?

— Слуги. Лакей, две горничные, кухарка.

Это было понятно. Дом не самый маленький, рабочие руки тут требуются.

— Зовите всех, будем разбираться, — велел господин Самир. И посмотрел уже на меня. — Как сейчас себя чувствует госпожа Литорн?

— В этот раз — выживет, — 'оптимистично' отозвалась я. — Противоядие дали вовремя, а уж как и что потом будет — не знаю. Все, что от меня зависело, я сделала.

В комнату один за другим начали заходить слуги. Лакей, которого я уже видели, полная женщина лет сорока в чистом накрахмаленном переднике — явно кухарка, и горничная, похожая на больную мышь.

Трое.

Всего — трое. Я еще додумывала мысль, а господин Самир...

— А четвертая красавица где?

— Так не знаю, — бойко отозвалась кухарка. — Терлась на кухне, а как позвали нас, пошла в отхожее место... вроде бы... или раньше?

И тут дурное предчувствие охватило уже меня.

— Господин Самир...

— Госпожа Ветана...

Кажется, мы оба подумали об одном и том же, и одновременно. На второй этаж мы взлетали, как на крыльях, но — опоздали.

— Помирает...

Господин Самир оценивал все абсолютно верно.

Госпожа Литорн лежала на кровати, рядом валялась бутылочка из-под обезболивающего... пустая!

А ведь это я виновата..

Я не закрыла дверь, я просто подумала, что кто-то ошибся, или случайность, или...

Я не ожидала такой расчетливой и жестокой наглости, но чем это может помочь пожилой женщине, у которой уже закатываются глаза и пена на губах?

За мои ошибки расплачиваются другие...

Дура, какая же я дура...

— Госпожа Ветана?

Я медленно покачала головой.

— Я не Бог.

Господин Самир вздохнул. Положил мне руку на плечо.

— Выйдите. Вам этого лучше не видеть.

Агония — зрелище отвратительное. А уж агония умирающих от яда...

Тело до последнего борется и сопротивляется. А я ничем не могу помочь. Я уже много выплеснула, надо ждать, пока сила наберется вновь. Я ведь тоже живая, если полезу сейчас помогать, и ее не спасу, и себя подставляю. Агония...

Я всхлипнула. Господин Самир притянул меня к себе и неуклюже ткнул носом в плечо.

— Первая она у вас?

Я кивнула.

Да, первая, кого я теряю. Так получилось, дома моя практика обширной не была, а здесь я выворачивалась, где знаниями, где своим даром. Самые безнадежные случаи вытягивала, чтобы больную отравили у меня под носом.

Кто!?

Кажется, я спросила это вслух, потому что господин Самир погладил меня по волосам.

— Разве вы не поняли? Вторая служанка... Услышала, что стражу позвали, кинулась наверх, да и... запятнала душу темнотой.

— Это я виновата. Оставила снотворное....

— ошибаетесь, госпожа Ветана. Сами размыслите, если кто отравить идет, неуж яда с собой не возьмет?

Эммм... а верно! Снотворное — хорошо, но ядом — проще. Или даже ножом...

— Наверняка у нее и свое было, а ваше просто под руку подвернулось. Вот и...

— я могла бы тут остаться.

— Вы же не подозревали никого из домашних. Да и остались бы... было б тут два трупа.

— Я бы смогла...

— Что бы вы смогли? Госпожа Ветана, вы себя переоцениваете. Вы себя в зеркале-то видели? Ручки тоненькие, пальцы прозрачные... да и не ждали б вы удара. Не так?

— Я сильная, — огрызнулась я. — Просто выгляжу так.

Меня почти по-отечески погладили по волосам.

— Конечно, госпожа Ветана. Просто поймите, вы бы и ее не спасли, и сами тут легли...

Умом я все это понимала. Даже произносила те же полезные и серьезные слова. А сердце болело. Сердце не желало ничего понимать, оно грызло и ныло, оно плакало о женщине, которую мне не удалось спасти.

Легкий вздох, похожий на шипение, я услышала даже одним ухом. Второе было прижато рукой господина Самира.

— Все?

— Да... кажется все..

По комнате поплыл неприятный запах. После смерти мы все пахнем не слишком хорошо, это я знаю. Мышцы расслабляются, и все, что было внутри, выливается наружу.

— Мама!!! МАМОЧКА!!!

Господин Литорн.

Я хотела, было, перехватить его, утешить, но мне не дали.

Самир ловко прижал меня так, что и слово сказать было тяжело, а Торн вступил в игру.

— Господин Литорн, ваша мать, к сожалению, скончалась.

— Нет!

Крик вышел настолько бабьим, что мужчины поморщились, а я отвела взгляд. Иногда просто стыдно смотреть на человека.

— Господин Литорн...

— Нет!!! Я не верю!!! МАМА!!!

Остановить его не удалось. Мужчина прорвался мимо нас в комнату, рухнул на колени у кровати, схватил холодеющую руку женщины, прижал к губам и зарыдал. Истерически, со всхлипываниями и подвываниями. Минут пять я это просто созерцала. Потом вспомнила,

что все-таки лекарь, и полезла в сумку за успокоительным.

Как бы этого еще не пришлось откачивать... тонкая натура, м-да.

Самир успокаивал господина Литорна. Я в процессе не участвовала, потому что при виде меня мужчина начинал истерически рыдать. Так никакого успокоительного не хватит. Но и уйти пока не получалось. Мало ли что?

Так и терлась в гостиной со стражниками.

Слуг расспрашивали об исчезнувшей девушке, и картина складывалась неприглядная.

— Юнис? Шалопутка, — морщилась кухарка. — Вечно напялит юбку, ноги наружу выставит, да еще кофту с вырезом нацепит, сиськи наружу вывалит, и пошла...

— И госпожа Литорн это терпела?

— Ей Несси прислуживала. Да и не решалась та при госпоже-то так. А уж когда хозяйка слегла, Юнис вовсе распоясалась. И чуть что — к хозяину...

— и не просто так? Он мужчина молодой, свободный?

Кухарка поджала губы.

— Сама не видела, врать не буду. Но кажется мне, что было у них...

Господин Торн покивал и принялся расспрашивать лакея. Тот высказался определеннее. А то ж! В доме две девушки, и на одну из них без слез не взглянешь. Зато вторая ходит — красоту показывает, как тут не подкатить к прелестнице? Не получилось. Было высказано, что не про вашу честь пирожки пеклись, нечего со свинячьим рылом лезть, и она себе кого получше найдет. Так-то.

Кого — получше, тут и гадать не надо. Видимо, нашла.

Точнее всех высказалась Несси.

— Да спали они вместе, спали. Я думаю, Юнис затем в дом и взяли, господин же молодой, холостой, ему надо, а кого? И учтите, как ее взяли, так я стала только госпожу обслуживать, а она — господина.

— А кто так приказал?

— Госпожа Литорн.

С моей точки зрения, ничего странного в этом не было. И в господских замках бывало, что брали... опытных служанок. Особенно если в семье есть сыновья-подростки. Чтобы научила.

Наследник получал опыт обращения с женщинами, служанка — домик или пенсию, в зависимости от щедрости лорда, и все были довольны. Детей обычно от такой связи не рождалось, за этим следили. Вот и здесь так же...

Но стражники думали иначе.

— Могла Юнис пожелать выйти замуж за господина Литорна?

Несси задумалась, а потом медленно кивнула.

— А пожалуй что... Она при мне нос так драла, словно и не шлюха на жалованье, а невеста что. Намекала пару раз, что богатой госпожой станет, а я так и буду чужие горшки выносить.

— Вот и попробовала. Думала, наверное, что если все тихо пройдет, так этот хлюндик на ней женится, — проворчал Торн, выпроваживая служанку.

— А теперь что?

— а ничего. Искать будем. Найдем — определим на каторгу.

Я кивнула. Служанку мне жалко не было. Мало ли кто с кем спит, если из-за этого людей травить, так пол-Алетара вымрет.

Но подозрения с меня были сняты, и я отправилась домой.

Господину Литорну оставили успокоительного. И побольше, побольше.

Найди то, не знаю что.

Поиски Шантра Лелуши именно так и выглядели. Зачем храмовнику в город?

Официально — трав прикупить, минералов, кое-каких снадобий.

Неофициально — разыскать мага жизни.

А как?

Ходить и расспрашивать людей? Нет. Такой глупости Шантр не совершил. Понятно же, что так ни от кого ничего не добьешься. Поэтому он просто принялся обходить всех и приглашать народ на воскресное богослужение.

Так и так, всех рады видеть будем...

А если болеет кто, так я могу и сейчас с человеком поговорить. Мало ли кому утешение нужно...

Больных попадалось мало. И все прекрасно выздоровели бы и без магии, тоже мне, проблема. Где простуда, где травма, где перелом. Это жизни не угрожало. Не настолько, чтобы создать выплеск такой силы.

Повезло мужчине только на второй день, когда он уже озверел, устал и отчаялся.

Страшноватого вида служанка отрицательно покачала головой.

— Нет. Господин на воскресную службу не пойдет, горе у него.

— Горе?

— Мать у него третьего дня умерла.

— Умерла? Ох, горе-то какое...

— Да уж, хозяин сам не свой! — Несси, а это была именно она, выразительно округлила глаза. — и ведь госпожа Ветана ее, считай, спасла, а эта гадина...

Госпожа Ветана.

Шантр запомнил это имя, но история требовала прояснения. Вроде бы место — то, но мало ли?

— Какая гадина, чадо Светлого? Неужели в этом доме случилось убийство?

Несси закивала, и господин Шантр принялся раскручивать ее на откровенность. Вообще, Храм не одобрял пустословия, суесловия и злословия, но... это же во благо Храма и его, Шантра, лично! Так что Шантр, не глядя, поступился принципами, и принялся выпрашивать.

Спустя полтора часа он знал всю историю. В изложении Несси это выглядело так, что господа взяли в дом откровенную шлюху. Та сначала спала с господином, а потом отравила госпожу. Позвали лекарку, и та госпожу кое-как вытащила, с грехом пополам. Так эта гадина Юнис, вместо того. Чтобы сидеть тише мыши под веником, или хотя бы кинуться в ноги господину, да покаяться, пока все были заняты, стражу ждали, опять прокралась наверх, да и дотравила бедняжку.

И счастье еще, что лекарки рядом не оказалось. С кухни-то рыбный нож пропал! Потом уж нашли его в огороде, на заднем дворе, среди грядок с зеленью. Кинула его, видеть, мерзавка, когда убегала. Так что повезло.

Эта б гадина и лекарку не пожалела. А госпожа Ветана умничка такая...

Тут Шантр искренне удивился. Душу Несси он видел, словно на ладони, и был твердо уверен, что эта злобная страшилка хорошо говорить о других женщинах не способна в принципе. Ан нет?

Ради интереса он принялся расспрашивать о лекарке подробнее. И картина получалась интересная.

Госпожа Ветана не вызывала ни зависти, ни злости у женщин, потому что абсолютно ровно и спокойно относилась ко всем мужчинам. Симпатичная? Да, безусловно. Только одевается она так, что можно бы лучше. Куда как лучше могла бы одеваться, а она все черное, да серое, словно других цветов и на свете нет. Чужим мужикам глазки не строит, да и вообще внимания ни на кого не обращает. Как приехала, так местные кавалеры, было, оживились, да потом завяли.

Как-то она так со всеми обращается...

Женщины не видели в ней соперницу, а мужчины — подругу. Вот и удалось ей проскользнуть меж жерновов.

Шантр заинтересовался еще больше.

И сплетней, что госпожа Ветана, якобы, незаконная дочь какого-то знатного господина. А то и вовсе любовницей была, но это вряд ли... Таких в жены берут, не в любовницы.

А в жены не получается. Вот и предложение ей делали — отказала...

Сплетен господин Шантр наслушался — на три дня хватило бы. Но надо было проверить все до конца, А уж потом наведываться к этой Ветане. Лекарка-то никуда не денется, а события имеют тенденцию сглаживаться. Забываются, переиначиваются...

Вот и ходил мужчина, вот и расспрашивал.

И все больше убеждался, что нашел искомое. Даже странно, как ее Храм проглядел?

Хотя ничего странного тут нет. Сплетничают о странностях, а тут-то что? Приехала по просьбе госпожи Лимиры, вылечила ее дочь, потом решила остаться ненадолго, практику открыла... ничего нового. Бывает.

Вот если б она была заметна, а то обычная серая лекарская мышь, много их. Таких-то. А что руки у нее золотые, что умерших у нее, считай, и нет, госпожа Литорн — первая... так бывает!

Вот если б она людей морила — то дело другое... а ведь выздоравливают! Никто и слова не говорил. И не упоминал о ней — к чему?

Шантр подумал — и принялся готовить артефакт, который распознает мага жизни, а заодно защитит его самого от проявлений магического дара.

Храм знал многое, это Ветана была лишена знаний, в силу своей скрытности.

Маги жизни своим даром убивать не могут, все верно. Но обойти условие можно.

Там усилить кровотоки, тут ослабить, один орган стимулировать, второй придержать...

Человека и убивать не понадобится. Сам умрет, естественной смертью.

Удар хватил. Или задохнулся от кашля.

Всякое бывает, ой, всякое...

Не зря Ветана старалась держаться подальше от Храма.

Сведения, на которые опирался Шантр, были получены опытным путем. И не все подопытные выжили и сохранили дар. Далеко не все.

Но кому это интересно? Это уже история...

История с Литорнами не забывалась.

Царапала когтями, грызла изнутри, возвращалась в ночных кошмарах.

Впервые у меня на руках вот так умер человек. Я в нее силы вложила, а она все равно умерла.

Не все решает дар?

Далеко не все. А вот будь у меня больше знаний, или опыта...

Если бы я тогда не выплеснула все, спасая ее первый раз от отравления, я могла бы помочь и второй раз. А может, и третий?

А я не смогла.

Дура сопливая! Магом себя возомнила!

Решила, что выше тебя только горы? Что никто и ничто тебе не указ? Что способна со всем справиться?

Вот цена твоей ошибки!

Человеческая жизнь.

Дура.

В таком состоянии, ругательно ругая себя, я и отправилась по вызову.

Прибежавший мальчишка очень просил.

— Госпожа Ветана, пожалуйста! Мамке плохо! Лежит и не шевелится...

Мамке действительно было плохо. Полезла, понимаешь, на сарай, дранку поправить, да и отвлеклась. Оскользнулась, упала — и со всей дури о землю.

Называется это — дух вышибло.

Чем опасно?

Переломами, ушибами, травмой головы. Я шуганула детей, и принялась тщательно осматривать женщину.

Повезло.

Видимо, она тоже не из умных, потому что ей очень сильно повезло. Ушиб спины получился капитальный, а вот позвоночник оказался цел. И сотрясения мозга не было. Видимо, за отсутствием мозга.

Просто вышибло дух, а потом женщина никак не могла прийти в себя. Дыхания не хватало.

Я крепко отчитала детей за то, что они перетаскивали женщину с места на место. И не стоит при такой беде больного трогать, и им бы тяжести не таскать... попросить некого?

Оказалось, некого.

Раньше с ними тетя Юнис жила, а сейчас вот, нет ее.

Папа?

Папы тоже нет. Умер...

Но больше насторожило меня вот это 'тетя Юнис'. Имя редкое, да еще при мне недавно звучало — и я принялась расспрашивать детей. Старший мальчик, лет десяти и восьмилетняя девочка послушно отвечали на мои вопросы..

Да, тетя Юнис.

Да, та самая. Работала у господ служанкой. Как господ звали?

Нет, это дети не помнили. А вот как забегали за тетей в красивый дом — помнили. И дом этот был — Литорнов. По описанию — так точно. Один в один.

Я подумала, и взялась за женщину.

— За вами кто-то может приглядеть? Хотя бы пару дней?

— Нет. Некому...

— Дети говорили о сестре?

— Сестры тоже нет...

— Она умерла?

— Нет!

— Тогда в чем дело? — не отставала я. Больная глянула со злостью.

— А вам какая разница?

— Если вы встанете, придется вас опять лечить. Вам бы пролежать пару дней, а вы себе роздыху не даете. Надорветесь, а что потом с детьми будет?

Женщина мгновенно сникла, словно фитилек притушили.

— Некого попросить, некого...

— Вообще некого?

История, рассказанная женщиной, была проста и печальна.

Жили-были две девочки. Юнис — старшая и Иннис — младшая. Родители рано умерли, и девушки выживали сами, как могли. Юнис нанялась сиделкой к старой даме, чтобы прокормить сестру. На беду, у той дамы был сын.

В подробностях Иннис была скупа, но главное я поняла. Юнис попользовались и бросили беременной. Избавиться от ребенка она хотела, но не смогла. Так на свет появился Тинон.

Иннис вышла замуж честь по чести, но муж ее работал в караване. Деньги приносил, но дома его, считай, никогда не было, приходилось женщинам справляться самим.

А потом Юнис опять устроилась работать. К Литорнам.

И... если я правильно поняла, то господин Литорн не просто увлекся девушкой. Он обещал жениться. Только вот беда — мама. Прости, дорогая, я бы обязательно, но мама никогда не даст... нам никогда не быть вместе.

Есть среди женщин мастера по прыжкам на грабли. Причем, одни и те же. Есть. Юнис оказалась именно из таких. Она влюбилась, поверила и готова была идти за любимым на край света. Мешала госпожа Лимира.

Юнис подумала, затаилась и принялась выжидать.

И тут, как на грех, все сошлось один к одному. Камни в почках, боли, снотворное, очередная накрутка со стороны Литорна. Да еще...

Юнис узнала, что беременна.

Тинона воспитывали обе женщины, так что он, не различая, звал мамкой и одну, и вторую. Да и молодая тогда была Юнис, и глупая, и вообще... а вот этого ребенка она прочувствовала. И хотела до глубины души.

Хотеть было мало, надо еще и платить. Юнис подумала... то есть не подумала.

Да, она накапала снотворного госпоже Лимире. Но лекарка ее спасла, так что греха на Юнис нет. А что испугалась и сбежала... тут тоже понятно. Стражники ж разбираться не будут, сволокут в тюрьму. А она беременная! А что могут сделать с красивой девушкой, если она беззащитна и заступиться за нее некому....

Юнис испугалась и спряталась. И помочь сейчас никак не может.

— А зачем было второй раз госпожу Литорн травить? — не выдержала я. — Один раз — ладно, еще глупость. Но два-то уже умысел?

— Второй раз? Когда?

И изумление в глазах Иннис было искренним. Она не притворялась, нет. Она и правда не понимала, почему так. Какой еще второй раз? Откуда?

Я подумала, и присела на кровать.

— Иннис, та самая лекарка — это я. Давайте-ка восстановим всю картину с самого начала?

Ничего нового мне Иннис не сказала. Да, Юнис добавила обезболивающего лекарства. Но — один раз. И все. А больше — ничего не знаю, потому что ничего не было. И наоборот тоже.

Я схватилась за голову.

— Иннис, где она?

— Не знаю.

— Врете. Иннис, мне надо с ней поговорить. В этой истории что-то нечисто, Сияющим клянусь!

— Вы ее страже сдадите.

— Хотите — клятву дам в Храме? Обещаю, никто ничего не узнает! Буду молчать, пока она сама мне не разрешит стражу позвать. Иннис, ведь с этим разбираться надо! Век ваша сестра прятаться не сможет. И вы пострадаете, и она... и что с ней будет — неизвестно. И с вами тоже? Вам бы покой сейчас, а вы мало того, что волнуетесь, так еще и лежать не сможете.

Иннис долго колебалась, но я была настойчива в своих уговорах, и наконец женщина дрогнула.

— У нас на побережье было свое место. Туда легко дойти, а спрятаться там еще проще.

— Где?

— Наклонитесь пониже. Я боюсь, что дети услышат...

Выйдя из бедноватого домика, я ругнулась. Потом посмотрела на солнце, еще раз обозвала себя идиоткой — и направилась к выходу из города. До вечера обернуться успею.

В пещере ожидаемо было пусто.

Тихо и чисто. И где эта дура?

— Юнис! Юнис!!!

Тишина.

— Я одна! Стража обо мне не знает!

Молчание. Или мне послышался какой-то шорох?

— Мне Иннис все рассказала! Юнис, если вы здесь — лучше выходите. Я долго стоять не буду, а никак иначе вы в этой истории не разберетесь. Вас ведь подставили! Все думают, что вы убийца!

Долго уговаривать не пришлось. Юнис появилась через пару минут. Огляделась — и заскользила ко мне, балансируя на особенно неудобных камнях.

— Госпожа Ветана...

И так это было произнесено, с такой злобой и неприязнью, что впору было испугаться. Впрочем, я не испугалась и не обиделась. И не таких видали.

— Она самая. Юнис, расскажите мне все, как было?

— откуда вы узнали об этом месте?

— Иннис рассказала.

— Иннис? Что...

— С детьми все в порядке, — успокоила я Юнис. — А вот вашей сестре плохо. Она полезла дранку поправлять, да упала. Лежит теперь, болеет.

Юнис схватилась за голову.

— Вставать ей нельзя, — добила я женщину. — Лежать, лежать и еще раз лежать, не то худо будет. Я ее расспросила, вот и вскрылась истина. В город вам нельзя, стража схватит, а вот мне в стражу можно. Авось, послушают. Так что рассказывайте, Юнис.

— Что рассказывать?

— Про госпожу Литорн.

— А что тут говорить? Это ж я ее убила...

— Как именно?

— Снотворного накапала... да вы и так знаете...

— Рассказывай, Юнис. Рассказывай. Мне кажется, что в этой истории мы обе не все знаем.

Рассказ Юнис был прост, как коровье мычание. Да, влюбилась. Да, в пузике у нее наследник Литорнов. И — трижды да!

В то утро госпожа Литорн мучилась от боли. Камни из почек — штука неприятная, и даже очень. Почему рядом с ней оказалась Юнис, а не Несси? Да кто ж ее знает. Занята была чем-то, вот и подошла первая, кто услышал. Госпожа Литорн, хоть и покривилась при виде Юнис, но обезболивающее попросила.

Юнис послушно накапала пять капель.

Госпожа Лимира рывкнула на девушку, мол, мало.

Юнис добавила еще. И даже с лихвой.

Хотела ли она убить? Сложно сказать. Она отлично понимала, что пока жива мама, сын на ней никогда не женится. Кинут, в лучшем случае, монетку, да и пошла со двора. И ребенок не поможет. Но убить?

Да, наверное, хотела.

Потому что когда по дому поднялась паника, Юнис только обрадовалась.

Но она была рада и когда я пришла и спасла госпожу Литорн?

Да, была. А потом пришел Мирий, то есть любимый мужчина. И сказал, что Юнис надсбежать. Потому что мать пришла в себя, обвиняет во всем именно Юнис, а он сейчас успокоить ее не может. Так что пусть она пока уйдет, а он поговорит с матерью, успокоит ее, убедит...

— Он знает, что ты беременна?

— Нет.

Ну, я бы на это много не поставила. Мужчины тоже бывают наблюдательными.

— Срок какой?

— Второй месяц.

Тогда может и не знать. И все равно...

— Зачем ты брала нож для рыбы?

— Я его не брала. Я ж не кухарка...

— И на кухне не бываешь?

— Почему? Бываю. Мы там едим, да много чего там...

— и нож тот не видела?

Юнис посмотрела уже зло.

— Я. Его. Не брала.

— Хм-м...

— Да и зачем мне? Это Несси пусть возится, а на мои руки погляди?

На руки Юнис я поглядела внимательно. Крупные, но хорошей формы, ногти отполированы, кожа белая... с такими руками полы намывать не станешь. И рыбу чистить — тоже. Руки не служанки, а любовницы.

— К госпоже Лимире ты еще раз не заходила?

— Нет...

Я потеряла виски. Картина складывалась очень и очень нехорошая.

— Юнис, а ты знаешь, что женщину травили два раза?

— Два? Раза?

— Именно. Первый раз, я так понимаю, ты. А второй раз кто? Если ты клянешься, что не прикасалась к снотворному? И нож не брала? И к ней не поднималась?

Говоря все это, я внимательно наблюдала за Юнис. Очень внимательно.

И выводы получались грустные. Судя по реакциям, по дрожанию губ, по испуганным глазам, она мне и правда не лгала. Зато знала, кто лгал нам обеим. И... уже боялась этого знания.

— Юнис?

— Ты думаешь...

Я не думала. Я отлично помнила, как господин Литорн позвал лакея, а потом мы ждали стражу. И он выходил в уборную, а потом вернулся с мокрыми руками и волосами. Тогда я не придавала этому значения, а вот сейчас понимала... мог!

Я думала, что его тошнило, вот и результат, а он вместо этого... мог ли он быстро подняться к матери, скормить ей остаток снотворного, а потом метнуться к Юнис?

Вполне.

В комнате госпожи Литорн была вода?

— Да. Кувшин с цветами.

Тогда мог и наоборот. Сначала отослать Юнис, так, на всякий случай, а потом подняться наверх. Влить беспомощной матери капли в рот, смочить руки и волосы водой из кувшина — и обратно, вниз...

Мог, еще как мог.

Есть Юнис в доме — отлично, на нее все спишется.

Нет? Еще лучше! На отсутствующих что хочешь повесить можно!

Мы с Юнис смотрели друг на друга, наверное, минут пять, а затем я махнула рукой.

— Ну что, пошли?

— Куда?

— К моему знакомому стражнику.

Юнис я уговаривала примерно час. Но ближе к ночи, когда закат отгорел над дюнами и скалами, она таки согласилась, и мы побрели в город. Хорошо, что желтый город на ночь не закрывают.

Белый — да. Там несколько ворот, закрыть их — и проблем не будет. Зеленый условно,

но перегораживают улицы и патрулируют. А в желтом городе жизнь ночью кипит. Иногда и обжечь может, по неосторожности.

Да и как его перегородишь, если тут и рыбаки, и причалы, и половина домов стоит над морем?

На наше счастье, господин Самир жил именно в желтом городе.

А интересные ощущения, когда ты ночью скребешься в чье-то окошко. Не к тебе, а ты сама.

— кто там?

— господин Самир, вы бы не могли нас впустить?

— Кто?

— Ветана. Помните, лекарка?

Пара секунд молчания...

— Госпожа Ветана? Сейчас открою! Что случилось?

На Юнис он смотрел уже без восторга. Но нашу историю выслушал от самой Юнис, и покачал головой.

— Так... а ты понимаешь, что тебя ищут?

Юнис кивнула.

— Если б она не убедила, я бы лучше в дюнах сдохла...

— Кому лучше?

— Ну...

— У тебя ребенок будет, ты себя беречь должна, дуреха, а не шляться абы где. Небось, и не ела ничего с утра?

Госпожа Самир мне ужасно понравилась. Вот как бы вы отреагировали, если бы к вашему мужу ночью ввалились две растрепанные девицы? Одна-то ладно, знакомая, небось, и детей его пользовала, а вторая? Которая так выглядит, что впору за известные услуги доплачивать?

Я бы, может, и метлой приветила. А она спокойно предложила умыться с дороги, налила нам по кружке молока и подвинула поближе плюшки.

Юнис их сметала, как акула тунца.

— Не ешь всякую гадость, я тебе сейчас рагу разогрею. А вам, госпожа Ветана?

Я покачала головой.

— Спасибо. Я поела...

— Да где уж вы там поели? Не объедите вы нас, успокойтесь!

За это я и не беспокоилась. Расплачусь взаимозачетом — вылечу кого из них бесплатно, если что. Но есть на ночь не хотелось. Я голодная, не удержусь, налопаюсь, а потом и спать плохо буду, и желудок заболит...

— А можно еще молочка попросить? Вкусное оно у вас...

— Так я коровку абы чем не кормлю, груши добавляю... извини, Сим.

Это господин Самир многозначительно вздохнул, напоминая, что корова и груши это важно, но у нас и другие дела есть.

— Так... Понимаешь, в чем беда? Если б ты не сбежала, могла бы оправдаться. А сейчас, тебя сначала по морде приветят, а потом уж выслушают. Думаю, на это он и рассчитывал...

— Сам он, естественно, не признается, — кивнула я.

— Загнать его в Храм? Так они и согласились помочь!

Я кивнула.

Отличить правду от лжи — это высшая ментальная магия. Магия разума. Таких специалистов единицы на страну, уж в страже они точно не работают.

— А как тогда быть?

— Не знаю, — Самир поморщился. — Вот просто — не знаю. Пытка... но ты-то ее не выдержишь! Божий суд...

Я медленно пила молоко. И размышляла.

Правду знает только господин Литорн. Надо просто, чтобы он это сказал.

Какие у него слабые места?

Да он сам — одно большое слабое место. Внушаемый, легко поддающийся, достаточно истеричный... если бы он увидел призрак покойной матери — все бы выдал.

Но этого я обеспечить не могу.

А вот Юнис...

— А у меня есть одна идея, — подала я голос. — Только тут нужно общее участие...

Три пары глаз с интересом поглядели на меня. Я усмехнулась — и принялась выкладывать.

Мирий Литорн наслаждался утром. Все было замечательно.

Никто им не командовал, не требовал неясно чего, не ругался, не выяснял отношений...

Можно было просто сидеть в гостиной и попивать малиновый взвар. Красота...

Свежайшие плюшки, булочки с кремом и рогалики с вареньем довершали портрет прекрасного утра, которое, будем надеяться, превратится в прекрасный день.

Мирий набил трубочку, раскурил ее, и в очередной раз подумал, что жизнь прекрасна.

В дверь постучали.

— Господин Литорн, к вам стражник...

— Ну, так проси?

Стражник оказался знаком Мирию. Он приходил, расследовал убийство его несчастной матери.

— Доброе утро?

Вопрос был задан с оттенком легкого недовольства. К чему портить такое замечательное утро какими-то служебными вопросами?

Однако стражник на недовольство привычно наплевал и присел за стол. А заодно налил себе взвару, и, не спросив, потянул с блюда самую крупную булочку.

— Вы сегодня страже часок не уделите ли, господин Литорн?

— А что случилось?

— Да тело опознать требуется.

Кресло чуть покачнулось под Литорном.

— Тело?

— Нашли, кажись, вашу служанку. Утопленница она... вот проверить бы, та, аль не та?

Мирий улыбнулся. Этак барственно-снисходительно.

— У нее есть родные...

— Сестра больна, дети малы. Остаетесь вы. Так вы не согласны?

— Я согласен.

Чего не сделаешь ради торжества законности...

Через два часа Мирий стоял в морге. Там лежали тела утопленников. Было холодно, темновато и неприятно пахло, но ради всеобщего блага чего не сделаешь!

Мужчина поежился и взглянул на стражника.

Тот подошел и откинул простыню с одного из тел.

Мирий вздрогнул.

Это действительно была Юнис, но какая!

Утопленники красотой не отличаются. Бледное лицо с какими-то сине-багровыми разводами, серые губы, закатившиеся глаза, непонятные пятна на коже...

А запах...

Из приоткрытого рта покойной свисала какая-то водоросль.

Мирий передернулся. Повернулся к стражнику, собираясь сказать, что да, это Юнис, но не успел.

Просто рядом с ним никого не было. Он остался один на один с трупами.

— Зссссачеммм ты убиииил меня?

Голос был тихим, каким-то неживым, и пробирал до глубины души.

Мирий подскочил на месте, дернулся, и увидел, как Юнис поднимается на своем ложе. Простыня сползла еще ниже, открывая трупные пятна на груди и животе, глаза покойницы были закрыты, водоросль высунулась еще больше...

— Зссссачеммм ты убиииил нааааасссс? Я проссссто хотела родииииить тебе ребееенка... А ты убил меня, убил его, убил ссссвою мать, убил насссссс всссссех... Зссссачеммм?

Голос пробирал до глубины души.

— Я не хотел! — взвизгнул Мирий. — Это все ты! Ты сама!!!

— Ты подтолкнул меня. Ты обещааааал, что женишьссссся...

Ага, нашла идиота! Конечно, вслух Мирий этого никогда не сказал бы, но сейчас у него вырвалось:

— Мать никогда бы не позволила!

— Ты убиииил меня, убиииил ее, убил нааааааа ссссынааааа! Зссссаааа чтооооо?

Юнис встала и медленно направилась к Мирию. Мужчина шарахнулся так, что впечатался в стену. Бросился к двери — закрыто. Замолотил по ней кулаками.

— Пустите!!! Выпустите меня!!!! НЕМЕДЛЕННО!!!

На крики никто не спешил, а жуткая утопленница все приближалась и приближалась.

— Я проссссто хотела быть ссссчасссстливой...

Выдержать такой кошмар долго не смог бы никто. Мирий не оказался исключением. Загнанная в угол крыса всегда кидается в лицо охотнику, и эта скотина не оказалась исключением.

— Да!!! Я виноват! Но вы мен просто не давали жизни! Ты все требовала, просила, угрожала, мать давила и давила.... я думал, с ума сойду! Ребенка? Да нужен мне был ребенок от шлюхи! Мало ли кто там его отец!? А так сдохли вы — и прекрасно! И не лезь ко мне, тварь! — Мирий наконец нащупал на шее амулет Светлого и махнул им в сторону нежити. — Сгинь!!! Рассыпья!!!

— Ах ты, сукин сын!

Утопленница одним прыжком преодолела расстояние до Мирия и вцепилась ему в

горло. Мирий взвыл еще громче.

И не сразу понял, что дверь открылась.

На пороге стояли довольные стражники.

— отцепись от него, девочка. Он свое еще получит.

— Нет уж, — злобно прошипела Юнис. — Я и еще один грех на душу возьму, не пожалею...

Женщину все-таки оттащили. Юнис плевалась, царапалась и гневно шипела. Стражник, который привел его в морг, повернулся к Мирию. Вид у господина Литорна был своеобразный. Потрепанный, заплеванный, исцарапанный и даже слегка покусанный.

— Пожалуйста в тюрьму, господин Литорн. У нас закон справедлив. И вы ответите, и ваша помощница.

Тут-то Мирий и взвыл втрое громче, тут-то и пожалел о мамочкиной тирании. Да поздно было.

— Кошмар какой-то, — спустя два дня я угощала взваром господина Самира. — На что только не пойдут люди...

— Вам, госпожа Ветана, этого не понять. Вы слишком порядочная, — стражник прихлебывал взвар и таскал с блюда свежие плюшки (благодарность за удаленный у пекаря зуб). — А этот гаврик давно хотел избавиться от материнской опеки.

— Ну и ушел бы? Начал свое дело...

— Мать ему не дала бы.

— Он мог бы уехать втайне от нее, — пожала я плечами, — кто хочет, тот выход всегда найдет.

— Это верно. Только вы забываете, что ему пришлось бы тяжело трудиться, начинать с самых низов, жить в трущобах, считать медяки...

— Не вижу в этом ничего предосудительного.

— Вы не так воспитаны, госпожа Ветана. Вам приходилось в жизни всего добиваться самой. А тут избалованный мальчик, из богатой семьи, которому с детства все преподносилось на золотом блюде... и ему надо от всего отказаться. Рассчитывать только на себя, забыть о приятной и спокойной жизни...

Я криво улыбнулась.

— Да, господин Самир, наверное вы правы.

— Вот он и придумал план. Мать, хоть и болела, но дело выпускать из своих рук не собиралась. Одновременно, она понимала, что сынок — взрослый мужчина, и — да. Юнис приискали по ее просьбе, чтобы мальчик не подхватил какой дурной болезни. Мирий подумал — и принялся влюблять в себя женщину. Ему это удалось достаточно быстро. Юнис легко поверила, что если бы не госпожа Литорн, Мирий женился бы на ней. Она получила бы все. Роскошные платья, деньги, свой дом...

— В хорошее так легко верить...

— Этим и пользуются все подлецы, госпожа Ветана.

— Но Юнис и сама хороша...

— Да. Мирий аккуратно подталкивал ее к убийству, и капли она действительно накапала госпоже Литорн сама. Но вы успели вовремя. Тогда Мирий, понимая, что мать спасена, и дальше в его жизни ничего нее изменится, принялся действовать. Он напугал

Юнис арестом, сказал, что сейчас ей надо уйти...

— А сам поднялся к матери. И влил ей остаток капель. А я в это время сидела внизу и ни о чем не подозревала...

— А как вы могли что-то подозревать? Кто мог бы заподозрить такого любящего и почтительного сына? Он же постоянно говорил только о матери. Утренние цветы для мамы, любимые пирожные для мамы, вечерний поцелуй для мамы...

Я поехала.

— Я надеюсь только, что госпожа Литорн не узнала, кто именно отравил ее.

— Мирий говорит, что она была без сознания.

Слабое утешение. Но все же...

— Если бы она все видела, у него никогда не хватило бы смелости. Так что... он убил мать и спустился к вам, вниз.

— А что теперь с ним будет?

— В этой истории невиновных нет. Виновата и Юнис, виноват и Мирий...

— И?

— Они оба отправятся на каторгу. Она — на пять лет, он — на десять лет.

— Она же беременна...

— До родов ей дали отсрочку.

— А ребенок?

— Он признан полноправным Литорном. Состояние он унаследует, под присмотром сестры Юнис...

— Как-то это несправедливо.

— Почему? В чем виноват ребенок? Кстати, единственный внук госпожи Литорн?

— Просто его мать выйдет с каторги и вернется к нему. Получится, что деньги, ради которых она пошла на преступление, она все равно получит?

Господин Самир покачал головой.

— Госпожа Ветана, это — каторга. Поверьте, это действительно страшно. Не факт, что она останется жива, но даже если и так... До родов она проживет в Храме, там ей не дадут сделать что-то с собой или с ребенком, да и малыш родится здоровым. А потом она родит — и через три дня ребенка оторвут от нее. На несколько лет. Это достаточное наказание за ее глупость и алчность.

Я пожала плечами.

Но, действительно, кто во всей этой истории пострадавшие?

Госпожа Литорн, только ее уже не вернешь.

Ее внук.

Иннис и ее дети.

По большому счету все достанется им, а Иннис производит впечатление порядочной женщины. Хотя кто знает, что там будет дальше?

Какие все-таки страшные существа — люди.

Стук в окно давно стал для меня привычным и родным. А сейчас еще и приятным. Хоть от вредных мыслей отвлекал.

Тошно было.

Ну да, я вот такая девочка из бедной семьи, которая вынуждена всего добиваться сама, трудиться...

Интересно, господин Самир так плохо разбирается в людях, так нагло врёт, или это я в роль вжилась? То, что было у Литорна, медяшки по сравнению с моим состоянием. А я живу в желтом городе, работаю за гроши, отлично общаюсь с жителями 'городского дна' и чувствую себя... счастливой?

Именно так!

Я довольна своей жизнью.

Мне нравится мой дом, и я хотела бы выкупить его в свое пользование. Мне нравится моя работа, и я получаю от нее удовольствие. Мне нравится моя жизнь.

Я отвечаю за себя сама, я самостоятельна, свободна и счастлива.

И только сейчас понимаю, как много сделала для меня бабушка, когда твердила: 'Учись, Ветка! Женщина может позволить себе многое, если она самостоятельна. Будет у тебя дело в руках, будут знания — в любом месте выживешь!'. Спасибо тебе, родная...

Дверь я открыла без опаски.

Мужчина, который стоял на пороге, выглядел настоящим аристократом. Тонкие черты лица, благородная седина на висках, военная выправка... Болен?

А вот больным он совершенно не выглядел.

— Добрый день?

— Здравствуйте. Госпожа Ветана?

— Да. А вы...?

То есть кто вы и откуда вы меня знаете. А заодно — чего надо? Эх, воспитание мое, благородное... Другая бы сейчас все в глаза выпалила, а я и того не могу!

— Карнеш Тирлен. Лекарь. Может быть, вы обо мне слышали?

Слышала?

Да весь Алетар слышал.

Карнеш Тирлен был одним из самых лучших врачей Алетара. Причем, самостоятельным, независимым и разборчивым. Мог лечить бедняков за медяки, работал в королевской лечебнице для неимущих, мог отказать графу или герцогу... и отказывал. Было дело...

От восхищенного вопля я удержалась усилием воли.

— Да, господин Тирлен. Вы ко мне в гости?

— Пожалуй, что и так, госпожа Ветана. Не пригласите войти?

— Входите, коли с добром пришли...

Я отошла от двери, освобождая проход. Господин Тирлен прошел внутрь, окинул домик взглядом врача, одобрительно кивнул. И на чистоту, и на развешанные над очагом пучки трав, и на пилочки-щипчики-ножички...

— У вас тут неплохо, госпожа Ветана.

— Благодарю.

Я не спрашивала ни о чем. Сам выскажется.

— Госпожа Ветана, мне рассказал о вас герцог Моринар.

Я опять промолчала. А что тут можно сказать? Что это плохая рекомендация? Это для меня, у всех остальных другое мнение.

— Он сказал, что виноват перед вами?

Мне зверски захотелось выглянуть за дверь и проверить — на месте ли небо, море и Алетар. И не плавает ли у побережьядохлый кракен.

Герцог? Виноват?

Точно, где-то что-то сдохло.

— Так же он сказал, что извинений вы от него не примете, но кое-что он может для вас сделать. Он побеседовал со мной, и я приглашаю вас к себе в ученицы.

Воплей восторга мужчина не дождался. Приглашает он! А жить на что? К тому же, ученики сильно зависят от своего учителя, а мне это не подходит.

— Господин Тирлен, у меня практика. И люди...

— Я понимаю. А потому предлагаю вам иные условия. Обычно ученики неотступно находятся при мастере. Вас я буду приглашать на самые интересные случаи. Два дня из десяти, второй и шестой день, я практикую в больнице для бедных. И буду рад видеть вас там же.

Вот на такое предложение я была согласна.

— Благодарю, господин Тирлен. Это мне подходит.

— В случае эпидемий или чего-то неожиданного, я провожу там больше времени. Но пока нам и двух дней хватит, госпожа Ветана.

— Еще раз благодарю. Если я не ошибаюсь, второй день — послезавтра?

— Да. Я прихожу на рассвете.

— Я тоже буду в больнице.

— Как мне можно называть вас? Госпожа Ветана — это долго и неудобно, не так ли?

— Вета. А...

— Обычно, мои ученики обращаются ко мне 'наставник'.

Я пожала плечами. Почему бы нет? Мы не настолько близко знакомы, чтобы я допустила подобные вольности. Господин Тирлен может называть меня сокращенным именем, как наставник, но я его — нет. Это уже недопустимо.

— Может быть, я предложу вас взвар? Или...

— Не стоит, госпожа Ветана. Я приходил поглядеть на вас. Вижу, Рамон не преувеличил.

— Рамон?

— Моринар. Вы...

— Мы не были официально представлены, — не солгала я. А попросту — меня не интересовал белесый палач. Ни в каком виде. Хоть его сахаром облепи со всех сторон!

Вот!

— Вы сильно на него обижены.

— У меня есть на то причины, господин Тирлен.

— Рамон бывает резковат...

— Возможно, господин Тирлен.

Всем своим видом я показывала, что герцог Моринар, урожай брюквы, проблемы коровьих подков и дойки чаек мне одинаково интересны. Лекарь понял это и кивнул. Поднялся с места, повернулся к двери.

— Буду ждать вас, госпожа Ветана.

— Благодарю, господин Тирлен. До встречи.

Дверь тихо закрылась, а я в восторге закружилась по комнате.

Да уж!

Себя не обманешь!

Я недопустимо мало знаю. И сейчас мне чудом удастся избегать ошибок. Выручает магия, но всю жизнь на нее полагаться не станешь. А вот господин Тирен творит все то же, что и я, но без магии. Просто чутьем, умением. Знаниями...

Знаниями, которых у меня катастрофически не хватает. А ведь цена моего невежества не испорченная шаль, не загубленная плюшка, не протухшая рыбина.

Цена моей оплошности — человеческая жизнь.

Вот, как с госпожой Литорн.

Это ведь и я виновата в ее смерти. Что не смогла спасти второй раз.

Магия? Не худо бы к ней и знания приложить.

Учиться, учиться, учиться... УРА!!!

Следующий стук в дверь я восприняла вполне спокойно.

А зря.

— Госпожа Ветана?

От холопа, который воздвигся на пороге, так и веяло чем-то неприятным. Неопределимым, но неприятным. Так бывает, когда где-то под половицей крыса сдохла. Пованивает...

Неясно — откуда, но ощутимо и неприятно.

Вот если продолжать аналогию с домами — у этого человека целый крысятник почил смертью безвременной.

Спасибо моему воспитанию.

Внешне я была совершенно спокойна. Улыбнулась, сделала пригласительный жест рукой.

— Добрый день, светлый...?

— Лелуши. Слуга Шантр Лелуши, к вашим услугам, госпожа лекарка.

— Ветана. Что привело вас под мой скромный кров?

Да, не из простых свиней свинья. Не холоп, целый слуга. Значит, и храму полезен, и что-то у него в запасе есть...

— Да вот, желудок разболелся...

— Так что же вы стоите?! Проходите, присаживайтесь!

Слуга Лелуши прошел в дом, послушно уселся в удобное кресло и воззрился на меня невинным взглядом.

Я уселась на свой любимый стул и улыбнулась в ответ. Невинно-невинно, как мой братец, когда запихивал в вещи мамы живого ужака.

— Желудок? А что кушали?

Слуга Лелуши пустился в длительный рассказ.

Судя по его словам, желудок у мужчины болел регулярно. После жирного, тяжелого, острого, сладкого... язва?

Вполне возможно.

Эх, сейчас бы тебя своим даром прощупать, да нельзя.

Магия рвалась на волю, но я придавила ее, словно кошачий хвост — тапкой. Пусть не дергается, не до нее! Рядом с храмовниками я магию применять не буду, пусть хоть загнутся всем составом!

— Госпожа лекарка?

— Вам бы сочку попить. На голодный желудок. Сможете приготовить?

— Какой сок?

— Картофельный в смеси с морковным. Половина стакана одного, половина — другого. Натощак. Вот как встали утром...

— Тяжко это, госпожа Ветана. Служба... Нет ли какой настоечки?

Я подумала еще немного, и полезла на полки. Где там у меня был древесный гриб?

Измельчить чагу было несложно, потом добавить меда из соотношения один к двум, залить водой и протянуть слуге Шантру.

— Пусть постоит три дня в темном месте, потом пейте с утра по маленькой рюмочке. Натощак. Закончится — еще придете.

Побочным эффектом настойки была бессонница, но какая разница? Авось и не поспит, не жалко, чай, не в кузнице работает... И на службу в храме не опоздает.

— Благодарствую, госпожа Ветана. Так уж мне вас расхваливали, так расхваливали...

Я вежливо улыбалась, всем своим видом демонстрируя, что лекарство получил — и свободен. Куда там! На слугу это не действовало.

— Говорят, и ручки у вас золотые, и настойки чудесные...

— Так секрет несложен. Мало кто ко мне идет, вот и удаётся всем помочь, — пожалала я плечами.

Чуть покривила душой, но разве это важно?

— Госпожа Ветана, вы скромничаете. Я тут с людьми беседовал, так они вам чуть ли не магические силы приписывают...

Опасность!!!

Внутри меня словно громадный колокол забил.

ОПАСНОСТЬ!!!

Спасибо маме — внешне я даже бровью не повела. Так же улыбалась, спокойно и ровно.

— Какие силы, слуга Лелуши? Были б они у меня — разве я бы тут сидела?

— И то верно. Маги жизни все наперечет...

А глаза внимательные, вьедливые, умные... вот ты, значит, зачем пришел?

Второй этап проверки?

Не удивлюсь, если у тебя и артефакт какой с собой имеется, чтобы мою силу почувствовать.

Ан нет!

Пока все внутри меня, ничего ты не увидишь, спасибо амулетику. Если б я хоть один щуп выпустила, попробовала бы понять, что с тобой, ты бы сразу понял, кто я. А я удержалась.

Как чужая.

Или просто — почужала?

— Что-то мне часто про них говорят, — задумалась я.

Лелуши вскинул брови. Насторожился.

— А кто еще?

— Да есть тут одна дама...

— Я ее знаю?

— Госпожа Арнейт. Фатина.

— Да, очень благочестивая прихожанка.

Кто бы сомневался. Небось, все полы в Храме юбкой протерла, стервь старая...

— Вот, она мне про магов жизни рассказывала. Хорошее это дело, наверное...

— Богоугодное. И душеспасительное.

— Жаль, не всем дано. Знаете, как бывает? Вот лекари просят-молят, а нет им дара. А какой-нибудь придворный бездельник, которому всех интересов только балы да наряды, получит дар, а к чему он ему?

Шантр Лелуши закивал.

— И то верно, дитя света. И то верно... Иногда дается людям, а вот для чего... но на то Его воля, и не нам, скудоумным, ее обсуждать.

Я закивала, удерживая на лице то же выражение вежливой заинтересованности.

— Тяжкий это дар, наверное. Вот я бы на себя такую ответственность не взяла. Никогда. Да кто б меня спрашивал?

— Если дар использовать во благо...

А определять степень благости Храм будет это понятно. По полезности Ему и Его делу. И никак иначе.

Разговор тянулся еще минут пятнадцать, то сворачивая на магов жизни, то уходя в сторону лечения язвы, слуга крутил и вертел, я не уступала...

А когда-то сердилась на маму! А оказывается, навыки общения в свете, они тоже нужны в обычной жизни?

Сказать кучу слов ни о чем, поддержать разговор так, чтобы ничего не было понятно...

Какое полезное умение!

Наконец я выпроводила господина Лелуши, и в изнеможении прислонилась к косяку.

Чтоб тебе обе ноги переломать по дороге! Явился тут...

Бабуля, спасибо тебе! За науку, за амулет, за все спасибо!

Слуга Шантр был недоволен.

Как-то не так прошел разговор. И опыт тоже прошел не так. И вообще...

Артефакт на энергию мага жизни не отозвался. Никак.

Девушка с охотой поддерживала разговор ни о чем, беседовала и о магах жизни, но является ли магом она сама?

Неясно.

Или у нее лучший самоконтроль из всех, которые он видел, или она самый обычный человек... как бы проверить?

Он обязательно что-нибудь придумает.

Уже придумал.

И Шантр бодрым шагом направился в сторону портовых кварталов. Чтобы у слуги Храма не нашлось полезных и нужных знакомых, которые готовы совершенно бескорыстно,

во имя спасения души, оказать ему небольшую услугу?

Вы сами-то в это верите?

Вечером окно едва не снесли с петель.

Слуга ломился в него так, словно в домике его ждала принцесса в жены и полкоролевства в придачу.

Пришлось разочаровать.

— Что случилось?

— Маркиза Террен просила вас привезти. Маркизу плохо!

И что мне оставалось делать? Только оглядеть себя — все скромно, достойно, серое платье оживляют воротник и манжеты, волосы гладко зачесаны назад, и сесть в экипаж.

Сейчас мне руку подали без напоминаний. И даже поклонились. Приятно...

Маркиза выбежала мне навстречу, прямо на улицу.

— Госпожа Ветана! Госпожа Ветана!!! ПОМОГИТЕ!!!

Я выпрыгнула из кареты, едва не зацепившись платьем о ступеньку.

— Что случилось, ваше сиятельство?

— Мой муж умирает!

— Светлый! Как же это?!

Маркиза схватила меня за руку, и потянула в дом, не переставая говорить.

— госпожа Ветана, мой муж... после того, как вы поговорили с ним, он смог... ну, вы понимаете.

Я кивнула.

— Я рада, что благодаря моим усилиям у вас появится законный наследник. К тому же я дала клятву в Храме, так что вся эта история останется между нами.

На меня бросили признательный взгляд.

— Госпожа Ветана, вы чудо. Но после того как... моему мужу стало плохо.

— Сразу же?

— О, нет. Он уже ушел от меня, а потом, по свидетельству его личного лакея, схватился за горло, захрипел, и упал посреди коридора.

— Такое тоже бывает. Если это удар...

— А от чего он мог случиться?

— Возраст уже не детский. Госпожа маркиза...

— Даилина. Называйте меня Даилина, так проще. К тому же мы примерно ровесницы?

— Да... Даилина. Вы можете называть меня Ветой.

— Хорошо, Вета. Так вот, господин маркиз вышел от меня, и практически сразу упал.

Я прикусила губу.

Плохо, очень плохо. С одной стороны.

Маркиз все же умирает, и случилось это после приема моего зелья. Второе, призванное убрать последствия, видимо, принять он не успел. Не стал при жене, или оставил в комнате, или... кто ж его сейчас поймет?

— Его сиятельство может говорить?

— Нет. Только поводить глазами.

— Плохо.

С другой стороны... маркиза я боялась. Такой мог и приказать прикончить меня, как

только отпадет надобность. А сейчас эта угроза неосуществима. Кто ж будет выполнять приказы полутрупа?

Вот и выходит, что и жалко, и в то же время... и жалеть его не получается?

Даилина хлопнула дверью комнаты, и я насладились зрелищем.

Маркиз лежал на кровати, на которой можно было бы еще десяток маркизов разместить, что вдоль, что поперек. Слуги суетились рядом, изображая бурную деятельность.

Кто-то обмахивал хозяина здоровущим веером, кто-то суетился рядом, переставляя баночки и скляночки, два лекаря ожесточенно спорили...

Госпожа маркиза поглядела на этот бардак, сдвинула брови и ловко выцепила из общей массы представительного седого мужчину.

— Сайшен, что тут происходит?

— Это... госпожа маркиза...

— Если через пять минут вся эта толпа еще будет здесь — ты уволен.

Сказано было так четко, что сомнений у дворецкого не возникло. И мужчина развил бурную деятельность. Первыми комнату покинули слуги, за ними и служанки, подстегнутые зверской гримасой, а два лекаря остались 'на закуску'. Но ими занялась сама госпожа маркиза.

— Господа, прошу вас!

Лекари воззрились на нее со сложным выражением. С одной стороны — что это за баба лезет в мужской разговор, да еще и лечение пациенту подобрать мешает?

С другой — она же и платит! А кто платит — с тем не спорят.

Маркиза очаровательно улыбнулась.

— господа, прошу вас ко мне в кабинет. Обсудим вопросы лечения...

Подхватила обоих мужчин под руки и изящно вывела из спальни, по дороге подмигнув мне. Мол, я на вас рассчитываю...

Я выдохнула.

Закрyla дверь и подошла к кровати маркиза.

И — отшатнулась.

На меня смотрели совершенно осмысленные, живые и ясные глаза. А ведь он все понимает. Внутри этого немощного тела кроется совершенно ясный и живой рассудок, вот как! Он просто лишен сил и возможности что-либо сказать.

Но так эти глаза смотрели на меня...

Ты же лекарка! Сделай хоть что-нибудь! Пожалуйста...

И я не выдержала. Я дура, да?

Кто бы сомневался.

Только не могу я его так оставить. Дар словно с цепи сорвался, впился во внутренности тысячей зубов и когтей.

Ты же лекарка! Не смей ставить свои интересы выше своего дара! Не для того он тебе достался!

Я осторожно взяла сухую старческую руку, прощупала пульс.

— господин маркиз, вы можете моргать?

Веки медленно опустились. Пульс не участился, и то хорошо.

— Тогда я спрашиваю, а вы отвечаете. Один раз моргнуть — да. Два — нет. Это понятно?

Веки опустились один раз.

— Господин маркиз, вы выпили возбуждающее зелье. Оно подействовало?

- Да.

— Второе зелье вы не выпили? Постеснялись при маркизе? Нет? Хотя стеснение — это не для вас. Но вы не хотели показать свою слабость? Почувствовали себя дурно после... первого зелья, решили полежать, а когда пошли за вторым, все и случилось?

— Да.

— Вы так лежите с утра.

— Да.

— Вы хотите обрести дар речи, ну... насколько все получится?

— Да. Да! Да!!

— Тогда вам придется мне довериться.

- Да.

Я достала склянку с зельем. Подумала, и убрала легкое снотворное обратно. Больной в таком состоянии, что любая соломинка может стать последней.

— Вы сейчас закроете глаза и не откроете их, пока я не разрешу. Не станете ни подглядывать, ни каким-либо образом мешать мне. И поклянетесь, что никому не разгласите мою тайну.

— Да.

— Чтобы не было недоразумений, я поясню сразу. Я маг воды, только очень-очень слабенький. А ваша болезнь — это как раз по моей части, нарушение тока крови. Если у меня что-то получится... вы сразу это поймете. А не открывать глаза, не шевелиться и не мешать мне я прошу потому, что я очень слабый маг. Нарушить мое сосредоточение может что угодно, а это не в ваших интересах. Вы поняли?

— Да.

— Я могу рассчитывать на ваше благоразумие?

Могла бы и не спрашивать. Такая надежда горела в серых глазах...

— Да. Да!!!

— Тогда закрывайте глаза. Я задвину засов и попробую.

Маркиз беспрекословно повиновался. Я дошла до двери.

Засов легко скользнул в пазы, а меня опять одолели сомнения.

Что я делаю? Это сейчас маркиз готов на все, хоть звезду с неба пообещает, только вот что будет, когда он выздоровеет? Не сдадут ли меня Храму? Или оставят для личного пользования, или будут шантажировать?

Только и выбора у меня не было.

Дар все громче пел в моей крови. В чем-то это сходно с ядовитым дымком, которым балуются наркоманы. Попробовав, ты уже никогда не отвыкнешь от него, ты будешь просить все больше и больше, ты с ума сойдешь, если тебя лишат этого ощущения...

Так и с даром.

Начав с легкого, теперь он требует все более сложных случаев, оон разрастается и заполняет меня, выплеснуть его наружу — это как жизненная необходимость. И нельзя промедлить даже лишней минуты.

Мои пальцы легли на сухие старческие кисти.

Открой себя миру.

Вы с ним одно целое. Ты — его любимое дитя, ты получишь все, что попросишь. Мир открыт людям и потому ты всегда будешь просить для других и за других, ты не можешь

иначе. Но и он тоже...

Мир любит тебя.

Открой ему свое сердце и прими взамен его любовь...

И сила хлынула сквозь меня раскаленным потоком.

Я выгнулась и застонала, и так же глухо, в унисон со мной, на кровати застонал маркиз.

Шантр отдыхал, когда в его комнату ворвался испуганный раб Светлого.

— Господин! Господин Лелуши!!!

Мужчина подскочил, словно ошпаренный.

— Что случилось?

— Там... у вас...

У Шантра сердце захолонуло. Там — это только одно место. В лаборатории.

Неужели — маг? Опять маг?

Да что он — издевается?! Он другого времени выбрать не мог? С-сволочь!

В лабораторию Шантр спешил со всех ног, и, как оказалось, не зря. На этот раз центр применения силы мага находился в белом городе.

Переехал?

Пригласили?

Во всяком случае, теперь у него есть подозреваемая. Завтра же он сходит туда и расспросит, не знает ли кто в этом кругу некую госпожу Ветану? Не появлялась ли она там сегодня? А если появлялась, то что она там делала? К кому приходила? И не случилось ли сегодня каких-либо чудесных исцелений?

И — да. Самое главное на сегодняшний день.

Как скрыть случившееся от приближенного? А то ведь он может иметь свои планы на мага жизни. Ничего, Шантр умный, он всех обведет вокруг пальца. А то как-то несправедливо.

Мага жизни вычислял он, работал он, старался он, искал он, а как пользоваться — так всем Храмом?

Нет уж, простите.

Это — несправедливо.

Маркиз так и лежал, закрыв глаза. Боялся или держал слово? Неважно, сейчас это было неважно.

С меня пот лил ручьем, я почти распласталась на кровати, не выпуская рук маркиза.

Потом кашлянула.

— Ваше сиятельство...

— Можно открывать глаза?

Слабость в его голосе была, но он разговаривал. Еще как разговаривал!

Что случилось?

Иногда в сосудах образуется пробка. Как затор на воротах, если проезжает королевский кортеж. Только ворота потом возобновляют свою деятельность, а сосуды...

Вот если она образуется в более крупном сосуде, а потом отрывается и перекрывает путь в более мелкие...

Не знаю, как это лучше объяснить.

Ее надо удалить, а потом стимулировать ту часть мозга, которая не получала полноценного питания из-за затора. Это я и сделала.

Вроде бы и ничего особенного — увидеть пробку, заставить ее разбиться на множество мелких частей, словно это хрустальная ваза. Это несложно.

А вот восстановить то, что уже начало отмирать...

Тут-то меня чуть до дна и не вычерпало.

Сила мира проходит сквозь меня, но одновременно она и мои силы забирает с собой. Я еще не могу останавливаться, правильно разграничивать силы, дозировать их...

Учиться надо. Хорошо хоть сдержат свой дар могу.

— Можно, — разрешила я.

И столько благодарности было в глазах маркиза.

— Спасибо, девочка. Что я теперь могу?

— Говорить — без ограничений. Упражнения лучше начать через три-четыре дня. Если хотите остаток жизни не пролежать в кровати, а снова двигаться, — я отцепила словно судорогой сведенные пальцы от кистей маркиза, — синяки останутся. И у вас, и у меня.

— Это мелочи. Спасибо тебе.

Я понимала маркиза.

Супруга наивна, не слишком опытна, в столицу сейчас рванется тот самый бастард, и что потом будет — неизвестно. А маркизу позарез нужно обеспечить будущее и супруги, и ребенка. А как это сделать, лежа колодой на кровати? Особенно когда все понимаешь, но даже позвать на помощь не можешь.

Страшно это,

Никого бы не оставила в таком состоянии.

— Ваше сиятельство, у меня просьба...

— Да?

Судя по лицу маркиза, ожидал разговора об оплате. А вот нетушки!

— Я оставляю вам настойку. Она безвредна, просто легкий тоник, чтобы вы быстрее восстанавливались, и кровь сильнее бежала по жилам. Вы будете ее пить несколько дней подряд, и только потом начнете говорить, двигаться... вы поняли?

Маркиз усмехнулся. И усмешка была такой... явно планирует полежать, поизображать беспомощность и поглядеть, кто на нее попадет. Есть ли лучший способ узнать, кто и как к тебе относится?

— Еще как понял. Это все?

— Да...

— Госпожа Ветана, я ваш должник.

— Нет. Это дар... и я не могу ему противостоять. Да и не оставила бы я вас в таком состоянии, это подло.

Маркиз прищурился.

— Даже понимая, что...

— Что если бы с зельем прошло хорошо, вы могли бы приказать меня устранить? Понимаю. Дура, что ж теперь. Приказывать еще будете?

— Нет. Много за мной грехов, но неблагодарности в списке нет.

Я вздохнула с облегчением.

— Спасибо.

— Я вас едва не приговорил, а вы меня еще и благодарите?

— Не приговорили же... и у меня была мысль уйти.

— И ушли бы?

— Если бы вы утратили разум — да, — честно ответила я. — Продлевать существование растения жестоко. В том случае я бы помочь не смогла, а оставлять вас валяться бревном...

— Не хотелось бы мне такой судьбы.

— У вас ее и не будет. Только с зельями осторожнее.

Мужчина медленно опустил веки.

— Госпожа Ветана, так что я вам должен?

— Клятву молчания.

— Считайте, что она у вас уже есть.

— И оплатите тоник, — не удержалась я. — Два серебряных.

Маркиз сверкнул глазами. Не нравится, что тебя так дешево оценили? А вот не надо... у меня и своя гордость есть.

— Хорошо. Вы придете завтра?

— Да. И еще несколько дней подряд, пока не отпадет надобность.

— И все же я подумаю, как вас отблагодарить.

Я поднялась. Ноги уже повиновались мне, и не изображали два куска теста. Во всяком случае, на полупоклон меня хватило.

— Не стоит благодарности, ваша светлость. Прошу вас принять подобающий вид.

Я подошла к зеркалу, поправила волосы, вытерла лицо... так-то лучше. Маркиз раскинулся на подушках.

— Есть у вас кто-то доверенный?

— Есть. Лорт.

— Мне его прислать к вам?

— Нет необходимости. Вы как раз стоите у зеркала, надавите на шпенек за драконом с левой стороны.

Дракон был почти на уровне моих глаз, может, чуть повыше. Я протянула руку, нащупала шпенек, и надавила.

Зеркало скрипнуло, проворачиваясь на петлях. И за ним стоял человек.

Я взвизгнула и шарахнулась назад.

Маркиз дробно рассмеялся.

— Зайди, Лорт.

Мужчина сделал несколько шагов и поклонился. Был он моложе маркиза лет на десять, и больше всего напоминал этакий кряжистый дуб, который не всякая буря из земли вывернет.

— Следил?

— Конечно, — Лорт не испытывал и капли вины.

— Замечательно, — проворчала я. Прикидывая, что от кровати нас отделял балдахин, да и я спиной маркиза неплохо загораживала. — Тогда пересказывать все, что было, и просить о сохранении моей тайны нужды нет?

— Лорт будет молчать, — маркиз не испытывал сомнений.

Не испытывал их и сам Лорт.

— Верьте, буду.

Можно подумать, у меня был выбор.

Доброта меня погубит.

Из гостеприимного дома маркиза я уходила два часа спустя. С двумя серебряными монетками от Лорта, благодарностью от Даилины и ненавидящими взглядами от кучи родных маркиза.

Прилетели, стервятники.

Как только поняли, что хозяин дома занемог, так и собрались на поживу. Видимо, решили, что Даилина, как бесприданница, станет легкой добычей. А когда я появилась на пороге гостиной, где эта разношерстная компания из девяти человек атаковала женщину, и объявила, что маркиз обязательно поправится, вот только лекарство попить надо...

Не видать мне их любви.

И кракен с ней.

Маркиз выпил невкусный несоленый бульон, втихорца налитый Лортом на кухне, с удивившим его самого наслаждением. Да уж...

Побывав на шаг от смерти, приучаешься ценить жизнь. Спасибо девочке. Повезло ему с лекаркой.

А ведь мог приказать ее уничтожить.

Вместо этого придется отправить Криталям благодарность за совет, а девочку...

— Надо бы приглядеть за малышкой, а, Лорт?

Старый друг молча кивнул. Разговорчивостью он никогда не отличался, да и не ценил маркиз болтливость в людях.

А вот личную преданность...

Лет сорок тому назад маркиз спас Лорта. Причем, несколько раз подряд.

Выкупил из рабства, спас от участи превратиться в евнуха, привез к себе, обеспечил пищей и крышей над головой, а потом еще нашел семью Лорта и подал им весточку. Вот за это и служил ему мужчина вернее пса. Кому угодно глотку бы перегрыз.

— И помоги моей жене разогнать всю эту свору. Ишь, слетелись...

Лорт кивнул еще раз.

— Ты видел, что делала девочка?

— Держала вас за руки. Все.

— Маг воды, значит...

— Может быть. И что скрывается — тогда неудивительно.

— М-да. Когда я говорил с ней, руку бы дал на отсечение, что она благородных кровей. И воспитания тоже.

— А если родители решили ее запродать...

Маркиз поморщился.

— Могла бы и подчиниться старшим.

— Тогда мы бы с вами не разговаривали, — позволил себе легкое ехидство Лорт.

— И куда катится эта молодежь? Пригляди за девочкой, а заодно постарайся узнать, кто она и откуда.

— Зачем?

Маркиз вздохнул. Он многое позволял Лорту, очень многое. Именно потому, что хотел

иметь рядом с собой не бессловесного исполнителя, а человека, способного действовать по обстоятельствам. Слуги выполняют все от и до, но этого мало, этого так мало...

— Кое-что я ей должен. Она мне подарила жизнь, я не могу отдариться меньшим. Если ее ищут, я постараюсь защитить малышку.

— От родителей?

— Ей еще двадцати пяти нет, думаешь, она сможет все это время прятаться? Если ее ищут?

Лорт покачал головой.

Быть незаметной у лекарки не получалось. Она совершенно не умела быть... крестьянкой. Она ходила, подняв голову, она не сутулилась, не оглядывалась испуганно по сторонам, она везде и всегда была уверена в себе, она вела себя, как человек, которому нечего бояться. Как благородная дама. И маркиз признавал, что Даилине еще бы поучиться у этой лекарки. Уж она бы не допустила такого балагана.

Интересно, это дар — или воспитание?

— Узнаю. И кто, и откуда...

— Вот и отлично. И пригласи королевского мага и стряпчего. Пусть подтвердят факт беременности моей супруги, я составлю завещание по всей форме...

— Сегодня?

— Завтра. А сегодня побудешь со мной. Интересно, кто придет меня убить?

Только дома я разрешила себе смотреть в глаза правде. А то бы взвыла прямо на улице. Вот как попадают маги жизни.

Теперь-то я это поняла.

Мы не можем не лечить, не можем оставить человека в такой ситуации, не можем не...

И нас ловят, словно глупышей. Смешная птица, которая не шарахнется от человека, даже если сидит на гнезде. За что и платит свернутой шеей.

Темного крабом!

И я оказалась не умнее.

Только и выбора в тот момент у меня не было. Я вспомнила свои ощущения и тихо выругалась сквозь зубы.

Нельзя, нельзя, никак нельзя было поступить иначе. Я нутром знала, что если развернусь и уйду... дар ослабеет.

Он не уйдет, нет, но станет намного слабее.

Так уж с магией жизни.

Земля, воздух, огонь, вода — они не обращают внимания на своих хозяев. Какое дело стихии до очередного глупца, который думает, что стал ее хозяином. Маг умрет, а огонь вечен.

У магов жизни иначе.

Это сила, которая дается мне, но для других. И дар растет, и требует развития, и сейчас я куда как лучше это осознаю.

Когда я жила с родителями, я работала от случая к случаю, даром пользовалась редко, и он словно бы находился в полудреме. Потом, приехав в Алетар, я сразу использовала свой дар на полную мощность. Только иначе Карису Арнет спасти не получилось бы. И дар проснулся. А потом я никому не отказывала. Береглась, стереглась, но использовала его.

Часто использовала, раз в два-три дня точно. И дар стал расти.

Так кто же и кем командует?

Я своим даром, или он мной?

Кто из нас главный?

Я должна подчинить свою силу, только вот я не знаю, как это сделать. Меня никто не учил, я ничего не читала... минутку?

А ведь завтра я вижусь с господином маркизом!

Можно в качестве благодарности попросить у него что-нибудь почитать. Судя по кабинету маркиза, книгами он не пренебрегал. И если у него есть труды по магии — начало пути должно быть одинаковым для всех.

Хоть огонь, хоть вода, хоть жизнь, если маг не сможет управлять своим даром, это плохо кончится.

Я смогу.

Я должна.

И с маркиза долг спишется, чему он будет только рад.

Расскажет ли он обо мне?

Не обязательно. Даже скорее — нет. Маркиз человек умный и циничный, он понимает, что если я буду в Алетаре, я смогу помочь и Даилине, и 'его' ребенку, а вот если меня к рукам приберет кто-то другой...

Все договоренности будут действовать только до его смерти. А потом хоть призраком являйся.

Я потеряла косу, перевязала бант на конце плетенки. Вот ведь доука!

Ладно!

Рано или поздно прорыв мог случиться. Должен был случиться. Пусть лучше это произойдет рядом с таким циником, как маркиз, чем рядом с кем-то еще.

Вот и вторая опасность, которая подстерегает мага жизни.

Если нас просто запирают, как диких зверей в клетке, используют, разводят... это одно. А если люди узнают, кто я?

Какие тут очереди выстроятся?

Смогу ли я всем помочь?

Была старая история о великом целителе, который пришел в город и лечил всех, и даже не требовал платы...

Чем кончилось?

Да бежать ему пришлось от разъяренной толпы, чтобы не растерзали. Решили, что он кому-то не оказал помощь, или не успел, или не захотел, или... толпа — тварь управляемая. Науськали. Натравили. Такое тоже бывает.

А мне и бежать-то некуда.

Как это будет — когда согласишься на людей, которым можешь помочь... и не можешь. Не хватает сил, или времени, или возможности, и кто-то умирает у тебя на глазах, как госпожа Литорн?

Нет!

Я для себя такого не хочу!

Сколько смогу, столько помогу, а палочку-выручалочку из меня делать не надо. Я человек, со своим характером, со своей жизнью... со своим даром, будь он проклят!

И даже возненавидеть этот дар я не смогу.

Вот что страшно-то. Он уже порвал мою жизнь в клочья и сейчас методично растаптывает все, что в ней осталось, а я счастлива. Когда помогаешь людям, когда видишь глаза исцеленного тобой человека — это выше всякого чуда. От такого не откажешься.

Краб с ней, с благодарностью. Просто видеть это — уже награда.

Светлый...

Такого и врагу не пожелаешь, а я вот, вляпалась. И как из этого выбираться — ума не приложу.

А значит — будем просто жить. Что у нас на обед сегодня? Я вчера курицу уваривала, вроде неплохо получилось. Сейчас добавлю горсть крупы, морковку, картошку, лучок порежу — и через полчаса будет у меня вкусный суп. Да, видел бы папенька мои труды!

Аристократка, которая вообще не должна картофель в сыром виде в лицо (клубень?) знать, ловко чистит его над помойным ведром, напевая что-то явно фривольное и неподобающее, потом скоблит морковку и сквозь очередную песню (на этот раз трогательную, до слез) режет лук. И, не удержавшись, сует в рот белое луковое колечко.

Привычная горечь обжигает язык, но так вкусно! Когда во время готовки перехватываешь со стола особенно аппетитные кусочки, а потом еще и пальцы украдкой облизываешь...

Уммм...

Потом, все потом!

Сначала — обед, и плотный. Я столько сил потратила, что теперь до вечера восстанавливаться.

А ведь раньше два дня бы дар вызвать не смогла, а сейчас, чую, уже к вечеру стану, как и была.

Все! Подумаю об этом после обеда.

Где там мой окорок?

На следующий день в особняке маркиза меня встречали, как родную.

— Вета, у нас тут такое было! Такое!

Маркиза аж глазами вращала, словно краб, так ей хотелось со мной поделиться.

Я протестовать не стала.

— Что случилось, Даилина?

— Я мужу ту настойку, что ты оставила, спаивала исправно. Каждый час по ложке. С собой носила, на всякий случай, мало ли...

Я кивнула.

Да, и об этом я тоже предупредила. Сделала большие глаза, и сообщила Даилине, что ей выгоднее всего живой и здоровый муж. А то пока ее ребенок не признан наследником, могут возникнуть... обстоятельства. Век она потом не докажет, что не нагуляла.

Маркиза прониклась.

Да и потом, так мужа отравят, и на нее свалят. Докажи, что не ты его убила? Родственников много, ради наследства они не то, что маркиза отравят, они саму маркизу объявят дочерью темного и сирены. Еще и ритуалы какие ей припишут! Запросто!

Век это пятно на ней будет, а там и на ребенка переползет. И еще чего выявится...

Так что Даилину от супруга удалось убрать только на ночь, и то в соседнюю спальню.

Вот оттуда она и примчалась посреди ночи, чтобы увидеть душераздирающую картину. На полу боролись двое мужчин. Доверенный человек мужа по имени Лорт душил лакея, а тот орал, что есть силы и отбивался.

По словам лакея, он-де прошел в опочивальню, поправил маркизу подушку. А тут на него кинулись.

По словам Лорта — 'шоб тебе, паскуда, наследники так подушки поправляли! Да в... и...!'

Конец дискуссии положил сам господин маркиз, заметив, что дышать с подушкой на лице сложновато. И приказал позвать стражу.

Под действием обстоятельство лакей раскололся, как сухое полено.

Конечно, маркиза он собирался прикончить не по своей инициативе. Младшая сестра маркиза со племянники очень просили. Мол, такой кошмар, такой ужас... вот если бы они-де бревнами лежали, обязательно б яд приняли. Яда вот, правда, нет, но подушка-то есть?

А уж они благодарны будут, ну так будут, что просто пока возьмите, сколько есть, а потом добавим!

Маркиз такой заботы о своей жизни совершенно не оценил и злобно наябедничал сначала в стражу, а потом и королю. Так что ждет его сестрицу долгое путешествие на границы Раденора, а слугу — каторга.

Не ценят у нас благие побуждения, нет, не ценят.

А настойка просто чудодейственная!

Господин маркиз уж говорить начал! Может, и пойдет еще?

А еще... вызвал стряпчего и мага жизни, и честь по чести спросил, не в тягости ли жена? Оказалось, что в тягости!

По счастью, сколько уж времени тому ребенку, маркиз не спросил, а вместо этого

написал завещание и потребовал признать малыша или малышку, уж кто родится, своим наследником. Прощение подали королю, теперь ждем.

Я порадовалась за маркизу.

Ну да, родители ее, конечно, запродали. Но с мужем она общий язык нашла, ребенок ее наследником станет, да и потом у нее время будет на устройство личной жизни. Не так и плохо, а?

Маркиз тоже встретил меня улыбкой.

— Госпожа Ветана, здравствуйте.

— Ваша светлость, рада вас видеть, — я присела в реверансе. Как и полагалось. — Надеюсь, вы чувствуете себя лучше?

— Я тоже на это надеюсь, но подожду вашего решения.

Шутка?

Кажется, меня признали почти на равных, потому что шутить с нижестоящими маркиз не станет. Не то воспитание.

И я принялась за осмотр.

Результаты порадовали. Не идеально, конечно, и работа предстоит большая, но скоро уже он сможет начать ходить. А пока пусть разминают хозяину руки-ноги, чтобы мышцы не стали похожи на сопли. Я покажу как.

К моим прогнозам маркиз отнесся с понятным восторгом.

— А что потом? У меня будет еще один удар?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Не факт, что вы к ним склонны. Но — всякое может быть. Если откажетесь от некоторых излишков и будете следить за собой — не есть, что попало, не пить вино, точно проживете дольше.

— Обязательно буду. Года два, хотя бы?

Года два я могла ему обещать. Больше уж — вряд ли, не тот возраст, но маркизу и этого хватило.

— Благодарю, госпожа Ветана. Вы со мной чашечку взвара не выпьете?

И стоило бы отказаться, но с моря дул какой-то противно промозглый ветер, Лорт уже вносил в спальню поднос, а взвар так пах малиной и медом, что не устоял бы никто. И безумно вкусные пирожные, которые пекутся из взбитых белков, и варенье из арранжей, дорогих заморских фруктов, и лепешечки с кунжутом — кто бы на моем месте отказался и ушел?

И даже приятный разговор ни о чем. Какая погода, хороши ли фрукты в этом году, как красив вид Алетара на закате, а если с моря, то еще красивее...

И только час спустя, когда я уже ехала домой, я вдруг поняла. Словно молнией пронзило.

А ведь меня проверяли!

Обычная лекарка из желтого города никогда, никогда не сможет ни принять участие в чаепитии, ни поддерживать беседу на должном уровне. Я себе, считай, ярлычок на лоб приклеила.

Смотрите, я из благородных... дур!

И что теперь делать?

Шантр Лелуши был не слишком доволен жизнью. Нужный район он обошел пешком за два дня, но это ж белый город!

Дворяне!

Честь и кровь, так сказать...

А заодно сказать, что в Алетаре, еще со времен Александра Проклятого дворяне не слишком любят Храм. То есть — вообще не любят.

В других странах Храм растет вширь за счет пожертвований знатных прихожан, а тут что? Пока от кого чего дождешься — сам околеешь! Уж можете поверить! Каков король, такова и столица, а если все короли Раденора, начиная с того самого, проклятого, потомственные некроманты? Да и несколько других родов, с которыми часто роднятся короли — тоже? Напугаешь такого посмертными мучениями, как же! Последний раз лет десять назад пытались, так король сказал, что помрет — найдет с кем договориться. А вы, господа, покамест, за свое нахальство, замостите-ка улицы перед храмами. Да не абы как. Пусть люди ходит, не ломая ног!

Да и посмертие — это потом, а вы мне сейчас поработайте! Побольше, побольше...

И как с таким договариваться?

В бедных кварталах еще туда-сюда, а в богатых хоть не ходи. Слуги фыркают, господа не принимают. Но все же Шантру удалось разузнать, что суматоха была в доме маркиза Террена и туда даже вызывали врачей.

Кого?

Да вы, любезнейший окончательно спятили! Кто ж их знает — кого? Только и дел у людей за маркизом следить! Пфи!

Пришлось слуге Шантру прятать поглубже гонор, и, словно обычному холопу, стучаться в двери особняка. А когда откроют, глубоко кланяться и спрашивать у наглого лакея (с него бы спесь содрать да продать, хоть по медяшке за фунт — то-то бы обогатился), не соизволит ли кто-то из господ уделить время слуге Храма? А уж он был бы так признателен, так благодарен...

Благодарность сопровождала серебряная монетка.

Лакей фыркнул и ушел, пообещав доложить господину маркизу. Шантр остался, словно невесть кто, ждать у входной двери. Внешне на его лице ничего не отражалось, но внутренне...

Убил бы!

И плевать на благочестие и смиренность!!

Сволочи!!!

Маркиз все же принял Шантра, хоть и заставил себя ожидать почти час. Но и потом слуге Светлого не пришлось рассчитывать на любезность. Ни угощения, ни уважения. Холодный взгляд серых глаз и краткое:

— С чем пожаловали?

И как тут начать? Тем более, что Шантра в Храме уважали не за дипломатические способности. Больше, за его блестящий ум ученого и исследователя.

— Ваша светлость, я слышал, что у вас случилось несчастье?

— Вы ослышались.

— Н-но я слышал, что вы приболели?

— Допустим. И?

— Не хотите ли вы пожертвовать Храму некоторую сумму, а мы помолимся за ваше исцеление?

Маркиз даже не усмехнулся.

— Предпочитаю жертвовать те же суммы лекарям. Они хоть и не молятся, да пользы больше.

Шантр сделал вид, что обижен.

— Между прочим, один из ваших лекарей, госпожа Ветана — очень благочестивая прихожанка.

— Госпожа — кто?

Шантр понял, что не угадал.

— Госпожа Ветана...

— Женщина? Лекарь?

Маркиз не скривился, у него просто уголок губы дернулся, показывая все отвращение мужчины к таким предположениям.

— Н-ну...

— Любезнейший, я не роженица, чтобы повитух вызывать.

— Эммм...

— Нужны вам деньги, так и скажите, а не приплетайте невесть кого.

— Ваша светлость, но я думал....

— Вы НЕ думали. Избавьте меня от своего присутствия, любезнейший.

Шантр пришел в себя только за воротами особняка, и принялся анализировать состоявшийся разговор. То, что маркиз не любит Храм — это понятно. А вот госпожа Ветана? Была ли она здесь?

Ничего, слуг расспросим.

Шантр не был бы так самоуверен, если бы слышал разговор маркиза.

— Лорт?

— Да, господин?

Маркиз поморщился, и Лорт тут же изменил обращение.

— Да, Тер?

Наедине они не соблюдали никаких правил. Два пожилых человека, которые и так все знали друг о друге, могли позволить себе откровенность.

— Пригляди-ка за этим умником?

— Стоит ли?

— А ты не понял? Он явно интересовался девочкой...

— Зачем?

— Вот и мне интересно.

Маркиз отлично знал о своей репутации. Храму он никогда не помогал, справедливо полагая, что до Светлого его деньги не дойдут, а храмовники и так найдут на ком нажиться. Проще уж помочь человеку, которому это действительно надо.

И чтобы к нему пришли денег просить? Совсем надо ума не иметь...

Нет, причиной визита были не деньги. А что еще упоминалось? Пра-авильно, госпожа Ветана. Значит, она и была причиной визита. И что храмовнику надо от соплушки?

Девчонка ж еще совсем...

Маркиз не был ни добрым, ни милосердным, но о благодарности он знал. И примерно представлял, чем обязан Ветане.

Не просто продленной жизнью.

Возможностью сохранить свой род в веках, так-то...

Шанс ему дали, теперь дело за ним, а уж он постарается, чтобы имя Терренов не исчезло в веках. А если выпала возможность поблагодарить свою благодетельницу, он ее не упустит. Что-то подсказывало маркизу, что Ветана к храму не лучше отнесется, чем он сам.

Лорт, по счастью, разъяснений не потребовал. Поклонился, да и исчез за дверью. Чтобы скользнуть за слугой Шантром неслышной и практически невидимой тенью.

И — услышать.

Слуга предлагал лакею деньги, чтобы тот сказал, кого из лекарей призывали к господину маркизу. Мол, таких и при храме бы держали с удовольствием.

Конечно, лакей и раздумывать не стал. Назвал несколько имен... в том числе и госпожу Ветану.

С-сука такая.

Лорт положил себе уволить мерзавца, чтобы языком не трепал, где не надо, и направился за Шантром. Никаких сомнений у него не было.

Прижать храмовника в темном углу — и разъяснить, как положено. Чтобы неповадно было...

Маркиза Лорт любил. Уж как умел, но любил, и благодарность к Ветане тоже испытывал. А потому...

Шантра удалось догнать в одном из переулков. Город храмовник знал хорошо, заплутать не боялся, шел быстро и шел в Храм. А потому выбора у Лорта не оставалось.

Пройти мимо — и словно ненароком взмахнуть рукой. И из рукава вылетает небольшая, но достаточно тяжелая гирька.

Кистень — великая вещь. Для тех, кто понимает, конечно.

Можно убить, можно покалечить, можно оглушить, Лорт выбрал именно последнее. И все у него получилось.

Шантр и понять не успел, почему солнце померкло, просто пошатнулся, и принялся сползать по забору. Лорт обернулся, словно бы невзначай, и ахнул:

— Светлый! Господин, да вам, никак, плохо? Давайте, помогу, что ли....

А дальше картина была для всех и проста, и понятна.

Плохо стало мужчине, вот друг ему идти и помогает. Бывает...

Тем более, что Лорт быстро накинул на Шантра свой плащ, скрывая балахон, и теперь суетился вокруг, проявляя всяческую заботу.

Не первый раз, дело привычное.

Погода не радовала. Или наоборот? Лил дождь, что как нельзя лучше подходило к моему состоянию. Тучи стояли стеной до горизонта, море шумело и ревело, накатывая на берег, и я думала, что наутро, если прекратится шторм, надо бы сходить на берег.

Поискать что-нибудь вроде красивых раковин, или полезных водорослей, или...

Никогда не угадаешь.

После шторма на берегу будет много людей. Надо сходить. Обязательно надо.

За этими мыслями я даже на стук не сразу отреагировала.

Окно страдало чаще, но и дверь мою не раз сносили с петель. А сейчас лупили кулаками от всей души. Сильно, неловко... невысоко.

Дети?

Да, это были дети. Два мальчика-близнеца лет восьми, явно домашние, чистенькие, с собакой на руках. Точнее, в простыне.

Они ее завернули и так несли ко мне, потому что по одиночке не подняли бы.

— Госпожа Ветана, помогите!

— Госпожа Ветана, пожалуйста!

И такая надежда в детских глазенках. Не прогонишь ведь...

— Входите. Что случилось?

— Дюше плохо.

Я перехватила сверток поудобнее, водрузила его на стол и принялась разворачивать.

Дюша оказалась дворнягой, некрупной, рыжеватой, похожей на лисичку. Есть такие собаки, с удивительно умильной мордой...

— Что с ней случилось?

— Она рожает...

Хотя это я уже и сама видела.

Да, бывает и такое. Собаки не всегда могут разродиться сами, бывает, что щенок крупноват, или идет неправильно, или не так повернулся...

— Давно она у вас рожает?

— С утра.

— Примерно за час до полудня начала.

Близнецы говорили, как один человек, подхватывая фразы друг у дружки и продолжая их. Понимать мальчишек это не мешало, но было немного странно. Неважно. Это сейчас неважно.

Я только зубами скрипнула.

— А родители что?

— На работе... мы ей хотели помочь, а не справились.

— Сразу ко мне нельзя было прийти?

— Мы хотели, а соседка сказала, что без денег вы не примете.

— И мы надеялись, что все будет хорошо...

— А ей плохо...

— Мы отработаем...

— Пошлите вашу соседку туда, откуда щенята на свет появляются, — посоветовала я, прощупывая живот сучки. Хорошо, что шубка у нее длинная, под ней и видно не было, как искорки света бегут по моим пальцам. — А сами брысь на кухню. Там есть полотенца, чтобы разделись, растерли друг друга и выпили горячего. Чайник на огне. Справитесь? Не обваритесь?

— Мы умеем.

— Мы взрослые.

— Родители часто нас оставляют...

— ... и не боятся. Мы бы раньше пришли...

— ... но дождь с утра шел, мы надеялись, что он прекратится...

— ... а он все не перестает.

— Брысь на кухню! — от души цыкнула я. — Вы у своей Дюшки время отнимаете. И чтобы не мешались тут, не то выкину обоих. Вместе с собакой!

Вот это помогло. Заткнулись и удрали. Я примерилась.

Да, просто первый щенок умер. Задохнулся ли он во время родов, или сразу был мертвым, я не знала. Но такое бывает.

Главное было сейчас его вытащить, это даст возможность спасти остальных.

Плохо то, что собака обессилела.

Ну что ж...

На столе лежит маленький темно-вишневый комок. Животик у собаки пульсирует алым, щенки видятся крохотными голубыми точками, сама собака — желтовато-зеленые тона усталости и страха.

По пальцам бегут золотистые искры.

Их много, так много, они собираются в густой шубке, исчезают внутри собачьего тела, они возвращают силы бороться.

Ты справишься, девочка, ты справишься.

Я не знаю, кого я подбадриваю, себя или собаку, но Дюша в очередной раз принимается тужиться.

Показывается мертвый щенок, и я подцепляю его пальцами. Почему-то осторожно-осторожно.

Маленькое тельце в моих руках вызывает приступ боли.

И пожить-то не успел...

Но горевать мне некогда. Мне надо помочь...

Искры все чаще слетают с моих пальцев, собачка благодарно скулит, я глажу тугой животик, и медленно на свет начинает появляться второй щенок.

По-хорошему ей бы подождать, хоть с полчасика, но щенята и так слишком долго находились внутри. Есть опасность для их жизней...

Да и сил я ей отдала — с лихвой хватит.

Второй щенок явно жив. И третий тоже. И четвертый. Я осторожно перерезак пуповину, укладывая малышей под бочок к маме. Они мокрые и скользкие, попискивающие и слепые...

Дюша благодарно лижет мне руки. Я стелю на пол старое одеяло и осторожно перемещаю всех с рабочего стола на импровизированную подстилку. Стол надо отмыть.

Беру в руки первого щенка.

Не успела.

И на крохотное тельце падает слезинка.

Вторая, третья...

Последний раз я плакала, когда умерла бабушка. А сейчас я смотрю на малыша — и мне больно, больно...

Неужели это тоже моя судьба? Когда вот так впиваются в сердце чьи-то острые коготки, и по пальцам бегут золотистые искорки, а по щекам слезы...

И вдруг крохотный комочек в моих руках шевелится?!

Я что...

Как...?!

Но щенок явно... оживает?!

Нет, на такое ни одна магия не способна. Никто не может вернуть мертвого, даже

некромантия. Она просто создает иллюзию жизни, но ведь это не жизнь? Это все равно смерть, только чуточку другая. А щенок шевелится все активнее. Я кладу его к маме — и он притискивается к родному теплему боку. Скорее всего, он просто задохнулся за пару минут до того, как пришла помощь. Когда я начала вливать силу в собаку, немного перепало и ему, а сейчас, когда я взяла его, остатки силы перелились в малыша. Если уж моей силы хватило поднять на ноги полудохлого маркиза, то на щенка, который на ладонке умещается, ее и подавно хватит.

Да, скорее всего, именно так.

Оглядываюсь вокруг.

Близнецов нет, это хорошо.

Вытираю стол и отправляюсь на кухню. Там мальчишки. Сидят тихие, словно две осьминожки, если бывают осьминожки, так густо перемазанные вареньем. Черничным.

М-да...

Умяли чуть не всю банку.

— Вы не слипнетесь?

Дружно мотают головами.

— Не слипнемся.

— А Дюша как?

— Как-как... четыре щенка.

Мальчишки переглядываются.

— Госпожа Ветана, мы заплатим...

— Прекратите говорить глупости, — отмахиваюсь я. — Вот где вас родители будут искать?

— Мы соседке сказали, что пойдем к лекарю...

— А она сказала не заниматься ерундой.

— А это не ерунда...

— Четыре щенка!

— Госпожа Ветана, вам щенок не нужен?

— Я потом подумаю, — ушла я от ответа. — Ладно. Сегодня я вас никуда не отпущу. Давайте я вас спать уложу, а завтра отведем вас домой вместе с Дюшей.

— Спасибо, госпожа Ветана.

Вот это сказано в один голос.

Дети сворачиваются клубочками на моей кровати и быстро засыпают, а я еще долго сижу рядом с Дюшей.

Собака словно понимает, чем она мне обязана, благодарно смотрит, поскуливает, лижет мне руки, я машинально глажу ее по голове, кажется, добавляя сил.

Эх, Дюша-Дюша...

Только сейчас я понимаю, какой страшной силой одарены маги жизни.

Поставить на ноги обреченного, позвать уже ушедшего... это ведь сейчас я со щенком, а потом, наверное, смогу и с младенцем? Это жутковато.

Не успокоившийся еще дар поет в моей крови. Собака маленькая, маркиз крупнее.

Кто-то скажет, что нельзя сравнивать собаку и человека. Зато собака людей любит, а маркиз — нет. Собака никому зла не делала, а маркиз — наверняка. Вот и как тут выбрать?

Я не удивлена, что маги жизни рано или поздно попадают. Мы управляем своим даром, это верно, только и дар стремится развиваться, расти, разворачиваться во всю ширь. Требуется все более сложных случаев, приказывает не останавливаться на достигнутом. И рано или поздно, проявляет себя.

Остается только надеяться на лучшее. И попросить у маркиза книги по магии. Может, есть какие-то способы контроля дара?

Светлый, да за что ж мне это!?

А хотела бы я отказаться от дара? Стать обычной, жить, как все...

Собака лижет мою ладонь. Нос у нее мокрый и холодный.

Нет. От дара я отказаться не смогу. И не хочу. Я буду делать, что должно и будь, что будет.

Возвращение сознания Шантра не порадовало. Сознание-то неплохо, но и свободу бы хорошо вернуть.

А лежал он в маленькой пещерке, судя по виду, за городом, шумело море, рядом сидел разбойничьего вида старик и многозначительно поигрывал ножом.

И взгляд у него был, ой, недобрый....

— Поговорим, храмовник?

И как-то так это было сказано, что Шантр сразу понял — не надо врать. И ругаться тоже не надо, и требовать ничего не надо...

Убьет ведь.

И с удовольствием убьет, и ни минуты об этом не пожалеет.

Шантр хотел бы хоть что-то сказать, но из горла вырвался придушенный писк. Кляп — он вообще разговаривать мешает.

— Поговорим, — правильно истолковал мужчина, сильно налегая на букву 'и'. — Долого говорить будем...

Шантр кивнул.

Как-то не привык он к такому. Не принято храмовников оглушать, воровать, пытаться, допрашивать... Лорта такие мелочи не смущали.

Блеснул нож. Кляп вытащили изо рта Шантра и к губам поднесли флягу с водой.

— Вот так... хорошо. Смочил горло?

Шантр закивал.

— Тогда поговорим. Ты кто такой?

— Слуга храма. Шантр Лелуши.

Свой статус Шантр называл даже с надеждой. Пусть испугается...

Наемник надежд не оправдал.

— Не из простых свиней свинья. А с каких это пор у нас слуги храма по маркизам побираются? Что, холопов отменили?

— По маркизам же! — к Шантру начала возвращаться наглость. — Абы кого не пошлешь, да и маркиз ваш, уж не обижайтесь, тот еще безбожник!

— Верно. Только вот денег ты сильно не просил...

— Понял, что не даст, и вымаливать не стал.

— А про лекарку спрашивал?

— К слову пришлось, — не растерялся Шантр. — я ж знаю, что она у вас была.

— Э, нет. Ты и у слуги про нее спрашивал, — прищурился Лорт. — Зачем?

— Она — хорошая прихожанка. Я бы с ней поговорил, а она бы маркизу намекнула, — вывернулся Шантр.

Неубедительно.

Лорт прищурился и продемонстрировал лезвие ножа.

— Тебе какое ухо не дорого? Левое, правое?

Шантр завизжал свиньей.

— Да за что!? Я же правду... УУУУУУУУУ!!!

Лорт начал с левого уха. Кровь хлынула потоком, пятная балахон храмовника. А поскольку Шантр продолжал упорствовать, с правым ухом ему тоже пришлось расстаться. И с несколькими пальцами. И...

Коогда Лорт добился правды, уже стемнело. А то, что оставалось от Шантра, людям предъявлять было никак нельзя. Разве что добить из жалости.

Так мужчина и поступил. И задумался.

Значит, маг жизни.

Молодой, необученный, но тщательно оберегающий и свой секрет, и свою свободу.

А ведь все верно. Маги воды могут исцелять, но маркиз-то действительно при смерти находился. Видимо, Ветана и правда маг жизни, что так смогла ему помочь...

Хорошая девочка.

Только вот что с ней делать теперь?

А что делать?

Для себя Лорт все решил быстро. Знает один — не знает никто. Знают двое — знает и свинья. А потому...

Ветана пусть хранит свой секрет, и он хранить будет. Это меньшее, чем он может отплатить ей за спасение жизни друга.

Ну и... если заболеет, ясно, к кому идти надо.

Пользоваться?

А кто будет пользоваться-то?

Маркиз стар и болен, ему и маг жизни вряд ли поможет. Но что-то подсказывало Лорту, что сколько сможет — девочка сделает... Значит, в его интересах сделать так, чтобы она не удрала из Алетара. А еще лучше побереечь малявку. Кто ж побежит из безопасного и уютного места? И эта исключением не станет.

А обеспечить уют и безопасность не сложно. Главное — правильно подать информацию маркизу.

К маркизу Лорт добрался под утро.

Пока труп спустил в давно присмотренную заводь, пока сам отмылся, пока домой добрался...

Зато можно быть спокойным. Если слуга Шантр и всплывет через пару лет, так только скелетом. Крабов в бухте много, кушать они хотят регулярно, балахон и все знаки Лорт сжег, а что сжечь не смог изуродовал камнями и зарыл поглубже. Не найдут. Ни Шантра, ни его убийцу.

Мужчина не спал. На столе горела свеча, служанка читала ему вслух...

— Явился?

— Да, ваше сиятельство.

— Все, иди спать, — кивок в сторону служанки, которая буквально вылетела за дверь, едва поклониться не забыла. — Садись, рассказывай. Я так понял...

— Правильно понял, Тер.

Лорт потянулся всем телом, уселся в кресло, бросил взгляд на взвар на столике.

— Там еще и пирог с мясом, — правильно понял его маркиз. — Ешь, тебе оставил.

Лорт с громадным удовольствием вгрызся в румяную корочку. Умммм...

К полуночи он бы и слугу Шантра съел. И очень, надо сказать, завидовал крабам. Может, и краба съел бы, но помнил, на чем... на ком они откармливались. Авось, храмовником не отравятся?

— Благодарствую. Проследил я за ним, прав ты. Он на малявку глаз положил.

— Вот как?

— Храмовникам маги нужны, сам знаешь.

Маркиз понял и кивнул. Ну да, маги воды, которые могут лечить, могут творить чудеса во имя Храма... как тут откажешься? Схватили бы девчонку на улице, а потом уж уговорили бы. Нашли как. Про магов жизни маркиз и не подумал. С чего бы?

— Он ее каким-то образом отследил, по расходу сил, и решил проверить.

— И?

— У нее какой-то амулет есть. Так силу никто не почувствует, а вот когда она ее выплеснула...

— Меня лечила.

— Потому он сюда и приперся разнюхивать.

Маркиз кратко помянул очень неуважаемую и развратную маму Шантра.

— Еще явятся?

— Нет. Вроде как он один такой умный, другие с его артефактами обращаться не умеют. В лучшем случае будут знать, что маг есть, а найти не смогут.

— Один... умный?

— Был умный, — охотно поправился Лорт. — Я так думаю, нам маг и самим пригодится?

Маркиз кивнул.

— Да. Мне бы пару-тройку лет протянуть, Диалине рожать, опять же ребенок... да и тебе не помешает, если что?

— Именно. Хоть какой, а все маг.

— Необученный...

— Книжки мы ей найдем. А вот другого мага знакомиться не приведем, не стоит.

— Уведут девчонку, — согласился Лорт.

— Надо сделать так, чтобы не увели. Узнай о ее прошлом, хорошо?

— Узнаю.

— А пока... благодарность — дело неотложное. Подумай, может, ей дом купить.

— Внимание привлечем.

— М-да... А свой домик она что? Снимает?

— Да.

— Тогда иначе сделаем. Чтобы никто не догадался. Слушай внимательно...

Стук в дверь был такой, что я подскочила, дети проснулись, а Дюша зарычала и оскалила вполне приличные клычки.

— Кто там?

— Госпожа лекарка, мои дети не у вас?

Голос молодой, женский...

Я распахнула дверь — и едва на ногах устояла. Женщина прямо ураганом промчалась в дом.

— Где они!?

И тут же взвыла еще громче.

— Ах вы, негодяи!

Мальчишки дружно завизжали, и спрятались под одеяло. Ага, еще б и испугались! Даже я видела, что больше там наигранности, чем настоящего испуга.

— Убью!

Одеяло полетело в стороны, а женщина от души принялась трепать сорванцов за уши, ругаясь при этом так, что портовые грузчики позавидовали бы.

— Ах вы... и... Я... всю ночь... по лекарям... а вы....!!!

Дети в ответ ныли, что они случайно, и нечаянно, и больше не будут. Вот никогда и ни за что! Выходило очень убедительно. Я слушала минут десять, потом кашлянула.

Уже успокоившаяся женщина обернулась ко мне.

— Уж простите, госпожа...

— Ветана.

— Простите, госпожа Ветана. Я домой пришла, а этих балбесов нет, и соседка не знает где они...

Я вздохнула.

— Как вас зовут?

— Рената Тилет.

— Госпожа Тилет...

— Рената.

— Хорошо. Рената, у меня есть смородиновый взвар, есть мед, есть плюшки, а вам я сейчас успокоительного накапаю. Будете?

— Как-то...

— А вот так. Я голодная, — улыбаюсь я. — Присоединяйтесь ко мне за завтраком?

Мальчишки соглашаются первыми. Мать вздыхает, выпускает уши из пальцев и тоже соглашается.

Спустя полчаса мы дружно мажем булочки маслом и медом, запиваем взваром, кладем на хлеб варенье, дети довольны по уши, и рассказывают, что госпожа Ветана вылечила Дюшу, а вот соседка злая, и если бы они ее слушали, то Дюша умерла бы...

Ренате остается только качать головой. Но ругаться уже не получается. Все живы, все здоровы, собака со щенками, и нет, госпожа Ветана не хочет щеночка. Госпожа Ветана домик снимает, случись что — ей переезжать придется, а куда собаку?

Нет-нет, пока у госпожи такой возможности нет.

От денег я тоже отказываюсь. Не так уж богата Рената, я вижу и штопку на платье, и круги под глазами, и натруженные красные руки...

По этому поводу мы немного ругаемся, но потом женщина сдается и берет с меня слово, что если рыбка потребуется, я обязательно к ней обращусь. Она же жена рыбака. Муж рыбку

ловит, жена в коптильне работает, жаль, дети без присмотра...

Кстати, от копченой рыбины отказываться я не стала. Здоровущую тушку мне принесли мальчишки два часа спустя. И запах...

Я понимаю, что это не аристократично. И плебейство. И...

Какая же прелесть — эта копченая рыба!

Когда в дверь домика постучали, госпожа Лимира, не особо размышляя, распахнула дверь. И искренне удивилась стоящему на пороге Лорту.

— Госпожа Лимира?

— Да...

— А ваша дочь, госпожа Арнет дома?

— Д-да...

— Мой господин, маркиз Террен хотел бы вас видеть. И просит вас пожаловать к нему в гости.

В руке госпожи Лимиры очутилось письмо.

— Кариса!

Дочь уже стояла рядом.

— Мам?

Госпожа Лимира сунула ей письмо судорожным жестом.

Кариса осторожно отделила от бумаги тяжелую сургучную печать.

Уважаемая госпожа Лимира, госпожа Арнет.

Прошу вас последовать за подателем сего письма ко мне в личные гости.

Обещаю, что не причиню вам никакого вреда, наоборот, надеюсь, что буду вам полезен.

С уважением.

Маркиз Террен.

Чего стоило Лорту не хихикнуть, при виде больших круглых женских глаз, знал только он сам. Но губу он прикусил до крови.

Женщины заметались по домику, словно две вспугнутые курицы, пытаясь одновременно вымыть руки, уложить волосы, достать платье, убрать ведро из-под ног (безрезультатно, три раза переворачивали, чуть сами не навернулись), снять горшок со щами с огня...

— Ой... а дети как же? — ахнула вдруг Кариса.

— Этот вопрос тоже решаем. Элли!

Лорт, отлично зная про отпрысков господи, захватил с собой одну из служанок.

— Она тут побудет с малышкой, пока вы не вернетесь. И не волнуйтесь, обратно маркиз вас приказал отвезти на карете.

— А с чего такая милость?

— Я человек маленький, — отговорился Лорт. — О господских планах знать не знаю, ведать не ведаю...

Получилось неубедительно. Но попытки из него что-то выудить женщины оставили и принялись собираться вдвое быстрее.

Маркиз же...

Где еще на такое чудо полюбишься?

Маркиз принял женщин со всей возможной любезностью. Извинился за свой внешний вид, приказал подать взвара и пирожных, предложил дамам присаживаться, поговорил о погоде, о детях, и только потом перешел к делу.

— Скажите, дамы, а у кого из вас лекарка Ветана домик арендует?

— У Карисы, — госпожа Лимира кивнула на дочь.

— Не согласитесь ли вы этот домик ей продать? Заплачу щедро, не обижу!

Госпожа Лимира прищурилась.

— А с чего вдруг? Домик ей, а платите вы? Ваша светлость...

Забыто было все почтение, куда-то делась робость. За своих птенцов любая курица — зверь.

Маркиз успокаивающе улыбнулся.

— Госпожа Лимира, не беспокойтесь так. Госпожа Ветана помогла мне, и я хочу отблагодарить ее достойно. Но подозреваю, что больше положенного она от меня не возьмет?

— Она гордая, — согласилась Лимира. — я ее еще как в караване увидела, сразу поняла — девочка из благородных.

— Она говорит — внебрачная дочь, — помогла матери Кариса. — воспитывалась с семьей отца, а как тот умер, так мачеха ее на улицу вышвырнула.

Маркиз кивнул, посылая многозначительный взгляд Лорту. Мол, учти.

— Да, девочка она очень хорошая. И я помочь ей хочу. А потому предлагаю вам сделку. Хотите домик в зеленом городе?

Женщины медленно кивнула. Сначала дочь, потом и мать.

— Тогда поступим так. У меня есть такой домик. Я отдаю его вам, а вы отдаете тот домик госпоже Ветане. Скажем... наследство получили. И продадите тот домик за крохотную цену...

Госпожа Лимира подумала.

— Вы — нам, мы — ей. А что ж не продать ей домик в зеленом городе?

— А она согласится?

На этот раз думала женщина дольше.

— Нет, вряд ли.

— Да и знают про этот дом. Если я его продам или подарю, в ней будут подозревать содержанку. Унизительно. Обидно.

Кариса кивнула.

— Скажут. Да, скажут...

— Вот и не будем доводить до разговоров, — подвел итог маркиз. — А так все в порядке. Я вам домик продал, а вы купили. А чтобы купить, свой домишко продали госпоже лекарке. Что там, за сколько — никому не интересно будет.

И Храм не заинтересуется.

— А госпожа Ветана...

— А ей вы скажете вот что, — маркиз хитро прищурился. — Слушайте...

Стук в окно для меня был привычным. А вот госпожа Лимира насторожила. Деньги я,

вроде как, отдала, так что же случилось?

Заболел кто?

Дверь я распахивала с неподобающей поспешностью.

— Госпожа Лимира!? Что произошло!?

— Да ты не бойся, Веточка, все живы-здоровы.

Я перевела дух. Если все живы-здоровы, то остальное — мелочи. Справимся.

— Вета, тут такое дело... У нас оказался родственник, который нас завещал домик в зеленом городе.

Я только глазами хлопнула.

— Госпожа Лимира... соболезовать или радоваться?

— Лучше порадуйся, — решила за меня женщина. — Мы его и знать не знали, там родня — нашего плотника троюродный плетень, век не виделись... но и дот домика не откажемся, сама понимаешь.

— Понимаю. А я...

— А вот с этим домиком дело другое. Нам он теперь нужен не будет, так может, ты его у нас выкупишь?

Я покачала головой.

— Денег нет.

Был жемчуг под полом, но это дело опасное. Будешь потом лечить на каторге.

— Так в рассрочку же. Года на три, а лучше — на пять? И дорого не попросим?

Названная сумма, и впрямь, оказалась ниже низкого. За такие деньги курятник бы купить на выселках, в дальней деревне, а не домик в Алетаре, пусть и в желтом городе. Домик-то хороший, добротный...

Я подумала.

— Не пожалеете?

— Деточка, ты мне дочь спасла.

— Госпожа Лимира, — насупилась я.

— Да знаю я, знаю. Говорили мы уж об этом. А все одно... Веточка, милая, не спорь со мной, а? Нам те деньги с неба упали, я бы тебе этот дом и вовсе подарила, да ты подарка не примешь.

— Нет, не приму.

— А потому заплати мне эти медяки — и забирай дом. На нас подарок свалился, я судьбе отдариваюсь. Не то все пылью уйдет. Сама знаешь...

Знаю.

Есть и такое поверье, что если судьба тебя своими дарами осыпает, так ты в ответ хоть чем отдарись. Не то худо будет. Но я все равно колебалась.

Госпожа Лимира поняла, что я размышляю, и усмехнулась еще раз.

— Ну, коли хочешь уж окончательно расплатиться... будешь нас лет десять бесплатно лечить?

Это решило дело.

Я кивнула и выдохнула.

— Ладно. По рукам.

Сразу я такую сумму не найду, но за три-то года? Авось, и маркиз чего заплатит? Вот и прикуплю себе домик.

Мой дом.

Собственный.

На который я заработала сама, своим мастерством, своими руками, умом и талантом.

Сама заработала...

Мой дом.

Мой дом — в Алетаре?

Так странно звучит... но зато теперь я могу подать прошение и стать гражданкой Раденора. Полноправной. Еще Александр Проклятый ввел правило, по которому жить в Раденоре может, кто пожелает, а вот чтобы стать раденорцем, надо обзавестись здесь собственностью.

Мне это было очень на руку.

Теперь, как гражданка другого государства... хотя нет. Отцу я все равно должна повиноваться. А может, и не должна.

Надо бы разузнать у стряпчего, но страшновато. Иногда вопросы слишком много говорят о твоей жизни. Больше, чем ты можешь доверить человеку.

Лучше пока помолчим.

— Госпожа Ветана, а вы еще к маркизу поедете?

Шими крутился под ногами, словно задорный щенок. Я ласково потрепала его по хохолку.

— Куда ж я денусь? Конечно, поеду.

— А меня возьмете?

— Обещаю...

Малек собирался вырасти в хорошего лекаря. С интересом расспрашивал, охотно помогал, не боялся крови и не брезговал выносить дерьмо. Да-да, и последнее тоже.

— Здорово, — обрадовался мальчишка.

Я взглянула в окно.

Дождь собирался. Пора бы...

— Шими, зайка, сбегай за моим заказом к травнице, и можешь на сегодня быть свободен. Пока я травы разберу, пока прикину, что первым варить...

— А сегодня варить не станете?

— Завтра, — пообещала я с чистой совестью. Сегодня я если только настои сделаю, нарежу травы, залью что вином, что медом, и попробую отдохнуть. Вдруг получится?

После обеда мы с госпожой Лимирой и ее дочерью идем к стряпчему.

Дом в столице стоит от сотни золотом, даже если в желтом городе. В зеленом цены начинаются от двух тысяч монет. Мне госпожа Лимира предложила его за пятьдесят монет. Я подумала, и согласилась.

Тем более, что тридцать золотых мне заплатил маркиз. Сказал, что заплатил бы и больше, но вряд ли я возьму у него такую сумму.

Я бы взяла.

Сейчас я стала немного другой. Нет ничего плохого в том, чтобы зарабатывать своими руками. Я не ворую, я не выпрашиваю подаяние, я не называю цену. Маркиз сам оценил свою жизнь...

Еще мне было подарено жемчужное ожерелье, и это кстати. Тот жемчуг, который мне отдали контрабандисты, я отнесу ювелиру, и скажу, что продала пару жемчужин из подарка.

И выплачу всю сумму за дом.
Не люблю долги.

Вечер выдался спокойный.

Тихий, уютный, даже радостный. Я отдала задаток, мы подписали бумаги и ударили по рукам. Я подумала, и предложила Карисе сходить со мной к ювелиру. Все же жемчуг лучше золота, разве нет? Деньги потратишь, а жемчужины на черный день сберегутся. А случись беда — продадут.

Женщины согласились, так что завтра к ювелиру, и я окончательно обрету свой дом.

Свой.

Дом.

Место, где меня пока еще не ждут, где нет ни родных, ни близких, но зато оно принадлежит мне. Целиком и полностью.

Разве этого мало?

Стук в окно обрывает мои размышления.

— Госпожа Ветана!

Я открываю дверь, и вижу, как в лицо мне летит кулак. Кажется, я еще успеваю чуть повернуться, но перед глазами вспыхивают звезды. Пол стремительно приближается к моему лицу.

Темнота.

Темнота.

Конечно, я же лежу с закрытыми глазами! Раззява!

Обругав себя, я чуть разлепляю ресницы.

Темно.

Шумит море.

Пахнет солью и водорослями.

Мы на берегу? Но зачем?

Глупый вопрос. Трупы очень удобно прятать в воду. Разрезать живот, проколоть мочевого пузырь, привязать груз и привет рыбкам. Я связана?

Хм-м...

Нет. Странно, но веревок нет. Я просто завернута во что-то вроде плаща.

И кто это меня?

— Она там не очнулась?

Темного крабом!

А голос-то знакомый. Кто же... но вспоминаю я только когда человек попадает в поле зрения.

Олиас.

А где же остальные двое? Коуртон, Рифен?

— Нет, не очнулась.

Сейчас, предполагая людей, становится легче различить голоса. Кажется, это Коуртон.

— Ничего страшного. Тащи ее сюда поближе. Водой обольем, придет в себя.

— Помоги лучше, раскомандовался.

Точно, Олиас и Коуртон. А третий где?

На Коуртона приятно смотреть. Ожоги от перца еще не сошли, и глаза у него красные. В отсветах костра это выглядит жутковато. Олиас чем-то расстроен.

Я решаю, что надо приходить в себя. Пытаюсь пошевелиться и застонать.

— Что, очнулась, сука?

Олиас хватается меня за косу, тянет к себе.

— Ты нам сейчас ответишь за все, — подхватывает Коуртон.

Я делаю вид, что прихожу в себя. А мне уже выкладывают всю подноготную. И как ни печально мое положение, я чувствую искреннее возмущение.

Значит, пытаться изнасиловать девушку — нормально!

Кидаться на нее с обнаженной шпагой — тоже!

Убить ни в чем не повинного человека — пфе! Пустяк!

А отвечать за свои поступки мы не желаем, нет?

Злой и нехороший герцог Моринар отдал всех троих 'героев' под суд, на расправу Ришардам, и те добились казни Рифена. А Олиаса с Коуртоном должны просто выслать из страны. Все же сами они никого не убивали.

Вот молодчики и решили позабавиться напоследок. Конечно, ведь во всех их бедах виновата я и только я! Кто же еще!

В зеркало-то мы посмотреть не сподобимся...

Сволочи!

Видимо, удар по голове плохо сказался на мне, потому что именно это я и высказала. Весьма доходчиво и в самых простых выражениях. Не могу сказать, что я говорила связно, но главное оба мерзавца уловили. И я получила еще одну пощечину.

— Я ж тебя сейчас башкой в костер суну!

Олиас держал меня так крепко, что вырваться я не могла. Но... в глаз я ему плюнула очень метко.

Мужчина размахнулся, чтобы отвесить мне еще одну пощечину.

Я что есть сил, пыталась вырваться, но когда ты увернута в плащ, словно колбаса, получается очень неудобно. Да еще и в костер не свались...

А в следующую минуту что-то свистнуло.

Захрипел Коуртон.

Схватился за шею Олиас.

Я извернулась, что оставалось сил, и рухнула у него с колен. Не в костер, рядом. И тут же откатилась от освещенного пятна.

— Госпожа Ветана, не бойтесь!

Друзья?

Хвала богам! Друзья...

Мы втроем сидели у костра. Сидели прямо на тушках Коуртона и Олиаса. А что? Они теплые и достаточно мягкие, а жалости к мерзавцам я точно не испытывала. Уж всяко не после их намерений...

Угренок-младший выглядел весьма довольным жизнью, Лита вся светилась, я тоже была довольна. И встречей со старыми знакомыми, и развязкой их истории...

Угренок собирался жениться на Лите и уезжать из Алетара. На рассвете.

Они уже купили места в караване, и хотели обосноваться в Торрине. Богатое приграничное графство, где добывают серебро, ловят рыбу, квасят водоросли, разводят пуховых коз... да много чего.

В Алетаре им было бы сложно.

Лита навсегда останется бывшей шлюхой, Угренок — контрабандистом, и рано или поздно они плохо кончат. А что будет с ребенком?

Который, между прочим, все, что Угренку осталось от семьи? А Лите и вовсе чудо...

Она уж думала, что никогда не забеременеет, но видимо, я с лечением перестаралась. Вот и вышло...

Ночью они собирались забрать из тайника все нажитое 'честным' трудом. Это Угорь так сделал, чтобы одному не достать было, только вдвоем. Не пришло старику в голову, что братья не вечные, кто-то и умереть может, вот и пришлось Угренку брать с собой Литу.

А когда они возвращались в город, Олиас с Коуртоном меня чуть не мимо них протащили. Да еще и обсуждали, что со мной сделают.

Вот и напоролись.

Угренок проследил за ними, потом вернулся за Литой. А когда подошли поближе, просто выстрелил в Коуртона и Олиаса. Есть такие арбалеты. Маленькие, на ладошке помещаются, стреляют отравленными стрелками. Яд ли, снотворное... не слишком мощные, но очень популярные в определенных кругах. Мне повезло, что у Угренка такой был.

Со снотворным.

— Я за вас очень рада, — честно высказалась я. — Пусть у вас все сложится... вы хоть напишите, а? Кто родился, как назвали...

Будущие родители кивнули. Мол, напишем.

— Жалко вас рядом не будет, — вздохнула Лита.

— А я вас на прощание осмотрю, — прищурилась я. — Но мне кажется, все хорошо будет.

Осмотрю. И силы волю, сколько смогу. Пусть у нее и у ребенка все будет хорошо, они это заслужили.

— Дамы, а что делать с этими?

Угренок похлопал тушку, на которой сидел. Кажется, пришлось по попе, потому что раздалось возмущенное мычание. Угренок, недолго думая, хлопнул и по противоположному концу, после чего мычание стихло. А нечего мешать людям разговаривать.

Я пожала плечами.

— Не знаю. Отпустить? Так они все разболтают...

— Значит, не отпущу, — решил угренок. — Давайте, вы с Литой в кусты прогуляетесь, как раз ее осмотрите, а я тут... приберусь.

И — да!

Собаку мне было жалко, а вот против убийства двоих негодяев я ничуть не возражала. Они меня тоже не пряниками угостить хотели!

Домой я вернулась уже под утро.

Спокойная, довольная, правда с синяком на лице, но и с жемчугом в кармане. Угренок насыпал. В прошлый-то раз он меня деньгами поблагодарить не мог, а сейчас — вот. И никакие отговорки, что жизнь за жизнь, мы с ним квиты, на него не действовали. Он

мужчина, это его право спасать, да и ситуация другая. Его-де за этих двоих любой суд оправдает, а вот я рисковала. И жизнью, и свободой, и ничего за это не ждала. А потому — получите, госпожа Ветана.

Что стало с Коуртоном и Олиасом — я не знаю, и знать не хочу. Как их убили, что Угренок сделал с телами... могу только пожелать приятного аппетита крабам! Авось, не отравятся.

А себе сейчас сделаю примочку на лицо. Мне завтра с утра в лазарет, ни к чему там синяком светить.

Я не дам двоим мерзавцам испортить себе жизнь. Не слягу, не впаду в истерику, не расстроюсь, не...

Я буду жить и получать удовольствие от жизни!

Солнышко вставало из-за дюн, песок взблескивал мелкими бриллиантами, загадочно шумело море, а я готовилась к новому дню. Наверное, начинаешь иначе относиться к жизни, когда есть опасность ее лишиться. Не встретились бы мерзавцам по пути Угренок с Литой — и я бы сегодня утром плавала в океане. Изнасилованная и изуродованная.

Так-то...

А я и пожить не успела. Даже не целовалась ни с кем... и не влюблялась, и не...

Я выжила. И я счастлива от этого простого факта.

Я просто счастлива.

Жизнь...

Сила кипела и бурлила во мне, радость искрилась в крови и пьянила не хуже вина. Синяк рассасывался под пальцами, словно по волшебству — и это зрелище на пару минут привело меня в чувство. Что я творю!

Темного крабом, что я делаю!?

М-да...

Так меня на улицу выпускать нельзя. Наделаю я дел...

Это же явно после ночных приключений меня вот так...

Я бестрепетной рукой накапала в стакан лошадиную дозу успокоительного. Залпом осушила стакан, сбросила платье и забралась в кровать.

Не вылезу, пока не успокоюсь. Любить мир я могу и во сне, но так у меня меньше шансов натворить глупостей.

Я прикрыла глаза и от души понадеялась, что мне приснится бабушка. Как же мне ее не хватает...

Приближенный Фолкс мучился бессонницей, и с полным на то основанием.

Все было плохо.

Мага жизни заметили — хорошо. И на этом все хорошее заканчивалось.

Ни где он, ни как, ни кто... ничего не известно. Шантр что-то выяснить обещал, да толку — чуть. Так и не выяснил. Полон кабинет приборов, что посвистывает, что побрякивает, а результата нет!

И сам слуга Шантр пропал.

Вышел однажды из Храма да и не вернулся.

Кинули клич по городу — не нашли.

Кто что видел?

Не видели, не слышали и никто ничего не знает.

Вот и думай, то ли он нашел мага жизни и удрал с ним (а мог, еще как мог, мерзавец!), то ли маг жизни с ним расправился. Не сам, конечно, но такие люди бесхозными не бывают.

Что тут делать? Как тут быть?

Приближенный очень не любил таких проблем. Но решение рано или поздно находилось.

Он подождет.

Он просто подождет, потому что маг жизни не сможет вечно сохранять свою тайну. Рано или поздно он проявит себя, и его удастся отследить. Да, с помощью других магов. Так что надо выписать парочку в Алетар и ждать.

Просто ждать, пока не случится чего-то необычного.

Лекарей проверяли, ни один из них на мага не похож, силы ни в ком не почувствовали. А проверить весь Алетар невозможно.

Остается только ждать.

А у Храма и слуг его есть и время, и терпение, и главное, деньги.

Они дождутся.

Они найдут.

Больше книг на сайте - Knigolub.net